

№ 6(30). 2018

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2018 № 6 (30)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 18 декабря 2018 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Рукописи без буквы Ё не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега юбилеев	
Евгений Белодубровский. К 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева. Речь И. С. Тургенева, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве.	4
Большой и малый литературный юбилей. <i>Блиц-интервью редакционного совета журнала «Берега»</i>	7
Геннадий Сазонов. «Как наше слово отзовется». <i>Беседа с главным редактором журнала «Берега» Лидией Довыденко в связи с 5-летием издания</i>	12
Владимир Вахрамеев. Стезёю правды. Журнал «Берега»	15
Иван Кунцевич. К родному берегу. <i>К юбилею журнала</i>	20
Публицистика	
Сэда Вермишева и Лидия Довыденко. «Безразлична к излишества, дорожу необходимым». <i>О переосмыслении и неизменном во взгляде на вселенское, российское, советское</i>	22
Вадим Рыбин. Без бес-ов. <i>О реформах русского правописания 100 лет назад</i>	28
Проза	
Вячеслав Куприянов. Остерегайтесь гончих псов. <i>Виртуальная повесть. Продолжение, начало в предыдущем номере</i>	35
Николай Ольков. Мать сыра земля. <i>Повесть (Начало. Продолжение в следующем номере)</i> ...	60
Алёна Даль. Букинист. <i>Рассказ</i>	86
Алексей Клыков. <i>Миниатюры</i>	92
Поэзия	
Алексей Гушан. <i>Стихи</i>	99
Игорь Ерофеев. <i>Стихи</i>	101
Берега Новороссии	
Людмила Гонтарева. <i>Стихи</i>	105
Андрей Чернов. Каким был Борис Горбатов? <i>Очерк</i>	109
Берега истории	
Юлия Кириак. Забытые страницы Императорского флота. Последний причал Русской эскадры	114
Владимир Подлuzский. Копель. <i>Историческая поэма</i>	123
Мир без границ	
Берега Франции	
Князь Александр Трубецкой. Речь на Всемирном Конгрессе соотечественников, <i>октябрь 2018</i>	127
Берега Великобритании	
Мария Львова. Автор гимна «Боже, Царя Храни!» <i>К 220-летию князя Алексея Фёдоровича Львова (1798–1870) – почётного члена Королевской академии музыки Лондона</i>	129
Берега Болгарии	
Тодорка Гьобеклиева. Мои воспоминания. <i>Эссе</i>	144
Берега Республики Сербской	
Радосав Стоянович. <i>Перевод с сербского Елены Буевич</i>	148
Берега Литвы	
Валерий Иванов. Государство и национальный вопрос	151
Берега Беларуси	
Микола Шабович. <i>Стихи</i>	156
Критика	
Лидия Довыденко. Дары осенних встреч. <i>В. Баюканский, Л. Попович, В. Алиев</i>	159
Александр Горшенков. Встречи с писателем и адвокатом Михаилом Фёдоровым	167
Бережок	
Юрий Шевченко. Тимка. <i>Фантастическая повесть</i>	169
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	182

Берега юбилеев

200 лет

Ивану Сергеевичу Тургеневу

Речь И. С. Тургенева, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве

*Сокращенный вариант речи подготовлен к публикации
литературоведом и археографом Евгением Борисовичем Белодубровским,
Санкт-Петербург*

Мм. гг.! Сооружение памятника Пушкину, в котором участвовала, которому сочувствует вся образованная Россия, и на празднование которого собралось так много наших лучших людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства, – это сооружение представляется нам данью признательной любви общества к одному из самых достойных его членов. Постараемся в немногих чертах определить смысл и значение этой любви...

В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных её начала: начало восприимчивости и начало самодеятельности, женское и мужское начало, – осмелились мы бы прибавить. У нас же, русских, позднее других вступивших в круг европейской семьи, оба эти начала получают особую окраску; восприимчивость у нас является двойственной: и на собственную жизнь, и на жизнь других западных народов со всеми её богатствами... Вспомните, мм. гг., Петра Великого, натура которого как-то родственна натуре самого Пушкина. Недаром же он питал к нему особенное чувство любовного благоговения!..

Ему и восемнадцати лет не было, когда Батюшков, прочитав его элегию «Редет облаков летучая гряда», воскликнул: «Злодей! как он начал писать!» Батюшков был прав: так ещё никто не писал на Руси. Независимый гений Пушкина скоро освободился и от подражания европейским образцам, и от соблазна подделки под народный тон. Подделываться под народный тон, вообще под народность – так же неуместно и бесплодно, как и подчиняться чуждым авторитетам...

Есть национальные живописцы: Рафаэль, Рембрандт; народных живописцев нет. Заметим кстати, что выставлять лозунг народности в художестве, поэзии, литературе свойственно только племенам слабым, ещё не созревшим или же находящимся в порабощённом, угнетённом состоянии. Поэзия их должна служить другим, конечно, важнейшим целям – сбережению самого их существования. Слава богу, Россия не находится в подобных условиях; она не слаба и не порабощена другому племени...

Возвратимся к Пушкину. Вопрос: может ли он назваться поэтом национальным? Но нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному его гением...

Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений – все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен. «Ваша поэзия, – сказал однажды Мери-ме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он, не обинуясь, называл величайшим поэтом своей эпохи, чуть ли не в присутствии самого Виктора Гюго, – ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так они и это, пожалуй, возьмут в придачу»... «У Пушкина, – прибавлял он, – поэзия чудным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы»...

Помнится, прочтя однажды «Анчар», он после конечного четверостишия заметил: «Всякий новейший поэт не удержался бы тут от комментариев». Мериме также восхищался способностью Пушкина вступать немедленно *in medias res*, «братъ быка за рога», как говорят французы, и указывал на его «Дон-Жуана», как на пример такого мастерства. Да, Пушкин был центральный художник, человек, близко стоящий к самому средоточию русской жизни ...

Всё так ...

Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают) ...

Пушкин не мог всего сделать. Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделённые целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу. К тому же над ним тоже тяготела та жестокая судьба, которая с такой, почти злорадной, настойчивостью преследует наших избранников.

Без глубокой грусти, без какого-то тайного, хоть и беспредметного негодования, нельзя читать слова, начертанные им в одном его письме, за несколько месяцев до смерти: «Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить». Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конец его расцветающему творчеству! Быть может, уже отливалась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убийство другого поэта, пушкинского наследника, начавшего свое поприще с известного, негодующего стихотворения, внушённого ему гибелью его учителя ...

А между тем и Пушкин не избёг общей участи художников-поэтов, начинателей. Он испытал охлаждение к себе современников; последующие поколения ещё более удалились от него, перестали нуждаться в нём, воспитываться на нём, и только в недавнее время снова становится заметным возвращение к его поэзии. Пушкин сам предчувствовал это охлаждение публики ... Он до некоторой степени не мог не чувствовать пренебрежения к публике, которая приучилась видеть в нём какого-то сладкопевца, соловья...

Да и как нам винить его, когда вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человек, как Баратынский, призванный вместе с другими разбирать бумаги, оставшиеся после смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть в одном письме, адресованном тоже к умному приятелю: «Можешь ты себе представить, что меня больше всего изумляет во всех этих поэмах? Обилие мыслей! Пушкин – мыслитель! Можно ли было это ожидать?»

Всё это Пушкин предчувствовал. Доказательством тому известный сонет («Поэту», 1 июля 1830 г.), который мы просим позволения прочесть перед вами, хотя, конечно, каждый из вас его знает ... Но мы не можем противиться искушению украсить этим поэтическим золотом нашу скудную прозаическую речь:

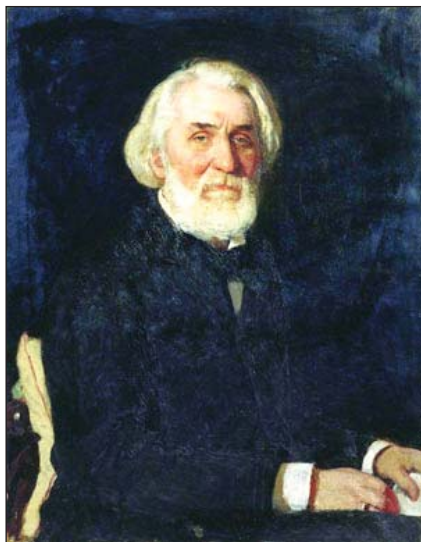
*Поэт, не дорожи любовью народной!
Восторженных похвал пройдет минутный шум,
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Не до поэзии, не до художества стало тогда. Одинаково восхищаться «Мёртвыми душами» и «Медным всадником» или «Египетскими ночами» могли только записные словесники, миллю которых побежали сильные, хотя и мутные волны той новой жизни ...

*Портрет И. С. Тургенева.
Художник Илья Репин. 1879 г.*

Поэт-эхо, по выражению Пушкина, поэт центральный, сам к себе тяготеющий, положительный, как жизнь на покое, сменился поэтом-глашатаем, центробежным, тяготеющим к другим, отрицательным, как жизнь в движении. Сам главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Белинский, сменился другими судьями, мало ценившими поэзию. Мы произнесли имя Белинского – и хотя ничья похвала не должна раздаваться сегодня рядом с похвалою Пушкину, но вы, вероятно, позволите нам почтить сочувственным словом память этого замечательного человека, когда узнаете, что ему выпала судьба скончаться именно в день 26-го мая, в день рождения поэта, который был для него высшим проявлением русского гения! Вслед за скоро прерванным голосом Лермонтова, когда Гоголь стал уже властителем людских дум, зазвучал голос поэта «мести и печали», а за ним пошли другие – и повели за собою нарастающие поколения...

Живое изменяется органически – ростом. А Россия растёт, не падает. Что подобное развитие – как всякий рост – неизбежно сопряжено с болезнями, мучительными кризисами, с самыми злыми, на первый взгляд безвыходными противоречиями – до-

казывать, кажется, нечего; нас этому учит не только всеобщая история, но даже история каждой отдельной личности

В эпохи народной жизни, носящие названия переходных, дело мыслящего человека, истинного гражданина своей родины – идти вперёд, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на миг из виду тех основных идеалов, на которых построен весь быт общества, которого он состоит живым членом ...

Была пора, когда изящная литература служила почти единственным выражением этой жизни; потом наступило время, когда она совсем сошла с арены ...

Прежняя область была слишком широка; вторая сузилась до ничтожества; найдя свои естественные границы, поэзия упрочится навсегда. Как бы то ни было, заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности ...

Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю; и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это светлое знамя, то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водружённый им победоносный стяг ...

Пусть это последнее слово не удивит вас, мм. гг.! В поэзии – освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин!

Берега юбилеев

Большой и малый литературный юбилей

Блиц-интервью редакционного совета журнала

60 лет СПР – чем они в целом являются для Вас? Какие мысли и чувства у Вас возникают в связи с такой датой?

Журнал «Берега» – наше совместное детище, мы объединились, чтобы искать ответы на первостепенные мировоззренческие вопросы. Насколько это нам удалось? Какие мы можем сформулировать итоги, о чём будем мечтать на следующие 5 лет?

Николай Иванов: Для меня 60 лет СПР – это история страны, биографии людей, которых сначала знал как авторов книг, а затем со многими познакомился лично. Чувства и мысли одни: конкретные люди творили историю, которая сегодня у нас перед глазами и уже в нас самих. Задача наша – не дать прерваться этой цепочке, не дать ей опуститься ниже тех критериев, которые были заданы нашими предшественниками...

«Берега» не побоялись отойти от берега на стремнину литературной жизни России. Да, чувствуя под ногами устойчивую твердь, оно вроде бы спокойнее жить. Но только тот, кто берёт на себя ответственность быть смелым, достигает результатов. «Берега» узнаваемы, они на слуху, по ним уже сверяются и на них ссылаются авторы, говоря о своих публикациях. Но впереди всё равно только работа. Уверен, что загорать, условно говоря, сидя на «бережку» редколлегия не будет.

Григорий Блехман: Чувство остаётся то же, что и было на протяжении многих лет. Это – чувство гордости за своих собратьев по перу, которые в тяжёлые для истинной литературы перестроечные и постперестроечные годы остаются верными лучшим традициям классической русской литературы, в основе которой лежит совесть, любовь к ближнему и любовь к своему Отечеству.

Поэтому мне очень приятно и лестно находиться в рядах членов Союза писателей России.

Журналу «Берега» с самого первого номера удаётся размещать на своих страницах произведения тех писателей, которые следуют традициям, о каких сказал в ответе на первый вопрос.

И ещё – именно таких писателей, как внутри страны, так и за его пределами, журнал объединяет из номера в номер, расширяя свой диапазон среди русскоязычных людей вне зависимости от мест их проживания.

Кроме того, открывает новые литературные дарования и даёт им путёвки в большую литературу.

Уверен, что и ближайшие 5, 10, 20 ... лет мы будем не только мечтать, но и продолжать идти этим путём во имя развития истинной современной литературы.

Отдельно выделю основателя и главного редактора «Берегов» Лидию Довыденко, чью важнейшую роль в организации и управлении этим благородным делом вряд ли можно переоценить.

Игорь Ерофеев: С Союзом писателей России мы одногодки. По 60 лет. За это время не стало страны, в которой Союз родился, не стало Шолохова, Твардовского, Фадеева, Исаковского, Гамзатова, других художников, флагманов литературы, но неверно считать, что с этими художниками не стало русской литературы. Она есть, только другая, с иным культурным кодом, соответствующим эпохе нравственного кризиса. Такого рода нравственные эрозии поражали Отечество и раньше, и всегда литература стояла на защите чистоты русского языка, отстаивая духовные и нравственные преобразования в обществе. Сегодня ситуация сложнее, роль писателя, который в России традиционно больше чем писатель, обретает новый смысл. К сожалению, современная литература не выполняет свою главную задачу – влиять на умы, помыслы, дух соотечественников. И дело не в новых стилистических формах – постмодернизм или постреализм, а в том, что литература серьёзно засорена массовой низкопробной продукцией. Союзу писателей России, как саморазвивающейся автономной общественной организации, главному литературному объединению страны предстоит немало усилий, чтобы вернуть себе лидирующее место в культурном поле страны.

Евгений Журавли: Что для меня 60-летие СПР? То, что организация существует, пережив падение страны и нравственности, несомненно, благо. Система существует, невзирая на разрыв между поколениями, собственно, ради самих этих будущих поколений. Не сегодня, так завтра, СПР снова должен превратиться в коллективный орган выдвижения талантов. Вне зависимости от социального, материального и географического положения авторов. Как подлинно народный институт выдвижения, продвижения, просветительства и даже некоторой цензуры, основанной на каких-то фундаментальных идеалах. Если СПР не сможет воссоздать в себе эту созидательную среду, он умрёт. Вместе с ним умрёт и возможность формирования какого-то централизованного направления движения культуры.

Пять лет журналу «Берега»! А кажется, что прошло несоизмеримо больше времени! Значит, в этот недолгий срок журналу сопутствовало много событий. Журнал с самого рождения имеет собственное лицо, никакого идейного метания нет, и, кажется, не предвидится. Белый, глянцево-выдержанный. Немного элитарный, и по оформлению, и по содержанию. Ярко выраженная миссия – быть берегами для воссоединения рассеянного Русского мира, единого по духу. И если фэйсбук Лидии Владимировны впечатляет географией, нужно понимать, что это лишь небольшая часть ареала обитания журнала. Он становится признанным. Сколько событий! Награды, форумы, презентации! Можно лишь пожелать, чтоб и все последующие годы журнал держал высокую планку содержания, мягко нёс своё собственное мировоззрение, отражаемое в материале, был привлекательным и желанным как для читателей, так и для авторов, и имел свой авторитетный голос в литературной среде. Журнал этого, безусловно, заслуживает. Есть, кстати, обстоятельство, в некоторой степени определяющее его дальнейшую судьбу – он был рождён бескорыстно, и эту бескорыстную искренность в себе и заключает. Конечно, известно, что на подростков влияет среда и рост, но генетика, всё же, определяет развитие. Если уж шутливо продолжать, то отметим, как велика и роль родителей!

Сергей Кириллов: К журналу «Берега» я отношусь, как к своему детищу. С нетерпением в ожидании его появления на свет, с беспокойством за его «характер» – то бишь содержание и воздействие на читателей – с волнением о его судьбе и будущем. Не могу дать ответ за все годы существования журнала, но за последние года три он явно достиг немалых высот в важнейших вопросах русской культуры. Главные из этих вопросов: история России. НАСТОЯЩАЯ, а не придуманная кем-то в угоду кому-то. История, порождающая настоящие ростки патриотизма в душе или их весомое укрепление, если они уже были. Второй вопрос – сбережение родного РУССКОГО языка. Сбережение и укрепление, чего не делают те «деятели культуры», которые получают за это деньги! А это важнейший вопрос, если говорить о будущем государства. И, наконец, важнейшая миссия журнала – строительство и поддержание культурных мостов между русскоговорящими гражданами Земли, где бы они ни жили! Вот в этом журналу просто нет равных! На будущее пожелание будет кратким: «Не останавливаться на достигнутом!» и «Так держать!»

Валентин Курбатов: Союз – это дорогая история и хрестоматия советской и русской литературы. Ведь и отделившиеся союзы – только строптивые дети, желающие жить отдельно от родителей. А кровь и родство там, в нашем Союзе, будь это Быков или Петрушевская, Дина Рубина или Тимур Кибиров. Как и сам наш Союз – дитя Пушкина и Достоевского, Тютчева, Толстого, Набокова. Можно оставить дом, но нельзя изменить генетику. Разве только менять платье по моде, но дом останется всё домом. И (улыбнёмся) вот и правительство отодвигает пенсионный возраст Союза, побуждая нас ещё работать и работать.

А наш журнал – дитя времени и Калининграда. Родись он в другом месте, непременно бы чаще в «место» и поворачивал. А теперь, слава Богу, – дитя общее. И как Калининград после войны сзывал Россию обжить новую землю, так и журнал сзывает русское сердце, чтобы и каждый калининградский читатель помнил большую Родину, и читатель по России знал, что Калининград – дитя общей семьи. И такой же наш сын и брат, как Сибирь и Дальний Восток. И все мы вместе. Только бы мы сами не предавали семейной памяти и любви. А юбилеи (большие и малые) для того и даются, чтобы собирать нас под отчий кров.

Александр Новосельцев: Писатели – люди с индивидуальным взглядом на мир. Но, при этом, им так хочется общения: друг с другом, с миром. Союз даёт такую возможность, знаю по себе, это обогащает каждого и в жизни, и в творчестве. Опыт, 20 летний, жизни вместе с Союзом даёт мне право так утверждать. Наш Союз вовсе не формальный, а Союз замечательных, добрых друзей. А в рамках «Берегов» это наше писательское братство только проявляется. Спасибо, Лида, за то, что у писателей всегда есть где причалить – к нашим родным Берегам

Сергей Пылёв: Сергей Пылёв: Достаточно противоречивые... В минувшие годы в СССР роль тех или иных российских структур заметно принижалась. Поэтому запоздало созданный по решению партийных органов в 1958 году Союз писателей РСФСР невольно воспринимался как секторальная подведомственная часть Союза писателей СССР. Все мы были, как один, по нашим членским билетам мобилизованные центральным Союзом писателей СССР. Приёма молодых литераторов в Союз писателей РСФСР не было. Однако никакое заигрывание с республиками со стороны «старшего брата» не спасло СССР. Заокеанский план по развалу нашей державы был успешно выполнен тогдашними руководителями страны.

Нынешний Союз писателей есть возродившаяся живая, реальная сила, есть объединённая воедино воля российских писателей. Кто мы? Преемники Союза писателей РСФСР? Или СССР? Не знаю. Духовно мы преемники лучших российских и мировых литературных традиций. Для меня определяющий смысл заложен в словах председателя правления Союза писателей России Николая Иванова: «Если говорить о чисто литературном возрасте, то будет справедливо включить в нашу биографию и авторов «Слова о полку Игореве», и «Слова о Законе и Благодати». А декабрь 1958 года, вы правы, – это всего лишь официальное обретение статуса».

Журнал «Берега» стремительно стал правофланговым изданием, на основе глубинного тяготения к особой пронзительности и судьбоносной значимости вопросам, стоящим перед Русским Миром и человечеством в целом. В нём обрела своё горнее место судьбоносная литература о человеке и для человека. Высота взята! Журнал стал вдохновенным чтением, он стал журналом с БЛАГОДАТНЫМ ДУХОВНЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ. Как это не прозвучит наивно и прожектёрски, но хочется пожелать «Берегам» умножить тираж, обрести экономическую уверенность.

О главном редакторе Лидии Довыденко скажу с волнением: она смогла в таких финансово трудных, казалось бы непреодолимых условиях, создать с единомышленниками журнал НОВОГО ВРЕМЕНИ. И это на фоне расплывшейся сегодняшней так называемой демократической литературы с её нынешними разрушительными потугами. И пожелать можно только одного, чтобы государство осознало, что без достойного писательского Слова любое общество обречено на гибель. Ведь кроме всего прочего литература – этот те «киты», на которых стоят многие искусства.

Андрей Растворцев: Размышления к юбилейной дате Союза Писателей России

Во времена смуты и развала дробятся на мелкие части даже глобальные духовные скрепы. В канувшей в лету советской эпохе одной из таких культурных и духовных скреп являлся Союз писателей СССР. Союз писателей хоть и считался общественной организацией и осуществлял свою деятельность согласно своему Уставу, был величиной глобальной и охватывал деятельность писателей не только на территории СССР, но и за рубежом. В чём его, Союза писателей, всемерно поддерживало государство. И не только морально, но и значительными материальными ресурсами – это и Литфонд, и выпуск огромными тиражами книг за счёт государства, улучшение жилищных условий писателей, строительство писательских дач и т. д. И делало это государство не из-за врождённого альтруизма – просто государство думало о своём будущем, о будущем подрастающих поколений...

После развала СССР прекратил свою деятельность и Союз писателей. Из его осколков образовалось множество мелких местечковых писательских объединений. И все со звучными названиями и красными удостоверениями. Все они в статусе общественных организаций. Но так, как государство прекратило выполнение всех своих финансовых обязательств перед писателями, каждый стал выживать, как может. Плохо это? Не знаю. Но что не хорошо – точно, потому как часть таких объединений существует только за счёт продажи членских билетов (пользуясь людским тщеславием зачастую по заоблачным ценам), и совершенно не интересуется качеством литературных трудов новоиспечённых «классиков»...

Но вот что отрадно: даже в этой мутной демократической воде, без какой-либо финансовой, а зачастую и моральной поддержки государства, смог выжить и крепко стоит на ногах Союз писателей России! Настоящий правопреемник Союза писателей СССР.

Я бы хотел поклониться памяти первых руководителей СПР – прекрасным писателям и сильным организаторам Юрию Бондареву и Валерию Ганичеву! Не потеряв индивидуальности каждого писателя, они смогли сохранить дух коллективизма и духовного единения.

Нынешнему же руководству в лице председателя Николая Иванова и его верных помощников-сопредседателей, хочу пожелать огромного терпения и сил в управлении писательским Союзом. Писатели ведь, зачастую, ершисты и неуправляемы...

Первая пятилетка журнала «Берега»

О журнале скажу коротко и только главное – журнал «Берега» состоялся. Он стал брендом высокой культуры, журнал стал цитироваться, стал примером издательского успеха. Ведь когда всё рушится – созидать невероятно трудно! Конечно, львиная доля успеха – это Лидия Довыденко. Человек – трудоголик, человек – движение, человек неиссякаемой энергии.

За прошедшие годы выкристаллизовалась главная идея журнала – «Русь. Державность. Духовность». Вот три кита, на которых зиждется журнал. Несмотря на добротную прозу (с роскошным букетом узнаваемых имён), на прекрасную поэзию (Аврутин, Шеина, Зулкарнаева, Шатравский...) – сильнейшим разделом журнала считаю публицистику. В ней всё сильно, ёмко, аргументированно, философично, необыкновенно познавательно.

Геннадий Сазонов: Трудно определить одним понятием значение деятельности Союза писателей России за 60 лет. У святителей русской Церкви есть понятие – «удерживающий». В данном случае оно подходит. Союз помогал избежать творческого краха, обозначал нравственные ориентиры. И это помогало писателям. Многого предстоит сделать. На мой взгляд, необходимо восстановить систему распространения книг, которую ликвидировали либералы.

– Я счастлив тем, что с первых номеров участвую в журнале «Берега», благодаря Светлане Супруновой. Позже замечательный главный редактор Лидия Довыденко доверила быть членом редакционного Совета. Без ложной скромности следует признать, что за пять лет журнал достиг большого прогресса в постановке мировоззренческих вопросов современного бытия и ответов на них. Это касается публицистики, художественной прозы и поэзии, исторических исследований, публикаций по искусству. Журнал выступает объединяющим началом всего Русского Мира, Славянства всей земли. Это очень сложная, почётная, ответственная задача. В предстоящие пять лет, думаю, нужно продолжать эту стезю, привлекая новых авторов, расширяя связи с читателями в России и за рубежом.

Валерий Старжинский. Дихотомия и сверхзадача журнала «Берега»

5 лет журналу «БЕРЕГА». На самом деле – это одномерное летоисчисление, придуманное физиками. Журнал, как феномен духовности и художественного Слова, гораздо старше. Журнал «БЕРЕГА» достойно вписался (без турбулентности) в социально-культурную традицию – вечную попытку земного человека «штормовать небо». А этой традиции не одна тысяча лет.

Находясь в вечной дихотомии материального и духовного, человек одухотворяется посредством художественного слова, как наиболее мощного инструмента воздействия на миропонимание и осознание самого себя. Именно так журнал призывает человека понять смысл своего бытия. По своей устремлённости и попытке описать эту дихотомию Журнал становится Вселенским и Универсальным и чётко артикулирует эту сверхзадачу, которая подобно нашей жизни всё время развивается и ускользает от попытки охватить Словом дихотомию Живых противоречий.

Как известно, «Суть дела не исчерпывается своей целью, а своим осуществлением». Дихотомии сегодняшнего бытия в зеркале страниц Журнала:

– Не чернуха и андеграунд (сексуальная революция), наркотики, антирелигиозность, проблемы маргинальных групп) – моральная деградация, а классические общечеловеческие ценности.

– Не глобализация, а гуманизм.

– Не пошлое бытие и эрозия культуры, а родные берега добра, истины, мудрости и красоты.

– Смысл человечества не в экономическом росте, личном благополучии и комфорте, а в служении культуре – всеобщему достоянию.

– Не отчуждение и депрессивное одиночество, а «Благодать общения».

– Вечный двигатель, то это не какое-то механическое устройство, которое невозможно создать, поскольку противоречит законам физики. – Вечный двигатель это Слово и обретённый смысл существования в результате одухотворённого понимания жизни. Слово, дышащее Красотой и Мудростью.

– Калининградская область отделена от остальной территории России, будто остров от материка, но мы часть великой России. Мы преодолеваем берега-границы. Территория духовности и художественного слова безбрежна, пространство его Вселенское.

– Журнал устремлён не только в область изящной словесности (художественной литературы), но и видит сермяжную правду, актуальные проблемы развития России, русской цивилизации, Русского мира его болевые точки и незаживающие раны.

– Каждый человек стоит перед драматическим выбором и напряжением духа -: быть носителем нравственности, просвещённости, благородства или предать эти «абстракции» и утонуть в осязаемых призраках сиюминутного успеха, так и не поняв этот неуловимый смысл жизни.

– Какой автор для нас наиболее ценен – не тот, кто увлекает детективным жанром и держит на крючке поиска злоумышленника, а тот, кому удаётся в своих произведениях найти животрепещущую ниточку, отвечающую на вызовы времени, и кому это удаётся сделать наиболее талантливо.

– Сверхзадача журнала является частицей Вселенской, планетарной задачи, стоящей перед всеми, но осознать её и свою ответственность удаётся только русскому человеку – внести свой вклад в стояние против расчеловечивания мира.

Берега юбилеев

Геннадий Сазонов

«Как наше слово отзовется...»

*Беседа с главным редактором журнала «Берега» Лидией Довыденко
в связи с 5-летием издания*

Лидия Владимировна, порой кажется, что это было только вчера – вышел первый номер журнала «Берега». И вот пролетело 5 лет, как один день. Юбилей хоть «младенческий», но всё же юбилей. Какие чувства Вы испытываете в связи с этим?

– 1 ноября 2013 года вышел первый номер литературно-художественного журнала «Берега». Сейчас я чувствую удовлетворение от того, что мой личный девиз: «Делать всё на 100%», – воплотился и в журнале, пройден путь выпуска тридцати номеров, в каждом из которых в среднем около 25 авторов в 11 рубриках.

Это был очень сложный и тревожный период поиска средств к изданию, поиска наиболее интересных авторов, читателей и подписчиков, которые кто радостно, кто с удивлением потянулись к нам, относя его к лучшим журналам современности не только в России, но и на русскоязычной планете. Шесть раз в год читатели ждут и прочитывают новый номер от корки до корки, потому что находят ответы на мировоззренческие вопросы. Свежий ветер с Балтики открывает многогранность современной русской литературы, берегов культуры и искусства многовековой России, в том числе представители которой разными дорогами и судьбами оказались вне России. Лучшие литературные силы планеты, объединённые русским языком, стали собираться на страницах «Берегов». Это такие творцы поэтического мирозерцания, как: Юнна Мориц, Ольга Фокина, Сэда Вермишева, Геннадий Иванов, Владимир Скиф, Николай Зиновьев, Алексей Гушан, Александр Кердан, Валерий Хатюшин, Диана Кан, Евгений Семичев, Сергей Зубарев, Валентина Ерофеева-Тверская, Владимир Молчанов, Светлана Сырнева, Владимир Фёдоров и многие другие. Иногда в редакционном совете возникали дискуссии по некоторым авторам, но всё же мы находили компромисс, и в целом получалось удачно. Золотые страницы в истории журнала составляют прозаические произведения Николая Иванова, Сергея Пылёва, Александра Проханова, Владимира Крупина, Вячеслава Куприянова, Юрия Серба, Александра Грибкова, Татьяны Грибановой, Александра Новосельцева, Сергея Воробьёва и других.

Многие читатели и авторы отмечают высокий уровень нашей публицистики, которая представлена выдающимися авторами: Валентин Курбатов, Александр Казинцев, Вячеслав Лютый, Станислав Куняев, Григорий Блехман, Геннадий Сазонов, Анатолий Байбородин, Светлана Замлелова, Светлана Савицкая, Наталья Советная.

Особое направление – знакомство читателей с деятельностью русской аристократии: князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (Лондон), князь Александр Александрович Трубецкой (Париж), недавно ушедший из жизни барон Эдуард Фальц-Фейн (Лихтенштейн) и другие.

Нам очень приятно, что публикация в «Берегах» открыла дорогу в большую литературу становящимся всё более известными молодым авторам: Евгению Журавли, Дмитрию Филиппову, Алине Серёгиной, Сергею Леонтьеву, Ивану Привалову и многим другим.

Напомните, пожалуйста, как возникли мысли о создании журнала «Берега»? Удалось ли воплотить эти замыслы? Изменилась ли в чём-то начальная концепция журнала?

3 февраля 2014 года в Доме русского зарубежья в Москве состоялось презентация журнала «Берега». Пришли знакомые и незнакомые писатели и поэты, барды, в том числе будущий Председатель Союза писателей России Николай Иванов, давший согласие войти в состав редакционного совета журнала, что было очень важно, потому что в его творчестве задолго до личного знакомства меня давно покоряло благородство и великодушие, незаурядный ум, талант потрясающего

прозаика, который дал такое словесное определение редакционной политике журнала: «Ни пяди журнала друзьям и знакомым, только литературе. Журнал – это территория нравственности».

Второе – это желание находить единомышленников, объединяться с ними. В конце журнала «Берега» есть целый список наших друзей: литературных изданий и порталов, следование литературному братству, что воплотилось во многих поездках в Россию и в страны ближнего и дальнего Зарубежья. Сложились очень тёплые, дружественные отношения с авторами Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Воронежа, Ельца, Вологды, Минска, Вильнюса, Каунаса, Риги, Праги, Варшавы и других городов. Два года мы ведём с писателями из Липецка общественно-значимую акцию «Общая гордость, общая память. Липецк-Калининград».

Инициатор её – Валентин Баюканский, открывший, что три героя Советского Союза, павшие в боях на территории Восточной Пруссии, получили имена трёх городов в Калининградской области: Гурьевск, Гусев и Нестеров – выходцы из Липецкой области. Мы надеемся, что со временем нашу акцию удастся сделать всероссийской «Имена героев на карте Родины», потому что каждому новому поколению надо объяснять, что такое праздник Великой Победы, которую враги России хотят обесценить, переписать, принизить.

Мы гордимся такими авторами, как четырёхкратный кавалер Ордена Мужества Алексей Новгородов, авторами-докторами наук, профессорами: Александр Чумиков, Екатерина Фёдорова, Людмила Яцкевич, Эдуард Демиденко, Валерий Старжинский. Дыхание России мы ощущаем с берегов Сибири, Брянских, тверских, Орловских, Тверских, Рязанских, Вологодских, Донских.

Журнал принимает активное участие в проектах в ближнем Зарубежье: это ежегодный фестиваль Православной поэзии «Покрова» в Каунасе, руководитель – доктор гуманитарных наук Эяла Суодене, Дни русской культуры в Риге, всегда приуроченные к дню рождения А.С. Пушкина, публикация рижских авторов: Александр Якимов, Татьяна Житкова, Петр Антропов, Иван Кунцевич, духовно-нравственные литературные чтения русских авторов в Вильнюсе (Эльвира Поздняк, Валерий Иванов, Яков Крыницкий др.). Читательское внимание тянется к таким талантливым авторам, как Людмила Свирская (Чехия), Светлана Балашова (Болгария), Арон Гаал (Венгрия), Любомир Попович (Республика Сербская), Амир Пахлеван (Азербайджан). Елена Черпакова, Барбара Кригер, Болеслав Тейковский (Польша), Анатолий Аврутин, Михаил Поздняков, Татьяна Жилинская (Беларусь).

Мы благодарны Светлане Савицкой за возможность знакомства с сирийскими поэтами.

И кто ещё хочет присоединиться как автор и читатель к журналу «Берега», можно заглянуть на сайты: <http://www.dovydenko.ru>, <http://журнальныймир.рф/berega-no529-2018>

Если окинуть мысленным взором все публикации за 5 лет и всех авторов, то мы увидим, что на страницах представлены лучшие и талантливейшие русские авторы – поэты, прозаики, публицисты, литературоведы, учёные, исследователи культуры. Как удалось главному редактору привлечь их?

– Отвечая на этот вопрос, я хотела бы отметить, что многие сами прислали в журнал свои произведения, немало писем пишу тем, кого считаю единомышленником, с предложением – опубликоваться. Но главная работа по поиску конструктивных и талантливых авторов принадлежит редакционному совету журнала. Это мои близкие по духу люди, с которыми мне посчастливилось встретиться, и я благодарю их и небеса. Это, кроме вышеназванного Николая Иванова — Председателя Союза писателей России, поэт и публицист Григорий Блехман, Елена Груцкая — поэт, прозаик, поэт и публицист Игорь Ерофеев, Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист; Александр Казинцев, поэт и публицист, заместитель главного редактора журнала «Наш современник»; Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист, Валентин Курбатов — ярчайший публицист, член Совета по культуре при Президенте РФ; прозаик Александр Новосельцев, прозаик Сергей Пылёв, поэт и прозаик Андрей Растворцев, поэт, прозаик, публицист Геннадий Сазонов, Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры философских учений БНТУ. Мы – команда.

Слово всегда имеет энергетику – либо создающую, либо разрушающую. Поэтому велика ответственность за слово, которое несёт журнал людям. Каково движение журнала в этом направлении?

– Совершенно согласна с Вами, Геннадий Алексеевич, по поводу энергетики слова и созидательной направленности автора, его ответственности за то, что он несёт миру. Здесь я хотела бы выделить тех писателей, которые оказались на территориях, притянувших взгляды всего мира: Крым, Новороссия, Приднестровье. В июне 2014 года мы пригласили в Калининград Николая Иванова, который был в Крыму в самые его тревожные и победоносные дни, отражённые в очерках, опубликованных в «Берегах» и поэта из Евпатории Сергея Овчаренко, тоже нашего автора. Родилась литературная акция «Братство двух морей», и Сергей Овчаренко увез с собой флягу с водой Балтийского моря, соединив её потом с водами Чёрного моря, тем самым духовно соединив писателей России с крымчанами.

Весной 2017 года по приглашению авторов из Луганска и Донецка я побывала в Донбассе, встречалась, литературно браталась, желая победы Русскому миру на границе с фашистским мракобесием. Андрей Чернов, Глеб Бобров, Елена Заславская, Александр Морозов, Ирина Горбань, Лиана Мусатова, Людмила Гонтарева, Ната Игнатова, Иван Донецкий, Владимир Скобцов, Ирина Бауэр; из Приднестровья – Сергей Чернолев, Александр Лобанов. Можно перечислить десятки имён поэтов и прозаиков, которые создают литературу честную, искреннюю, без позолоты и фальшивых виньеток. Увы, книги этих авторов вы вряд ли найдёте на прилавках. И далеко не все из них представлены на литературных порталах, поэтому такие литературные журналы, как наш, становятся для многих писателей способом общения с широким кругом читателей. Литературно-художественный журнал «Берега» – один из таких навигаторов в мире современной литературы. Произведения наших авторов – это продолжение традиций русской и советской литературы, её лучших писателей.

С лета 2018 года журнал «Берега» стал выходить под «покровительством» Правления Союза писателей России. Что это означает и к чему обязывает?

Могу сказать, что горжусь принадлежностью к Союзу писателей России. Какие только литературные организации не предлагали мне в них вступить!!! Может быть, нет ничего плохого в том, что некоторые авторы являются членами двух-трёх- пяти организаций, но мне отраднее думать, что к нашей организации СПР принадлежат такие гиганты мысли, гении добра: Василий Белов, Юрий Бондарев, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов. К нашей организации принадлежат более 8 тысяч человек. Она солидная, и я уверена, что добьётся возвращения профессии писателя в государственный реестр. Я думаю, что это может произойти уже в следующем году, потому наш Председатель Николай Фёдорович с момента его избрания объехал пол-России, заручился поддержкой регионов, многих губернаторов. То, что наше издание вошло в список журналов под эгидой Союза писателей России – для нас большая честь. И это связано с тем, что мы стараемся публиковать творчество, как написали читатели, – высшей пробы. Одно из важнейших направлений в деятельности «Берегов» – это отстаивание чистоты русского языка, борьба с разрушителями и переписчиками истории. Мы пять раз обращались к Президенту с просьбой – обратить внимание на сохранение русского языка, один раз с проблемой экологии в Крыму. Теме экологии Земли, почв и человека мы много внимания уделяем. И хотя пока нет результатов, но время даст свои плоды. Вместе с Союзом писателей России мы относим себя к государствосберегающим и духоподъёмным изданиям.

Известно, что многие «толстые» журналы, в частности, «Москва», «Знамя» и другие существуют на грани выживания из-за финансово-экономических проблем. Стоят ли эти проблемы перед Вами и как вы их решаете?

Помощь, ровно столько, сколько нужно, приходит со всех сторон. Те, кто помогает, просят не называть их. Я никогда не прошу больше, чем нужно. Со стороны местных властей нет поддержки, никакой государственной помощи.

Редакционный совет, и я в том числе, работаем совершенно безвозмездно, на энтузиазме, но энтузиазм – это святое. Это понимают организаторы многих конкурсов и премий, награждая нас и поддерживая морально, потому что мы частичка подлинной жизни и неубывающей правды.

Спасибо Вам, Лидия Владимировна, за содержательную беседу. Думаю, многие читатели выражают пожелания в связи с юбилеем Вам и всем авторам журнала: здоровья, творческого поиска, Любви и Веры, служения нашему дорогому Отечеству.

Я присоединяюсь к ним!

Берега юбилеев

Владимир Вахрамеев

Ветеран Вооружённых Сил СССР и Войск ПВО, журналист Вахрамеев В.С. родился на второй год Великой Отечественной войны 1941–1945гг. в семье офицера-фронтовика. Встречам с известными в стране и республике людьми посвящены сотни страниц трилогии, названной писателем «Опалённые ложью». Годы юности и зрелости Владимира Вахрамеева связаны с Калининградом и Вильнюсом, Таллинном, Петропавловском-Камчатским. Активная работа в журналистике была отмечена грамотами, дипломами и Нагрудным Знаком Клуба главных редакторов «Четвёртая власть. За заслуги перед прессой». В творческом содружестве с известной литовской поэтессой Эльвирой Поздней выходит его сборник «Я не хотел бы всех печалить...». Творчеству друзей-литераторов посвятил писатель и публицист свою книгу «Лики Балтии».

Стезёю правды. Журнал «Берега»

Уверен, что знатоки и поклонники поэзии вспомнили, что вынесенное в заголовок этой публикации словосочетание принадлежит гениальному русскому поэту А.С. Пушкину и взято из стихотворения «Подражания Корану» (1824г), которое гений поэзии посвятил П.А. Осиповой: «*Мужайся ж, презирай обман, / Стезёю правды бодро следуй, / Люби сирот, и мой Коран / Дрожащей твари проповедуй*». Замечу, что упомянутые строки я вспомнил не случайно, ибо речь идёт об одном из замечательных периодических изданий, два номера которых лежат передо мной на письменном столе. Это номера разных лет литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега», бессменным главным редактором которого является Лидия Владимировна Довыденко. Внешне оба номера мало чем отличаются друг от друга: тот же объём и каллиграфически чётко написанное наименование издания, та же привычная фотография – россыпи янтаря в прибрежной полосе Балтийского моря и название города, в котором издаётся журнал – Калининград. Однако есть и важное отличие между этими двумя журнала – это дата их выхода, между которыми расстояние в ПЯТЬ сложных и прекрасных лет. В октябре 2018 года читатели имели возможность познакомиться с публикациями №5(29) ныне уже известного не только в нашей стране, но и далеко за её пределами журнала «Берега», выходящего уже при поддержке Союза писателей России.

Первый номер литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега» начинался с «Цитаты номера», в которой приведены мудрые слова великого классика русской литературы Л.Н. Толстого: «Мы часто повторяем, что о человеке судят по его делам, но забываем иногда, что слово тоже поступок. Речь человека – зеркало его самого. Всё фальшивое и лживое, пошлое и вульгарное, как бы мы не пытались скрыть это от других, вся пустота, чёрствость или грубость прорываются в речи с такой же силой и очевидностью, с какой проявляются искренность и благородство, глубина и тонкость мыслей, чувств». Это высказывание Льва Николаевича Толстого нашло своё дальнейшее развитие в «Слове к читателям», в котором главный редактор нового издания к.ф.н. Лидия Довыденко делится с потенциальными читателями целями, задачами и планами редакционного совета: «Наш журнал во многом уникален, потому, что своим содержанием ориентирован на людей мыслящих, которые устали от «чтива» и «глянца», на тех, у кого есть желание и возможности следить за культурными, общественными явлениями глубокого содержания». Далее, главный редактор и публицист Л.Д. Довыденко пишет, основываясь на научном анализе современных тенден-

ций информационно-издательской политики, о возрастающей потребности «не только заглянуть, но и поселиться на *широких берегах* того, что сложилось в нашей духовно-нравственной генетике, в отечественной философии: понятие соборности, всеединства, общего дела, общей жизни, русской культуры...». Бесспорно, в планах нового издания огромнейшее внимание намечалось уделять и *литературным берегам* Янтарного края, от всей души любимого писателями, поэтами и читателями. Любим он ими «влажными ветрами Балтийского моря со своеобразием культуры разных столетий, с удивительной историей, в какую вплелось столько разных культур многих народов, с возрождающимся великолепием европейского облика города с русской душой», – отмечает автор в своём предисловии к первому номеру журнала.

Что же из намеченного и задуманного пять лет тому назад удалось сделать, выполнить? Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит вернуться к дате выпуска двух упомянутых изданий, приуроченных к 19 октября. Этот октябрьский день, «как известно, в России, да и во всём мире, – День Царскосельского лица, давшего столь много выдающихся выпускников, среди которых гений русской поэзии – А.С. Пушкин, стал литературным праздником». Так что не удивительно, что коллектив редакции уже с первых номеров журнала взял на вооружение известное пушкинское предостережение, которое, УВЫ(!!!), стало невероятно актуальным ныне не только в журналистике, но и в прозе, публицистике, поэзии: «Прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется, орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого».

Конечно, какой-нибудь современный критик, поставивший своей задачей подвергнуть «прилюдной порке» журнал, при желании и склочном характере, может найти в нём некие шероховатости и ошибки. Однако на *берегах* современного литературного потока трудно найти равноценное и столь регулярно издающееся периодическое издание. Поэтому не удивительно, что титульный лист номеров журнала «Берега» за этот год стал столь выразителен. Он наглядно свидетельствует о тех заслугах, которых журнал удостоен за достигнутые успехи. Среди литературных и журналистских наград следует отметить такие, как: лауреат международного конкурса журналистского мастерства «Слава России» (2015); премии «Серебряное перо Руси» (2015) и «Золотое перо Руси» (2016) Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»; премия «Россия – Беларусь. Шаг в будущее» (2015); премия Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» (2016 и 2017). Естественно, что многими литературными и журналистскими наградами отмечена и плодотворная работа главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко. Куда более ярким свидетельством уважения к изданию являются мнения его читателей. Вот лишь некоторые из них: Ранко Гойкович, православный публицист (Белград, Сербия) «...просмотрел Ваш журнал, очень интересное и разнообразное содержание...» или Сергей Пылёв, член СПР (Воронеж) пишет: «...какие имена поэтов, какие высокие ноты в их стихосимфониях! А внутренние «берега» номера! Глазунов! Гейза Дьони! Владимир Казмин! Не перечислить сейчас всех... С какой радостью плаваешь от одного Берега к другому – и везде тебя встречает глубокое волнующее содержание, одним словом, достойная пища «уму и сердцу»... Журнал «Берега» для медленного чтения. Это сегодня явно Эверест духа...». Можно привести также и отзыв Владимира Кольцова-Навроцкого, председатель ЛИТО «ЛОГОС» (Вильнюс, Литва): «Нам, рассеянным по бескрайним берегам... отраднo, что у главного редактора ведущего издания есть чёткая духовная позиция, понятная всем и ставшая связующей составляющей между русскоязычными литераторами зарубежья. Благодарим, гордимся и дорожим тем, что поэты и прозаики «вильнюсских берегов» обрели в издании... надёжную творческую поддержку» (журнал «Берега» № 6, 2017). Хочется заметить, что нередко и выдающиеся читатели-россияне, и зарубежные знаменитости тепло отзываются о конкретных произведениях, опубликованных в журнале «Берега». Так, благоприятный читательский резонанс вызвал роман княгини Веры Лобановской-Ростовской «О трагедии России. До и после 1917 г.», опубликованный в нескольких номерах журнала. После его прочтения народный артист СССР Игорь Кириллов прислал письмо, в котором справедливо заметил, что «когда перелистываешь страницы романа, думается, что сама История перелистывается перед нами. Роман насыщенный и значительный для российского читателя» и далее: «...эти удивительные лица, которые мы теперь имеем возможность видеть в публикации, красноречиво говорят нам о прошлом Отечества, о том, как важно для нашей теперешней жизни понимать его

во всей его сложности». Не менее интересное наблюдение о романе высказывают народный артист России Евгений Киндинов и его супруга, заслуженная артистка России Галина Киндинова: «Этот роман не просто нужен. Он необходим. Это то, без чего вообще не может существовать российская государственность. Это тот корабль, на котором всё держится. Без той культуры, которая была присуща княгине – не удержится Россия. Нам всем, по крайней мере, необходимо знать то, что утеряно. Что такое патриотизм? Это понятие потерялось в «анналах памяти». А тут конкретный патриотизм, который жил в этих людях, героях романа – хотя их убивали».

Таких лестных высказываний, как и добрых пожеланий, предложений и /или рекомендаций, критических высказываний в редакционном портфеле за прошедшие пять лет набралось полторы тысячи, что неизменно свидетельствует об интересе к изданию, укреплению связи между пишущими и читающими, между коллективом редакции и поклонниками классической литературы. Среди этих многочисленных посланий в адрес редакционного совета есть и послание выдающегося венгерского поэта современности, члена Союза писателей XXI века Арона Гаала, с которым мне посчастливилось общаться в ноябре 2015 года. Памятна эта встреча небольшим казусом, связанным с типографскими «проколами», на которые обратил внимание директор известного в мире издательства AMON в Будапеште и Президент Фонда EOS г-н Гаал, – это то, что моя публикация «Жизнь через общение к познанию» в №5 за 2015 год была разделена четырьмя чистыми страницами. Повернув свою голову к спутнице-переводчице и поэтессе Лайме Дебесюнене, он негромко произнёс несколько фраз на венгерском языке. После чего Лайма достала из сумочки и протянула ему шариковую ручку. Вот так, спонтанно, этот всемирно известный писатель и поэт заполнил первый чистый лист журнала. Естественное любопытство мучило меня, но только через час-полтора, когда Лайма освободилась на несколько минут, я попросил её сделать перевод дедикации Арона Гаала. Конечно, было приятно получить лестный отзыв о моей трилогии «Опалённые ложью», отрывок из которой опубликовал журнал «Берега». Однако куда больше заинтересовали и привлекли моё внимание строки об издании, которое «смело взяло на себя миссию наведения мостов между литературными берегами разных стран и народов...». Кстати, вскоре пустые страницы этого номера журнала своими мнениями и мыслями заполнили вице-президент МАПП Лев Месенгисер (Литва), учёный и поэт Кшиштоф Шатравски (Польша), поэт и переводчик Игорь Белов (Польша), прозаик и поэт Сергей Морейно (Латвия), а также поэт и переводчик Вадим Месяц (США). Вот так Его Величество Случай стал памятным эпизодом жизни, а слова известного венгерского поэта – оценкой деятельности коллектива редакции журнала «Берега».

Насколько прав мэтр венгерской литературы Арон Гаал, написавший о том, что журнал «Берега» наводит мосты между литературными берегами разных стран и народов, можно убедиться, просматривая номера издания за прошедшие годы. В нём можно найти такие разделы, как: «Исламо-христианские берега», «Шотландские берега», «Берега Лос-Анжелеса», «Берега Софии», «Берега Лондона – Мюнхена – Ростова», «Берега Берлин – Москва – Калининград», «Берега Греции» и «Берега Болгарии»... Необходимо заметить, что таких *берегов литературного знакомства и общения* с 2013 года было создано редакцией около сотни. Эти разделы издания можно поделить на три категории – постоянные, периодические и разовые. К первой категории необходимо отнести такие разделы как «Проза», «Поэзия», «Публицистика», «Переводы», «Искусство и культура», «Молодые берега» и «Наши друзья». Много внимания редакционный совет уделяет проблемам и темам, которые понятны по наименованиям рубрик: «Православие», «Юбилейные даты», «Критика», «Русский мир без границ» («Безбрежный русский мир»), «Берега истории и культуры», «Берега памяти»... Однако, некую «литературную изюминку», которая не свойственна региональным изданиям, прелесть и оригинальность ему придают знакомства с российскими и зарубежными писателями, прозаиками и поэтами. Достаточно взглянуть на содержание любого из номеров, где находим «Калининградские берега», «Брянские берега», «Орловские берега», «Краснодарские берега», «Рязанские берега», «Донские берега» и т.д. Нередко эти *литературные берега* появляются только благодаря неиссякаемой энергии и самоотверженности главного редактора издания, писателя и публициста Лидии Довыденко. После её поездок по стране и зарубежью, творческих встреч с литераторами появляются не только путевые заметки и очерки, но и новые для журнала и читателей имена российских и зарубежных прозаиков, поэтов, публицистов. Так, на страницы издания пришли писатели и поэты с «Берегов Новороссии» и «Вологодских берегов», с милых её сердцу *литературных берегов Беларуси* и Гомельских, а также

Череповецких, Липецких, Двинских, Каунасских, Вильнюсских, Рижских и пр. пр. Невозможно не заметить, что своей подвижнической деятельностью Лидия Владимировна не только объединяет литературные и поэтические берега регионов, стран и континентов, но и пропагандирует литературу и искусства Янтарного края. Иногда приходится слышать от своих коллег журналистов и писателей высказывания о том, что журнал «Берега» недостаточно публикует произведения калининградских прозаиков и поэтов. Однако только при беглом просмотре ряда номеров журнала увидел немало знакомых фамилий своих земляков, среди которых писатели, поэты и публицисты Сергей Кириллов, Леонид Бондарь, Николай Василевский, Игорь Ерофеев, Виталий Шевцов, Леонид Мальцев, Александр Андреев, Валерий Батрушевич, Ада Бабиц, Анатолий Мартынов, Михаил Гребенщиков, Иван Привалов, Александр Медведев, Евгений Журавли, Вячеслав Карпенко, Юрий Крупенич, Елена Канеева и другие. Рядом с ними на страницах журнала «Берега» можно встретить фамилии представителей «большой» России, – это Сергей Зубарев (Анапа), Вячеслав Куприянов (Москва), Александр Кердан (Екатеринбург), Григорий Блехман (Москва), Геннадий Сазонов (Вологда), Иван Донецкий (Донецк), Анатолий Байбородин (Иркутск), Александр Чумиков (Москва), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск) и десятки других. Журнальные публикации произведений маститых и известных писателей, таких как повесть Сергея Пылёва «А за окном – человечество» или романа Александра Проханова «Крым», рассказов и повестей Николая Иванова, а также других, не только повышают престиж издания, но и являются своеобразной школой мастерства для начинающих поэтов и прозаиков, стимулом для качественного подхода к своему литературному творчеству. Поэтому не удивительно, когда читаешь мнение секретаря СПР Григория Блехмана о журнале «Берега», что «читать – большое удовольствие и немалая польза. В каждом из разделов есть свои изюминки. Здесь важнее то, что журнал находится изначально на высоком литературном уровне, и это подтверждает каждая публикация в любом из литературных жанров».

Несомненно, одной из важнейших задач, которые не только поставила перед собой редколлегия литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега», но и успешно выполняет – это всестороннее укрепление и развитие литературных и культурных связей с русскоязычной творческой интеллигенцией бывших союзных республик СССР. Из номера в номер читатели знакомятся с литературными новинками «ближнего зарубежья» в таких разделах, как «Берега Литвы – Латвии – Эстонии», «Берега Азербайджана», «Берега Латвии», «Минские берега», «Берега Литвы», «Наши друзья»... Широкий читательский интерес вызвало творчество Сэды Вермишевой (Армения), Эльвиры Поздней и Эяны Суодене (Литва), Анатолия Аврутина (Беларусь), Ивана Кунцевича (Латвия) и других писателей, поэтов и публицистов. Не менее значимо в редакционной политике издания поддержание литературных связей и с творческой интеллигенцией США, Франции, Польши, Израиля, Германии... Из номера в номер читатели знакомятся с творчеством прозаиков и поэтов, публицистов и журналистов этих и других стран «дальнего зарубежья», среди которых православный публицист Ранко Гойкович (Сербия), поэт Йорам Вольман и известный учёный, прозаик и поэт Иосиф Рабинович (Израиль), Председатель Польского Славянского Комитета и публицист Болеслав Тейковский (Польша), поэт и прозаик Любомир Левчев (Болгария), журналист и публицист Елена Лебедева (Москва), руководитель литературной студии «Краски жизни» и поэт Эллен Кофман (США)... Кстати, в своей авторской программе «О чём сегодня шепчут музы» на русскоязычной радиостанции «Мы вместе» (Прага, Чехия), Эллен Кофман несколько радиопередач посвятила встречам с авторами публикаций в журнале «Берега» Евгением Журавли, Иосифом Рабиновичем, Яковом Криницким, Эяной Суодене, Владимиром Вахрамеевым и его главным редактором, писателем Лидией Довыденко. Немалый зрительский и читательский интерес вызвал и прямой телемост «Калининград – Тель-Авив – Греция», инициатором которого стала Израильское поэтическое сообщество «ПоВтор» и главный редактор журнала «Берега» Довыденко Л.В.

Должен заметить, что в ходе этого телемоста, прошедшего в 2017 году, одним из его зарубежных участников были приведены статистические данные, связанные со спросом читателей к произведениям современных прозаиков, поэтов и публицистов. Вспомнив того учёного мужа, но, всё же памятуя изречение одного из статистов о том, что «если пытаться цифры достаточно долго, они скажут всё, что угодно», решил подсчитать любопытные для себя (вполне возможно и для читателей) статданные. Так, за пять лет редколлекцией журнала «Берега» выпущено 30 номеров, в которых опубликовано свыше 120 произведений прозы и более 50-ти – публицистики, а также 150 поэтов пред-

ставили свои стихи на страницах журнала. В разделе «Русский мир без границ» 50 русскоязычных поэтов и прозаиков из зарубежья имели возможность опубликовать свои произведения, а проблемам краеведения редколлегия журнала предоставила свои страницы более чем 20-ти авторам. Более чем с десятком публикаций читатели имели возможность ознакомиться в каждом из таких разделов как «Память», «Берега Православия», «Экономика», «Юбилейные даты», «Берега Победы», «Басни», «Литературные юбилеи», «Дискуссия», «Берега литературного наследия» и на страничках для детей в рубрике «Бережок». Таким образом, из коллектива авторов родился литературный полк прозаиков, публицистов и поэтов, для которых понятие борьбы за чистоту русского языка, против графомании и плагиата не пустой звук. Об этом неоднократно говорили многие известные писатели и поэты современности, а также писали председатель Правления СПР, известный прозаик Николай Иванов и соучредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», доктор философии и поэт Светлана Савицкая. Однако хочется привести строки письма прозаика и художника Александра Мамнева, которые созвучны не только мнению этих талантливых и известных писателей, но и моему: «Имею честь и удовольствие наблюдать «Берега» с первых номеров. Удивительно точная стратегия строительства журнала и высокопрофессиональная тактика сделали журнал «Берега» известным и уважаемым далеко за пределами Калининградской области. Орденская планка «Берегов» вызывает заслуженное уважение». Далее автор письма достойно сравнивает главного редактора журнала «Берега» Лидию Довыденко с дирижёром симфонического оркестра, без которого он представляет собой лишь «собрание отдельных музыкантов со своими инструментами». Именно под её руководством вот уже ПЯТЬ лет плодотворно и слаженно работает редакционный совет, который, как и всех авторов журнала и читателей, искренне поздравляю с первым и пока скромным юбилеем. Процветания и оптимизма, новых жизненных и творческих свершений!

P.S. Только отправил на корректуру и редактирование свой очерк «Стезёю правды», как раздался международный телефонный звонок. Моим собеседником была мой давний друг, прелестная женщина, замечательная русская поэтесса и ответственный редактор Международного литературно-публицистического альманаха «Ступени» (Вильнюс, Литва), которая передала поздравления и наилучшие пожелания своей коллеге Лидии Владимировне Довыденко, коллективу журнала «Берега», его авторам и читателям в связи с юбилеем издания от Международной Ассоциации писателей и публицистов. Более того, она сообщила, что к её поздравлениям и добрым пожеланиям присоединяются доктора гуманитарных наук и профессора филологии; авторы проектов литературного альманаха «Oceanus sarmaticus» и приложения к нему «Покрова» (Каунас, Литва – Рига, Латвия), поэт Эяна Суодене; а также руководитель Литературной студии «Краски жизни», объединяющей свыше 500 русских прозаиков и поэтов Атланты (США), поэт Эллен Кофман и председатель Союза русских литераторов и художников «РАРОГ», магистр истории и поэт Валерий Иванов (Вильнюс, Литва). В завершение нашей беседы поэт и эссеист Эльвира Поздняя познакомила меня со своим стихотворением «Впотьмах» – (за чистоту русского языка), которое было написано накануне и посвящено Лидии Довыденко, дружному коллективу журнала «Берега» и его читателям:

*А «без поэзии не может быть искусства» –
Сказал из глубины веков Эжен Делакруа¹,
Но матом в новом веке верлибр приводит в чувства
Свирепую свободу, свирепые права.
Живу на верхотуре я, где слышен кашель Бога.
Стою на лестнице впотьмах, ведущей вниз и вверх.
И как нащупать ту ступень, что скрыта у порога,
С которой к Богу можно подняться без помех? –
Не слышать лая псов, не слышать речи гнусной,
Вдохнуть поэзии времён Эжен Делакруа,
Услышать дивный слог – величие искусства,
Насытиться Поэзией, вернуть Её права...*

¹ Эжен Делакруа – французский художник (1798 – 1863). Автор картины «Свобода, ведущая народ», или «Свобода на баррикадах» (1830).

Берега юбилеев

Иван Кунцевич

Родился в Беларуси в 1948 году. Окончил Калининградский технический университет. Направлен на работу в Ригу в 1971 году. Работал технологом на судах РБРФ. Живёт в Риге. Автор 10 сборников стихов. На его тексты написано более 20 песен. Член Союза Писателей Северо-Запада, Международной писательской организации писателей и публицистов. Руководит Литературно-поэтической группой «Корни» Латвийско-Российской Ассоциации сотрудничества и на протяжении пяти лет ведёт Литературную страницу «Поэтический перекрёсток» в журнале «Корни»

К родному берегу. К юбилею журнала

О журнале в двух строчках не скажешь
И в поэме опишешь не всё.
«Берега» – Мир России и даже
Взгляд небесный сквозь душу её.

Пять лет – ничтожно малая величина во временном интервале вечности, но необычайно великая и насыщенная событиями современной жизни.

С момента рождения журнала «Берега» по настоящее время – это период возрождения, становления и укрепления русского духа в литературе. И не видеть этой позитивной силы и остроты слова русской словесности, не видеть, а тем более не замечать в бурном течении культурной жизни России это эпохальное явление – невозможно! Потому и пятилетие – судьбоносная, знаменательная и праздничная дата для журнала «Берега», издаваемого на Западном форпосте России у берегов Балтийского моря и колыбели янтарного края, в городе Калининграде. Журнал выходит под эгидой Союза Писателей России. Главным редактором, а по сути и основателем, и учредителем журнала «Берега» является необыкновенно духовный, высококультурный, образованный, чуткий, отзывчивый и талантливый человек – Лидия Владимировна Довыденко.

Чтобы сказать о её подвижнических и литературных заслугах и наградах – не хватит места на страницах этого журнала и небольшого экскурса в её биографию.

Журнал давно перешагнул рамки литературной изолированности Калининградской земли от глубинной части России и вышел на другие области – соединил земли регионов фактически всей России – и нынешней, и прошлой – IXX и XX веков.

Сегодня журнал тесно сотрудничает с авторами Белоруссии, Украины (Донецк, Луганск), Литвы, Латвии, Эстонии, Франции, Германии, США и другими странами. Воистину журнал «Берега» стал всеохватным и всеобъемлющим в русской культуре и в единении людей, которые являются носителями русского языка на планете. К радости читателей, в недавно изданных номерах журнала «Берега» убедительно, пронзительно и трепетно прозвучали стихи и проза русскоязычных поэтов и прозаиков Латвии: Александра Якимова, Анжелы Стальной, Татьяны Рускуле, Ивана Кунцевича, Анатолия Маханёк, Сергея Воробьёва, Альбины Панковой, Петра Антропова, Татьяны Житковой, Ираиды Кельмелене, Ольги Орс и других авторов.

Говоря о значимости журнала, нельзя не сравнить его с такими мощными в литературной жизни журналами недавнего прошлого: «Нева», «Москва», «Новый мир», «Роман-газета» и другими ведущими журналами СССР. Современный журнал «Берега» впитал все лучшие черты этих объёмных фолиантов и поднялся качественно на ступень выше.

Журнал «Берега» стал центром единения Русского литературного мира. Это журнал живой, современный, журнал россиян и их соотечественников во многом определяющих современную культуру русского народа и воплощающего в своих произведениях: мечты, надежды и направле-

ния развития общества. И направления эти – к Миру, Чести, Равенству, Славе, Доблести, Вере, Совести и Добру – движение к единению всего православного мира.

Нет выше награды для писателя, чем быть услышанным и опубликованным на страницах этого литературно-художественного и общественно-политического журнала.

Может быть, кто и ухмыльнётся: разве «Берега» могут раскрыть и показать в единстве всю Россию и стать выразителем души русской? Одна неопределённость и безграничность. А я скажу: «Да безграничность! «Берега» – это всё наше – близкое по духу, образу, языку и ментальности, сердечности и духовности. У «Берегов» сегодня много друзей: это журналы региональные, республиканские и иностранные издания с русскими корнями».

Радостно сообщать, что журнал «Берега» отмечен множеством наград, подчёркивающих суть наполнения журнала, которая раскрывается в кратких, но таких ёмких и искренних словах: – «Патриот России»!

Награды эти не только украшают, но характеризуют и поддерживают журнал и говорят сами за себя: жив дух и жива высокая духовность в Российском государстве, есть ещё люди, задумывающиеся о судьбе русского языка и народ, награждающий этими знаками отличия журнал, полон энергии, силы духа и веры в светлое предназначение, силу и славу России и самого Российского «Берега»!

PS: Совершенно случайно, а может быть и волею судьбы, я заглянул на свою страницу в интернете стихи.ру и мой взгляд задержался на стихотворении, посвящённом встрече с одноклассниками...

Удивительные переплетения порой встречаются в жизни. Так и содержание статьи «К родному берегу «Берега» и моё духовное единение с друзьями юности выраженное в стихотворении: «Встреча с одноклассниками спустя полвека» раскрылись здесь и зазвучали в резонанс одной взволнованной, яркой и пронзительной нотой любви. Слова, обращённые к одноклассникам, в полной мере можно отнести и к авторам, и к читателям журнала:

Друзья, одноклассники, всем вам спасибо,
За встречу, которую дарите мне.
Представить не смог бы: скажи мне кто-либо,
Что это случится со мной не во сне!

Я счастлив быть с вами, я счастлив быть рядом.
И радость делить, и душою гореть.
Спасибо, вам всем! Годы разве преграда?
Так хочется юность и зрелость воспеть!

Что может быть в мире теплей и сердечней,
Чем встречи, объятия, улыбки друзей.
И краткий тот миг, что всего безупречней,
И радость, что стала планетой твоей.

Спасибо, друзья! Пусть я звёзд не достану, –
Спасибо, за то, что откликнулись здесь.
Вы лечите дней беспощадную рану
И дарите жизни и Славу, и Честь.

И пусть по судьбе нас встречают бураны,
И дождь горьких дней в окна дома стучит. –
Я знаю, – душой никогда не устану
Жить встречей, в которой миг счастья звенит!

Спасибо журналу «Берега», в его пятилетие, за солнечные встречи глубины познания души в прозе и поэзии русского человека!

Публицистика

*Главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко беседует
с поэтом и публицистом Сэдой Вермишевой*

«Безразлична к излишествам, дорожу необходимым»

О переосмыслении и неизменном во взгляде на вселенское, российское, советское

Л. Д. Дорогая Сэда Константиновна! Такой большой отклик на Ваши ответы в предыдущем номере журнала «Берега», что возникла необходимость продолжить беседу с Вами, потому что масштаб и потенциал Вашей личности, поэта, публициста требует того. Вы написали как-то мне в письме, «как я могла поверить в советское время, что Россия – тюрьма народов?» Многие переосмыслилось в жизни, в судьбе у человека, жившего в СССР, а что-то в мировоззрении осталось неизменным. Что Вами по большому счету рассматривается сегодня иначе, чем раньше, а что остается неизменным?

Спасибо, Лидия Владимировна, за добрые слова, за прошлую беседу. Она действительно принесла не только доброжелательные отклики читателей, за что им моя благодарность, но и саму меня заставила задуматься и осмыслить многое из прошлого, соотнести с реалиями нынешнего времени. Это можно отнести и к заданному Вами вопросу о царской России, как «тюрьме народов». Отвечу сразу – с этим определением я познакомилась после того, как пошла в школу. Именно в школьных учебниках такая формула предваряла определённые разделы, и печаталась жирным крупным, крепко западающим в сознание школьника шрифтом. В качестве иллюстрации преподносилась русско-кавказская война, длившаяся почти пятьдесят лет (1817 – 1864) и сопровождавшаяся с обеих сторон жертвами и жестокостью. Однако обвинялась в этом только одна сторона – царская Россия. Обходилась или умалчивалась сложная геополитическая обстановка в регионе, в частности – интересы, преследуемые Англией, вынуждавшая Россию к ответным действиям. Ситуация преподносилась расширительно и по умолчанию распространялась и на другие территории и народы, добровольно присоединившиеся или завоеванные царской Россией. Хотя история их присоединения и включения в состав Российской Империи носила далеко не столь драматический характер. Русская классическая литература, с её гуманистическими традициями, работала в том же направлении. Горские народы Северного Кавказа, страдающие от деспотизма царской России, были единственной иллюстрацией к вышеупомянутому тезису, являя собой типичный пример того, когда единичное явление представляется как массовое, что в корне меняет подход к нему и его оценку. Но советской власти нужно было создать в народе негативный образ царской России, и на этом фоне ярче высветить преимущества советской системы. Такова была реальность моего детства. Но в то же время была и другая реальность – мои родственники, которых я знала лично или по рассказам. Тезиса о тюрьме народов она не подтверждала. Но воздействие пропаганды перевешивало. И только совсем недавно я усомнилась в справедливости заученной с детства формулы, опираясь, прежде всего, на собственную родословную. Приведу примеры. Мой далекий предок Иосиф Аргутинский-Долгорукий – предводитель армянской паствы в России, архиепископ, впоследствии католикос, прибыв в Россию, невзирая на свою принадлежность к церкви, стал сподвижником Суворова и Потёмкина, участвовал как в Крымских походах, так и в присоединении Новороссии. Был приближен ко двору Екатерины Второй (у меня бережно хранится подаренный ею Иосифу Аргутинскому, исполненный по её личному заказу сервиз замечательной красоты и тонкости, из севрского фарфора). Княжеского звания Российской Империи Павлом Первым был удостоен не только Иосиф, но и его братья, в добавление к аналогичным армянским и грузинским титулам этого древнего армянского рода Захаридов. Как активному участнику потёмкинских и суворовских походов и завоеваний, ему были дарованы земли в Крыму и в Новороссии. Одним из его наследников является мой прадед – князь Александр Аргутинский-

Долгорукий. Оба его сына – гвардии полковники. При этом старший – полковник легендарного Преображенского полка, а дочь, моя бабушка, окончила в Петербурге Институт благородных девиц и была зачислена во фрейлины Императорского двора. Ближайший родственник князь М. З. Аргутинский–Долгорукий имел звание генерал-адъютанта его Величества, генерал-лейтенанта, и за военную доблесть и победы на Кавказском фронте был удостоен высших наград Российской Империи: орденов святого Александра Невского, Святого Георгия 3-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Белого Орла и других.

Сэда (слева) с подружкой, 9 класс, г. Ереван

Мой дед Христофор Вермишев – видный общественный деятель, один из лидеров кадетской партии Закавказья, окончил Петровскую земледельческую и лесотехническую академию. Имя его было выгравировано на почётной доске академии среди лучших студентов этого учебного заведения. Занимал пост городского головы Тифлиса, был редактором и издателем 2-х ведущих, выходивших в Баку на русском языке, газет: «Баку» и «Кавказский Телеграф», собственным корреспондентом по Закавказью крупнейшей в России газеты «Русские ведомости».

Что касается материнской линии, то мой прадед Иван Карганов тоже принадлежал к дворянскому сословию. Будучи офицером царской армии, рано вышел в отставку. Жил в Тифлисе, где провёл конку, трамвай, водопровод, фуникулер, был удостоен звания почётного гражданина города, владел в Грузии имением. Оба сына и дочь получили высшее образование. Старший – в Бельгии, младший – в Москве, а дочь, приходящаяся мне бабушкой, как я уже говорила в нашей первой беседе, – в Париже, где окончила Академию художеств. Замуж она вышла за Георгия Мелик-Каракозова. Его отец Павел Мелик-Каракозов – также из дворян, занимал должность Председателя Суда Кавказского края. Дочери его получили прекрасное домашнее воспитание, а уже их дочери впоследствии окончили в Петербурге лучшие в России женские Высшие Бестужевские курсы. Сыновья же и младшая дочь моего прадеда высшее образование получили в Берлине. Старший из братьев, мой дед, дополнил его музыкальным образованием в Брюсселе. Об этом я тоже упоминала в прошлой беседе. В дальнейшем все они занимали соответствующее их происхождению, образованию и личным качествам место и положение в российском обществе. Особенно это касается обоих моих дедов, ярких политических и общественных деятелей Кавказа. Уровень жизни всех, кого я перечислила, как и тех, кого по тем или иным причинам не упомянула, был достаточно высок. Лично я помню дом моей бабушки в Тифлисе, в котором я жила во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. До революции дом принадлежал бабушке, она получила его в виде приданого от своего отца. Дом имел подъезд с широкими мраморными ступенями, высокими потолками, просторными комнатами с венецианскими окнами. Комната, в которой мы тогда жили, до революции служила хозяевам дома, моим бабушке и дедушке, залом для приёма гостей. Поставленный на широкую ногу дом этот собирал в своё время лучших представителей культурной, политической общественной жизни Тифлиса. Посетить его считали за честь приезжавшие на Кавказ деятели из Москвы и Петербурга. В комнате, под названием «зал», в которой мы жили, было площадью 60 квадратных метров. Я это хорошо помню, так как метраж комнаты позволял, по моему мнению, считать его виновником моей неважной успеваемости в школе. Размеры комнаты, преодоление расстояний в ней, считала я, отнимали всё моё время, которое можно было бы посвятить приготовлению уроков. Я убеждённо и настойчиво объясняла это маме. Не знаю, насколько я могла её убедить, но сама я искренне в это верила, как и в то, что царская Россия была «тюрьмой народов». Но сделанная впоследствии «инвентаризация» своей родословной заставила меня в этом усомниться. Думаю, и читателя тоже.

Л.Д. Что Вы можете ответить, Сэда Константиновна, на возражения, что все, кого упомянули, были представителями высших слоёв российского общества?

На это я могу ответить, что царская Россия была сословным обществом, а это изначально означает наличие в стране социального неравенства. Формулировка же «тюрьма народов» предполагает

Мои дед и бабушка по материнской линии. Мария и Георгий Мелик-Каракозовы в Париже.

неравенство этническое, что не соответствовало действительности, и это – закономерно, ибо Империя – многонациональное государство, дискриминация по национальным, этническим признакам вызывает в многонациональном государстве, каковым по определению является Империя, обратную реакцию – стремление к этнической обособленности с неизбежным переходом в сепаратизм и к угрозе распада государства. Российская же Империя была близка Византийской традиции, где даже Императорский престол мог занимать представитель любого этноса, если его личностные характеристики соответствовали столь высокому званию.

Монолитность общества, его устойчивость не должны подвергаться националистическим, как и шовинистическим соблазнам, неизбежно ведущим к распаду многонационального государства, к его гибели. Со стороны государствообразующей, самой многочисленной нации, чья культура, в том числе политическая, являются для всех граждан определяющей, возможен, даже уместен патернализм, или что-либо близкое к нему.

Л.Д. Что служило, на Ваш взгляд, гомогенизации многонационального государства – Российской Империи?

На мой взгляд, важнейшим фактором являлся, прежде всего, принцип и действовавшая практика административно-территориального деления Российской Империи, когда внутренние границы определялись и устанавливались безотносительно к проживающим на данной территории этносам. Территориальное деление носило исключительно административный характер, и границы уездов и губерний определялись экономическими, транспортными и прочими факторами, а не территориями компактного проживания какой-либо этнической группы, входившей в состав Империи. Это предвосхищало возможность возникновения этнической обособленности, изоляционизма, национализма, сложностей сосуществования и взаимной адаптации различных разноуровневых культур на территории одного государства. Это шло бы в ущерб общегосударственным интересам многонациональной страны, и поэтому являлось необходимой предпосылкой выработки на всей территории Российской Империи общих, единых для всех населяющих её народов, включая русских, стандартов и норм. Это так, потому что в задачу всякой Империи входит, повторюсь, интеграция, инкорпорация населяющих её народов в целях гомогенизации общества, создания условий их совместного гармоничного сосуществования и развития.

Обращаясь к истории, отметим, что первоначально территория России делилась на 250 уездов, и это вело к излишней раздробленности и сложностям в управлении государством. В конце 1708 года Петр Первый провел реформу укрупнения административно-территориального деления России, создав 8 губерний, непосредственно подчиняющихся центральной власти. Таким образом, гений Петра предвосхитил идею, сформулированную в более поздние времена (1831 –1891) и по другому поводу Константином Леонтьевым: «Централизация власти – императив внутренней идеи России». Продолжение этой цитаты гласит: «Разрывая путы этого деспотизма, явление гибнет», в чём, к сожалению, мы смогли, и не раз, убедиться.

Л.Д. Как Вы определите роль языка в консолидации общества?

По вопросу о роли языка (и литературы, и культуры в целом), как необходимых факторов консолидации и гомогенизации общества я хотела бы подчеркнуть, что процесс этот носит двусторонний характер. В результате развития и распространения языка и культуры Империи и языков этносов, населяющих Империю, как и их культур, литератур, происходит встречное движение и, в зависимости от собственных внутренних сил и ресурсов, создаётся поле имперской культуры, которое, как правило, покрывает всю территорию Империй.

В советское время эта тенденция только усилилась. В качестве яркого исторического примера такого рода можно с успехом привести и Рим, латинский язык, который в ходе расширения римских территорий привёл к латинизации полмира, определив основу романо-германских язы-

ков и сумел оказать влияние на литературу, написанную на этих языках, на всю мировую культуру и её развитие, продолжающееся и по сей день. И разве Европейский Союз – не модификация Священной Римской Империи Оттонов, вплоть до той роли, которую в нём занимает нынешняя Германия? А влияние античности, эллинизма, Афинской демократии разве не лежат в основе всех современных европейских демократических систем со всеми их понятийными, смысловыми атрибутами и содержательным наполнением, – кворум, форум, консенсус, статус и пр.? А древнее Римское право – не является ли основой современного, европейского и не только европейского, гражданского права? И коль мы заговорили о Римском праве, почему бы не вспомнить и об одном из главных его постулатов – «священной частной собственности», который, в том числе и благодаря употреблению слова «священной» перед словом собственность, и по сей день оправдывает, и цементирует, и освящает капиталистическую основу современного мира и выводит за рамки закона протест?

Л.Д. А как бы Вы охарактеризовали специфику русской цивилизации?

Всё сказанное, с некоторыми оговорками на местную специфику, можно отнести к Российской Империи, которая может быть названа, в соответствии с ролью русской культуры и русского языка в ней, русской цивилизацией, перешедшей в советскую, внесшей новые фундаментальные, не всегда совпадающие с романскими, смыслы. И не это ли фундаментальное несовпадение лежат в основе всех нынешних противостояний Запада, наследника Римской империи, с Россией? Но это реплика в сторону. Вернёмся к теме языка. И понимание значения русского языка в Российской Империи многократно возрастёт, если мы учтём, что среднее и высшее образование в ней можно было получить только на русском языке. На языках других населяющих Россию этносов преподавание шло лишь в начальных классах приходских школ. Таким образом, владение русским языком открывало дорогу как к среднему, так и высшему образованию, к службе в государственных, и не только, структурах, давало возможность быть приобщённым к мировой культуре. В доказательство сошлюсь на собственную родословную, раз уж мы взяли её в качестве доказательной базы, и отмечу, что как со стороны отца, так и со стороны матери родным языком для всей моей родни и широкого круга их общения, был русский язык. На нём говорили, думали, творили, входили в историю Российской Империи – то есть возникала новая реальность, которая была идентична исторической реальности России и потому уместен разговор о возникновении такого феномена, как русская цивилизация, со своей генетической основой, структурой и иерархией смыслов, определяющей специфику мышления, саму ментальность, характер этой цивилизации. По мысли выдающегося филолога-слависта позапрошлого и начала прошлого века А. Потебни, «язык можно сравнить со зрением, подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза неизбежно даёт другое восприятие и этим влияет на всё мироощущение человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли (А. Потебня. «Язык и мысль». Киев, 1997г., переиздание 1913 года).

Эти «особые комбинации элементов мысли», как результат накопленного этносом исторического опыта, и определяют специфику русской цивилизации, и её значения, как объединяющего фактора человеческой общности многонационального государства... Язык – великий связной. Используя язык какого-либо этноса (в данном случае речь идет о русском языке), ты формируешь собственное сознание, аналогичное тому этносу, язык которого ты употребил. Отсюда роль русского языка для создания в стране русской культуры, среды, с единой шкалой ценностей, мировоззренческой специ-

*Мой дед по материнской линии Георгий Мелик-Каракозов
Министр народного образования и искусств
в своем кабинете. г. Ереван, 1918 г.*

фикой. Отсюда и та пропасть, которая разделяет сегодня русскоязычных граждан бывшего СССР от граждан, являющихся носителями языка других, населяющих Россию, этносов.

Л.Д. Что является главнейшим условием гомогенизации многонационального государства, на примере Российской Империи?

Таким условием является, прежде всего:

1) соответствующее административное деление территории страны, которое строится не по национальному признаку;

2) максимальное распространение единого для всех языка (в данном случае – русского) на всём пространстве рассматриваемой территориальной единицы, будь то Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация или грядущее новое образование;

3) решающая роль в этом принадлежит образованию и культуре на основе единого для всех языка, принятого в качестве государственного.

Подводя же общие итоги, следует отметить, что в неравном положении были в России народы нехристианского вероисповедания. Сама формула «Православие. Самодержавие. Народность» изначально предполагает такое неравенство. Реально же неравенство в стране носило сословный, социальный характер, что и привело, в конечном счёте, к революции 1917 года.

Л.Д. Что ещё переосмыслилось Вами сейчас о советской действительности?

Вопросом, который всегда занимал меня как в советское, так и в постсоветское время, то есть уже в зрелом возрасте, и на который я нашла ответ сравнительно недавно, – это о возможности построении социализма в одной, отдельно взятой стране, поставленный Лениным в Апрельских тезисах. У меня были сомнения в справедливости этих слов, с одной стороны, а с другой – я жила в стране победившего в одной отдельно взятой стране социализма. Что есть миф и что реальность? Я думала об этом. Ответ пришел неожиданно. И не помню как, по какому поводу я наткнулась на закон общей теории систем, который гласит «ОДИН ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В СОСТОЯНИИ, КАЧЕСТВЕННО ИНОМ, ЧЕМ ВСЯ СИСТЕМА». Так я нашла ответ и объяснение тому оглушительному обвалу, которым закончился, несмотря на принесенные неисчислимые жертвы, социализм в одной, отдельно взятой стране. Страна рухнула, как любое сооружение, с неверно рассчитанным фундаментом, похоронив под собой все неоспоримые достижения и принесённые жертвы... И лозунг о том, что все пути ведут нас к коммунизму, оказался бравадой, потому что пришли мы не к коммунизму, а к обществу, построенному на криминальной основе, и лихорадочно ищем выход из критической, как внутренней, так внешнеполитической ситуации...

Мысль о построении социализма в одной, отдельно взятой стране, закономерно переходила к мысли о призыве Ленина «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». В результате, как известно, страна получила войну и гражданскую, и империалистическую. Чтобы ответить себе на вопрос о правомерности ленинского призыва, я провела небольшое исследование с выводом: «...к 1918 году советской властью было утеряно три четверти территории царской России...» (С. Вермишева. Тектоника внешних и внутренних границ СССР. Москва. 1997) И хотя, пройдя через невиданные жертвы, невосполнимые потери, страну всё же удалось восстановить, повторение такого опыта мне представляется чреватой катастрофой вселенского масштаба, учитывая фактор наличия у противоборствующих сторон атомного оружия. Так что можно говорить и в этом случае о переосмыслении мною собственной позиции, которая была, наверно, данью героике гражданской войны, в том числе создаваемой советской литературой. Для справедливости отмечу, что эта героика, несомненно, имела место. Но с возрастом ценность человеческой жизни возрастает, и здесь думать и думать каждому, принимать или не принимать этот ленинский лозунг. Я свой выбор сделала.

Пересмотрен мной и вопрос о способности кухарки управлять государством. При этом не в пользу символической кухарки. Вопрос этот не простой, требующий специального разговора, в частности о сословиях, кастах, генетике.

Без изменения осталось моё негативное отношение к расточительству, к излишествам, неумеренности, потребительству, как цели и смыслу жизни. И если в детстве оно носило субъективный, то в настоящее время носит вполне осознанный характер. Первый раз это отрицательное отношение проявилось в раннем детстве, в дошкольном возрасте, когда я получила в подарок роскошную, говорящую куклу. Прислали мне её американские родственники. Я кукол не любила. Никогда в куклы

не играла, предпочитая велосипед, санки, лыжи... А тут – кукла, почти моего роста, шевелит руками, ногами, говорит «мама». В те годы такая кукла была большой роскошью. Меня же она озадачила. Особенно её имитационный характер, – в ней всё было «как бы»: она как бы двигается, как бы говорит, как бы плачет... Но всё это было не настоящим. Я делала вид, что рада подарку, на самом же деле думала, как от него избавиться. И вот придумала: я отвела кукле место около своего детского столика, усадила её в своё детское кресло, как бы демонстрируя всем свою заботу и любовь к кукле, дала ей имя своей двоюродной сестры. А потом, украдкой от взрослых, села ей на колени. Кукла издала жалобный звук, означавший слово «мама», после чего её голова благополучно отвалилась. Это было то, что мне нужно, хотя я постаралась не демонстрировать свою радость и сделала печальное, горестное лицо. Но дело было сделано. Туловище обезглавленной куклы недолго занимало место в моём любимом детском креслице.

*Мой дед по отцовской линии
Христофор Вермишев
Мэр г. Тифлиса, 1905 г.*

Уже в годы войны, в эвакуации, в Тбилиси, меня тяготили не только размеры комнаты, нашей «залы» (о чём я упоминала выше), но и многое в моей бабушке, в которой я видела признаки барственности. Особенно, когда она брала меня на прогулку, надев свой любимый, ненавистный мне, «плисовый» жакет, а на голову – шапочку с серебряной брошкой. Слово «плисовый» и серебряная брошь меня отвращали от бабушки, и я старалась выпростать свою руку и поскорей убежать от неё подальше, завидев издали приближающуюся фигуру знакомого или соседа, чтобы не быть причастной ни к брошке, ни к «плисовому» жакету, ни к самой бабушке. С неприязнью я воспринимала и сервировку нашего стола. Стол накрывался посудой дорогого фарфора лучших образцов Европы. Но есть на этом фарфоре было практически нечего. Нечем было и топить камин из белого мрамора, а когда всё же топили, обогрев был минимальным. Стены нашей комнаты были оклеены не обоями, а материей. Они были задрапированы ею до самого потолка 4-х метровой высоты. Ткань была мягкой, шелковистой. Но в складках драпировки накопилось много пыли, а сама эта, когда-то несомненно, красивая драпировочная ткань, давно выцвела. Но менять её было некому. И я любила уходить от всех этих бесполезных вещей, призраков прошлой эпохи, к своей подруге Вете, которая жила в комнатухе, где от входной двери до конца комнаты было всего несколько метров. Обогревалась она вполне сносно керосинкой, на которой её бабушка, в прошлом прачка в бабушкином доме, готовила и щедро угощала меня вкуснейшими пирожками. И не было на столе ни фарфора, ни хрусталя. Но были пирожки. И это было главным... Стены комнаты были оклеены обычными обоями. Мне было тепло и уютно. Вот тогда-то, мне кажется, и сформировалась у меня неприязнь к излишествам, особенно в условиях отсутствия необходимого. Сформировалось и укоренилось и понимание бесценности необходимого и бесполезности излишеств в условиях отсутствия необходимого. На сегодняшний день я этого отношения не изменила, – безразлична к излиществам, дорожу необходимым. Насколько такой подход отвечает вызовам времени, можно судить по сделанному Римским клубом в начале 70-х годов знаменитому докладу «Пределы роста», суть которого в том, что ресурсная база Земли убывает, численность населения растёт. Эта диспропорция и определяет будущее человечества, его перспективы, не исключая катаклизмов планетарного масштаба. Моя интуиция в далеком детстве меня не подвела.

Не изменилось и моё отношение к собственности. Государственная собственность на средства и орудия производства, как в советское время, так и в нынешнее, рыночное, для меня предпочтительна. В основе моего отношения лежит этическое чувство, но и с точки зрения практической я считаю, что будущее за государственной, а не за частной собственностью. Мне представляется, что на большом временном отрезке её преимущества неоспоримы. И это подтверждает последняя работа «Фабрики мысли»- Римского клуба.

Л.Д. Большое спасибо, Сэда Константиновна!

Вадим Рыбин

Без бес-ов!

Реформы русского правописания 100 лет назад

Предисловие

10 октября 2018 года Россия отметила 100-летие свердловской реформы русского правописания, тараном красного террора пробившей брешь в нормах русского языка. Брешь, в которую хлынули мутные потоки нововведений и иноязычных заимствований, 10 лет засорявших и размывавших наш язык, утопивших русское словообразование, и забурливших с новой силой после 1991 года.

Значение этой реформы сильно недооценено большинством людей, которые ничего не знают о языковой политике, о её влиянии на нашу жизнь – на идеологию, экономику и науку, на наш достаток. Подумаешь, дескать, «бес-» вместо «без-», «они» вместо «оне», «и» вместо «і».

Отвечу словами известнейшего исследователя русского словозаимствования Л.П.Крысина из его книги «Русское слово, своё и чужое»:

«Чем сложнее и глубже культура данного общества, тем более развит и многогранен его литературный язык и тем медленнее темпы его изменения. Это и понятно: чем больше культурных ценностей накоплено на языке, тем сильнее действует тенденция сохранить эти ценности для последующих поколений.

На страже целостности и общепонятности литературного языка стоит норма». С.593

«Устойчивость языка – одно из очень важных его достоинств, обеспечивающее взаимопонимание людей разных поколений, преемственность национальной культуры». С.572

Огромное значение сохранности языка осознано и оценено в большинстве стран – кроме, увы, России. Не случайно два премьер-министра Франции издавали свои постановления о формах женского рода названий профессий. Не случайно сложное и нелогичное написание множества звуков сохранено в других языках – греческом, английском, французском – но в 1918 году изменено в русском.

Россия состоит из трёх частей, необходимых для её существования: русская земля, русский народ и русский язык. Из этих трёх частей самой уязвимой является, бесспорно, язык. Ведь если даже сократить территорию нашей страны до одной лишь Рязанской области, а население – до полутора миллионов человек, то Россия не перестанет быть Россией. Но если в русском языке оставить лишь десятую долю русских слов, то русским языком он быть перестанет. А страна, говорящая на нерусском языке, Россией уже не будет.

Кроме того язык особо уязвим из-за непонимания народом его значения. Если враг захватывает русские земли и убивает русских людей – народ готов взяться за оружие и защитить Родину. Но сейчас на наших глазах враг громит русский язык, убивает русские слова, отбирает у языка целые области – как, например, компьютерную терминологию – и народ преспокойно взирает на это, как будто у него ничего не отбирают.

Реформа от 10.10.1918 столь же важна для России, сколь и злободневна. Она, как и в целом языковая политика большевиков первых лет советской власти, не получила своевременного и должного осуждения, что позволило возобновить её с новой силой и новыми возможностями СМИ и интернета в 1991 году. Увы, эта политика разрушения русского языка продолжается и развивается поныне.

Языковая политика в части корпуса языка (ЯПК) – это целенаправленное воздействие на язык, на его нормы и словарный состав. Большевики правильно понимали значение ЯПК и умело пользовались ею для достижения своих целей.

Свердловская реформа правописания является первым, наиболее значимым и ярким, но не единственным проявлением ЯПК большевиков. Реформа положила начало и указала направления ЯПК, проводимой революционерами в первые годы советской власти – с 1918 по 1928 годы, и продолженной с 1991 года новыми либеральными реформаторами России. Сейчас Россия проводит ЯПК именно в этих троцкистских направлениях: смелое разрушение норм языка, вымывание женского рода и склоняемости существительных и прилагательных, замена русских слов иноязычными. Даже перевод русского письма на латиницу, сто лет назад не состоявшийся, вновь начал «просачиваться» теперь, в 2010-е.

«Троцкистской» я назвал эту политику не случайно. Она началась с получения Свердловым, после покушения на Ленина 30.08.1918, верховной власти в России, и закончилась после высылки Троцкого.

Бросим же беглый взгляд на главные направления этой политики, а затем пристальнее рассмотрим собственно реформу от 10.10.1918.

Замена русских слов заимствованными

Многие считают, что заимствование русским языком иноязычных слов происходило всегда. Но они просто путают количественный анализ с качественным.

До 1920-х годов заимствование было на два порядка медленнее, чем при большевиках и на три порядка медленнее, чем теперь, и к тому же не исключало русское словообразование и не изживало из языка родные слова. Поэтому смело можно утверждать, что до 1917-го года словозаимствования русским языком не было.

Есть ли потери у армии в мирное время? Конечно. Никакие учения не обходятся без несчастных случаев. Но военные потери совершенно несопоставимы с потерями армии на учениях, поэтому мы и считаем, что в мирное время армия потерь не несёт.

Точно так же и словозаимствование. До 1917 года оно было – как армейские потери в мирное время, а с 1917 года – как в военное время. Сейчас же потери русского языка сравнимы с потерями Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Вернёмся к Крысину – о роли революции в словозаимствовании:

«На повсеместное распространение после революции иноязычной лексики, ранее специально или профессионально ограниченной в употреблении, указывали АП Баранников 1919, АМ Селищев 1928, А.Мазон 1920, Р.Шор 1929, А.Меромский 1930, Шпильрейн 1928 и др.» С.80

«Революция частью вводит заново, частью воскрешает и популяризирует множество иностранных слов, существенно изменяя их значение... Характерно при этом дублирование уже существующих в языке слов (брутальный вместо грубый, дискуссия вместо обсуждение, ультра вместо крайне) Шор Р.О Язык и общество М.:1926: 111» С86

«Во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. происходит освоение старых иноязычных заимствований народными массами... расширился и состав слов, осваиваемых широкими массами.» С.78

«Как это: демократия – да империалистическую войну? Матросы ведь тогда (летом 1917) ещё не знали «иностранных слов». (П.Е.Дыбенко. Мятёжники. М.: 1923) С79

Слово «импорт» впервые употреблено в печати в 1922 году, а в 1923 году уже полностью заменило слово «ввоз», использовавшееся ранее. «...усилить вывоз, который для Австрии выражается главным образом в дровах, магнезите и железной руде» (Правда. 1921. 21 янв.), и «...наш экспорт составляет...» (Вечерняя Москва. 1924. 17 ноя.) С89

Суффикс -ирова – вошёл в русский язык из специальной терминологии также в начале 1920-х:

«Для русского словообразования нехарактерно производство глаголов на -ировать». С84

Многие лингвисты считают, что этот нелепый суффикс попал в русский язык не из немецкого языка, а из идиша. Потому что влияние немецкого языка на русский в период 1918–1928 было слабым.

Итог большевистского «ликбеза» – обеднение, загрязнение и упрощение русского языка.

Согласно исследованию Крысина, в 1950-е годы словарный запас крестьянки из Новгородской области был в 2,5 раза богаче лексикона образованного городского интеллигента. Для примера, Кры-

син приводит ныне утраченные русским языком слова, обозначающие метель или её разновидности: «бУтора, кутиха, кутель, кутерня, кутЕрька, хутрА, хургА, кУжыль, кУжелица, фиЮз, рЯнда, зави-рУха, путерьгА, пУтень, пургАн, сипУга, пульгА, нЕпогодь, курА, кУрево, кургА, закурУха». С.574

Идейный смысл вливания в язык чуждых ему заимствованных слов ясен: это отрыв народа от культурного достояния и обычаев предков, обеднение культуры народа, разрыв или ослабление связи поколений. Это поощрение ранее порицавшихся явлений путём придания благозвучности их названиям, например: «экспроприация» вместо «отъём», «суицид» вместо «самоубийство», «коррупция» вместо «казнокрадство» и т.д.

Вымывание женского рода

Названия профессий, титулов, званий, до революции всегда имели в русском языке формы как мужского, так и женского рода: царь – царица, князь – княгиня, купец – купчиха, повар – повариха и т.д. Но после революции начинается: «мама – повар, что ж такого?» При царях были акушеры и акушерки, но «милиционерок» при советской власти уже не стало. «Гимназистки румяные» известны всем, но при демократии ни «логистки» ни «программистки» уже не существуют.

Большевики вымывали женский род из языка с целью «посадить женщину за трактор», оторвав её от воспитания детей – ведь ничему хорошему (для новой власти) матери детей научить не могли. С какой целью женский род вымывается теперь – предмет отдельного обсуждения (*ссылка на статью «Сила слова в числовом выражении»*). Французские политики уже несколько десятилетий ведут борьбу за женский род в своём языке, в России же в последние 20 лет названия профессий женского рода из употребления выведены. Во Франции суммарный коэффициент рождаемости равен 2.0 (детей на женщину), а «учительница», как показывает статистика, рождает на 15% больше детей, чем женщина – «учитель». Языковая политика правительства Медведева направлена на снижение русской рождаемости – ведь сила слова воздействует только на тех, кому это слово – родное.

А началась борьба против женского рода как раз с Новых правил правописания, введённых в действие Декретом Совнаркома от 10.10.1918. Целых 3 пункта Правил из 11 посвящены отмене форм женского рода:

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений – ЁЕ, ИЕ, вместо ЫЯ, ЙЯ.

8. Писать ОНИ – вместо ОНЪ в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде – ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНЪ, ОДНЪХ, ОДНЪМИ.

На наших глазах дело смутьянов 20-го века успешно развивается в веке 21-м. Если в 1990-е из русского языка стали пропадать женские формы названий профессий, то 2010-е женский род потеряли и другие существительные, применяемые к женщинам: «победитель Петрова», «участник Маша», «продолжатель дел Петра Екатерина». И, конечно, вместе со своими прилагательными: «первый победитель Петрова», «новый участник Маша», «славный продолжатель Екатерина».

Падежи – долой!

Изменение ещё одного коренного правила русского языка – склонения существительных и прилагательных – начато большевиками и обрело второе рождение сейчас, при единороссах.

Читаем Крысина: «матросы моются из шланг морской водой», «из рваных шланг» (1926 г.) С. 89

Тогда усилия властей не увенчались успехом, сила народного сопротивления упорно отвергала даже несклоняемость слова «пальто». Ещё в 1980-е годы русские люди упорно склоняли это «весьма неудобное для нас название верхнего платья»: «без пальт», «в пальтах», «в пальте». Кстати, на родине это слово вышло из употребления более ста лет назад. Современные французы его не слышали и не поймут. Не за то ли слово «пальто» отстояли в одном лишь только русском языке, что оно почему-то не склонялось?

Теперь вымывание склоняемости существительных идёт двумя путями, причём оба пути связаны с англоизацией русского языка.

Первый путь – отмена принятого ранее правила добавления к заимствованному слову русского окончания. В итоге, одно и то же слово теперь в русском языке может быть как существительным, так и прилагательным, и наречием. Например, «онлайн». Согласитесь, не было «телефон бронирования», мы говорили «телефонное бронирование». Но «онлайн бронирование» уже считается нормой для большинства людей – кроме, разве что, профессоров филологии. А вот это же слово становится наречием: «бронируйте онлайн!». Слово «интернет» – существительное, но вместе с тем и прилагательное: «интернет продажи», «интернет банкинг» и т.д. До 21-го века в русском языке такое было немислимо даже для иноязычных слов, не было ни «телеграф сообщения», ни «автомобиль переевозки», ни «автобус остановки».

Сочающаяся латиница

Второй путь вымывания склоняемости русских слов связан с просачиванием в русский язык написания слов латиницей. Ещё в конце 20-го века все иноязычные слова и аббревиатуры, включая имена собственные, писались только кириллицей: НАТО, Кока-Кола, Форд. В 21-м же веке всё больше слов, причём не только имён собственных, пишут латиницей. И, конечно, не склоняют их: «*новое предложение от Honda*», «*у нового Forester есть опция Bluetooth CarPlay*», «*E-commerce для Вашей компании*».

Ожидаю возражение, что написание латиницей проникает в наш язык естественно, поскольку иначе и не написать. Человек в одиночку не может ввести новый термин в употребление – люди не поймут. А чтобы поняли, нужно писать по-английски. Тогда в случае непонимания можно в интернете посмотреть, о чём речь.

Но если цветок в горшке не поливать, он засохнет естественно. Если пшеницу высыпать на землю, она тоже сгниёт сама собой, нарочно гнить её не нужно. Так же и язык. Если в других странах есть государственные органы словообразования и терминообразования, есть органы согласования новых слов с их синонимами в родственных языках, то в языках этих стран есть и новые слова на родных корнесловах, и свои общепонятные термины. Мы же унаследованную от отца пшеницу высыпали на землю, она естественно гниёт, а мы покупаем пшеницу у соседа, который хранит её в сухом амбаре.

Большевистская ЯПК продлилась около 10 лет- с 1918 по 1928. После высылки Троцкого не только прекратилось размывание русского языка, но и напротив, началось его развитие. Возвращаясь к Крысину, приведём несколько его примеров замены заимствованных слов на русские: просперити – благоденствие, процветание; бульдозер – отвал; грейдер – струг; тайм – половина игры, корнер – угловой, голкипер – вратарь, хавбек – полузащитник, офсайд – вне игры, репортаж – рассказ, матч – встреча, лозунг – призыв, и т.д.

Сейчас гноение русского языка длится уже 25 лет, и со временем только ускоряется.

При нынешней скорости размывания, думаю, русскому языку осталось жить лет сто, не больше.

Мы видим, что партия Единая Россия не только продолжает, но и успешно развивает свердловско-троцкистскую языковую политику большевиков конца 1910-х – начала 1920-х годов.

Русский язык страдает, увядает, и с мольбой взывает о новой «высылке Троцкого».

Вернёмся к истокам этой языковой политики. Первые словозаимствования, согласно Крысину, русский язык начал делать в ходе смуты 1905–1907 годов. Некоторые иноязычные слова внедрялись в русский язык через листовки, газеты и литературу смутьянов.

Но главный удар по русскому языку был нанесён, бесспорно, реформой правописания от 10 октября 1918 года. Поэтому о ней поговорим подробно.

Лишние буквы

Первые пункты «Новых правил правописания, разработанных народным комиссариатом просвещения», гласят:

1. Исключить букву «Ѣ», с последовательной заменой ее через Е.
2. Исключить букву «Ѧ», с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ее через И.

Возникает вопрос, почему в других европейских языках не отменили лишние буквы? Рено и Пежо – почему до сих пор «Renault» и «Peugeot», а не «Reno» и «Pejo»? Почему у греков остались по несколько букв на одни и те же звуки? Почему немцы пишут звук «ш» то «s», как например «Spree»- река Шпрее, то «sch» как «Schwab»- шваб? Про ужасы английского правописания вообще анекдоты слагают. Казалось бы, вполне могли бы они поручить финну или эстонцу, языки которых имеют простое и ясное правописание, реформировать свои языки, чтобы английский читался *isi* – то есть легко. Но нет. Почему?

Потому что культуры этих народов древни и богаты, потому что народы дорожат достояниями своих культур и заботятся о передаче культуры предков следующим поколениям.

Большевики-реформаторы, Свердлов и иже с ним, отдалили русское письмо от произведений старины и приблизили русское письмо к финскому и эстонскому уровню. К написанию простому, понятному... Нет, не всегда понятному. Например, «Война и мир» или «Война и мір» – до сих пор спорят, значения ведь этих слов разные.

Бес в язык

Пункт 5 «Новых правил правописания», введенных Декретом Совнаркома 10 октября 1918 года – о замене З на С в приставках перед глухими согласными – должен быть отменён.

Во-первых, изначально заявленной цели реформы – упрощению русского правописания – он противоречит. Замена З на С не упростила, а усложнила русское правописание, став исключением из общего правила написания слов согласно их смыслу и вопреки их звучанию. Судите сами.

В корнях З не меняется на С перед глухими согласными, как и другие согласные не согласовываются по звонкости со следующей буквой: *узкий, близко, обрезка, зубрёжка, ножка*.

В конце слов, где согласные звучат глухо, З не меняется на С, как и другие звонкие согласные не меняются на глухие: *заказ, обрез, ликбез, чертёж*.

В приставках ни одна звонкая согласная кроме З не согласуется по звонкости с последующими буквами: *вход, обтесать, подкинуть*. Мы не пишем *фход, оптесать, поткинуть*.

В приставках глухие согласные не меняются на звонкие перед звонкими согласными, включая С на З: *сделать, сбаврить, отдать*. Мы не пишем *зделать, збаврить, оддать*.

Написание согласных по их произношению не соответствует обычаю русского языка. Во многих словах мы читаем буквы не так, как они написаны: *корова, молоко, ошибка, петух*.

В славянских языках, кроме великорусского и белорусского, З не меняется на С в приставках перед глухими согласными.

Таким образом, никакого орфографического смысла пункт 5 Новых правил, от 10.10.1918, не имеет.

Реформа коснулась только одной буквы, только в приставках и только в русском и белорусском языках – значит, правописание тут «притянута за уши» для сокрытия **истинной цели** изменения написания приставок – **создать приставку бес-**.

«Бес» является корнем слова и вызывает в сознании образ беса, который сочетается во многих словах с положительными образами: «бес славный», «бес сердечный», «бес сильный» и т.д., что не может быть истолковано иначе, чем прославление беса.

Легко можно понять большевиков, учитывая их цели и задачи в 1918 году. Но сегодня цели смутьянов чужды и вредны нам, и пора прекратить это **бесобразие**.

Во-вторых, поскольку вначале было слово, то для изгнания нежелательных явлений из нашего общества и начинать нужно со слова. Изгоним бесов из языка – даст Бог, и с бесами в нравственности народа справимся. С казнокрадством и взяточничеством, с чужебесием и стяжательством, с равнодушием и сребролюбием, с наркоманией и пьянством, с абортами и самоубийствами. Трагедия в Кемерове вновь подчеркнула злободневность проблемы нравственности народа.

В-третьих, приставка *бес-* может препятствовать интеграции евразийского пространства, вызывая неприязнь к русскому языку и к русскому народу у остальных славянских народов, в языках которых приставки *бес-* нет.

В-четвёртых, ссылки на авторитет участников Орфографической комиссии – академиков Ф.Ф. Fortunatova и А.А. Шахматова – безосновательны, поскольку Fortunatov не дожидаясь внедрения бесов в язык, а Шахматов впоследствии раскаялся в содеянном при его участии коверкании русского языка: *«...в том, что происходит, отчасти и мы виноваты. Заседание, в котором мы приняли новую орфографию, было по настроению большевистским... Мы тоже разрушители».*

Противники бесов в языке, напротив, со всем основанием могут сослаться на критику большевистского правописания И.А. Буниным, И.А. Ильиным и многими другими известными русскими мыслителями. Подчеркну, все они называли реформу правописания именно большевистской.

И наконец, в-пятых, сопоставление даты внедрения *бес-*ов в русский язык с другими событиями довершает картину самыми яркими и густыми красками.

30 августа – покушение на председателя Совнаркома (премьер-министра) Ленина и убийство главы Петроградского ЧК Урицкого. Глава государства, председатель ВЦИК **Яков Свердлов**, до того деливший власть с Лениным, **становится единоличным повелителем России, «Красным царём».**

Я.М.Свердлов и М.С.Урицкий

Партией, по всей видимости, также руководил Свердлов. Так, с 26 августа 1918 года, то есть ещё за 4 дня до покушения на Ленина, он начинает подписывать исходящие от ЦК документы «Председатель ЦК РКП Я. Свердлов». До этого подписывал он же, но «секретарь ЦК РКП(б)», или его жена- «за секретаря».

2 сентября Яков Свердлов в обращении ВЦИК объявляет красный террор. 3 сентября в Петрограде ЧК расстреливает 512 заложников. Затем волна расстрелов прокатывается по всей стране. Однако размах террора не устраивает его главарей. Вожди революции последовательно в течение сентября, октября и ноября 1918 г. призывают отбросить жалость и усилить террор.

На фоне усилий большевиков по ожесточению террористов, по устранению жалости и милосердия и по разжиганию красного террора – и выходит второй, окончательный декрет о правописании.

Большевикам нужна была пляска бесов по всей России – нашей матушке. Кровь и ужас, разгул самосудов, массовые грабежи, насилия, пытки и жестокие убийства – вот цель замены приставки *без-* на *бес-*.

Некоторые люди утверждают, что реформа правописания была не большевистской, а начата была ещё Временным правительством. Но я возражаю.

Само название Новых правил говорит, что составлены они не министерством, а народным комиссариатом просвещения.

Распоряжение попечителям округов об изменении обучения в младших классах – не реформа правописания, а лишь робкая попытка выявить реакцию общественности с целью принятия дальнейших решений. Ни печать, ни делопроизводство на новое правописание переводить не предписывалось, даже официальная правительственная газета «Вѣстникъ Временнаго правительства», как и «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», выходили вплоть до 24 октября в старом правописании. Но даже и эта малая мера не была выполнена, встретив возражения учебных заведений и общественности.

23 декабря 1917 года Наркомпрос РСФСР издал Декрет «О введении нового правописания», который уже можно назвать реформой русского языка, поскольку он предписывал:

«Все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и не периодические (книги, труды, сборники и т. д.), должны печататься согласно новому правописанию с 1 Января 1918 года.»

Но и этот Декрет не был исполнен. Поэтому 10 октября 1918 вышел повторный Декрет с тем же названием «О введении новой орфографии», но изданный уже более высоким органом власти – Совнаркомом:

« I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.»

Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 также вызвал протесты и сопротивление общества, отвергавшего новое правописание. Пришлось большевикам силой изымать из типографий, в том числе церковных, отменённые буквы. Вместо изъятых Ъ долгие годы использовали апостроф: «под'ём».

Бес-ы были внедрены в русский язык только террором

Идеологом и практическим осуществителем большевистской языковой реформы был Яков Свердлов. Он руководил на 10 октября 1918 года и партией большевиков, и государством. Поэтому о нём подробнее.

Треугольник братьев Свердловых показывает сущность русской трагедии 1917 года: один брат, Вениамин – банкир в Нью-Йорке; другой брат, Яков – у красных; третий, Зиновий – у белых, представитель Франции при Колчаке. Примечательно, что белый террор был только у Колчака, у других белых вождей не было террора. Выходит, где братья Свердловы – там террор.

Из семьи Свердловых известен ещё один выходец – Генрих Ягода. Он рос в доме Свердловых и породнился с ними, женившись на племяннице Якова Иде Авербах. Имя Ягоды также связано с большим террором в России.

Нынешняя власть твёрдо отстаивает имя Свердлова на картах России. На все прошения о переименовании улиц и набережных, о возвращении на карты прежних названий, получены отказы. Так же твёрдо отстаивается правительством России, отвечающим согласно 53-ФЗ за русский язык, и свердловская приставка *бес-*.

Сто лет назад большевики победили. Ценой огромной крови, путём всех ужасов неистовства им удалось внедрить приставку *бес-* в наш русский язык. Дореформенное правописание было приравнено ими к контрреволюционной деятельности и каралось со всей незаконностью и жестокостью красного террора.

Теперь страшные кары того жестокого времени послушникам не грозят. От правительства заботы о русском языке не дожидаться.

Призываю всех неравнодушных к России и к родному языку людей писать с 10.10.2018 без замены З на С в приставках, без *бес-ов*!

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Глебович Куприянов (род. 23 декабря 1939) – поэт, переводчик, прозаик. Окончил Московский институт иностранных языков в 1967. Публикует стихи с 1961 года. Его сборник «Жизнь идёт» (1982) – среди первых книг верлибров в русской поэзии второй половины XX века. Участник многих всемирных форумов поэзии. Переводил стихи европейских, прежде всего, немецких поэтов (Гёльдерлин, Новалис, Рильке, Трахль, Целан, Фрид, Бобровский, Энценбергер, Яндль). Лауреат Европейской литературной премии (1987), обладатель Литературного жезла Македонии, 1999; премии им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006); премии Министерства культуры Австрии (2007); премии «Моравская грамота» (Сербия, 2008); Бунинской (2010), премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика), 2017; премии Felix Romulana (Сербия, 2017), премии «Сердце связующая нить», 2018; премии «Югра» (Ханты-Мансийск 2018). Книги: «На языке всех», (русско-англ.), Лондон, Forest books, 1992; «Телескоп времени» (русско-нем.), «Alkuon-Verlag», 2003; «Лучшие времена», МГ, 2003; «Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова», «Радуга», 2009; «Ода времени», Новый ключ, 2010; «Бумажная ложь», POINT-Edition, (русско-фламандск.), 2012; «Нельзя/Verboten», (русско-нем.), 2012; «УРОКИ – LEÇONS», PEVO-Verlag, Бельгия, (русско-франц.), 2012; «Дикий Запад», Pop-Verlag, 2013; «Башимак Эмпедокла», БСТ-Пресс, 2013; «Ничто человеческое», Авторская книга, (Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года», Москва, 2013; «Озарение», Сан Пауло, Бразилия, на русском и португальском, 2016, «Волчий зов», Сербская Республика, 2017; «Duett of Iron», Киото, Япония, 2018; «Hastakshar sharad ritu ke» («Урок географии»), стихи на хинди, Нью Дели, 2018.

Остерегайтесь гончих псов

Виртуальная» повесть. Продолжение, начало в предыдущем номере

9.

В народе к избавлению от штампа отнеслись неоднозначно. Опять всё на народ свалили! Будто народ всё тащит, а не отдельные вороватые личности. Если он всё тащит, то почему он такой бедный? Что плохо лежит... А вы не кладите плохо, кладите сразу хорошо! Но в то же время права русская пословица: нет худа без добра!

А что, кстати, хуже: прибрать к рукам то, что буквально с неба свалилось, или скупить по дешёвке то, на что труд поколений потрачен? Тут уже и железные дороги к рукам прибирают, это уже вам не рельсу унести! Флотилии приобретают и тут же флаги меняют: в чьём море рыбу ловят – тех и флаг! Уже саму почву из-под ног врагам русского народа продают: враг хлеб посеял, да сам его и съел! Народ прищуривается и присматривается, не продадут ли его вместе с почвой в более благоустроенное государство. А народные избранники утверждают, что только когда народ приватизируют, тогда только у нас появится открытое и гражданское общество!

– Что такое народ? – разглагольствовал, как-то, президент, когда у него был приступ бессонницы. – Народ – это кто меня выбрал президентом. Большой народ, великий. Вначале меня, конечно, выдвинули, ну, это был малый народ. А те, кто меня не хотел выбирать – это разве народ? Народ – он себе добра хочет! Но я-то обо всех заботиться обязан; и о тех, кто понимал, что я всё менять буду коренным образом, и, значит, о тех, кто надеялся, будто всё так и останется, как некогда было. Но я же не могу всем угодить; и тем, кто хочет всё получить, и тем, кто держится за собственные остатки! Чтобы и тем хорошо было, кто меня за большие деньги выбрал, и тем, у кого эти деньги, как они сами воображают, отобрали. Да, как говорили мои предшественники, тяжела ты кепка Мономаха! Куда её ни спрячь, всё равно, того и гляди, украдут.

– Ещё Иван Грозный говаривал, что русский народ – вор, – вставил я несколько невпопад, потому что президент необыкновенно рассердился:

– При чём тут русский народ? Я на русский народ никакому Грозному клеветать не позволю! Русский народ! Развели мне тут великодержавный шовинизм! У нас многонациональное государство!

К счастью, президент на этом успокоился. Так или иначе, от штампа отбоярились, народ утешили в космическом смысле. Была ли на самом деле встреча узкого круга в верхах, или верхи в виде больших ангелов спустились к ложу президента – мне не ведомо. Но в результате увеличились зарубежные инвестиции в Россию, как в свободную от космического влияния зону. Теперь можно было и уголовные дела против олигархов и узурпаторов прикрыть, теперь они могут спокойно возвращаться в Россию со своих заморских вилл, на своё русское поле деятельности – оно открыто! И безопасно: не накроют! А беднейшие недолго роптали, – отнимите у них, нам отдайте, – на ропот тоже силы иметь надо. Главное, на нас штамп не поставят; некоторые шутили, мол, и так пробу ставить негде!

Вечные споры о том, является ли Россия частью Европы, склонились в пользу Европы. Европа тоже признала Россию свободной от штампа зоной. Российские голубые каски были допущены на Балканы как равноправные миротворцы, а в Европарламенте было принято решение, что со временем, уже при нашем летоисчислении, все славяне могут быть признаны европейцами.

На очередном брифинге Уп и Повидлоу выглядели несколько помято; нетрудно было догадаться, что с вечера они крепко набрались в тёплой компании. С президентами! И с их советниками. В отличие от наркотиков, из-за которых были отвергнуты заочно целые регионы Азии и Латинской Америки, русская водка, видимо, понравилась деловым инопланетянам. Её, погубившую пол-России, почему-то не назвали в числе причин, по которым Россию минует вселенская печать. Ведь в ней всё растворяется. Пятна водкой выводят.

Уп упомянул, прежде всего, такие качества России, как ледовитость и студённость. Сюда входит и вечная мерзлота с застрявшими в ней допотопными мамонтами, и западносибирские болота, из-за которых так трудно добираться до тюменской нефти, и вообще сезонный снег: снег может запошить вселенскую печать, гляди, не гляди, ничего из глубинки Млечного пути не узиришь, кроме такой же непроходимой млечности.

Рядом с Упом торчала настоящая снежная баба. Сперва показалось, что это Джимми Повидлоу со своей сивой головёнкой, но когда баба на глазах стала таять, стало ясно, что это не Джимми.

– Вот вам доказательство, – указал на бабу Уп. – Если поставить её на землю, её потом укроет снегом, если поставить на снег, снег когда-нибудь обязательно растает!

– Не хотите ли вы сказать, что ваш этот штамп выглядит, как баба? – это был вопрос к Джимми, который возник рядом с истекающей бабой.

– Женское начало не исключено в нашем штампе, уже слово печать женского рода, отсюда супружеская неверность, – Джимми даже не поморщился, высказав пошлость – Однако всякая снежность полностью исключена. Возможно, в вашей снежной бабе воплощена в переносном виде загадочная русская душа; она поверхностно холодна, но зато быстро оттаивает, правда, когда она оттаёт, практически ничего не остаётся. Возможно, остаётся русский дух. Но это уже не по нашему ведомству.

– А как с Беларуссией? – спросил, скорее всего, белорус.

– Беларуссия находится в тесной спайке с Россией и соответственно подмораживается, если хотите, на радость мыслителю Константину Леонтьеву из позапрошлого века.

– А Украина? У неё и так с Россией прохладные отношения...

– Вот именно, прохладные. Это в свою очередь подмораживает Украину. Отношения ещё нагрянут! Вон, в одном Крыму тепла – завались! Но за тепло приходится платить, – казалось, Джимми всё более входит в роль Пифии, давая мистические ответы.

– А Казахстан, подбрюшье России? Там же вечные проблемы с космодромом в Байконуре, все от туда взлетают, там же и приземлиться норовят. А ещё есть жуткое наследие ядерных полигонов...

– Байки о Байконуре сильно преувеличены. Запускать в небо всякую всячину можно из любого другого местечка! Есть Дальний Восток, океанические платформы. Совместные программы с американцами. Мыс Канаверел. Мыс Горн. Мыс Доброй Надежды. Мыс Канин Нос... И атомный полигон можно устроить у кого угодно под носом!

Что-то зарепортовался Джимми после вчерашнего. А ведь серьёзные вопросы, связанные с ближним зарубежьем – это вам не фунт изюму. Вот и изюм подорожал. Мы-то думаем: космос нам поможет! Куда там! А вот и переход к дальнему зарубежью:

– Таким образом, на евразийском континенте остаются лишь два серьезных претендента: Китай с его особым путём развития, да Индия с её глубокой древностью. Не так ли?

– Так, да не совсем. Есть ещё Афганистан, но с ним всё не ясно. И у относительно удалённой Европы с ним не всё ясно, Европа там не раз попадала впросак, и у близкой, кажется, Азии, и даже у совсем далёкой Америки. А у Китая не всё ясно с буддийским Тибетом. У Тибета не всё ясно с Алтаем. И там священные горы, и там тоже. У острова Тайвань не всё ясно с материком. На севере Китая выстояла Великая китайская стена. Я заранее отвергаю домыслы, что стена – часть бывшего штампа. Стену воздвиг деспот Цинь Ши-хуанди, сжигавший книги и учёных. Но мы её рассматриваем как памятник материальной культуры. Стена построена против монголов, которые стремились в Китай за книгами, так что и монголов мы исключаем, поскольку они натываются на эту стену.

– Но нельзя же так просто отказаться от великого Китая! Огромная страна с многовековой историей! У Китая на ваш счёт тоже могут быть свои соображения, нельзя с ними не считаться!

– Всё это так. Китай уже довёл до нашего сведения свои собственные соображения. Но нам некогда разбирать самим их многочисленные сложные иероглифы. Мы ещё с египетской клинописью досконально не разобрались. Мы всё это послали на Сириус на расшифровку, там у нас есть специалисты по разливам Нила, пусть они разбираются с древним Египтом. В Китае реки тоже разливаются. Каждая река – это уже иероглиф! Если у нас и дальше будут сложности с Азией, мы будем вынуждены снова обратиться к той же Европе! И нам ничто не мешает поставить на вашу Землю не один, а два, три, или сколько угодно штампов!

Журналисты и газетчики так и застыли в немой сцене, поэтому, не дожидаясь вопросов, Повидлоу продолжал безмятежно и деловито:

– Индия. Есть просто Индия – бывшая колония кровожадной Англии, а есть Индия духа. На дух мы не можем делать ставку. На колонию тем более. И на ядерную державу! То же с Пакистаном. Афганистан, как сплошной горный массив, с воздуха вообще не просматривается, русские там так ничего и не увидели. С Индии свисает в океан остров Цейлон, там тамилы на тамильском языке никак не договорятся с коренными сингалами, предпочитающими сингальский язык.

Вот видите, мы не можем доверить нашу печать нестабильным регионам, даже обладающим древними культурами. Её могут испортить, украсть, извратить, подделать, испакостить надписями на своих и не своих языках, да вообще – стереть с лица земли!

– А как Иран, Ирак?

– Да никак! У нас давно вызывают подозрения те страны, на которые нам настоятельно указывают другие, явно заинтересованные страны. Вот, как будто у России с Ираком тёплые отношения, но от этого в России снег прежде времени не тает, а в Ираке не наблюдается снегопад. Тёплые, даже где-то родственные, отношения у России с Израилем. Но у самого Израиля отношения со своими соседями либо холодные, либо горячие. Согласно апокалиптическим инвективам: если ты не холоден или не горяч, изблюю тебя из уст моих! Так, кажется. Но у Израиля более чем тёплые отношения с Соединёнными Штатами...

– Выходит, вы склоняетесь в сторону Соединённых Штатов? Другого места вы не находите? Не слишком ли смело!

– Мы пока никуда не склоняемся. Мы вообще не склоняемся! Мы – ищем. И мы – найдём! Мы же почти впервые столкнулись с такой неудобной и блуждающей географией, не говоря уже об истории.

– Вы сказали – почти! Значит, всё-таки вам известны подобные миры, где живут разумные существа?

– Кто сказал, что у вас здесь разумные существа? Мы пытаемся понять, что это за явление; вроде бы действительно жизнь, хотя и не разумная – с этим мы впервые сталкиваемся. Мы хотим себе уяснить, жизнь это, или просто болезнь? С некоторыми мирами мы сразу знали, как с ними быть, некоторые из них от наших действий выздоравливали, некоторые наоборот – заболели.

– Вы имеете в виду нанесение штампа?

– Штмп самодостаточен. Мы его тоже имеем в виду. Бывало и такое: наносим штмп, штмп хорошо видно, а жизнь уже не наблюдается.

– То есть, как не наблюдается?

– Ну, может быть, мы не так на эту жизнь посмотрели. Не разглядели. Не доглядели. У вас бы

это называлось – коллатеральные последствия. Хотя вы меньше всего о последствиях думаете. Если вообще думаете.

– Вы нас постоянно и огульно унижаете! А скажите-ка прямо – вы же все знаете: скажите, пожалуйста, есть ли Бог?

– Пожалуйста: Бог есть! Есть, но мы в него не верим! Он, вероятно, в нас тоже!

– Как-то странно, господа пришельцы! Есть, а вы не верите! Это нелепо!

– Весьма даже лепо, братия, если с высоты нашей современности, а не вашей посмотреть. Много ли надо интеллекта, чтобы верить в то, что невероятно и неочевидно. И только высокий наш интеллект может нам позволить не верить даже в то, что действительно есть. Всё зависит от уровня высшего образования, а он у нас гораздо выше среднего!

На этом Джимми завершил беседу, как бы раскланялся с докучным экраном и расплылся в свое собственное никуда. Снежная баба как раз растаяла, даже не замутив чужую жидкость. Позже я узнал, что баба была личным подарком от президента. Так вот зачем мы летели в снежную пустыню! То-то я заметил, что члены правительства лично что-то из снега лепили. Руки погреть и снова лепят. Я ещё раз подивился непредсказуемой мудрости нашего руководства.

10.

Меня тоже бросили на расчистку снега с взлётной полосы. Там же старались охранники в лыжных костюмах и несколько предпринимателей в телогрейках поверх модных блейзеров, пошитых по датским лекалам, но уже в Москве. Охранники подшучивали над бизнесменами, как бы тем не остаться в телогрейках на веки вечные. Бизнесмены не снисходили до болтовни с охранниками, а зря, те были вполне лихие люди.

Один из них имел от президента лицензию на спиртное. Он производил дешёвую водку, те, кто её потреблял, нуждались в скором времени в лечении, поэтому была выдана расторопному охраннику лицензия и на закупку за рубежом необходимых снадобий. Вроде бы, зачем при этом оставаться охранником, ан, нет; и к олигархам ближе, и не надо самому охранников оплачивать, числясь одним из них.

Расчищал снег и личный массажист президента – довольно массивный детина, который говаривал о своей процедуре так: нанести массируемый удар по стратегически важному телу президента.

Ещё один, увешанный биноклями, присматривал за ними обоими. За первым, чтобы тот не спаивал президента, когда последнего надо лечить, и за вторым, чтобы массаж, не дай Бог, не перешёл пределы лечебного – всё же процедура продельвается с голым телом, хоть и не американского, но тоже президента.

Предпринимателей, занимающихся пошивочным бизнесом, завлэк в снега именно холод и необжитость этого края. Они разрабатывали модную одежду для отдалённых районов севера. Это обещало немалую прибыль, ведь север велик и почти гол.

Весь мир моды от Парижа до Рио-де-Жанейро изощряется, – как бы поизящней раздеть человека? И самца и особенно самку. Тут вне конкуренции остаётся проектирование утеплённого нижнего белья, кальсон, подштанников, не говоря уже о верхней одежде. К тому же власти время от времени нехотя обещают бедному народу, что богатых будут сажать. Когда бедных уже не будет, будет средний класс. Богатые вряд ли захотят валить остатки русского леса в простых неуклюжих ватниках.

Мы взлетели и часов через восемь приземлились, как я догадался, в аэропорту Чкаловский. Заехали в Кремль, прогулялись возле Царь-пушки, тронули Царь-колокол. По Новому Арбату, по Кутузовскому проспекту, по Рублевскому шоссе нас доставили в бывшую Кремлевскую больницу. Всё говорило о стабильности.

В моей телерадиобудке лежали свежие газеты.

Американцы пытались передать в дар пришельцам карликовые мумии, найденные некогда возле разбитой летающей тарелки где-то недалеко от Панамы. Пришельцы отвергли дар с омерзением.

– Это не наши, – определил Уп. – Это ваши.

– Но у нас таких нет! – обиделись ученые.

– А нам таких не надо! – оборвал их Уп.

– Но это может что-то дать вашей науке, – упирались американцы.

– Что могут дать науке чужие дохлые люди? У нас для этого и науки-то подходящей нет. Да и

вообще нет никакой науки. И потом мы в этом видим попытку дать нам довольно нелепую взятку! Место этим мумиям в вашем Голливуде! – поставил точку неподкупный Уп.

Затем появился невозмутимый Повидлоу и стал объяснять Америку.

Канада климатически и геологически симметрична России, там тоже хватает льда и снега. Красота индейского лета со всеми интенсивными красками северного леса приятна птицам, из космоса она неочевидна. Развал Канады на восточную – английскую и западную – французскую более очевиден. Плачевное наследие неуживчивой Европы! Конечно, захватывающее зрелище – Ниагарский водопад, его бы вывернуть наизнанку и показывать любопытным, поместив на небосвод, но он бы тогда обрушился проливным дождем на любопытных – жаль! А так он помогает своим пограничным положением отличать канадцев – они в синих плащах, от североамериканцев – те любят стихией в жёлтых накидках.

Латинская Америка симметрична России, но не с точки зрения природы и климата, а с точки зрения хозяйства и структуры общества. При этом не Латинская Америка приближается к России, а Россия тащится в направлении южного материка, в чём ей помогают задушевные телесериалы, где хорошо различаются добро и зло, и на этом фоне как злодеи, так и добрые люди живут зажиточной жизнью.

Пришельцы со знанием дела рассуждали о карнавале в Бразилии, о смеховой средневековой культуре по Михаилу Бахтину, чьё учение о карнавале, несомненно, повлияло на политическую жизнь России. Более далёкой от России представлялись империи ацтеков и майя. Как мог открытый жрецами майя нуль из неоткрытой ещё Америки попасть в математику древней Индии? Вряд ли через север и через Сибирь, он бы затерялся на подступах к Киевской Руси, ибо Киев ещё не был заложен. Морем-океаном? Сдаётся, что нуль труднее переправлять, чем награбленное у индейцев золото. Это только кажется, что его можно катить, как колесо у Гоголя. Известно только, что из Индии в Европу нуль доставили мудрые арабы.

Что-то не ладится с историей открытий, в том числе географических. Почему бы не предположить, что индейцы майя сами отвезли свой нуль в Индию, потом в сопровождении арабов открыли Европу и остались там, дав начало арийской расе. Это, конечно, противоречит утверждению, что предками индейцев были десять исчезнувших колен Израилевых, но ещё в большей степени опровергает дарвиниста и сатирика Марка Твена, считавшего, что индейцы произошли от гориллы, кенгуру или норвежской крысы. Правда, норвежцы и арийцы уже как-то смыкаются.

Магическое начало летоисчисления майя – 3113 год до новой эры, это время может совпасть с первичным нанесением штампа на Землю. Ступенчатые пирамиды майя не менее подходят на эту роль, нежели пирамиды Египта. Не исключено, что те и эти пирамиды – окраины штампа, и в то же время окраины исчезнувшего материка, скорее всего Атлантиды, которую ищут в Карибском море кубинцы с канадцами.

Система счисления у майя была не десятичная, а двоичная, более пригодная для вычислительной техники, это наводит нас на мысль, что у жрецов майя были компьютеры, или пуще того – они сами уже были запрограммированы, как компьютеры. Двоичная система позволяла быстро принимать решения, например: сразу отрезать голову пленнику, или дать ему возможность в последний раз сыграть в футбол, а уже потом отрезать головы всей проигравшей команде. О таком пока только ещё мечтают ваши нынешние футбольные тотализаторы.

Но это всё предыстория и испортившая её история. Что же можно сказать о природе? Бассейн реки Амазонки обеспечивает равновесие климата на всём земном шаре. Нельзя разрушать природу, не изуродовав при этом историю. Нам, честно говоря, не хотелось бы вмешиваться в вашу историю, ибо нет никакого желания в неё попасть. Но, тем не менее, сознание нашего астрального долга...

А теперь, пожалуйста, вопросы.

– Не хотите ли вы сказать, что вы намереваетесь уже сейчас покинуть нашу планету, так как она вас не устраивает?

– Напротив, мы только ещё начинаем осваивать вашу замечательную планету.

– Но тогда получается, что вы отвергли все так или иначе цивилизованные участки суши, кроме Соединённых Штатов. Вы всё время подбирались к ним то с одного, то с другого боку! Итак, местом нанесения штампа вы выбрали США! Так?

– Так. Так или не так, но, скорее всего, что так! – Повидлоу смотрел вопросительно на Упу, боялся, что ли, выдать космическую тайну, но Уп делал вид, что это его не касается.

– Так!? А если так, то почему именно так? У вас есть веские доводы?

– Веских доводов нет, но мы надеемся на веские выводы, – Повидлоу крутил вокруг да около, – а не веских доводов сколько угодно, США – это Соединенные Штаты Америки, почему бы не сказать – Соединенные Штатпы! Во всем мире царит распад и разъединение, а тут – единство и даже совсем не противоположностей. Штамп – это печать, а печать в Штатах играет первостепенную роль. Вспомните первые законы от 1763 года. Вы же сами, почтенные, представители печати! Печать – это знать! Знать – как существительное. Мы уже высказывали гипотезу, что Англия уже поставила кое-куда свою печать, теперь мы видим, куда. Не сочтите это за английский юмор. И мы готовы перенять ваш земной опыт нанесения печатей на чужие земли. И вот ещё что: мы бы не хотели наносить печать современности на памятники старины, музеи, монастыри... В Штатах мы как раз находим желанный минимум таких культурных и культовых нагромождений. Это свежая земля, где без нашей помощи истреблены огромные рогатые бизоны. Генерал Кварк, ах, ошибся, генерал Шеридан видел в истреблении бизонов самый гуманный способ избавиться от индейцев, лишив их пищи, обуви и одежды. В результате мы не опасаемся, что наш штамп напорется на рога бизонов!

– Но вы же предполагали, что Америка – это лишь филиал Сицилии?

– Не филиал, а лучшая часть! Точно так же, Америка – лучшая часть Чёрной Африки – джаз, блюз, рок, бокс, реп, секс!

– Простите, уважаемый господин пришелец, никак не запомню ваше сладкое имя, но смею заметить, с таким же успехом Америка часть Израиля, пусть не самая лучшая, но самая сильная, а также часть России, не самая сильная, но всё-таки самая лучшая, и если следовать вашей пространственной логике, так можно поставить штамп на что угодно!

– Видите ли, господин знаток, Ваше имя знать было бы для меня слишком обременительно. Наша верховная логика выходит далеко за пределы, как европейской силлогистики Аристотеля, так и буддийской тетралеммы, согласно которой всё есть истина, и всё есть не-истина, всё суть истина и не-истина, и всё суть не-истина и не-истина. Мы всё это принимаем во внимание, но идём дальше, иначе бы мы недалеко ушли от обочины Млечного пути. У нас и параллельные либо расходятся по Риману, либо пересекаются по Лобачевскому, либо вообще закручиваются, это вполне по-нашему. Поэтому США могут быть для нас – но и для себя – частью чего угодно, входить в любой союз или вступать в конфронтацию с чем угодно, а мы будем наносить штамп именно на Штаты. На все сразу или на каждый в отдельности. Что же касается соратников и союзников, как и противников Соединённых Штатов, то наша геометрия покажет, как быть и с ними.

– А вы не боитесь? Ведь США занимают полярное положение в однополярном мире!

– Очень неравновесное, неустойчивое положение! Но нам-то чего бояться?

– Как чего? Мощи Соединённых Штатов!

– Мы не боимся даже разрозненных Штатов. Мы не боимся даже сокращения штатов! Мы ничего не боимся.

– Ну, будущее покажет! – казалось, среди задающих вопросы репортеров остались именно одни американцы, будто они одни болели за свою страну. Повидлоу при этом так зарывался в бумаги, что лица его порой не было видно.

– Будущее? Будущее ничего не покажет. Будущего не бывает. Будет только одно настоящее. Настоящим уведомляем! Генерал, зажгите генеральную карту!

Всё ещё казалось, будто вещал Повидлоу, но внезапно он превратился в Упа, Уполномоченный Вселенной был в форме морского пехотинца США. На его зов явился Повидлоу, уже в хромовых сапогах, фуражке и сталинской длиннополой шинели. Он нажал кнопку на пульте кафедры, на стене показалась карта Соединённых Штатов и Канады, он достал из кармана шинели трубку, набил её табаком, выщипанным из сигарет Герцеговина Флор, раскурил её и той же спичкой поджёг карту в районе мыса Канаверел, штат Флорида. Затем зачем-то снял свой ботинок и постучал им по кафедре.

11.

30 мая исполнилось бы 100 лет Бенни Гудмену – изобретателю свинга, композитору и кларнетисту. Но ещё более мил официальной Америке композитор Аарон Дэвид Копленд. Опираясь на творческий метод Стравинского, не пройдя мимо атональной музыки, он подарил Америке нечто патриотическое: музыку, под которую можно поднимать американский флаг.

Флагом накрывали гробы героев, погибших в борьбе за жизненные интересы Соединённых Штатов в Северной Африке, Южной Корее, в джунглях Вьетнама и так далее и тому подобное.

Вьетнамская сигаретная мафия опять устроила резню у вокзала возле берлинского зоопарка. Есть жертвы. По данным российских правозащитников дневной рацион обитателя московского зоопарка в 3,7 раза превышает рацион свободно живущего москвича по насыщенности витаминами и микроэлементами.

Над землёй со скоростью искусственного спутника плыла огромная пылающая карта Соединённых Штатов. Чтобы дать ей видимость, облака истончились и проходили сквозь неё в верхние слои атмосферы, отчего во многих областях установилась жаркая засушливая погода. Карта искрилась и тлела по краям, от этого загорались леса не только в самой Америке, но и в Австралии, да и в России, особенно вокруг Санкт-Петербурга, Москвы и в Сибири. Если бы не странные переходы небесной карты из физической в политическую, можно было подумать, что сама Америка зловеще нависла над остальным светом.

Главный островитянин Британии гневно осудил общественное мнение, которое сеет панику в связи с появлением первого искусственного спутника Земли, запущенного не с самой Земли, а откуда-то свыше. Для паники нет основания, если этот спутник до сих пор не сбит объединёнными усилиями великих держав, то только потому, что великие державы не придают этому явлению никакого значения. Но как только незваные пришельцы проявят себя не с лучшей стороны, они тут же будут объявлены военными преступниками и предстанут перед международным трибуналом. В Гааге судьи уже готовятся к этому. На лице островитянина был написан благородный гнев, какой испытывает английский футбольный фанат при проигрыше любимой национальной команды.

Первые лица Германии не делали заявлений, но посетили ряд важных военных баз, где вручили букеты цветов жёнам американских лётчиков. В кратких деловых речах высказывалась надежда, что когда внуки нынешних военных тоже станут военными лётчиками, это будет самая мирная профессия на свете.

В связи с тем, что основные силы экологического движения Гринпис ринулись к берегам Северной Америки, Франция объявила о новом испытании ядерного оружия в районе атоллов Океании.

У берегов штата Мериленд неизвестное судно под знаменем Гринпис производило таинственные подводные работы, как подозревают некоторые спецслужбы, с целью обнаружить гроб с телом убиенного президента Кеннеди. С тех пор как в начале 1965 года гроб был сброшен в океан с борта военного самолёта, никто не пытался выловить его с глубины 3000 метров. В этом же подводном районе захоронены устаревшие боеприпасы, для использования которых не нашлось подходящей справедливой войны в какой-нибудь подогретой точке земли. При приближении судов береговой охраны поисковики-экологи на большой скорости удалились в нейтральные воды.

В России консолидируются силы перед выборами в Думу. Делаются первые шаги по созданию партии Любителей честных людей. Уже поставлен вопрос, можно ли будет вступить в неё, не покидая своей прежней партии.

Я поспешил с докладом к президенту. К моему удивлению, его постель была пуста. Синее байковое одеяло было аккуратно заправлено. Из персонала никого не было видно. Было уже поздно. Возможно, готовилось чрезвычайное правительственное заявление об очередном усилении борьбы с мелким и средней степени хулиганством. Я прошёл по коридору, палаты действующих министров, как мне показалось, тоже пустовали, только в отделении отстранённых членов правительства ещё какое-то оживление, сновали люди в военной защитной форме среди белых медицинских халатов.

Я вернулся к осиротевшей постели президента, почувствовал себя вдруг одиноким, усталым и ненужным. Я почти автоматически разделся и лёг в жёсткую постель главы государства.

12.

Прав был поэт-метафизик Джон Донн, когда писал: не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по тебе. А если и не слышно колокола, то всё равно, всё, что умирает, отлетает прочь от этого мира и опустошает часть нашего зыбкого бытия. Я бы не хотел уверовать в пульсирующую Вселенную, почти по Гераклиту: огонь, мерами возгорающий и мерами угасающий. Я не могу принять взрыв, как начало жизни, ибо за этим неминуемо следует её погребение, возникает воронка, разлетаются комья неизвестно чего. Это на них-то зарождается жизнь, чтобы закончиться так же

внезапно, как началась? Хотелось бы другой протяжённости, полноты и освещённости. Без кантовской дурной бесконечности, этого накопления унылых единиц. Метемпсихоз штампованных душ в клонированных телах. Весь этот нескончаемый синтез единицы разносит по свету виртуальная роза ветров. Блаженный запах единицы. Жизнь, узелок на память на мировой линии связи. Кто его завязал, забыл, как его развязывают.

Появление братьев по уму, или по глупости всё равно радует. Значит, узелков много, они сплетают какую-то более надёжную сеть, чем один единственный узелок, забытый творцом.

Произвол бессмыслицы во вселенском масштабе удручает, лишая надежды на усовершенствование мира. Вспоминается вечность по Достоевскому, мрачный чулан, затканый паутиной. Не вдохновляет и безразмерная технологическая вечность, вселенская электронная сеть, где у каждого двуногого паука свой порядковый номер, свой сайт, гнездо, куда может отложить свои яйца любая залётная кукушка.

Молекула дезоксирибовой (что это за новое открытие? Всегда до сегодняшнего дня за ДНК считалась молекула дезоксирибоНУКЛЕИНОВОЙ КИСЛОТЫ – отсюда и название ДНК! Что нового хотел сказать автор? Показать в очередной раз свою неряшливость в правописании или ограниченность в познаниях? – С.К.)кислоты – ДНК – основа гена, закручивается в спираль, внутри неё попирается евклидова геометрия, закручиваются и галактики, есть какая-то параллель (опять – параллель) между малым геном и большой вселенной. Между великим и малым раскручивается-скручивается спираль человеческой судьбы. Человек скручивается, как гусеница на огне, развёртывает свой мозг (вот ещё новообразование, человек связан, скручен узлом мозга в свободомыслящее существо!), познаёт сам себя под баритональную арию Экклезиаста: во многом знании много печали! И всё – суета сует. Это суета в квадрате, или квадратный корень из суеты?

А тут ещё теория и практика относительности, биполярность, восток – запад, земля, намотанная на земную ось. Электромагнитный момент. И где был верх, там будет низ, и где свет, там сгущается тьма. Но свет и во тьме светит. То есть, свет светел только относительно тьмы.

Мы не одни на свете, не мы первые, не мы последние. Но свет разделяется, как водится, на части света. Но для нас, для демократов самое важное разделение на партии! Мы затем и вводим демократию, чтобы во всем было разнообразие, для краткости – плюрализм.

Запоздали мы, конечно, с выходом в свет. Заманили нас, завлекли, а сами разошлись по своим тесным кучкам, понимаешь! Вот, например, партийный интерес. Мы теперь с коммунистами разошлись, я считаю, вовремя! Нет у нас, значит, и союзников среди коммунистов. Это у нас позади, и не надо нас пугать тем, что у нас впереди. Но нет у нас близости и со всякими социал-демократами, мы ещё не сформировали своих социал-демократов. Пришли, вот, у немцев к власти социал-демократы, мы могли бы подумать, они к нам ближе, да нет, как же, вовсе не ближе. Мы для них и менее социальные, хотя и более общительные, мы для них ещё и не совсем демократические, а только идём своим ходом по этому пути. А ведь было у нас и новгородское вече, была и своя – монастырская демократия! Братство было. Можно подумать, нам тогда христианские демократы подходят, но не тут-то было, мы для них слишком праведные, православные. А у нас православные ещё в правящую партию не сложились, а если сложатся, на них экуменисты слева и справа будут смотреть косо.

И с либералами из рук вон плохо. Сия традиция у нас в России великими сатириками подпорчена, один Салтыков-Щедрин чего стоит! Либерализацию цен ещё свыше мы повернуть можем, а либерализацию населения так не проведёшь! Не любят у нас партийную и общественную свободу, но как только получили свободу от партии, тут же требуют свободу от общества! Или свобода слова. Как это нет у нас свободы слова, если есть у нас пословица: «Слово не воробей, вылетит – не поймашь!» Где уж свободней...

Свобода печати... Я теперь это слово печать без трепета произносить не могу. Я ещё когда по Америке этой ездил... Мне и демократы, и республиканцы, а я их тогда не различал, в один голос твердили: возьмите печать в свои руки! И вот взял я печать в свои руки, стою с печатью в руках, а куда её поставить, не знаю. А теперь добрые люди издали подсказали: на Америку и надо было ставить! Да уже поздно, теперь другие ставить будут.

Я тут слушал недавно их президента, тот, как водится, при галстукке, он хоть не ко мне прямо обращался, да все равно... Он так сказал: дамы и господа! Точнее, он сказал: леди и джентльмены! Я так выразиться не могу, у меня так голос не хрипит. Я так могу сказать: россияне – давайте! И

пусть они сами думают, давать или не давать. А он говорит: всё передовое человечество должно встать под наши знамёна и дать отпор безбожным пришельцам, которые против нашей воли хотят заклеить нашу планету! Бога он вспомнил! Всё передовое человечество должно не допустить нарушения прав планеты. Мы первые, кто поднял вопрос о правах планеты. Мы утверждаем, что любая часть планеты, представляющая опасность для другой части планеты, с нашей точки зрения представляет собой угрозу для всей планеты. А часть любой другой планеты, угрожающая хотя бы части нашей планеты, угрожает всей нашей планете. Точнее, нам угрожает. Мы ещё не знаем, как поступать в таких случаях, но мы должны раскрыть всем глаза на эту нависшую над нами угрозу...

Я и раскрыл глаза. В раннем утреннем больничном свете надо мной нависал президент и цитировал президента.

– Раскрыл, наконец, глаза! Ты кто такой? Долго я здесь ещё тебя замещать буду? На минуту нельзя по нужде выйти! Тут у нас министр обороны вдруг проснулся. Я вначале подумал, кошмар ему приснился: дача горит! А тот вдруг заявляет, что у него, дескать, двусторонний договор с американцами: мы должны с двух сторон атаковать космического супостата баллистическими ракетами с ядерными боеголовками. Но для удобства наведения, сделать это надо именно над нашей территорией. Если промахнёмся, у нас места больше, куда ракетам упасть, а если попадём, есть куда упасть супостату. Им, видать, всё равно, где теперь Хиросима, на земле или на небе! Мой министр вне себя, кричит: если нельзя супротив американцев, американцы, как враги устарели, так пальнуть хоть совместно с американцами! Невозможно уйти на покой без единого выстрела! Мы его с министром внутренних дел еле-еле опять спать уложили. Да и врач помог, поправил: не двусторонний договор, а двустороннее воспаление, кажется, среднего уха. Теперь опять могу заснуть спокойно. Давай, освобождай мое место! Ишь, развалился! Я тебя, кажется, уже обещал снять? Вот погоди, сниму министра обороны, тебя на его место положим, то есть, поставим!

Я мгновенно вскочил и не успел ещё одеться, как президент заснул положенным сном.

13.

– Американский народ не должен неправильно толковать наши действия, как будто они направлены против американского народа! Эти действия вообще не против, а только за, то есть для своевременного и успешного нанесения, а значит и в интересах самого народа, который, в свою очередь, принадлежит всему человечеству. Именно американский народ может нас по-настоящему понять и оценить, благодаря высоко развитой политической корректности. Поэтому мы надеемся, что нам больше не будут задавать некорректных вопросов. Что такое Штамп, что такое нанесение? Нанесение и всё! Такое, чтобы никому не было обидно: ни большинству, ни меньшинствам.

Так начал свою речь Уп, застёгнутый на все пуговицы нового адмиральского мундира.

– И другие народы будут не правы, если им покажется, будто мы выступаем против какого-то народа, даже если этот народ не очень нравится другим народам. В то же время мы бы не рекомендовали представителям других народов, чьи страны граничат с Соединёнными Штатами, переходить границу во время проводимой нами операции.

Мы надеемся, что правительство Соединённых Штатов и лично президент, как и администрация каждого отдельного штата, отнесутся с пониманием к нашей миссии и будут оказывать ей всяческое содействие.

На этом Уп уступил место Джимми Повидлоу, который уже был без шинели, видимо в жидкой среде шинель намочала и давила на его сутулые плечи.

– Всё это звучит весьма серьёзно, вы не могли бы конкретнее показать, в чём будут заключаться ваши действия? Хот Дог, Дейли Телеграмм.

– Понимаете, Хот Дог, мы не можем показать наши действия иначе, как непосредственно проводя их. Терпение, и вы всё увидите. За каждым действием следует результат, который может и не совпадать с действием. Иногда важно не само действие, а поправки. Как вы по вашему опыту должны знать, ошибки могут быть серьёзнее, чем сами правильные действия, а поправки гораздо весомее, чем вызвавшие их ошибки!

– Джимми, но это же демагогия, оторванная от нашей земной реальности, хотя мы по горло сыты собственной демагогией. Ваша зыбкая способность суждения мало соответствует самому чёткому

предмету обсуждения. Приведите хотя бы примеры ваших действий, ведь к ним как-то надо подготовиться на земле, я имею в виду на выбранной вами территории Соединённых Штатов. Евгений Бовкун, Свобода в прямом эфире.

– Мы не можем привести примеры. Где гарантия, что вы их правильно поймёте! Мы тоже действуем в прямом эфире, но оставляем себе свободу действия и в переносном эфире. И уже ваша задача, как вы будете освещать наши действия! Что же касается подготовки, как вы говорите, на земле, то она может только затянуть нашу земную операцию, хотя и не может её окончательно провалить.

– Андреас Гуха, газета Франкфуртер Рундшау. То, что вы сейчас заявили равносильно объявлению войны, как бы вы это не называли. Это же чревато четвёртой мировой войной! Я говорю – четвёртой мировой, поскольку третья уже хорошо описана в нашей литературе, в частности мною, я уже не говорю о русских писателях.

– Что касается войны, то для радиослушателей это звук и только звук, а для телезрителей это ещё и цвет. Цвет не может выйти за пределы собственной цветосилы, как и звук за пределы своего эха. Если звук слишком громок, можно убрать звук, то же самое с яркостью цвета. В художественной литературе война вызывает интерес прежде всего как сюжет, как завязка с развязкой, и всё это имеет смысл лишь тогда, когда это можно снять в кино. Что касается периодической печати, то она, как и литература, правда, не так разборчиво, но работает с языком, а языки – разные, поэтому русский читатель ничего про войну не поймёт, если будет читать немецкую прессу, а немец бы удивился тому, что пишут русские. Но на то и периодическая печать: как только пройдёт определённый период, всё встанет на свои места, никто уже и упоминать слово война попросту не будет, хотя разница в языках по-прежнему останется. А жаль! Я имею в виду разницу в языках.

– Александр Проханов, Завтрашний День. Вы тут болтовню разводите на чуждом языке, хотя и в рот воды набрали. Вы скажите нам прямо: будет ли это морская операция, вот и ваш Уп во флотского обрядился, или это у вас будет чисто сухопутная авантюра? И какими видами мистического, тактического и стратегического оружия вы располагаете?

– Хороший вопрос, хотя и грубый. Каким оружием мы обладаем, это наша военно-воздушная тайна! Конечно, нет такой тайны, о которой нельзя было бы узнать по секрету. Однако мы не будем делать секрета из того факта, что мы располагаем любым видом вооружения, которым вооружены ваши вооруженные силы, кому бы они у вас не подчинялись и где они не находились.

– Ничего себе! Как это понимать?

– А так и понимать! Например, для проведения нашей операции мы можем немедленно задействовать стратегические бомбардировщики Б-2 «Спирит», «Летающее крыло», взлетают с авиабазы Уайтмен, штат Миссури; далее Б-52, ветераны вашей ещё холодной войны; далее Ф-117 «Найтхок», тактический ночной штурмовик, вооружён двумя бомбами с лазерным наведением; далее Ф-16, «Файтинг Фалкон», истребитель, скорость более 2300 км/час, боевая нагрузка 5445 кг бомб и ракет класса «воздух – земля» и «воздух – воздух»; далее Б-1 «Лансер», сверхзвуковой стратегический бомбардировщик с крылом изменяющейся стреловидности; далее штурмовик А-10, способный подавлять танки, ещё созданные в Советском Союзе, все эти типы боевых самолетов производства США. Кроме того, в нашем распоряжении «Торнадо», совместная разработка Германии, Великобритании и Италии, имеет крыло изменяемой стреловидности, это символ эпохи возрождения европейского военно-промышленного комплекса, экипаж – 2 человека, скорость 2330 км/час, вооружён двумя пушками, несёт до 9 тонн бомб и ракет; кроме того, истребитель-штурмовик «Ягуар», совместный проект Великобритании и Франции, скорость 1700 км/час; кроме того, истребитель-бомбардировщик вертикального взлета, производство Великобритании, выпуск по лицензии в США, скорость 1065 км/час... Думаю, хватит для начала?

– Хватит, хватит! Но это же всё – не ваше! И кто всё это будет поднимать в воздух, если, скажем, экипаж ветерана вьетнамской войны «Стартофортесса», тяжёлого бомбардировщика Б-52 – шесть человек?

– Как это не наше? Ну, не наше в том смысле, что мы всё это не заберем к себе домой на Сириус, к Большому Псу, зачем нам этот хлам, к чертям собачьим, это, правильно, ваше, поэтому весь этот хлам с вами как раз и будет иметь дело. А кто всё это будет поднимать в воздух, ветераны и будут поднимать, но и не только ветераны, но и те, кто им должен прийти на смену, так сказать, дорогу молодым! Всё в руках профессионалов, а они у нас в руках! И полетят когда надо и куда надо! А мне,

простите, господа военные корреспонденты, как раз надо к моему полевому компьютеру. Адмирал Уп может его случайно разладить, он же привык к тому, что приказы и команды не обсуждаются, а компьютер иногда начинает сам думать и капризничать...

И военачальник Повидлоу поспешно удалился.

14.

Американское посольство в Москве было оцеплено милицией, остановки троллейбусов «Б» и 10 были отменены, а у консульского отдела стояла толпа народу. Корреспонденты допрашивали публику.

– Вы собираетесь записаться добровольцем?

– Собираюсь, а как же, так скорее всего можно получить визу!

– И вы тоже?

– И я тоже.

– А кто вы по военной специальности?

– Я зубной врач?

– И тоже доброволец?!

– А вы что думаете, взрывной волной только окна выбивает? И зубы тоже!

– И верно. А вы? – обратилась дотошная девица с микрофоном к детине такого размера, что любой нормальный костюм годился бы ему только в качестве скелета:

– Вы, скорее всего в морскую пехоту?

– Не, я в Голливуд. Я уже обещал, что пройду на руках от Беверли Хиллс до самого Голливуда. Тогда я могу получить роль русского наёмника на первой звёздной войне. Ведь эта армия будет создаваться на контрактной основе. Спилберг вместе с Копполой фильм будут ставить. Продюсер – Том Лади.

– А вы тоже туда? – девица бросилась к военному с аккуратной папочкой под мышкой.

– Нет, я здесь нужнее. Вот только кое-какие бумаги передам.

– Какие бумаги, если не секрет?

– Как раз секрет! – игриво ответил военный, и крепче прижал к груди свою папочку.

Тут раздались сочувственные голоса, что военного надо пропустить без очереди. Из самой Америки донеслось, что некоторые американские писатели русского происхождения выразили готовность вернуться в Россию. Василий Аксенов выбрал своим новым местожительством остров Крым, украинские собратья по перу никак не откликнулись на это пожелание. Певец Вилли Токарев из ресторана «Одесса» с Брайтон-бич собрался на гастроли в настоящую Одессу. Его хит – «Небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой», снова входил в моду в связи с тем, что небоскрёбы могут помешать нанесению штампа, поэтому их могут снести. Некоторые бывшие русские захотели покинуть Америку, но не ради России или Украины, а ради Германии, где, хотя и меньше читателей, но больше издателей. В Англию собирались в основном не литераторы и даже не читатели, ибо там при лейбористском правительстве Пони Блеера (А это как понимать? Как продолжение «фэнтэзи», где звучат имена Повидлоу и ещё кого-то Упа или как реальное историческое имя? Если первое, то чёрт с ним – с этим Пони. А вот если второе, то премьер-министра Великобритании звали ТОНИ БЛЭР! – С.К.) катастрофически сократилось число публичных библиотек, а в ряде университетов закрылись кафедры славистики. Последнее объяснялось тем, что сами русские начали усиленно овладевать английским языком.

Англия заявила, что готова принять беженцев из Америки, но только тех, кто докажет, что их предки отплыли в Новую Англию на корабле «Мэйфлауэр» в 1620 году и в дальнейшей истории не принимали участия в войне за независимость от Британской короны. Остальным американцам Англия обещала оказать гуманитарную помощь поставками английской говядины. Бельгия выразила желание помочь своими яйцами.

В ответ на инициативы европейцев американцы с юмором вспомнили о бойкоте английских товаров в 1770 году, с ностальгией заговорили о заветах Самюэля Адамса и Томаса Джефферсона, Кто-то из Бостона предложил ритуально затопить в порту груз английского чая.

Выступил озабоченный президент Соединённых Штатов. Он отмёл всякие домыслы об ухудшении отношений со старой доброй Англией. Он даже намерен её посетить, чтобы вспомнить старое

доброе время, когда он всем своим пребыванием на этом острове выражал свой протест против войны во Вьетнаме, которую он хотя и не остановил, но зато сам от неё уклонился.

Он перешёл к тому моменту, что некоторые недалёкие страны скептически относились к стремлению Америки отстаивать свои жизненные интересы в самых неожиданных точках земного шара. Свежие события только подтверждают прозорливость американской внешней политики. Именно Соединённым Штатам выпала честь защищать интересы всего земного шара. Именно Соединённые Штаты вынуждены взвалить на свои плечи, вернее не так, именно Соединённые Штаты считают своим долгом сбросить с плеч всего человечества нависшую над человечеством угрозу.

Затем слово было предоставлено госсекретарю госпоже Драбалковой.

Госпожа провозгласила на весь мир, что если это начнется, наконец, мировая война, то это будет её война. Она, госпожа госсекретарь Драбалкова не допустит на своей земле ни новой Хиросимы, ни нового Пёрл-Харбора, вообще ничего нового, кроме нового мирового порядка.

Она обратилась на их родном языке к многочисленным американским военнослужащим, прежде всего к лётчикам, разбросанным по всем уголкам многострадальной планеты, что она ждёт от них технически обеспеченных и безопасных для их жизни подвигов во имя мира и правильно понятой справедливости. Самые сильные, самые быстрые и даже самые далёкие, они вовремя придут на помощь своей великой родине.

Затем голос Фрэнка Синатры вдохновенно спел незабываемых «Странников в ночи».

По российскому радио декламировали стихи будетлянина Велимира Хлебникова: «Там, где янки носят штанами звёздное небо». Затем забытые актеры читали отрывки из «Железного Миргорода» Сергея Есенина об Америке: «...увы, страшно похоже на Россию...»; «...американский полисмен одет под русского городского, только с другими кантами...»

Немецкое агентство ДПА извещало, что родители американских школьниц в подарок к завершению учёбы устраивают их на операцию по увеличению груди. 1840 девочек в этом году уже увеличили свои груди при помощи пластической операции. Профессор доктор Марк Горн сетует, что это не дань преходящей моде, но следствие американского образа жизни, как он подаётся в иллюстрированных журналах. Он отмечает, что американские мужчины сосредоточены на женской груди, не обязательно немецкой. Если сравнить американский «Плейбой» с французским «Люи», то «Плейбой» держит именно грудь в фокусе своего внимания, тогда как «Люи» отдаёт предпочтение задницам и женским ножкам. Что же касается корректировки ушей и выправления носов, то количество исправительных операций перевалило в этом году за миллион.

Американские астрономы во вторник на конгрессе в Чикаго уточнили длительность большого круга для нашего солнца: оно совершает свой оборот вокруг центра Млечного пути за 226 миллионов лет. Не исключено, что именно столько лет назад был поставлен предыдущий штамп на все планеты нашей Солнечной системы. В это время царили на земле звероящеры, гиганты-динозавры, нанесение штампа могло стать причиной их исчезновения, уж слишком велики они были. Об этом говорят и палеонтологические находки: следы огромных скелетов буквально вдавлены в пласты горной породы. Вот вам и вся разгадка. Расстояние от нас до центра Млечного пути равно 26000 световых лет. Интересно было бы подсчитать, сколько времени необходимо для полной подробной описи видимой вселенной? Это задачу следует ввести в реформированные школьные задачки.

В Берлине собрано 7000 подписей в защиту наших друзей-собак, которые сами не в состоянии отстаивать свое право гадить, где им заблагорассудится. Предрассудки, будто собачье дерьмо плодит микробов, вызывающих расстройство желудочно-кишечного тракта, кожные заболевания и даже слепоту. Всё это преувеличивают аллергики и вообще нечистоплотные люди, которым лень мыть руки перед едой. Магистрат Берлина полагает, что город достаточно хорошо освещён по ночам, так что запоздалые прохожие не обязательно должны вляпываться в собачье дерьмо. Да и нечего так поздно выходить из дома, где можно в любое время включить телевизор.

Британские врачи утверждают, что 120 000 британцев страдают импотенцией по причине курения. К этому прислушались норвежцы, отныне у них на сигаретных пачках будет запечатлено соответственное предостережение для курящих мужчин.

Мне позвонил Заумов и как чуткий к языку гурман пожаловался, что на всех островах только и говорят, что по-русски, но так, что лучше не слышать. Он счастлив, что своё время проводит не на пляжах, а под водой, где можно отдохнуть и от родного мата, и от вежливой глупости послед-

них известий. Не ловить надо слухи, а предвосхищать события! Заумов намекнул на многозначительное открытие: на дне океана у берегов Африки наблюдаются следы циклопических построек, которые сродни пирамидам доколумбовой Америки, а ближе к берегам Центральной и Северной Америки попадаются следы древнеегипетской цивилизации. При этом даже под водой пахнет горючим газом. Но этот газ похож не на вредный домашний, а на веселящий походный. Так и сказал, и ещё просил передать президенту, что под водой спать веселее, сны богаче, а чем глубже погружение, тем глубже сон.

Я не успел ему ответить, что мы и так уходим всё глубже. Ещё после чернобыльской катастрофы, когда поняли, что надо рассчитывать атомный реактор на аварийное погружение в заранее заготовленный саркофаг, в Кремлёвской больнице соответственно провели реконструкцию палат для особо важных пациентов. При нужде палата опускается в бронированный саркофаг-бункер, так что опущенный туда сановный пациент чувствует себя в безопасности, не хуже фараона. В Думе прошли дебаты, где обсуждался статус, согласно которому можно стать особо опущенным. Не обошлось, как всегда, без драки за право быть больными, оставаясь здоровыми. Кстати, обратно, когда опасность минует, будут поднимать далеко не всех.

Вглядываясь и вслушиваясь во всё, что творилось вокруг, я почувствовал, что мы имеем дело уже не с географией, а с геологией с одной стороны и с астрофизикой с другой. Подобное чувство у меня было, когда в связи с каким-то ремонтом нам пришлось ночевать в мавзолее Ленина. Это был редкий случай, когда президент никак не хотел ложиться спать.

Поздно вечером поступило сообщение, что силы противовоздушной обороны США ракетой Томагавк сбили над Землёй неопознанный летающий объект. Объект при этом раскололся надвое, одна его часть, где, возможно, находился Уп, упала в воды Атлантики у берегов штата Делавар, другая, где мог пребывать Повидлоу, рухнула, распугав стаю китов, в Тихий океан недалеко от пляжей Санта-Барбары.

15.

Ночные передачи так или иначе касались Америки, её истории и предыстории. Шёл чёрно-белый фильм по роману Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан», ещё из сталинской эпохи. «Негоро? Нет, я не Негоро! Я – Себастиан Перейра, торговец чёрным деревом!» – восклицал коварный португалец-разбойник. В научных очерках упоминали об активной роли испанских и прочих евреев в налаживании торговли африканскими рабами, «чёрным деревом». Правда, после освобождения американского Юга северянином Линкольном никто из афроамериканцев не рвался обратно в Африку. Не имела успеха эта африканская идея и в 1816 году, когда её стало проповедовать Американское Общество Колонизации, связанное с христианской церковью.

В Африке изначально белого человека принимали за дьявола на том основании, что если негра ошпарить, то его кожа становится белой.

Виргинский президент Томас Джефферсон писал, что его поколение должно изучать физику, химию и технику, чтобы внуки и правнуки могли спокойно обратиться к изящным искусствам и гуманитарным наукам. Но и внуки, и правнуки продолжали держаться реальных наук и строго сохраняли и блюли свои практические интересы. Изящные искусства проникали в Америку с беглыми русскими художниками, писателями, танцовщиками и музыкантами. Джефферсон, восхищаясь неисчерпаемыми богатствами Нового Света, с оптимизмом строителя коммунизма полагал, что в итоге трудов трёх поколений американцы будут жить, как короли.

Колонисты Америки, будь то на севере или на юге, застывали в священном восторге перед нетронутой природой, в недрах которой таятся несметные сокровища, а золото должно вообще лежать где-то на поверхности. Выходцам из Европы местный народ казался такой же частью дикой природы, как лес, который следует корчевать, как реки, по которым этот лес можно и нужно сплавлять.

В 1550–1551 годах созвал король Карл испанский в Вальядолид философов и теологов, дабы выработать критерии, которые бы позволили успешно вести войну против туземцев Нового Света. Спор шёл о том, являются ли индейцы в собственном смысле слова человеческими существами со своей культурой, религией, устройством семьи, или они скорее, по определению Аристотеля, попадают в разряд диких зверей, а посему должны быть в услужении у цивилизованного сообщества. Бартоломе де лас Касас, имевший опыт жизни в Новом Свете, защищал точку зрения, согласно

которой надо вводить христианство среди индейцев не огнём и мечом, а проповедью и добрым примером. Де Сепульведа, его оппонент, ничего в Новом Свете не смыслящий, придерживался учения Аристотеля, кстати, о Новом Свете и слыхом не слыхивавшего.

Мнения знатоков человеческой сущности разошлись, и испанские бюрократы отвергли «Апологетику» де лас Касаса, борца за права человека в отношении тогдашних дикарей, и приняли за руководство к действию аргументацию невежественного Сепульведы. Когда истребляли непокорных индейцев, то при экзекуции всегда присутствовал католический священник. Беременной дикарке могли вспороть живот, вынуть ребёночка из чрева и, если он какое-то время дышал, его успевали крестить, а уже потом лишали так и не начавшейся жизни.

Так утверждалась вера в обеих Америках.

И чёрные рабы ввозились в Америку с добрыми намерениями: привить им христианские добродетели и дать им рабочие места на плантациях белых господ.

Древние аборигены предсказывали вторжение белого человека на их девственный континент, но власть пришельцев не будет долговечной. Наступит время возмездия и время заката алчной белой культуры.

Первые поселенцы поначалу не доверяли щедрости новой родины. Шведы, осевшие на берегу реки Делавэр, почти целое поколение ввозили продовольствие из Старого Света.

Аборигены Америки в своих преданиях предвидели свой крах, предвидели захват их земли, белый человек выжмет из неё все соки, истощит её, но истощится и иссохнет сам.

Европейская топонимика легла печатью на землю Америки: Новая Англия, Новая Голландия, Нью-Йорк, Нью-Орлеан, Нью-Джерси... Достоевский вздыхал о священных камнях Европы, бывшие европейцы обтесали свои камни и построили из них параллелограммы небоскрёбов. Восток Америки – это ожившая античность: Сиракузы, где мало кто помнит Архимеда, Троя, где успели забыть о Гомере и героях Илиады и Одиссеи, Афины, где никогда не появлялся Перикл и не проповедовал возвышенное Сократ, Спарта, где о спартанском образе жизни могут напомнить только жёсткие спортивные игры и реклама средств к похуданию. Средневековая мистика сгустилась на юге плотными городами: Лос-Анджелес, над которым никто не видывал ангелов, кроме как сделанных в Голливуде; Сан-Франциско, блаженный горбатый гангстер, разве мог святой Франциск помышлять, что путь к его озарённой бедности будет лежать через роскошь моста Золотые Ворота!

Но физическая география Нового Света осталась старой. Горы, реки, озёра отстояли свои индейские имена: Аппалачи, Гурон, Мичиган, Делавэр, Миссури... Названия изгнанных племён перекочевали на корпуса бездушных машин: джип Чероки, вертолёт-штурмовик Апачи, крылатая ракета Томагавк...

Космический объект сбили индейским Томагавком!

На всех экранах ликовали граждане Соединённых Штатов, они носились по улицам на машинах и мотоциклах со своими звёздными флагами и флажками, они складывали пальцы в знак победы-виктории, как будто, наконец-то, наставили рога небу. Скандировали, как мне сперва показалось: – УЧК! УЧК! – но потом я разобрал, что это вовсе не боевой клич любимцев и освободителей Европы албанцев, даже не клич индейцев – хуг! – а собственное имя единственной великой державы – Ю-Эс-Эй! – что по-русски звучало бы более сдавленно: – США! С! Ш! А! Сэ-Шэ-А! – тут уже есть что-то китайское.

Но вдруг всё замолкло и погасло, и в нарастающем свете стали воплощаться незабвенные Уп и Повидлоу.

16.

Вообще-то сегодня намечался банный день. Кто не знает, что такое русская баня? Для одних это избушка у речки или пруда, куда можно бултыхнуться, напарившись вволю. Зимой можно в прорубь, можно и в снег. Важен хороший напарник, чтобы охаживать берёзовым, а лучше дубовым веником, но ещё и для беседы! Так поддерживается мужская дружба, а с нарастанием свободы и любовь, не подумайте, будто однополая, это не для русской бани, хотя с нарастанием свободы может нарастать и число полов.

Но уходят в прошлое парные казарменного типа, городские бани, воспетые чистыми лириками:

Вот бы жить начать с азов,
 после пара банного,
 после цинковых тазов
 боя барабанного!

Там по старинке подавали пару, кто-то самый толстый, нет, самый тонкий, хотя нет, кто-то среднего роста и средней упитанности запускает из шайки прямо в ему лишь видимое место, и вот вспышка пара, все ликуют.

С нарастанием свободы входят в моду финские бани, хотя слово «сауна» незаметно проникло из индейских наречий, из Северной Америки. В отличие от русской парилки, где от пара всё, как в тумане, ничего и никого не видно, в сауне всё сухо и прозрачно, всё видно, потом и дам стали приглашать для совместного выделения пота.

Следующим этапом свободы и демократии стало объединение сауны с фотографией и видеозаписью. Фотографии и видеоматериалы проявляются не вдруг, а по надобности, если кого-то особенно заметного трудновато замочить, тогда можно утопить, но не в самой бане, а в переносном смысле, чтобы доказать слишком чистому, что тот не совсем чист.

Не повезло однажды с этим делом даже американскому президенту, хотя не был он ни в русской бане, ни в индейской сауне, по своим политическим убеждениям он, скорее всего, мылся бы в турецкой бане.

Чем плохи любые бани: в них нельзя отмывать грязные деньги.

Все эти моменты учитывались при мытье российского президента. Решение было простое: спящего президента облачали в водолазный костюм, надо заметить, достаточно старомодный. Мыть президента в выходном костюме или в мундире верховного главнокомандующего из финансовых соображений не рекомендовала государственная Дума, мундиров не напасёшься, даже если мыть не каждую неделю. И вот облачали президента в водолазный костюм-скафандр и опускали на крюке в спец-бассейн, где прежде испытывали подводников на прочность барабанных перепонок и проходимость евстахиевых труб.

Был такой скандал: борясь за экономию воды, её перестали нагнетать в бассейн, а вертикально поставленного президента окатывали струёй из шланга. Об этом узнали лечащие врачи, в результате была произведена полная смена правительства, ничего не знавшего об этой водной процедуре. Ведь надо обязательно с головой опускать в воду, тогда президент пускает пузыри, значит, он дышит, и мы, следовательно, существуем.

Вот и на сей раз я надеялся, что президент как раз пускает свои пузыри, и я услышу сенсационное заявление от самих Упа и Повидлоу. Но меня срочно потребовали с докладом к президенту.

Скафандр был уже на президенте, поэтому он спал стоя, но шлем ещё не был навинчен на голову, и голова грозно спросила:

– Так что там с Америкой? Мне президент звонил, разбудил, неспроста же он звонил, не случилось ли что-нибудь с Америкой? Может, помочь надо живой силой или техникой?

– С Америкой и верно, что-то не так. Америка на неопознанный космический объект замахнулось, но переоценила свои силы, надо было сначала объект, как следует, опознать! Это им не наш космический мусор разгонять.

– А точнее?

– Уп и Повидлоу восприняли покушение на свой неопознанный объект как объявление войны Вселенским Иерархиям. Для них американский Томагавк то же, что и бумеранг австралийца. Но абориген храбро восстал против нашествия чуждой ему цивилизации, которая угрожает нормальной жизни не только крокодилов. Америка же позволила себе непростительную попытку защитить свою уже устаревающую цивилизацию. Уполномоченные Вселенной ждут теперь сигнала от своего Высшего Разума, чтобы наложить свои санкции...

– А я думал, уже наложили! Вот крючоктворы! Высший Разум им указ, подумаешь, Гегель с Марксом! Нет, чтобы в ответ из всех чёрных дыр разом пальнуть!

– Совершенно верно, так, но пока ждут свыше штатного расписания, чтобы знать, с какого штата начинать и каким кончить.

– Вот как. Тогда разумно с разумом-то связаться, а то по неразумности можно вместо Северной Америки и Южную задеть. Так с какого штата собираются начинать?

– С Массачусетса, – выпалил я без запинки, – Массачусетс считается самым европейским штатом, тогда и Европе знак будет. Там в Бостоне есть булыжные мостовые, булыжник ведь – оружие пролетариата, для начала надо лишиться пролетариат его оружия. Я думаю, Высшему Разуму тоже известно, что Америка начинается с Бостона, столицы штата Массачусетс.

– Ну, с Бостона, так с Бостона, – успокоился президент, – я в молодости любил вальс-бостон танцевать. С вальса всё и начинается! Ещё помню вальс «На сопках Манчжурии»...

Президенту стали накручивать шлем. Война войной, а баня баней. Я подождал, пока скафандр уведут, и только тогда вытер со лба пот. Вот так часто, не успеваешь прослушать важное сообщение, а уже всё подробно доложить надо. Хорошо хоть сопровождающие лица были уже в навинченных шлемах и не прислушивались к моему докладу.

17.

На виртуальном ветру во всю бесчинствовали Уп и Повидлоу, я вслушивался в сбивчивую скороговорку переводчика, стараясь уловить смысл. Ещё мешал треск в наушниках, как будто помехи от бомбардировщиков, которые, возвращаясь на свои авиабазы, разбрызгивали по всему эфиру свои шифрованные позывные.

– Вот видите, это мост «Золотые Ворота» в Сан-Франциско, вот он показан в известном фильме о разведчике и пронице Джеймсе Бонде, вот Бонд одолевает на головокружительной высоте своего противника, вы замечаете ажурные конструкции знаменитого чуда архитектуры, у вас по замыслу режиссёра тоже должна кружиться голова, и вы испытываете страх за жизнь любимого актера, который так рискует ради кассового успеха фильма. Вот этот мост общим планом. А вот мост с нашей точки зрения, вы видите что-то вроде расплывчатой точки. И, наконец, Золотые Ворота с точки зрения Вселенского Мирового Разума, вы не видите даже точки.

– Что же это значит, моста Золотые Ворота больше нет?

– Вы угадали, нет! Как не бывало. И это только начало зачистки!

Уп упивался картинками, которые одна за другой выскакивали на экран, при этом Повидлоу внимательно следил, не пропущено ли что-то важное.

– Зачем же вы уничтожаете мосты, ведь их же восстанавливать придётся!

– Как зачем? Ведь мост мосту – рознь! Мы же не все сплошь мосты разрушаем, а только те, которые в пределах нашей видимости. Мы же не видим мост Мирабо в Париже, под которым Сена течёт, но мы видим в наших пределах Бруклинский мост, откуда безработные бросались вниз головой!

– Вы хотите сказать, что и Бруклинского моста через Ист-Ривер больше нет?

– Конечно, нет, мы же не просто так его назвали, вот мы вам покажем, какой он был, а вот он с нашей разумной точки зрения. Но вы можете им любоваться в Ньюаркском музее в городе Нью-Джерси. Он там сохранился на полотне художника Дж. Стелла. С этого моста безработные уже не прыгнут.

– Но мост Мирабо цел?

– Мы же указали для примера, что Мост Мирабо в Париже цел, и мост Александра Третьего в Париже цел, все мосты в Париже целы. Можно сколько угодно прыгать! Хоть в Сену в Париже, хоть в Темзу в Лондоне! Мы же не остановились на Европе, мы остановились на Северной Америке, а по нашим вселенским данным там ещё не должно быть мостов, вы скажете у нас устаревшие данные, устаревшие карты, но мы должны исходить из того, что у нас есть, а не из того, что вы нам будете навязывать. Вы – лица заинтересованные, нам же дорога наша объективность.

– Это же варварство, вандализм – мосты рушить!

– Мы же не просто мосты рушим, мы осуществляем философскую деконструкцию в более широком масштабе, рассматривая мир как текст. А в тексте самое наглядное это глагол-связка, связка это и есть мост! И мы же не устрояем реки, озёра, всё это течет, волнуется. А ведь по нашим представлениям и рек-то здесь быть не должно, но мы против потока вод пока ничего не имеем против. Мы не имеем ничего против натурфилософии Гераклита. Раз течёт, то пусть течёт!

– Но ведь на мосту могут быть люди, прохожие, влюбленные, наконец!

– Вы никак не возьмёте в толк, что нас так у вас смущает. Мы сюда летели, думали, с этой Землёй всё в порядке. И вот, оказывается, человек проходит, как хозяин, значит, люди могут быть везде!

А раз везде, то они могут оказаться и на мосту. Мы уже и к этому готовы. Лучше, конечно, чтобы их не было на мосту, но ещё лучше, если бы их вообще не было!

– Это уже верх цинизма!

– Ну, господа планетяне, нам инопланетянам лучше знать, где верх, где низ. Если вы нас причисляете к циникам, к киникам вроде Диогена Синопского, который искал человека днём с огнём, то нам, я вам толкую, нам бы вообще не хотелось сталкиваться с человеком. Ни в темноте, ни, тем более, при свете! Человек всем своим видом только затуманивает и без того туманное положение нашей Галактики. Вселенский разум может опасно перегреться, теряясь в догадках, что вы за люди! Вы же сами то строите мосты, то рушите!

– Но вы же тоже вроде люди! Хотя бы по виду. По образу и подобию! Господин Уп! Господин хороший Повидлоу! Скажите правду представителю газеты «Правда»!

– Мы не имеем права отвлекаться на эту тему. Мы обнаружили в нашем хозяйстве вас, людей, мы приняли решение выглядеть так, как вам понятней, то есть, по-человечески. И мы и поступать стараемся соответственно. Но мы же не можем и поступать так, чтобы вам было понятно, это выше наших сил и ниже нашего достоинства. Вы нам все карты путаете. Путаете все страницы. Мир – библиотека, где большинство книг ещё никем не прочитаны. Открывая книгу, вы открываете себя. Иначе – вы пустое место. Когда ставят штамп на библиотечную книгу, его ставят на пустое, чистое место. Вот мы и выискиваем чистые места! А у вас, даже в благополучной Америке, видите ли, мрак истории, свет и цвет цивилизации, превратности рока. Так что мосты – это только начало. Есть дома, крыши, окна, лестницы, лестничные клетки. Просто клетки! У вас есть даже лестницы для вкручивания лампочек в библиотеках. Лампочки вкручиваете! Во всей Вселенной темно, а вы лампочки включаете! Вам же включили телевизор, зачем ещё свет? Или лезете по стремянке, чтобы книгу сверху снять. Будто, если книга наверху, значит она стоящая. Впрочем, я с вами заболтался. Генерал, а также адмирал Повидлоу расскажет вам в мелочах, как проходит хирургическая операция по подготовке к нанесению штампа.

Генерал стал зачитывать бумаги, разглаживая их ладонью, от нахождения в мокрой среде они вздулись, отчего написанное либо преувеличивалось, либо преуменьшалось.

– Мы нанесли ощутимые, но гуманные удары по Бостону, штат Массачусетс, там затоплен груз чая с трёх торговых судов из Англии, но суда не повреждены. В то же время снабжение Бостона различным сортами кофе продолжается бесперебойно. Далее мы подвергли нужным нам преобразованиям наземные объекты в следующих штатах Новой Англии: Массачусетс, мы уже упоминали, далее, – генерал тыкал указкой в карту, – Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гемпшир, Пенсильвания, Делавэр, Виржиния, Мериленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия. Вы видите, мы соблюдаем справедливость и равновесие. Чтобы не допустить конфликта между католиками и протестантами, мы охватили как католический Мериленд, так и пуританскую Пенсильванию. Чтобы не возобновилась война Севера и Юга, мы с одинаковым рвением прошли как над Северной, так и Южной Каролиной. Поскольку Джорджия – это то же, что и Грузия, у нас нет надобности возвращаться непосредственно в Грузию, замирать её с Абхазией, нам не нужны лишние проблемы.

Здесь генерал сделал передышку и поднёс бумажку поближе к своим очкам:

– Мы благодарны за посильную поддержку тем странам дружественной Европы, с чьих военных баз совершили свои боевые вылеты пригодившиеся нам летательные предметы. Это Великобритания (база Хай-Уайком), откуда взлетали тяжёлые бомбардировщики Б-52, они ещё раз доказали, что отнюдь не устарели со времен вьетнамской кампании. Это Германия, которая подтвердила, что её воинственный тевтонский дух не заморозила ни Первая, ни Вторая мировая война. Её бойкие Торнадо великолепно чувствовали себя в воздухе Нового Света, они как бы вернулись на свою историческую родину, которую они периодически опустошают уже в качестве атмосферных вихрей. Это Франция, не забывшая свой бесценный опыт движения Сопротивления. Это Италия, (базы в Виллафранка, Виченце, Авиано, Истраке, Сан-Дамиано, Джойя дель Колле, Бриндизи), Италия, священные развалины которой и сейчас напоминают нам о титанических временах Древнего Рима, временах Гарибальди, Ганнибала, и, не побоимся этого имени, Гая Юлия Цезаря. Мы можем смело сказать, что после отважного Христофора Колумба Европа совершила сегодня второе открытие Америки.

Надо признать, что самолёты взлетали не только с территорий означенных знаменитых государств, но мы не можем проследить за всем необъятным воздушным пространством вашей планеты, поэтому мы благодарим совокупно наших союзников, пожелавших остаться неизвестными.

Безусловно, мы на это рассчитывали, и мы не ошиблись, найдя понимание и в самой Америке. Ощущение заманчивой близости сыграло свою благотворную роль, ведь впервые американским пилотам не надо было лететь к чужим далёким континентам. Возможно, впервые рядовой и офицерский состав местных вооружённых сил осознал безо всяких команд, что именно здесь находится основная сфера жизненно важных интересов Соединённых Штатов Америки. Если говорить о высшем командном составе, то здесь мы уже можем говорить о влиянии на лучшие умы философии прагматизма, психологии бихевиоризма и политики меркантилизма. О мондиализме и глобализме я уже не говорю.

Все самолёты без потерь возвратились на свои авианосцы и военно-воздушные базы. В свои акватории, военно-морские базы и нейтральные воды благополучно вернулись боевые корабли, возможно у некоторых членов экипажей наблюдается временное головокружение из-за весьма необычной скорости передвижения, здесь мы приносим наши извинения.

Мы ещё раз подчёркиваем, что наши действия не представляют угрозы для американского народа и вообще для масс, я употребляю здесь слово «массы» как в культурном, ликующем смысле, так и в геополитическом, бытовом значении.

А теперь, как обычно, оставшиеся в живых журналисты, а они в большинстве, несомненно, живые, я имею в виду тех, кто пришёл на сегодняшнюю пресс-конференцию.

Журналисты, хотя и были живы, были так потрясены, что не сразу решились задавать вопросы.

– А что ж, Соединённые Штаты... У нас никаких сообщений из самих Соединённых Штатов... И почему ваши, с позволения сказать, акции, действия совершаются именно ночью?

– Мы же неустанно повторяем, что наши действия не против народа, поэтому мы и действуем тогда, когда народ отдыхает, то есть, спит, чтобы не мешать народу, – генерал даже пожал плечами, настолько его удивил наивный вопрос.

– Но это же нонсенс, это так жестоко, как же можно спать, когда воют сирены, надо бежать в бомбоубежище, а ведь у них и бомбоубежищ ещё, наверное, нет, они же не готовы к ведению подобных действий на своей территории...

– Весьма риторический вопрос. Вы недооцениваете американцев. Вся их музыкальная культура работает на то, чтобы американцы не боялись сирен. Вы говорите – надо бежать, как будто для американцев это проблема. Там все бегают, даже сам президент с больной коленкой бегают.

– Но там же ещё женщины, дети!

– Опять риторический вопрос. Женщины и дети есть в любой цивилизации. Все любят своих женщин и детей, но по-разному. Нигде так не самостоятельны женщины и дети, как в Америке. Гендерная политика. Возьмите кино последних лет в Америке. Женщины владеют оружием не хуже, чем супермены. Женщины владеют восточными боевыми искусствами и умеют их применять вполне по меркам дикого Запада. Ну, и дети, они тоже владеют оружием не хуже взрослых, читайте газеты и смотрите кино! Тон задают во всём вооружённые до зубов кинозвёзды.

– Какие кинозвёзды! Вы развязали первую в истории звёздную войну! Вряд ли на ней гибнут актёры! Всё – всерьёз!

– Эх, куда хватили! Во-первых, никакая это не война, это акция, операция, но только не война. Во-вторых, для нас это вовсе не первая война с точки зрения проведения массовых зачисток засорившейся Вселенной. В третьих, именно в Соединённых Штатах зародилась американская идея звёздных войн. Мы только показываем вам бледное подобие американской мечты. Ваши дети с помощью своих электронных мозгов делают это не хуже нас. А теперь прошу прощения, нам ещё надлежит срочно перейти от географии к недолгой истории тех же Штатов. Ваши электронные мозги нам в этом помогут.

Бани мне избежать не удалось. Охрана, ответственная за мытьё президента, удалась вместе с ним в секретное мокрое место. Охрана, охраняющая эту охрану, осталась без дела и направилась в баню своей категории, а чтобы и там за кем-то присматривать, они захватили меня с собой.

– Давай, мужик, не оставлять же тебя одного без присмотра. Заодно и сам помоешься, пока там твоего президента очищают, – распорядился самый грозный из них, остальные при этом дико захохотали.

Меня затолкали в длинный легковой автомобиль вроде тех, в каких отвозят на кладбище гангстеров в голливудских боевиках. Мне завязали глаза повязкой и опять при этом захохотали. Ехали мы не так долго, так что вряд ли выехали за пределы Крылатского.

В бане мне развязали глаза, но предупредили, что здесь всё имеет глаза и уши, так что мне лучше помалкивать или хорошо подумать, если захочется что-то сказать. Но между собой они говорили, особенно не задумываясь.

– Хм.

– А-а.

– Что там с Америкой?

– Да плевать нам на Америку!

– Это тебе плевать, антисемит проклятый! А там – наши!

– Да ну? Значит, это там наши в своей тарелке?

– Верно соображаешь и правильно мыслишь. Там наши, но тарелка не своя, не наша. Её наши отбили у каких-то инопланетян.

– А кто же тогда по тарелке топором, то есть этим томагавком тяпнул? И что там надвое развалилось?

– Наши же и тягнули. Ведь наши продали высокообогащённый оружейный уран. Ну, не наши, но всё-таки свои. Ракеты демонтировали, а уран из боеголовок продали за 13 миллиардов долларов. Контракт ВОУ-НОУ. Так этим нашим ураном и тягнули. А он у нас на двуглавого орла, оказывается, запрограммирован: во что попадёт, тут же надвое. Этот уран ещё голодающие физики из Зеленогорска под Красноярском обогащали, с голодухи так и запрограммировали, голь на выдумки хитра.

– Так что теперь, вся Америка будет наша? И нашего Япончика из американской тюрьмы выпустят? Семья ждёт.

– С Япончика всё и началось. Глазные врачи на порядок вперёд всё видят. И братва не дремлет. Тут и евразийские авторитеты замешаны. Сам Моня Эйнштейн. Исаак Невтон из Англии. Полевой командир Хотяб. Будем Америку с Евразией объединять. Япончиком всё и кончится.

– А-а.

– Хм.

Ребята были как на подбор, лучше бы мне сейчас глаза завязали. Труден путь мускулистого человека к мудрым вершинам народной власти. Самый грозный из них, который, казалось, всё знал, позволил себе уже небольшой животик, что говорило об его высоком ранге в банной иерархии.

Я всё время думал, что бы такое сказать, чтобы не то, что бы своим показаться, но хотя бы очередного смеха не вызвать. Так и не придумал. После парилки и холодного бассейна мне опять завязали глаза и отвезли на место службы.

– Молодец, ничего не выдал, – похвалил меня грозный на прощанье.

И чего я не выдал?

Чувствуя легкость в теле, пустоту в голове, я обратился к печати, которую уже заботливо разложили на моём столе, надел наушники и включил телевизор.

Что-то есть извращённое в непрерывном потреблении хаотических новостей при удобном неучастии в их производстве. Недаром американские диетологи рекомендуют минимум два дня в неделю информационное оздоровительное голодание. Продляет жизнь.

Северная Корея готова предоставить убежище физикам-атомщикам из Лаборатории в Лос-Аламосе, где в своё время была создана атомная бомба. Особое предпочтение тем учёным, которые специализируются на продаже военных секретов России и другим странам третьего мира. Рядом с этим упоминается об угрозе голода в Северной Корее.

Вьетнамская сигаретная мафия в Германии предлагает паритетное сотрудничество американским табачным компаниям Пел-Мел и Кэмел. Вьетнамцы никогда не забудут, что от курящих янки во Вьетнаме было меньше вреда: они прекращали стрельбу на время перекура.

В штате Техас усилились сепаратистские настроения. Народ Техаса требует независимости. Ковбои, то есть скотоводы не против присоединения к Мексике: лучше быть верхом Мексики, чем ни-

зом Штатов. Нефтяные короли Техаса входят в сговор с нефтяными шейхами Аравии и Ирака и готовят повышение цен на авиационное топливо. Готова откупиться от прочих Соединённых Штатов солнечная Флорида, купленная когда-то у Мексики.

Вот и вести из Европы: НЕВЕДОМАЯ СИЛА ПОДНЯЛА СЕГОДНЯ НОЧЬЮ БОЕВЫЕ САМОЛЁТЫ С ВОЕННЫХ БАЗ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ. Британские авиаторы, обнаружив, что они летят не на восток, а на запад, катапультировались над Атлантическим океаном, где были выловлены русскими моряками и взяты на борт эскадренных крейсеров «Фридрих Ницше» и «Немирович-Данченко». Немецкие лётчики, несмотря на угрозу со стороны войск ПВО неопознанного противника, не покинули свои надежные Торнадо. ВСЕ ОПЕРАЦИИ ПРОШЛИ БЕЗ ПОТЕРЬ ДЛЯ СТРАН СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА.

Российские спецслужбы освободили из чеченского плена известного лыжника Волкова и американского миссионера, проповедовавшего свободу воли горцам Кавказа. Освобождение проповедника никак не связано с операцией, развернувшейся в горах Аппалачах.

Немецкие пилоты, не покинувшие свои боевые машины, будут представлены своим правительством к награде. Это будет новая медаль – «За воинскую усидчивость».

Британские лётчики, покинувшие свои самоуправляемые сверхзвуковые бомбардировщики, получают из рук президента США медали «За комполитический патриотизм» (как опять вот это понимать? Как новую находку в мутной словомешанине – «Комполитический» – или как очередной пример безответственности за написанное? «Комполитический» или «КоСмополитический»? Был бы сей опус из разряда реальных жанров, не было бы вопросов – правку внёс бы сразу же – но тут... – С.К.), как только все операции закончатся неизбежной победой Соединённых Штатов.

Снова Северная Корея. На сей раз она приглашает ещё и учеников Вернера фон Брауна, которые могут оказаться невостребованными в Хьюстоне и других центрах космических исследований. Северная Корея, уже имеющая опыт запуска трёхступенчатой ракеты, успешно перелетевшей через Японию, готовится к очередному запуску с более крутой баллистической траекторией: ракета перелетит через Северную Америку и финиширует в южном Казахстане, где её приземлением смогут полюбоваться местные этнические корейцы.

Вдруг прорвался долгое время молчавший Голос Америки и голосом Семена Резника с тревогой сообщил, что, если в США до сих страдали тяжёлой формой депрессии 8 миллионов человек, то теперь уже более трети всего населения нуждается в помощи психолога или психиатра. И вновь перебои.

В России бесперебойно вещало Народное радио и антинародное телевидение. Предлагалось переименовать Думу в Сенат, что должно способствовать получению кредита от всемирного банка, это надо сделать, пока ещё есть Америка. Надо ускорить процесс американизации российской жизни, включая приём беженцев, готовых вложить капиталы в нашу экономику. Ещё надо бы спешным порядком вместо переизбрания Думы ввести в правительство всех американских сенаторов, конгрессменов и губернаторов, представляющих Демократическую партию. Таким образом, мы убьём сразу двух зайцев: ускорим демократизацию нашего общества и сохраним носителей американской демократии в нашей гостеприимной стране, пока не утихнет эта странная космическая буря в густонаселенной пустыне.

Украина намерена предоставить американским беженцам поселения на полуострове Крым. Президент США официально приглашён президентом Украины на дачу бывшего президента Советского Союза в Форосе, где как раз уже оборудован музей перестройки. Президент Украины заверил дружественного президента, что с последним не случится домашнего ареста, как это случилось с лучшим немцем Горбачёвым. Надо только для этого удалить из соседнего Севастополя остатки Черноморского флота России.

Подобные предложения следовали наперебой.

Президент Азербайджана надеется, что президент США выберет новым своим пристанищем виллу на реликтовом озере Гей-гель, что лежит в горах над Гянджей, древней столицей Гянджинского ханства. Там же в своем мавзолее покоится величайший поэт мира Низами Гянджеви, певец мужества, мудрости и любви. Президент США, несомненно, примет это предложение, недаром район Каспийского моря объявлен давно зоной жизненно важных интересов Соединённых Штатов.

Президент Грузии полагает, что место президенту США именно на холмах Грузии, именно здесь

больше всего горных и приморских дач самого товарища Сталина. Товарищ Сталин не жил на плохих и плохо охраняемых дачах.

Грузия – страна долгожителей, так что там ещё живы опытниейшие охранники самого товарища Сталина, они будут охранять американского президента, что обещает ему безопасность и даёт вид на долгожительство. Он даже может называть Грузию любовно по-своему: Джорджия, а если судьба заставит его вернуться в родную великую державу, то он может включить ещё одну Джорджию в состав своих обновленных Штатов.

Президент Калмыкии обещал научить президента братской страны играть в шахматы и ездить на верблюде, что отвлечёт от мрачных мыслей о судьбах человечества и правах человека.

Президент независимой Ичкерии вступил в единоборство с президентом Грузии. Подумаешь, долголетние сталинские охранники! Вот у нас в горах так могут сохранить человека, – из космоса не отыщешь! Хорошая есть традиция у горцев – красть невест, так почему хорошего человека не украсть, хороший человек порой дороже хорошей невесты. Пусть господин президент с семьёй приезжает, чтобы и семья не беспокоилась. У нас по Шариату до четырёх жен полагается, так что господин президент может всему своему Конгрессу нос утереть.

Президент Казахстана обещал отобрать у русских и отдать американцам космодром в Байконуре, если американцы отпустят своего президента в степь. Американцы же скорее от Америки откажутся, чем от космоса и от звёздных войн! Из Байконура как раз космос и отвоюем и завоюем. Американцы наведут в Байконуре порядок, а потом и в космосе, выплатят зарплату и пенсию российским космонавтам, а когда время придёт с победой домой возвратиться, они оставят космодром в таком состоянии, что казахи уже сами будут запускать в космос свои меховые шапки.

Президент... Да что мне эти все президенты? Что-то меня к нашему давно не вызывали. Надо бы доложить ему международную и космическую обстановку.

Я вошел в палату и отшатнулся: в постели лежал пустой скафандр.

19.

В соседней палате здоровенные больные в масках налоговой полиции играли в карты. На мой вопрос о президенте они заржали знакомыми банными голосами, а самый грозный произнёс, что моё дело читать международные и межгалактические проповеди не важно кому, человеку или скафандру. Нет такого скафандра, который бы не заполнился человеком. А скафандр самого президента – он и без президента всё слышит. Остальное не моего ума дела. Грозный сделал ударение на УМЕ, отчего его подчинённые снова заржали.

В коридоре обаятельная нянечка, бывший член отряда космонавтов, утешила меня окончательно:

– Ты здесь без году неделя, ещё не то увидишь! На Ленине вот пиджак, секретными смолами пропитанный, раз в два года меняют, а тут живого президента из скафандра вынули, он и всполошился!

– Президента меняют? – спросил я осведомленную няню.

– Упаси Господи! – она перекрестилась. – Не президента меняют, а в президенте что-то меняют, нам знать не положено. А ты знай своё дело, поговори со скафандром, в нём президентский слуховой прибор, а раньше, до помывки скафандра в нём ещё и олигархи свои уши оставляли.

– Вот как? То-то я удивлялся, зачем это скафандру отдельно уши промывают.

– У нас зазря ничего не делают, миленький. Иди, работай, пока тебя прибором не заменили. Слышала, будет такой мистер, или микшер, он все сливки с последних известий снимет, звук со светом смешает и всё президенту прямо в пищевод... Ну, не в пищевод, или ещё куда... Там знают.

Не то, чтобы я расстроился, но я решил отвлечься и обратился к сообщениям не самого первого ряда. Раздел фельетонов, развлечения, культурная жизнь. Мне попалась статья о знаменитом вне России скандальном писателе Тите Европееве. Я так увлёкся, что забыл, был ли это немецкий журнал «Шпигель» или «Штерн».

Тит читал лекции о построссийской литературе в Свободном университете Берлина, затем его отправили в Японию, где он в саду камней споткнулся о камень, упал и его осенило. Он не раз спотыкался о священные камни Европы, но ничего не случалось. Проваливался он и в сточные ямы в Индии – хоть бы что, ничего, кроме вони. Но тут в Японии Тит, так любивший Европу, к которой он вслед за американским президентом относил и Соединённые Штаты, именно в буддийском саду

камней почувствовал непримиримую вражду к Америке. Америка – не что иное, как постмодернистская пародия на сад камней, но уже не сад, а дебри, бурелом, термитник небоскрёбов. Вот была Россия империей зла, но там посеял Европеев свои цветы, и Россия заглохла как страна читающая, пишущая и громкоговорящая. Теперь пора Европееву разделаться с Америкой, сказал ему голос, хоть и внутренний, но свыше и отразившийся от камня.

Вначале он хотел лететь на самолёте через Пёрл-Харбор на Гавайях, но потом спохватился, что это слишком быстро, в самолёте он не успеет обдумать, как так разделаться с Америкой, чтобы она тут же тебя полюбила.

– Объяли меня воды до души моей! – возопил Тит и нанялся кочегаром на парусное судно с грузом свежих белых рубашек для японской мафии, которая в поте лица и подмышек орудует в Америке. Мафия компьютерная, дело имеет с вирусом, поэтому нельзя без белых рубашек. И вот обнаружили японцы у себя на борту кочегара, не знали они, что это и есть знаменитый Тит, и хотели бросить его за борт. Тут он показал им свои книги на многих языках мира, кроме японского, но картинки там были, японцы смутились и высадили Европеева на калифорнийском побережье где-то недалеко от Санта-Барбары.

В это же время выбросило бурей на берег огромного кита, который издох и смердел, и как только увидел Тит усопшее чудовище, сразу подумал – вот он мой дом творчества, в нём я и напишу, что я вижу в Америке. И тут же внутренний голос уже из кита ему сказал, что надо спешить, ибо через сорок дней Америка будет разрушена, не дождавшись даже затмения солнца в августе и обычного конца света, а Европа будет праздновать победу своего «евро» над американским долларом.

Внутри кита Титу сразу понравилось, там царили его любимые запахи мочи и кала, гниющей ворвани и разлагающегося спермацета, из чего можно было заключить, что это не просто кит, а зубастый кит – кашалот. Поскольку голова кашалота занимает почти треть его туловища, то, возможно, что Тит сидел именно в голове, отчего его мысли были особенно крупными и свежими.

Три дня и три ночи Тит будет писать обличительную, но развлекательную книгу, макая китовый ус в спермацет, из чего следует, что хотя источник вдохновения это кашалот, но в тоже время и кит усатый. Это будет первая в мире книга, которую можно будет читать не только большими глазами, но и чутким носом.

Швейцарское издательство Хохманн уже заказало макет книги, её обложкой будет корка швейцарского сыра, таким образом, сыр будет рекламой новой книги Тита, а книга в свою очередь поднимет престиж этого сыра. Тит уже отверг предложение российского издательства «Папье-пресс», предложившего ему обложку из пошехонского сыра.

Содержание книги есть тайнопись, но уже есть намек на содержимое. Европеев, как теоретик современного мездризма, утверждает, что у настоящего сочинения нет формы, но есть кожа, мездра, которая обтягивает содержимое-скелет. Там, где мездра истлела, прохудилась, там проступают жилы, кости и потроха, в этом стриптизе нутра и изнанки проявляется имманентный дискурс самого автора, который не просто исчезает в своём произведении, а гниёт и тухнет на каждой странице в буквальном смысле слова.

Не прошло и дня, как вокруг воняющего кита разбила свои палатки колония славистов из ведущих университетов Старого и Нового Света, специалистов по разложению и деконструкции России. Кит-кашалот тут же был объявлен симулякром прогнившей России, которой ничего не осталось, как выброситься на Америку, а сидевший в ките Тит провозглашён истинным новым русским, который нашёл способ открыть для себя настоящую Америку: он выйдет из прохудившегося чрева кита через лопнувший нарыв с головой, обвитой морской травой, и он простит Америке её мелкие грешки, ибо она страна великая, где более ста двадцати миллионов человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и где множество скота, с которым лихо управляют ковбои дикого запада.

Тит Европеев воистину вышел из чрева кашалота обновлённым, в водолазном скафандре и в противогазе.

Следом за ним спасатели вынесли из лабиринтов китовых внутренностей отважных любителей словесности, которые пытались проникнуть в желудок к любимому автору. Тех, кто лез через пасть кита и запутался уже в китовом усе, вынули первыми, и те поспешили читать лекции в своих свободных от научных предрассудков университетах. Тех же, кто осмелился пролезть к Европееву, как и положено, через китовый зад, откачали несколько позже, последние так ослабли от творческого

столкновения с дерьмом морского зверя, что остались приходиться в себя в палатках. Под присмотром врачей и сиделок они готовили рефераты к симпозиуму о моровом значении творчества Тита.

Пока известно только название нового бестселлера, оно было украдено у забытого Антона Павловича Чехова: «Ионыч».

Меня насторожило упоминание о водолазном скафандре: откуда он у Европеева? Уж не вхож ли он в окружение семьи? Уж не он ли консультирует культурных советников президента?

20.

Президента не было три дня и три ночи. Наконец, я застал его в постели и без скафандра. Он лежал, как ни в чём не бывало, спокойно дышал, но мне показалось, что от него пахло морской травой, как на побережье шведского острова Готланд, хотя, скорее всего, он был просто где-то густо смазан йодом. Поэтому мне пришлось пробормотать за целых три дня, что-то опуская, а что-то вспоминая уже не к месту, но я не вёл записей, ибо события были в таком накале, что я едва успевал переключаться с одного канала на другой.

Президент, наконец, выступил с заявлением, – при чём здесь затопленный груз чая – бостонское чаепитие, это же было в 1773 году, когда Америка только начинала обрывать пуповину с Англией, сейчас у нас нет проблем с поставками чая, тогда была ещё зависимость от английских колоний, но сейчас мы получаем чай и непосредственно из Индии, несмотря на проблемы Индии с мусульманами в Кашмире и с Пакистаном, или на проблемы сингальского коренного населения Шри Ланки с тамильскими «тиграми», пришедшими с материка в колониальную эпоху.

Здесь президента прервали, я имею в виду президента Соединённых Штатов, а не нашего, которому я всё это навешал в качестве счастливого сна, он ведь полюбил Америку, когда его пригласил впервые институт Эсален в Калифорнии, а потом уже любил все меньше и меньше, как будто Америка мешала ему по-своему любить Россию.

Президента прервали, подтвердив, что с чаем действительно начались перебои. Но это не так страшно, так как большинство всё-таки предпочитает пить кофе.

Далее президент обратился к более серьёзным вопросам, к разрушению мостов, особенно Бруклинского моста, ведь именно политика наведения мостов всегда была предпочтительной для Америки, а не их разведения, что свойственно Санкт-Петербургу. Разрушение мостов есть ничто иное, как попытка превращения территории страны из линейного множества в точечное, отсюда особую роль в стратегии должно играть третье измерение, короче говоря, нам надо будет передвигаться по воздуху и таким образом постепенно захватить господство в воздухе.

Затем на глаза президента навернулись слезы, и он поведал согражданам, что существенно повреждена статуя Свободы. На неё сейчас, как сообщают очевидцы, страшно смотреть. Ей оторвало голову. Нам придётся извиниться перед французами, что мы не сберегли их подарок, и это придется сделать нам, нам, ценившим свободу выше равенства и братства.

Если Конгресс поддержит президента, то он готов приветствовать ту сдержанность, с которой большинство европейских государств оценивает сложившуюся обстановку. Он также выражает признательность главам ряда стран бывшего Советского Союза, пригласивших его провести отпуск на их богатой земле, но неотложные дела требуют его присутствия в собственной великой державе.

Что же касается космической напасти, то за голову Упа назначена премия в 30 миллионов долларов. Есть некоторая надежда, что за такую сумму сам Джимми Повидлоу выдаст Упу, убоявшись, как бы Уп не сдал его первым за более скромные деньги. Но мы за голову Повидлоу пока гроша ломаного не дадим, однако мы примем адекватно-ква-ква...

Должен оговориться, что при передаче сообщений я иногда заговариваюсь и вместо того, чтобы кратко истолковать суть происходящего, просто повторяю звуковые характеристики передачи. Нет ничего нелепее монолога, не рассчитанного на диалог. На слове «адекватные», надо полагать, меры, экран полыхнул и утопил президента в недосказанном слове.

Возник мгновенно сам Повидлоу, но без головы, голову он держал под мышкой, а когда он её поднял над собой, как Персей голову Медузы, все увидели бледную голову статуи Свободы. Затем он надел эту голову себе на плечи, и она приняла его, как обычно, безразлично-озабоченное выражение. И вдурог он пропел:

– Эх, пропадёт, эх, говорил он, твоя б-буйна голова-а-а... А вот и самое последнее, – извернулся Джимми, – мы нанесли удар по все бродкастингам, по всем там СиЭнЭн, вой оф Америка, плакали ваши 33, или там 72 программы! За неадекватное искажение действительности. Теперь ясно, почему президента не стало? Мы нанесли булавоочные удары по самому дорогому для президента: по его изображениям. Теперь президент потерял свое лицо. Конечно, кто-то может пока, и повторяю – пока любоваться нерастиражированным лицом президента, находясь в его непосредственной близости то ли в качестве советников, то ли охраны.

Здесь появился Уп и удалил Джимми Повидлоу с трибуны, обратившись в зрящее на него пространство: – Не до вопросов. Вопросы есть и у нас самих. И не до ответов. Нам ещё неведомы некоторые ответы. Но мы докопаемся! Могу сказать только одно: на территории Соединённых Штатов обнаружены многочисленные кладбища!

Провозвестники вселенского образа жизни ушли с экрана, а я, не снимая наушников, углубился в газеты, время от времени отвлекаясь на голубой огонек, который погас только в самой Америке, и то, я полагаю, не везде.

Снова появились фильмы об агенте 007 с правом на отстрел окружающих его подозрительных лиц. Это было вызвано сюжетом с мостом Золотые Ворота, построенном в 1937 году, высота над водой 60 метров, длина пролета – 1280 метров, пилоны хорошо вписываются в контуры холмов. Действительно хорошо, я мог бы это подтвердить, ибо проезжал по этому мосту с продюсером Коппола Томом Лади по дороге к русской эмигрантской поэтессе Ольге Ильиной. Хорошо, что я не оказался на этом мосту в это злосчастное время. Кто-то из правозащитников заявил, что нечего было строить мост в злосчастном 1937 году, когда в Советском Союзе царил произвол сталинской охранки. Теперь этот мост можно увидеть не только в фильме о неуязвимом Джемсе Бонде(а это опять что?! Продолжение трёпа или реальный киногерой – знаменитый «агент 007»? Если трёп, то какая разница как кого зовут – вон их сколько в тексте всяких «повидлоу». А если реальный киногерой, то его звали Джеймс Бонд! – С.К.), но и во многих голливудских фильмах, действие которых обязательно переносит нас в Сан-Франциско.

Тем не менее, другой, более грандиозный 13-километровый мост в Сан-Франциско – Окленд остался цел и невредим. Обозреватели полагают, что космические пираты суеверны и боятся числа тринадцать – чёртовой дюжины, другие считают, что бандиты просто подумали, будто Окленд находится уже в Новой Зеландии, ведь с большой высоты нетрудно и перепутать.

Концерты популярных рок-групп прогремели на многих мостах мира. На большом Каменном мосту в Москве, на мосту лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге. Пели знаменитый шлягер куртуазного маньериста и весьма кровожадного типа Виктора Пеленягрэ:

А в чистом поле система град,
За нами Пушкин и Сталинград...

Пели под крики воронов на лондонском Тауэре. Градомэр Москвы Моржков запретил дневное действие на мостах, чтобы не нарушать и без того затрудненное продвижение общественного транспорта, поэтому пели и бесчинствовали только по ночам. Собирались запеть и на Крымском мосту, но воспротивилось министерство обороны на Фрунзенской набережной, оно работало в ночном режиме. Гул и грохот тяжёлого металла мог стать причиной ошибок в стратегических компьютерных программах.

В самой Америке уже было не до кошачьих концертов: в результате ночных налетов европейской авиации с Бродвея впервые сошли неунывающие «Кошки» Эндрю Ллойд Веббера. Но, судя по слухам, настоящие кошки на помойках Нью-Йорка только умножились, поскольку был нарушен бесперебойный вывоз мусора. В списке самых дорогих городов мира Нью-Йорк передвинулся с 13-го на 6-ое место, приблизившись почти вплотную к Гонконгу и Токио. Это вызвало тревогу в оккультных кругах, уж лучше бы он оставался на 13-м, так больше шансов сохраниться.

В Риме забили тревогу по поводу попыток разрушить многочисленные Капитолии в Соединённых Штатах, в этом акте вандализма римляне увидели попытку нанести урон европейской истории и унижить Римскую империю, а в настоящем и сам Рим, ибо один из семи холмов – Капитолий, пусть и самый низкий из них, всё-таки хранит память о былом могуществе.

Говорилось именно о попытках, так как из самой Америки не было никаких подтверждений, насколько серьёзны разрушения, то ли по собственным цензурным соображениям, то ли действительно всё вещание было подавлено свыше, то есть космической «цензурой».

Действительно, всё началось с Бостонского Капитолия, его фронтон и купол были повреждены наряду с затоплением пресловутого груза с чаем. Затем Капитолий в штате Виржиния в Ричмонде, построенный по образцу древнеримского храма, «прямоугольного дома» в Ниме. Особенно печально было об этом услышать поклонникам третьего президента Томаса Джефферсона, ибо по его любительскому проекту был создан этот очередной Капитолий. Кто бы после этого посмел сказать, что в Америке нет места античности? А университет в Шарлоттсвилле, этакая реплика римского Пантеона? Это вам не простоватая дублинская архитектура Белого дома в Вашингтоне! А что уж говорить о напыщенности и грандиозности, граничащей с манией величия, если взглянуть на здание федерального Капитолия в столице Штатов! Увы, его чугунные конструкции не вынесли ударов, направленных космической десницей Упа. Да, направлено-то Упом, но могло показаться, что кто-то хорошо видел и не в первый раз, куда надо было обрушить удар!

Немудрено, что многие штаты проявили озабоченность и приняли меры по усиленной охране своих Капитолиев, а главное – не допускать туда граждан, как настырных просителей, так и прилежных исполнителей народных просьб – тоже, нашли время!

Не хотят ли пришельцы вернуть Америку к политике изоляционизма? Лишить её не только старинных и новоприобретённых связей с послушной ей стареющей матерью-Европой, но и вытравить саму память о породившей её могучей и воинственной цивилизации?

Уж не хотят ли они, эти верхогляды, правда, глядящие сверху, оставить только одноэтажную Америку, трущобы городских центров, или насадить повсюду исчезнувшие индейские вигвамы? Ведь были же прозрачные намёки на то, что небоскрёбы могут помешать нанесению штампа. А что ещё помешает непредсказуемым чужезвёздцам?

Какую ложь они ещё изобретут в поисках правды на земле? Действительно ли так, и прав пушкинский отравитель Сальери, что правды нет и выше?

Тут президент захрапел, чего раньше с ним не бывало, и я обнаружил, что у него нет под головой подушки. Я пошёл искать нянечку, заглянул туда, где банные люди играли в карты, они играли по-прежнему, но в какую-то другую азартную игру с метанием костей, хорошо ещё, что не человеческих. Говорили они уже не по-русски, а, возможно, по-ирокезски или по-чеченски, масок на лицах не было, да и надобности в этом тоже не было, настолько они заросли чёрными жёсткими волосами. От них пахло порохом и нефтью, они с неудовольствием повернулись в мою сторону, кто-то даже схватился за автомат Калашникова, но самый грозный из них сделал резкий знак рукой, призвав игроков успокоиться:

– Мы тут ваших братков убрали. Нашими заменили. Смена караула! Подушку ищешь, кунак, правильно делаешь. Мы ей предыдущую смену как раз воздуха лишали. Пойди к няньке, добрая женщина найдёт замену. А то тут заговор зрел, хотели подушку главному не снизу, а сверху наложить. Но мы, хвала Аллаху, в отличие от некоторых не дремлем! Ступай, браток, пусть пол больничного коридора будет тебе пухом. И не бойся моих мюридов. Они народ мирный, если не разозлить.

На ватных ногах пройдя по коридору, я встретил добрую женщину, которая сама шла мне навстречу, неся в руках оранжевую подушку:

– Я тут из парашютного шёлка наволочку пошила. У нас как космонавт какой захворает, так со своим парашютом к нам. На этих парашютах капсулы из космоса в казахские степи спускались. Космонавты поправляются, а парашюты остаются. Оранжевые! Так что теперь сразу будет видно, хоть в лесу, хоть в горах – на месте подушка или нет.

Дрожащими руками я приподнял голову президента и подсунул ему под голову новую подушку. Храп прекратился.

(Продолжение в следующем номере)

Проза

Николай Ольков

Николай Ольков родился в селе Афонькино Тюменской области. Предки в середине 17-го века выжили с берегов Онежского озера из села Ольково. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького, семинар прозы Б.М.Зубавина. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Автор нескольких десятков художественных и документальных книг, двух-, трёх- и пятитомных собраний сочинений.

Несколько произведений отмечены премиями: Д.Н.Мамина-Сибиряка, Н.А.Некрасова, И.М.Ермакова, Южно-Уральской и премией «Имперская культура». Почётный аграрник Тюменской области. Созидатель церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Бердюжье Тюменской области, где и живёт.

Мать сыра земля

Повесть

Дед Максим любил рассказывать эту историю, потому что остался самым старым в деревне и, пожалуй, один помнил деда Маркела и его повествование.

– Деревня наша как будто убежала от кого, да она и на самом деле пыталась от большой воды схорониться, спервоначалу обосновалась между двух озеринки, так, ежели сурьезно, то лужицы, не больше того. На этом берегу чихни – с того здоровья пожелают. Но рыбёшка в них водилась, опять же не из благородных, но рыба едовая и во всех видах съедобная. Имя ей будет карась, ни сёдни, ни вчерась. О рыбе этой и как её добывают, а пуще того, как поедают наши деревенские, я как-нибудь особо распространюсь, а сейчас про деревню. Сказывал эту быль дедушка покойный, а он сто пять годиков прошарашился по земле, в семьдесят женился на молодухе, да ещё двоих ребятишек изладил. Знамо, шептались, что помогли, мол, добры люди, но, когда ребятишки подрастать стали, сумлений не сделалось: наших кровей, что парень, что девка. И взгляд суровый, и речь с хрипотцой, как будто скомандовать чего хотят либо дельное посоветовать. Тогда и разговоры утихли. Да чего об этом, молодуха кажнное утро с улыбочкой на крыльцо выходила, потянется, бывало, аж в поясище хрустнет.

– Ты бы, Апросинья, морду-то с утра не кривила, всё хошь чего-то изобразить непонятного, – проворчит поране вставшая Евдокея, снохой она доводится Апроше, хотя годков-то поболее будет. Двор один, управа у каждого своя. Вот надо же, как жили: отцов дом как корень, сынов рядом, другого сына обочь, дочь замуж выдали – желательнo и зятя припрячь, и ему дом. А ограда больша, заплотом обнесена, в каждом углу навес, рядом тепляк для коров с телятишками и лёгкий двор для лошадей. Так вот; дед Маркел Епифантьевич как-то рассказывал, мы ещё сопливые были, а слушали люди справные, солидные, и мы между них. Сказывал, что отец его Епифан Демидович шёл в эти края аж от Онежского моря, он грамоте был обучен сурьезно, показывал мужикам холстину, по которой изображён был тот путь. И за место это земельному начальнику преподнесена была икона древнего северного письма, вся в золотой ризе и камнями изукрашена. Начальник тот за подарок поклонился, икону развернул от рукотерга расшитого и приложился трижды с крестным знаменем. Сказал, что примет и сохранит, а как церковь построит общество, то привезёт икону и на коленях к иконостасу приставит. Так и сделал потом, не обманул.

Первые дома срубили по внутренним берегам озера, хоть тот человек упреждал:

– Мужики, не льстите на видимую удобницу, не жмитесь к воде, потому как бывает в пять годов раз большая вода.

Наши, конечно, понятия не имеют, с водой знались с мальства, вперёд плавать умели, чем ходить, а тут пугают. Но человек разьямачил, что большая вода стихийно приходит и всё забирает, и живое, и недвижимое. А приходит потому, что в дальних китайских краях с гор истекают ручьи, в казахских горах весной воды вниз падают, тихой рекой приходит вода в долину и так же тихо вытекает к северным морям. Только случается, много снега и льдов плавится под горным солнцем, воды смыывают и скот, и посевы, людей смыывают, аулы и кишлаки, под заунывный плач осиротевших баб вода скатывается в долину, и нет тут ей никаких преград. Высоченным валом идёт, со льдом, звуки издаёт пугающие. Диковинные и жуткие рассказывал человек истории, что и стога неслись, и бани, и мосты сланские со скотиной, и даже волчица с выводком спасалась на вывороченном плетне. Через три лета случилось, ночью загрохотало, как майский гром, хотя какой гром, апреля середина. Повыскакивали, и при ясной луне узрели наиболее глазастые, что белый вал идёт на деревню. Ну, вал – дело знакомое, только в море можно баркас в лоб волне поставить, а тут дома, скотина и ребятишки. Сообразили, запрягли телеги, орду побросали, барахло какое, и в гору. Скот тоже погнали, лошадей выпустили, те поумнее, сами спасенье найдут. Двух улиц лишились, вот тогда и подалась деревня в гору. Получилось, как будто разбежалась, да силов не хватило, так на полдороге и остановилась.

Вот так мы в этих краях образовались, так и род наш попёр, слободный да работающий. Акимушкины далеко знамениты были маслом коровьим живым и топленным, купцы, сказывали, для чужих земель сторговывали пудами. А ещё мясом, да пшеничкой, да мукой-крупчаткой, такой, что булки из той муки, бывало, хозяйки из печи вынуть не могут, так поднялись, что не входят в печное устье. А отчего? Оттого, что рбили мы от зари до зари, на солнышко не заглядывали, а только по команде старейшего можно было остановиться. Вот и вам, робята, предстоят дни и годы трудов и радостей на родной матушке – сырой земле.

Ты, Лавруша, совсем маленький, слушаешь, и сладко тебе от той истории и того завтрашнего радостного дня, который обещает дед Максим, старый и седой с головы до бороды, даже брови кустистые взялись белизной.

Сможешь ли ты вспомнить, Лаврентий, напряги тугой звенящей струной свою память, до мозгового простука, до физической боли напряги, отринь всё земное, но вспомни, накормил ты тогда солдат пригоревшей своей кашей? Накормил или нет? Если опять придёт убитый ротный – что ты ему скажешь? И нет тебе покоя, тысячу раз проклятый и прославленный простым солдатом повар, от которого зависела половина жизни ребят. Они всегда ругали тебя, что в санчасть бегаешь к девчонкам, а каша в это время от возмущения вся горит. Ругали, конечно, шутейно, у кого на войне язык повернётся против повара, а тем паче – рука. Поваров не били. Но ты-то знаешь, что следовало бы иногда выправлять нехорошую линию ихнего поведения, когда, к примеру, в соседнем батальоне повар сахар вполовину стаскал связисткам, и масло тоже. Ты ведь тоже получил ко дню рождения товарища Сталина пол-ящика молосного, у вас в деревне не называют сливочным, а молосным, ну, молочным бы надо, да и так ладно. Ты всё поделил и раздал, рядом со старшиной, тот спирт разливал, так и отпраздновали хорошо, если не считать вечерней атаки налетевших мотоциклистов и троих наших, которым ты тоже копал неглубокие ямки.

А в тот злопамятный день варил ты перловку с зайчатиной – утром снайпер Вася из северных народов принёс, бросил у тележного колеса:

– Вот, Лаврик, добавка к паре фрицев, уже на свету выскочили порезвиться, ну, я и не устоял. То ли охотничья заросшая страстишка пробилась, то ли мясного захотел. Обладить-то умеешь?

Ты тогда сильно возмутился:

– Да я этого зверя столько туш перевешал, что счёту нет! Что мне заяц? Я кабанов драл, лося самолично свеживал, до медведя дело доходило...

– Не дался медведь? – устало спросил снайпер Вася, широколицый, узкоглазый, суровый с виду, добрый, как ребёнок, а вот кто научил под шкуру лезть? Конечно, около русского брата нахватался, приёмыш хренов. Пришлось отвечать, иначе при ребятах припозорит:

– Я, Вася, на медведя не ходил, это он на меня вышел, когда мы с семьёй сена косили в лесах. Вечерком пошёл я в кусты, присел, как положено, тоскую. Тишина такая, что даже комаров нет. Выпростался я, во весь рост встал, а он передо мной стоит, и морду приподнял, нюхает. Думаю, и спасло то, что сотворил дух ему неприятный, фыркнул он от брезгливости и подался в лес.

Вася не смеялся, только очерил свои жёлтые кривые зубы и чиркнул слюной:

– Медведь умный.

Ты так возмутился, аж соскочил со своей чурочки:

– Умный! А я потом с кукурок не вставал всю ночь.

Вася уже почистил винтовку и котелок подаёт. Осталось с утра каши на доньшке, остатки сладки заскрёб, к огню поставил, ложку масла плеснул из бутылки.

– А куда батарею девал, повар? Разбежался народ?

Ты объяснил, что дан был приказ сниматься с позиции и уходить в направлении посёлка – это километров пять. А ты оставлен готовить обед, потому что после перехода возможно, батарея сразу вступит в бой, а после боя у солдата две нужды: пожрать и поспать. Вот первую и обязан удовлетворить, так, кажется, сказал капитан, ухвативший на всякий случай банку американской тушёнки.

Ты ещё вчера заметил под леском кучки земли от сусличьих норок, значит, живут большим семейством, место высокое, хлеба года два никто не сеял, но из падаликаросло, сам на ходу ухватил горсть – пшеничка никакая, колосок жалкий, зёрнышко сморщилось, усохло, но всё хлеб, если совсем ничего. Тем и пробивалась сусличья порода. Ты же в молодости на всякую охоту был способен, особенно после коллективизации, когда корову и овечек, и всё тягло забрали, и землю, и запас зерна. Кто похитрей – сбагрил пашеничку втихую киргизам петропавловским, и скота много сумели увести, пока допёрла власть, что очищается единоличник от содержания, как умирающий при последнем издыхании выгоняет из себя всё, чтобы пред Богом предстать в чистоте телесной, а до душевной – другое дело. И твой отец был не из праведников, сказал, что хоть всякая власть и от Бога, но дожидаться не стал, всё хозяйство спустил с рук, в сусеках можно в чиху играть. Пришлось голодовать вместе со всеми, вот тогда и подсказал старик Шатила, одинокий, безобразный:

– Пошли, Ларька, со мной, научу тебя от голода спастись.

Пошли вы вечером на Кизиловку, тут раньше ребятишками сусликов из нор выливали. Днём зверьки по домам сидят, вот ребетня и льют в нору воду. Бывало, что папаша ихний хлебает, сколько может, а потом вылезит и бежит в сторону, раздутый и страшный. Ткнет кто палкой в брюхо – вся вода вытечет. А семейство той минутой в разбег, кто куда. Выходит, спасал папаша семью свою – во, как. Бывало, выльют в нору одно ведро, за другим сбегает в соседнюю лягу, а нора уж полная. Только потом объяснил Шатила, что суслик своим телом перекрывает нору в узком месте, а другие тем временем спасательный ход роют.

Шатила показал, как надо петли вязать, чтобы суслик обязательно попался, как петлю крепить, чтобы зверёк с ней не убежал. Ты тогда всё перенял, и тех сусликов носил домой по паре, а то и по две в день. Мать поначалу отказалась суп варить из нечистого мяса, но отец молодец, растолковал, что суслик – есть суть чистойшей животины, потому, как пташка божия, питается природным зёрнышком. Ты тоже поначалу брезговал, морду воротил, а с голодухи как-то хлебнул ложку, вослед другую, – ничего, получилось. А суп в самом деле наваристый был, приходилось на засов запираяться, чтобы не увидел кто случайно да не сдал властям, что свинину жрут втихаря от остальных голодных колхозников. Кроме того, Шатила научил выкапывать по осени сусличьи гнезда, в которые они натаскивали запас зерна на зиму. Ты сильно удивил и напугал отца, когда приволок в мешке не меньше пудовки пшеницы. Перехвати недобрый человек – тюрьма...

Вася поел каши, выпил кружку чаю с сахаром, винтовку свою рядышком положил и, как с молодой женой в обнимку, уснул. Велел только разбудить и с собой взять, когда к поселку поедешь.

Что же далёк? Ага, сходил на свой помысел, трёх штук принёс, быстро освежевал, в отдельном котелке сварил, обобрал мясо, а кости прикопнул – не дай Бог, кто увидит, со свету сживут. Варёво то в котёл кинул, смотришь – и зайчатина повеселела, верх мелкими звёздочками подёрнулся. Хлебнул ты того кондёра и удивился: до чего к душе, вот порадуются мужики!

Ты тогда ещё насобирал дровец, валёжника разного да прутьев, это хорошая была привычка, потому что на новом месте, случалось, вообще никакого топлива не оказывалось, а то ещё чище – дождь пойдёт. А солдат и в ненастье есть хочет, похлеще, чем в ясный день. Потом Васю поднял, тот на повозке приспособился за тёплым термосом и захрапел. Ты тогда ещё травки подкосил для Серухи, лишней не будет, запас карман не трёт, поймал гулявшую рядом кобылу, запряг в повозку, сел на облучок и покатил. На ходу соображал, что хлеба ещё и на завтра хватит, а если не подвезут, то мешок сухарей всегда в запасе, заварка есть, да для чая сейчас смородиновый лист – милое дело, кто понимает. И неожиданно для себя улыбнулся: ёлки-палки, это же тебе шибко повезло, что бывшего

кашевара особист увёл, сказал, что лазутчики кинули в батарейный котел какую-то яду, от которой сохли бы все мужики, а повар то ли в сговоре, то ли бдительность посеял. Жранину ту вывалили в яму и зарыли, солдатиков тушёнкой отоварили, банку на двоих, а повара того больше никто и не видел. Поговаривали, что офицеры трёхлитровую фляжку спирта ночью под ей-Богу выпросили у кошевара, а после трёкнулись. Почему фляжка у повара сохранялась? Да, видно, старшина попросил придержать, сам куда-то отлучался. Вот отчего старшина именно тебя избрал изо всех – то неведомо. Угодил, видно, когда-то, вот и поручил. Сказал, что варить научишься по ходу жизни, пару дней тёрся тут паренёк вихрастенский из соседней батареи, подучивал. Конечно, кое-что ты ухватил, а там понеслась.

Вон батарея, под деревней обосновалась, удобная позиция, фашистам за домами не видать. Ребята уж земли нарыли – горы, тут и под орудия, и для землянок, и ходы сообщения. Кухню увидели издалека, кое-кто приветно пилоткой помахал. Ты уже и место выбрал, где остановиться, и термос открыл, и даже запах мясной вкусный уловил, вроде даже двоим-троим успел в котелки положить... Или не успел?

...В мирной ещё жизни случались в деревне драки. Были два братца Казаковы, Илья да Григорий, как подопьют – непременно драку надо учинить. Да не просто так, а чтобы на всю деревню. Коля из огородной изгороди выламывают, и искать себе супротивников. Ведь находились! Совсем из другой компании мужики, слова против не сказали казачатам, а тоже – жердь пополам, и в Бога мать! Вот при такой драке ввязался твой дядя Проня, не из драчливых, но шибко выпивши был, баба не усмотрела, как он кол сгрёб и Гришку повдоль спины вытянул. Гришка взревел, Ильяха орёт: «Кто брата хряснул, не жить тому на белом свете!». Тетка твоя и взмолилась: «Ларя, родной, выдерни ты мово из бучи! Убьют его казачата!». Ты и метнулся. Вот тогда первый раз сознание отлетело, потому что по голове, хоть и со скользом, прошлась Гришкина жердина, вместе со шкурой причёску шибко испортила, но до мозгов не достала.

И тут как точно такая же жердина вдруг сильно ударила тебя по голове, черпак выпал, Серуха взметнулась и пала, брюхо ей разворотило, повозка опрокинулась, ты упал в вывалившееся ещё тёплое варево. Потом снаряды падали ещё и ещё, но ты уже ничего не слышал, был высоко над боем, над этой равниной, над Россией. И летал ты как бы безразлично, наблюдал за всем без содрогания, а надо бы. Кончили батарею. Целиком. Как упал на землю, не помнишь, но была боль по всему телу, как нарыв. Только вечером пришла полуторка, похоронная команда зарыла весь личный состав батареи, только тебя признали живым и кинули в кузов. И что он тебе помнился, этот тобою не виденный бой, временами в ушах вязли крики «Мама!», и рёв искалеченных мужиков, мат, прорывавшийся сквозь взрывы, и грохот такой, как будто вся фашистская артиллерия нашла эту точку и обозлилась. Помнится и варево это ценнейшее, что вёз ребят порадовать. И как зайцев драл, и как сусликов трусовато обрабатывал, чтоб не дай Бог не застучали. Одно время являлась в памяти картинка, что хлебают братцы кондёр, да ещё хвалят находчивого кормильца. Потом совсем другое: взрыв, котёл на землю, лошадь лежа рвёт гужи, а сам ты летишь и так долго, что даже удивился. Ничего, пал-то рядом, это душа взлетала, по ошибке на свой счёт команду приняла. Тоже ничего, вернулась. Всё обошлось, но пришлось по госпиталям потаскаться, всё-таки случай, сказывали, редкий, что с человека черепушку сняло, а он живой. Мозги всякий желающий может при перевязке посмотреть, а Лаврик при этом спокойно шарёнками вертит. Если Гришка тогда только кожу сброснул и причёску навсегда изгадил, то фашист дальше пошёл, кость скovyрнул. Одни доктора говорили, что не жилец теперь солдат, другие проталкивали всё дальше от фронта, в тыловой госпиталь. И погодись там в эту пору молодой хирург, что он сотворил – разве где в бумагах занесено, только при выписке сказал:

– Я тебе, Акимушкин, такую пластину вставил, что ей сносу не будет. Только поимей в виду: в одном месте не рассчитал, не хватило до кости, получилось как бы полое место. И будет теперь у тебя до скончания века бить родничок.

– Откуль? – испугался ты. – Не из башки же?

– Да нет, – успокоил доктор. – Видел ты у новорождённых на маковке родничок?

Кто же не видел, конечно, знакомое дело, ты даже обрадовался:

– Щупал у младшеньких братишков. Ещё говорили, что темечко не заросло.

Врач радости твоей не одобрил, предостерёг:

– Так вот, у братишков, как ты говоришь, заросло, а у тебя всегда будет. Место это береги, пото-

му как там до мозгов одна плёночка, соломинкой можно проткнуть. Шапку носи или кепку, иными словами, всё в твоих руках.

Правда, руки-то остались, потрескавшиеся, обожжённые кипятком и углями из костра, поознобленные в лютые степные морозы, когда даже штрафбат лежит вон за соседней полосой, и немец тоже не дурак в такую погоду «хайлю» кричать, тихо сидит. Один раз унюхал носатый повар, что пахло вкусно, так у него на кухне пахло, когда старшина принёс банку порошка, велел заварить, к батальонному какой-то начальник приехал. Осталась банка и слово новое для тебя: кофей. Не доводилось больше, да и так ладно. А повару и в такой мороз суп надо варить либо кашу, потому что русский мужик в мороз жрать горазд. Вот работы никакой, а кашу клади с горкой, да чтоб сало...

Комиссовали аж в Горьком, на Волге, посмотрели, что вроде умом мужик нормальный, врач ещё спросил, какие арифметические действия в школе изучал. К чему спросил?

– Какие действия, товарищ военврач? Тимка Легонький где-то болтанул, что в советской школе учат только отнимать и делить, ну, и поехал на угольные шахты, даром, что малолетка. А я уж большой был, когда в школу пустили, младшую группу в церковно-приходской с помощью попадьи освоил.

– А попадьа причём?

Ты улыбнулся, покосился на молоденькую медсестру:

– Дрова ей колот, а когда беремья принесу на кухню, она велела руки отогреть и в разных местах её шшупать.

Военврач захохотал:

– Ну, и как?

Тут ты стусевался:

– Да никак, товарищ военврач. Поп, видно, зачуял что-то, отлучил меня от кухни, другой зарок дал.

Но врач уже завёлся:

– А попадьа ничего была, рядовой Акимушкин?

Зарделся давно необнятый, нетронутый женской рукой, нецелованный рядовой красноармеец, и охота было соврать, что и так, мол, и так он эту попадью, наслушался от бывалых, какие фертеля с бабами можно выкидывать, но совесть одолела, и всегда она, совесть, поперёд русского человека. Соврал бы – глядишь, другое отношение у военврача, да и медичка тоже зарозовела, ждут. Проглотил сухую слюну солдат и признался:

– Попадья баба была справная, и есть что в руках подержать, и прочее. Но я тогда ещё Бога боялся, да и мал совсем был.

Тут военврач с медсестрой уже вместе захохотали:

– Так мал или Бога боялся?

Ты тогда совсем сник, сбился с толку, встал и спросил:

– Мне в палату или как?

Военврач тоже встал:

– Поедешь домой, сейчас бумаги сдам, к утру документы оформят.

Ты тогда сходил в хозчасть, получил обмундирование, правда не своё, сапоги по размеру и портянки, шинельку стираную и шапку, потому как зима. В палате вас трое осталось, только спать улеглись, медсестра приходит, та, что на комиссии была:

– Акимушкин, – говорит, – тебя приказано в другую палату перевести. Вещи свои оставь, а сам за мной.

Привела тебя в маленькую комнатку, пижаму расстегнула – и в постель:

– Акимушкин, дорогой, как же ты нецелованный с фронта придёшь, когда ещё тебе несмелому девчонка сама намекает? Иди ко мне, защитничек ты мой, я тебя приголублю.

Шарнул руками в темноте, знакомое руки узнают, такое и у попадьи было. Вот как жену из памяти выкинул, что даже тут не дал себе воли сравнить, не дал, да и хорошо это. Дальше плохо помнишь. Под утро увела она тебя в палату. А ты и не спросил, как зовут, может, написал бы из дому.

Только дом тебя встретил плохо. Понятно, про всё в письмах не скажешь, а дело совсем никуда. Отца Павла Максимовича в первую же осень забрали, да тут и лёг. Бумага пришла, что схоронен под деревней Приветной. Два младших брата остались после войны не по своей воле служить на

освобождённых территориях, посылки кое-какие слали матери. Анна Ивановна писала, что сёстры замуж повыскакивали из шестых классов. А старшой Филька с войны сбёг, объявился тихонько, мать котомку собрала, что есть, и отправила. А куда? Где он теперь, зарылся ли, как волк, в нору или шалаш какой сварганил в глухих местах? А может, разбойником издался, он варнак добрый был ещё в парнях. И что, если так? А далее куда? Ты тогда сказал матери, точно сказал, потому что долго об этом думал, а потом перестал:

– Надо Фильке властям сдаваться. Всё едино отловят – и к стенке! А так, может, снисхождение выйдет.

Мать выла у печи и вытиралась давно не стиранным горшеиком. Тебе шибко к деду Максиму на могилку хотелось сходить, и пытался сходить, попроведать, как заведено, но не пробился, столько снегов намело, что с дороги не сойти. Колхоз солому с горы возит, колея набита, а мимо – по самую ширинку, не ступить. Постоял, поглядел в тот угол, где деду место отведено, да и подался назад. Конечно, место наше, фамильное, тут все Акимушкины зарыты, так заведено в деревне, что у каждого свой край. Отчего умер человек, никто и не спрашивал, нету разницы, от какой причины. А вот Филька дуру сгородил; погинул бы на войне – матери какая-никакая пособия вышла, всё полегче. Да и от народа страшно, считай, в каждой избе зеркала позавешены, а тут живой и блудит неизвестно где.

Вечером прибежала Наташка-цыганка, от тебя занавеской кутней задёрнулись, шептались с матерью так, что посуда звенела. С Наташкой только в разведку ходить, она хриповатая и быстрая на язык, так что весь рассказ слышно было, как на собрание. А дело в том, что приехал к Наташке уха-жёр ещё с довоенной вольной цыганской жизни, и сказал, что Филька живёт на кордоне у лесника под Бугровым. Цыган сахар на овёс менял у того лесника и Фильку высмотрел. У матери опять слёзы, а ты всю ночь тыкался мордой в свёрнутую куфайку, перины и подушки мать в войну продала, выменяла на муку или крупу, уже забыл. Тыкался и думал, что надо как-то брательнику пособить, а вот как – ума не хватало. Только начинал сильно думать, душевно – сразу заскребётся какой-то насекомый в голове под шкуркой, шуршит, тукат, как будто выпростаться хочет. Тогда ты переставал, и правильно делал, потому что от головных мыслей и не такие люди с ума спрыгивали. Вон Ефим Кириллович, не нам чета, до войны кладовщиком был, первый человек после председателя, а на фронте чем-то тяжёлым немец по голове угадал, привезли Ефима, а он хуже ребёнка, даже до ветру не просится. Ведь какой человек был – не достать, а под себя ходит.

Ты утром лыжи с крыши достал, хаживал до войны на охоту, широкие себе изладил, скользкие, сами бегут. Горбушку хлеба и луковицу под куфайку спрятал, когда лыжи наострил, мать увидала:

– Ты с чего это лыжи добыл? Не петли на зайцев?

– Петли. – И тронулся со двора. А мысль была такая, что надо дойти до Бугровского кордона, дорогу ты помнил, найти Фильку и хоть узнать, что он дальше-то думает. Цельный день шёл, отвык, ноги вываливаются из сиделки, да и красота вокруг знакомая и забытая. Берёзы стоят в куржаке, толстым слоем ветки и листочки неопавшие прикрыты, ты помнишь, что старые люди не велели куржак сбивать. А забава эта интересная, бывало, гурьбой молодняк уберётся в лес, это с предзимья, когда ещё пешком можно всё обежать, которые женихаются, те приотстают и лижутся. Спрячется кто-то с доброй колотушкой за берёзой, когда пара подойдёт, он и стуканёт по стволу. Весь куржак лавиной скатится с дерева на молодняк. Визгу, смеху... А про то, что нельзя иней стряхивать, дед Максим учил:

– Иней, сынок, куржак по-нашему, упасает веточки и почки будущие от морозу. Так природой предусмотрено, что иначе погинут. Оттого и баловаться не надо. Оно, знамо, любо глядеть, как валится белое да чистое, только вреда больше от этого, чем радости.

Дед Максим, когда совсем старый стал и по хозяйству не работал, летом запрягал в телегу смиренную Пегуху и уезжал в Акимушкины избушки, место так звалось, потому что Акимушкины испокон веку, как начали леса выжигать, тут обосновались. Рай земной, а не надел. Тут для пахоты местища необозримо, надо только дюжину дерев убрать, что на дрова, а что и в дело, распилить и к дому, пригодится в амбаре или в пригоне окладник заменить. Потом ещё трудов немерено, до пашни надо пни вырыть, ямы заровнять, пни собрать да сжечь, потому что от них, если гнить начнут, всякая нечисть может завестись. Тут и пустоши для сенокосов, дед Максим до последу терпел, всё ходил по полянам да пустошам, мял в ладонях-жерновах метёлки трав, только потом говорил:

– Сёдни станем «литовки» отбивать, ты, Павлуша, каждую проверь, чтобы в работе не стоять. Первая за Пудовским озером пустошка осыпала семена, надо косить. В иных местах тоже поспевают, так что лежать некогда.

– Дак мы, тятя, с весны ещё и не лёживали, – осторожно возразит отец. Лаврику даже сейчас интересно, отец уже четырежды родителем был, а деда побаивался, не перечил, в работе жалел, перед первым закосом говорил:

– Ты бы, тятя, вставал последним, и косил влеготку, а в середине такой слободы нету.

Дед мимо ушей пропускал совет, выговаривал:

– Пока могу, буду за Филькой идти, он из всей природы самый тяжелый, вот и подрежу пятку раз другой, ястребом станет летать над кошениной. Скажи ему, чтобы барана заколол вечером, свежее утром сварят, а остальное сам посоли, бабам не доверяй.

Барана привезли из деревни, когда последний раз ездили к обедне. Одну службу дед позволял пропустить, а на другую ехали все, только караульщика оставляли. Бывало, в посевную всю неделю дождь моросит, не даёт работать, а в субботу выяснит, ветерок пашню обдует, с утра можно выходить боронить да сеять, а у деда служба. Чуть свет запрягает отец иноходца по кличке Красный, потому как шибко рыжиной отдавал, все усаживаются в дрожки, и через час уже дома. Колокола звонят, вся семья оболокается в праздничное, мужики штаны с чистой рубахой, бабы сарафаны скромные и платки, по улице идут степенно, ни с кем не разговаривают, только поклоны в разные стороны. Церковь уже полна, на клиросе хор что-то бормочет, настраиватся, вроде все молчат, а звук в храме есть. Дед Максим сказывал, что это Господь смотрит, кто пришёл, а кто уже отвернулся от Бога. Вдруг замерло всё, врата открылись, и священник, сияющий, как ангел, только что спустившийся с небес, густо пропел:

– Мир всем! Миром Господу помолимся!

Ты стоял с правой стороны, где положено размещаться мужчинам, искоса подглядывая за дедом, чтобы креститься вместе с ним. Не дай Бог пропустить поклон или знамение – тот заметит и потом расскажет, что черти очей своих выпученных не спускают с паствы, так и ловят каждого, кто отступает от устава, примечают, а потом тихонько явятся: «В Иисуса Христа ты веришь понарошку, крестишься невпопад, дак переходи к нам, у нас вольница, никакого Бога нет, можно не робить, а воровать, можно мать и отца не почитать, а жену променять на соседку». Ну, тебе это пока не грозит. А ты ухватывай службу, когда поклон, когда в пояс, когда на коленях. Бывает, по литургии, что следно глаза закрыть от стыда за грехи свои и плакать, да не на показ, а чтоб сам Господь не видел – во, как. «Тогда для чего реветь, если он не увидит?». «Он не увидит, а знать будет. И когда я приду к нему, и спросит он: «Раб Божий Максим, всё ли ты делал в земном бытии так, как я велел?». Отвечу: «Ты сам видел, Господи, можа, чего и не совсем так, но не во зло, а по недоумению». Вот тогда он простит и кивнёт Архангелу Михаилу, мол, отвори врата рая, этот удостоен».

После службы чинно выходили из храма, бросали нищим медные гроши, обнимались с родственниками. Далее дома был обед, съедалось всё, потому что с раннего подъёма на пашне маковой росинки никто не слизнул. А потом общий отдых. Падали кто где: молодежь под сараем, старшие в доме. А уже вечером со всех улиц деревни тихонько шли телеги и дрожки с отдохнувшим народом. Ты слышал, что единожды отец дёрнулся возразить деду:

– Неделю погоды ждали, давай, тятя, отсеемся, а потом и отмолим свой грех.

Дед Максим потеребил свою негустую бородку и ответил:

– Пашка, тебе к сорока годам подпират, а хребтина не окрепла. Останемся, посеем, а что после? Ты забыл, как высыхало всё сеяное и только чернобыльник дурил на пашне? Забыл, как саранчу приносило по воздушям, и падала она на наши поля, когда Филька соседскую девчонку изнахратил. Только дивом деревня отстояла его от веревки, не оказалось у сиротки заступников. Но свое наказание мы получили, и я про то знал. И есть страх, что тем всё не кончилось.

В стороне Филя тихонько зарезал и освежевал барана. Отец принёс все «литовки», дед Максим выволок из-под крыльца берёзовый коротыш, в торец которого вбита маленькая наковаленка. Угнездившись на низенькой табуретке, дед несколько раз опробовал отбойный молоточек на наковальне, звуком остался доволен, подхватил «литовку», развернул, как надо, и ловкими мелкими ударами стал оттягивать жало косы по всей длине. К концу коса шерилась неровностями, как наджабленными зубами, но ты уже знал, что завтра косари быстро выправят это брусками.

Ты с детства любил покос. Вставали так рано, что только край востока чуть светлел, сонно собирали «литовки», бруски точильные, воду в ладейке, корзину с хлебом, зелёным луком и куском баранины на обед, и гуськом шли на пустошку. Роса так заботливо смочила каждую травинку, так щедро залила тропу, что вода хлюпала в промокших лапотках. Дед Максим шёл передом, и шептали что-то губы его, ты видел сбоку, шептали молитву, дед вчера тебе её прочитал. Остановились у опушки, дед скомандовал:

– Паша, благословясь, начинай ровненько, чтобы ручка по всей полянке прошла, а клинья потом выкосим. Ну, дети мои, настал день, сказано: коси, коса, пока роса! Вот какая нам удача, что утро росное. Это добрый знак. Благословляю всех, и с Богом начали.

Ты ещё не умел косить, и тебя на другой день не поднимали так рано, но ты просыпался чуть свет, надевал штаны и бежал по ещё непросохшему следу. Солнце начинало выползать над лесом, обещая хороший день, и косари не отдыхали на длинном прогоне, на ручке, и только дойдя до леса, каждый доставал брусок и, воткнув литовище в землю, пучком травы вытирал мокрый металл. Потом одной рукой осторожно, как бритву, брал косу снаружи за самое жало, другой аккуратно обихаживал блестящее лезвие с обеих сторон.

Ещё из того времени помнился суп с бараниной, дома такой не варили, а тут картошка, лук и куски свежего мяса.

Изба была срублена добрая, мох в пазах слежался, был толщиной в палец, изнутри избы аккуратно срезан, а бревна отполированы до блеска. Были широкие нары и полати. Небольшая русская печь, сбита дедом Максимом из сырой глины, в ненастье и непогодь грела, тут же варили в ведёрных чугунах еду для всех работников, пекли на горячем поду плоские ржаные булки. Дед Максим говорил, что работнику надо ржаной хлеб потреблять, это на гулянке можно ситным баловаться. Чуть в стороне баня по-чёрному, просторная, чистая, потому что сёстры после каждой топки промывали стены с песком. Тут же навес для инвентаря, ясли для лошадей. В стороне колодец глубокий и вода чуть солоноватая. Отец посылался перекопать колодец в другом месте, дед отсоветовал:

– Соль в водице, сынок, никому не повредит. Если хочешь знать, нас в армии специально солью кормили, ложку с утра слотил, и весь день сухой и тяги к питью нет. Соль и скотине полезительна, гляди, как лошадь пьёт, бадью без отрыва. И корове надо соль давать, говорил один грамотный, что есть такая соль каменная, корова лижет, и молока больше. Не тронь, пусть стоит.

...Деревню на пути ты обошёл стороной, чем меньше видят, тем спокойней. К полудню утомился, отвязал лыжи, утрамбовал место вокруг ещё довоенного пенька. Хлеб и луковица не замерзли, пожевал, иногда прихватывая морозный снег. Сидеть долго не рискнул, по фронту знал: если усталый присел, можешь и не встать. Нацепил лыжи, вышел на санный след. В голове всё крутилось: о чём говорить с Филькой, о чём просить? Чтоб мать пожалел? Чтобы семью не позорил? А это Фильке надо? Ведь он три года уже покойником живёт.

К Бугровскому кордону вышел к вечеру, зло, остервенело, с хрипом залаяли собаки, мужик в меховой безрукавке, видно, со скотиной управлялся, вышел из тёплой стайки.

– Кого нелёгкая на ночь глядя? – сурово спросил.

Ты тогда подошёл поближе и через высокое прясло сказал почти шёпотом:

– К брательнику я, к Фильке, а сам буду Лаврентий, Акимушкины мы.

Мужик смутился, но ненадолго:

– Брательник твой ко мне в гости уезжал или как? У меня таковых друзей нету, так что, мил человек, иди со Христом, а то кобелей спущу.

Ты тогда тихо сказал от усталости или от безысходности:

– Филька у тебя с начала войны живет, нам цыган сказал, который тебе сахар привозил.

Мужик взревел:

– Если не уйдёшь, спущу собак, а и уйдёшь, дак забудь, что я есть. А цыгана твоего к утру жизни решу, чтоб без свидетелей. Убирайся!

И тут ты услышал знакомый голос, родной, можно сказать:

– Обожди, Кузьмич, это в самом деле брат мой, но он безвредный, голову ему нарушили фашисты, инвалид, хоть чего пусть плетёт – веры ему не будет. Это я от надёжных людей знаю.

Хозяин выmaterился:

– Смотри, Филька, ежели что – я тебя не знаю, прибился, работал, лишнего не позволял. Я вывернусь, про себя подумай.

Филипп отошел в сторону и открыл воротца:

– Со свиданьем, брательник. Проходи вон в ту избушку, мы скоро управимся, поговорим.

Ты чиркнул спичку и снял стекло с маленькой лампы, зажёл фитиль. В избушке тепло, но жильём не пахнет, всё пропитано табаком и ещё чем-то, чему ты не знал названия. Небеленые стены и грязный пол наводили тоску, но ты устал, присел на братов топчан и уснул. Проснулся от стука двери и ворвавшегося холодного воздуха.

Филька сильно исхудал, до войны был даже выше и в плечах шире, лицо сбежалось, сморщилось, глаза сухие, острые, злые. Они и до того добрыми не были, дед Максим всё удивлялся, в кого это Филиппка такой уродился. Молча поставил на плиту чайник и подкинул пару полешек дров, сел на табуретку супротив топчана:

– Ищут меня дома? – спросил безразлично.

Ты встал с топчана:

– При мне не бывали, но мать говорит, что чуть не каждый месяц.

– Мать-то как?

– Плохо. Все ревёт, да и жрать нечего. Фрол и Кузьма всё служат, девки в замуж повыскакивали. Вдвоём мы. А ты как? – зачем спрашивал, и сам себе не объяснил бы. Чего тут неясного? Худо Фильке, и без слов понятно.

Филька оторвал клочок газеты, засыпал круто рубленным самосадам, от печного угля прикурил, вонючий дым заполнил пространство.

– Если бы, Лаврик, мне до смерти так жить, то лучшего и не надо. Хозяин кормит вволю, бабу привозит, банька есть. Тоскливо, конечно, но говорю, что жить можно. Но эти сволочи и тут роют, с осени трижды приезжали, едва успеваю спрятаться.

Ты удивился:

– А куда тут скрыться, братка, ведь кругом лес, все следы пишет.

Филя засмеялся, выпустил густой дым, ответил:

– Что лес? Вон, в подпол сунусь, они дверь откроют, нюхнут и обратно. Значит, нет у них никакой наводки, так, в порядке надзора. Ты думаешь, я один такой? Да тысячи!

Ты не подумал и сказал невпопад:

– В деревне ты один, да и не слышно в округе, всё больше поубивали да покалечили.

– Вот! – Филька вскочил. – Вот и ответ: покалечили да поугробили. Я только в одну атаку сбежал, и мне на всю жизнь хватит. На нас танки с автоматчиками, а у меня винтовка и семь патронов. Упал в яму от снаряда, а он, сука, комиссаришко, меня наганом оттуда, мол, вперёд, за родину, за Сталина. Я его и шлёпнул. А когда всё успокоилось, подался в сторону, думаю, может, повезёт, на немцев нарвусь. Нихрена подобного, кругом комиссары. Я, Лавруша, полгода до дома добирался, а сюда подался, потому что мы с Кузьмичём до войны вместе баловались, магазины брали, кассиров глупых.

– Убивали, что ли?

Филя опять засмеялся, вроде как успокоил:

– Нет, слёзы вытирали и домой отводили. Дурной ты, что ли? Я только для сельсовета справку добывал, что на производстве вкалываю.

Тебе стало жутко, перевёл разговор на другое:

– Робишь тут чего?

Брат сразу согласился на перемену:

– Всё делаю, иногда со злости ухожу в лес, дрова рублю. Пилу себе изготовил с одной ручкой, типа лучковой. А так по двору, у хозяина скота полно, спать некогда.

Ты всё искал, как сказать о главном, для чего и пришёл, помялся, спросил осторожно:

– А думы? Думы у тебя бывают?

Филя вскинул голову:

– Об чём? Об матери иногда вспомню, о доме. А так – какие думы?

Ты обрадовался, что брату интересно об этом говорить, поспешил с пояснением:

– Жить-то как, Филя? Дале-то у тебя ничего же не видать. Так и будешь?

Филя вскочил, схватил тебя под горлом за широкую матерью связанную кофту:

– А ты не предложение ли пришёл мне сделать от советской власти, чтобы я обналичился, а они потом меня принародно хлопнули? Ты лягавых с собой не привёл?

Ты едва выпростался из грубой хватки, откашлялся:

– Братка, у меня полчерепа чужого, мозги почти наголе, хватай поаккуратней. Никого я не привёл, никто и не знает, где я. А думы у тебя должны быть, не может человек без дум. Тем больше, что грех на тебе.

Брат опять поднял на тебя удивлённые глаза:

– Какой?

Ты знал только один:

– Человека того убил в воронке.

Филя хохотнул:

– Дак я и до того убивал. И что теперь? В монастырь идти, грехи замаливать? А нашего брата тысячами положили под фашиста – это как?

Надо брату объяснить, чтобы совестно ему стало, а вот как сказать то, что самому ясно до ниточки?

– Это никак, Филя, это выше нашего ума дело, а тут ты, вот, живой человек, убивал раньше – всё бы искупилось войной, а ты смотался. Отец с братом на фронте, а ты сбёг. Это как? Получатся, что отца предал, брата.

Филя опять невесело хохотнул:

– Прибавь ещё, Лаврик, что родину предал. Прибавь. Тебе бы в комиссары податься, в партию вступить, гонял бы нашего брата в атаку, а ты череп свой снял за советскую власть.

Ты поправил на голове вязаную шапку, которую надевал под большую, из собачьей шкуры. Молчал.

Филя нарушил тишину:

– Посоветуй, братан, раз пришёл в такую даль, что мне делать, вот как брат брату – посоветуй.

Ты не услышал в просьбе брата ничего опасного и сказал тихо:

– Идти с виновной головой в органы, отробишь на лесоповале, а не на этого бирюка, и возвратишься.

Что-то тяжёлое и тёмное упало прямо на твоё лицо, ты свалился на топчан и затих. Кузьмич, всё время стоящий под дверью, вскочил в избушку:

– Убил, что ли?

Фильку колотило:

– Не вынес, ударил, да, видно, шибко. Прислушайся, дышит?

Кузьмич наклонился над топчаном:

– Здышет. И куда теперь с ним? По мне – в сани и в лес. Кто искать станет?

Филька сидел у открытой печки и жадно курил:

– Не дам убивать. Очухается – пуцай домой идёт, слово возьму, что не продаст.

Кузьмич засмеялся:

– Слово он возьмет! А если сдаст? Обоим крышка, Филя! Если все наши поскакушки поднимут, то и судить не будут, сразу шлёпнут.

Вот это, что сказал Филя, ты уже слышал:

– Я, Кузьмич, смерти уже не боюсь, я жизни боюсь. А Лаврик не скажет, он у нас в семье самый чистенький был.

Ты пошевелился и хотел встать, Филя поддержал под мышки, умыл над поганым ведром.

– Чай будешь?

Ты выпил кружку сладкого чая с белым хлебом, намазанным маслом, и лёг спать. Филя примостился с краю, подставив табуретку, чтобы не свалиться.

Утром вы вместе вышли на дорогу, ты в охалке нёс лыжи, Филя шёл молча, дымя самокруткой. Как хотелось заговорить о главном, о жизни, о родном доме. Филя ведь тоже могилы отца не видел, сели бы за стол, налили б из кринки бражки, выпили, не чокаясь, как на фронте над могилами друзей-товарищей, если позволяла обстановка. Потом бы женили Филю, вон сколько свободных баб, да хороших, работающих, здоровых. И матери бы полегче... Ты забыл тогда, что брательнику надо вперёд ответ держать за побег свой, а уж потом... Хорошо, что вслух не сказал.

– Отсюда один пойдёшь. Никому ни слова, Лавруша, я за тебя поручился перед Кузьмичом, он ночью цыгана того зарезал. А тебя я не дал. Даже матери молчок. Поревёт и забудет.

Он развернулся и пошёл, не оглядываясь. Ты нацепил лыжи и свернул в лес. Декабрь, скоро Рождество, большой был праздник. Почему-то тебе всё больше из детства приятное вспоминалось. Наверно, потому, что в иные годы и не было ничего доброго, сладкопамятного.

Это ещё в единоличные времена было, Акимушкины пахали на своих наделах тридцать десятин пашни, ты совсем малым был, без штанов лазил, следом за отцом или за дедом ходил свежей бороздой. Земля мягкая, жирная, плужок её отвалит в сторонку, основание ровное и плотненькое, детская ножонка только влажный следок оставляет. Ты любил присесть на нетронутую твердь, ноги в пахоту засунуть и ждать, когда отец или дед круг сделают и нарочно грубым окриком тебя сшевелят, мол, бездельник, шёл бы лучше сорок зорить.

Ты уползал иногда на середину пахоты, чтобы никому не мешать, разгребал осторожно потревоженную землю, выбирал росточки беленькие, складывал в рубаху, а ещё выискивал червяков, и простых, которых на рыбалку копали за огородами, и толстых да жирных, противных. Отец давить их не велел, говорил, что они едят вредных для хлеба червяков и мошек. А корешки потом раскладывал на крылечке при избушке, получалось, что на пашне рядом живут много всяких трав, хотя хлеб ещё не сеяли. Отец выбирал минутку, притулится, бывало, на ступеньке, ноги вытянет, и станет тебе говорить:

– Вот это, Лавруша, все для человека травы ненужные, а для пшенички и проса вредные, они хлебу расти мешают.

Вечером, когда уже укладывались спать, дедушка Максим после молитвы прилёт с тобой рядом и шепнул:

– Завтре не проспи, за бороной стану учить ходить.

– На Пегухе?

– Хошь – Пегуху запрягём, тутака на всё наша воля. Отцу я уж сказал, он согласен, что пора тебя к делу приучать.

Вот нехитрое вроде ремесло – лошадь в постромках тащит лёгкую боронку, а ты шагай сзади вприпрыжку, потому что шагом не успеть за Пегухой, мал ещё, ножки короткие. Шагай и вожжиной поправляй, если след со следом не совпадают, да на развороте следи, чтобы борона не перевернулась. А если набились палки или огарки пеньков, то борону следно перевернуть, а мусор отбросить подале от пашни. Отец потом специально проедет с телегой, соберёт. Нехитрое, а к обеду набегался, в глазах метлячки. Дед Максим боронил рядом на паре лошадей, Пегуху спутал и пустил в лесок, тебя умыл у колодца, посадил на колени, пока сестра кашу с бараниной доваривала.

– Пристал, работник? Ничего, своя работа не тянет. Это боронил бы ты хозяйское поле, чужое, там совсем другое на душе.

– А где это – на душе? – спросил ты, едва слыша свой голос.

– На душе – это, сынок, как во храме стоишь и сердце твоё ликует, следно, душа радуется. А где она и как на неё глянуть – то не дано.

А ты уж и не слышал, спал, аж всхрапывал.

– Девки, работнику каши оставьте, он, надо думать, крепко промялся, исть запросит.

То было по весне. Потом дружно сеяли, нося на опоясках полупудовые лукошки с отборным, ровным, восковым, освященным семенем, тут же боронили и протаскивали парой коней гладкое бревно, оно катилось в свободных кованных кольцах на торцах и прижимало взрыхлённую землю. Ты вместе со всеми радовался всходам, дед Максим в такие дни с поля не шёл, молился и радовался, что хлеба хорошо растут, после июньских дождей оправдываясь за робкие всходы густой, крепенькой, многосемейной из одного гнезда метёлкой стеблей, а после на каждом образовался колос, зацвёл, зазеленел, заобещал. Только дед Максим отца остерегал от высоких надежд: всё в руках Божьих, вот сейчас помочит чуть для налива, потом будем сухую погоду молить, с ярким солнцем, горячим, прямым, чтоб без поволоки на небе, зёрнышку для налива сухость и свет надобны. Всю пашню пройдёшь ты с дедом, и пшеничку проверите, и рожь, она первой под серп подойдет, потому как озимая. Дальше греча, просо, подсолнухи, овёс, ячмень – всего понемногу, и безо всего нельзя. Пшеничку на помол и на ярмонку, овёс лошадям, гречу и просо на крупорушку к дяде Серафиму, подсолнухи желубить всей семьей и на давилню, оттуда масло привезут в корчагах. Приятно его подсолить и

макать потом в блюдо теплой картошкой или даже хлебушком. Иной раз помятое семечко подцепишь, обрадуешься.

Тебе повеселело от этих воспоминаний, стало затягивать в то далёкое теперь уже бытие, в котором столько было щемящего грудь и стесняющего дыхание. Той же осенью дед Максим поставил тебя к плугу. Пегуха уже не стригла ушами, кося глаз на незнакомого погонялу, помнила, видно, весеннюю бороньбу. Дед сам прошёл первую борозду, ловко развернул плужок и позвал:

– Айда, Лавруша, берись оберучь за кичиги, держи плуг ровно, а я Пегуху поведу тихонько.

Ты и сейчас помнишь, как высоко взлетела душа, когда первый пласт вспаханной тобой земли легонько отвалился в сторону, освободив для пахаря и выровняв пашенное основание. Ты легко побежал за плугом, держась за кичиги, грачи, всегдашние созерцатели пахаря, деловито проходили бороздой, будто проверяя, сколь верно пашет новый работник. Иногда они шумно обсуждали что-то, и это тоже было музыкой свободной жизни. В конце гона дед остановил лошадь:

– Ну, пахарь, как тебе борозда? На всю жизнь запомни этот день, ласковой да сердешной. Первая в жизни своя борозда. На своей земле, матери-кормилице. А на чужой – ничто не в радость, одна усталость. Ты же мужик, напрок будешь сам пахать, я в твои лета так же начинал, только у нас с отцом была соха деревянная, тоже ничего, управлялись. И борозду свою первую помню. Потом женим тебя, ну, я не доживу, а отец тебе отведёт и пашню, и покосы, станешь хозяин, а когда человек сам себе хозяин – запомни, Лавруша, он ни перед кем шапку не ломат, окромя Господа.

Дед Максим умер тихонько, вечером зыбку качал с младшеньким, а утром сноха зовёт его первым блины есть, а он с полатей и голоса не подаёт. Хватили, а дед уж холодный. Отец тогда сильно в горе впал, все бабы выли, а ты не мог в толк взять, почему дед Максим, ещё вчера учивший правильно держать пилу-ножовку и рубанок, сегодня лежит на спине, молчит и сурово смотрит из-под медных пятак на глазах.

... Ты остановился, смахнул неожиданную слезу, присел на буреломную лесину. Пожевал хлеб с салом от Фили, отдохнул и снова на лыжи. Уже темнелось, когда вышел на знакомые места, лыжи пошли ходко, усталость пропала. Дома поставил лыжи под сарай, щепой оскоблил снег с пимов, вошёл в избу.

– Тебя где носило двадни? Я уж испужалась, что заблудился в лесу. Поймал чего? Или как на простой?

– Порожняком, мама, нету зайца.

– Ладно, пожуй картошки да ложись спать. Тебе велено утре в район добираться, в военкомат на проверку. Вон гумага лежит.

Достал из кармана куфайки остатки сала, начал жевать с тёплой картошкой, а мать в куте онемело на тебя смотрит. Как ты того не подумал, что негде тебе в лесу сала взять, откуда оно у тебя? Мать пальцем тычет в стол, а сказать не может, свело всю. Ты вскочил, подхватил мать, посадил на лавку.

– У Фили был на кордоне, жив он и здоров, кланяться тебе велел.

– А дале-то как? Куда дале-то? Так и не увижу его, родную мою кровиночку. Всю он меня изматал, всё сердчишко моё изорвал, все волосёшки я, ревуци, повытянула из головёнки, дак хоть перед смертью поглядеть на него. Самый злосчастный и самый что ни на есть больной для сердца моего, Господи!

Охвати, Лавруша, больную свою голову руками, сдави, сожми, стисни, пусть мозги из последних сил соберутся в одну точку, чтобы понять, почему всё так получилось. Взял ты в руки ту бумагу, повертел, положил на божничку, чтоб знать, где искать. А то кошка заиграет куда-нибудь в подполье. Залез на полати, ткнулся в давно несвежую постель, а Филия с ума не идёт. Надо его вернуть домой, тогда всё на место встанет. Тогда и погибель отца станет понятна, и что тебя изувечило – можно принять, что братовья до сих пор лямку тянут в чужих землях – пускай, если это так надо. А Филька? Таскать говно у этого бандита? Ведь сказал же Филия, что цыгана того зарезал ночью. Он и брата может так запластнуть, чтобы следы отвести. И Филька измучился весь, ты видел, душа его вся истерзана, она хочет к праведному прибиться, а он боится. Ты это сразу заметил, что он смерти боится, жить хочет, он ни разу не сказал, что перед народом ему будет плохо, мутно, совестно, стыдно, страшно. Эка ему душу-то извернуло, она другой стороной наружу, испоганенной, изруганной, проклятой. А ему только это надо, чтобы жить, дышать, жрать, бабу вот ему хозяин привозит. Он ещё тогда,

в первом бою, в воронке, предъявил своё право жить, как хочет. Да нет, раньше, просто никто про это не знал, как они с Кузьмичом разбойничали. Ты вспомни, точно, доходили слухи, что грабят и убивают в городе, не Филька ли с Кузьмичом? Он же сам признал, что убивал. Только, вроде, сон накатит – опять брат на уме, опять думка. Так до утра и промучился.

Утром сбегал в сельсовет, сказали, что четверых инвалидов отправят на советской лошадке в район, тут недалеко, вёрст пятнадцать. Прибежал за тулупчиком, от деда Максима остался, моль изрядно почикала, но кой-чего осталось, прикрыться можно. Ехали посменно, пара сидит в санях, пара сзади рысью, потом меняются. Так всегда ездили в район, как новая власть стала, и своих коней лишились, а раньше, даже ты помнишь, отец запрягал иноходца в кошёвку плетёную, дед Максим и плёл, кружевная была, чисто венчальная накидка на невесте. Вперёд ветра прибегали в волость, отец с матерью степенно обходили лавки, а ты сидел в кошёвке, закинутый аж двумя тулупами... Толком повспоминать мужики мешали, спорят о чём-то, ругаются.

– Лаврентей, ты бабу-то свою забирать будешь? – вдруг вернул тебя в сознание Федыка – Петра Хромого сын. Отцу его Петру Игнатьевичу ногу ещё японские пленные доктора в городе Артуре на дальнем океане отпилили, его сразу Хромым окрестили, а Федыка так и прозывался – Петра Хромого сын. Федыка ехидный, всё под шкуру лезет, а ты этого не любишь.

– Проснулся? Бабу-то будешь ворочать домой или так и благословишь чеботарю? Тогда хоть магарыч с него возьми, не дарма же ты столь сил на её положил.

Зря, не вовремя такой разговор, ты про другое думал, о Фроське не хотелось сейчас, да и вообще не на людях об этом надо бы, а самому с собой, душевно посоветоваться. Но от Федыки не отвяжешься, пришлось сказать:

– Надумаю – ворочу, а то можа и нет. Измену терпеть не могу, но, опять же, жена она мне венчанная.

– Во как! А ты ей муж, стало быть, на сору найденный, если она так тебя изменила? Ты хоть видел её?

Ты на второй день после возвращения специально утром к колодцу вышел, знал, что она с чеботарём живёт и в тот колодец каждое утро по воду должна приходиться, потому как корову держат, поить надо. В утреннем сумраке постоял в сторонке, она пришла, проворно черпанула две бадьи, перелила в ведёрки и коромысло вскинула. Куфайка на ней лёгкая, полушалок простенький, не застудилась бы. Лица почти не видно, но тело, видать, свою форму берёт, в бабу перешла, не то, что в первый год жизни – девчонка жиденькая, хворостинка, одной рукой охватывал. А на ласки падкая, не дождётсся, пока родители за стенкой укладутся, всего изомнёт, истискат, понадкусат во всех местах. Ты только хихикнешь от восторга душевного и её притулишь, мол, потерпи чуток, отец не спит, подкашливат.

Ты из письма матери знал, что только полгода и прожила невестка без мужа, стала погуливать вечерами, всё прикрывалась рукодельем у подружек, а потом обнаружилось, что приехал в деревню одинокий мужик, дали ему свободную избушку и стал он обутки ремонтировать. Писала, что городской, нерусской нации, зовут Самуил, а фамилию и вовсе не выговорить. Вот к нему и прибилась, собрала как-то вечером узелок с тряпьем и дверью стукнула. А чеботарь тот, писал ему верный друг Климка, по ранению раньше домой вернулся, писал, что чеботарь тот не из простых, снюхался с председателем, к нему районное начальство забегает, копейками не трясёт, в город ездит продовольствие закупать, он и Фроську пристроил в сельсовет бумаги перебирать...

– Видеть видел, только молчком, не могу пока разговаривать.

Федыка оживился:

– Лаврик, не соври, баба твоя слух пустила, что не мужик ты, ну, мол, с головы повлияло на это дело. Дак правду она говорит или брешет?

Ты покраснел, вспомнил последнюю ночь в госпитале, мягкую, послушную, доступную медсестричку, ответил тихо:

– Откуль ей знать про то, нашла отговорку. А всё неправда, как был мужиком, так и остался.

– Во, а что-то не слышать, чтобы ты по молодухам ... Лаврик, глянь круг себя, сколько баб свободных, вдовых, рады любого калеку приглубить. А молодняк? Женихов всех Гитлер обвенчал, а девки какие, Лаврик, – кровь с молоком. Ты почто не ходишь?

Кто-то из мужиков выпихнул болтуна из саней:

– Пробегись, а то, вроде, в охотуходишь. Охолони!

Ты мог бы спасибо сказать тому человеку, уж больно неприятный разговор затеял Федька. Мать тоже на ушах виснет: ту сучку привести не вздумай, на порог лягу, не пушу. Женись, если сам себя сознаёшь, пенсию дают, правда, на работу нельзя, группа нерабочая, но всё равно можно что-то дополнительно. И баб называла вдовых, даже без детишек, и девок, которых он помнил ещё сопливыми, в последний сенокос они с грабельцами ходили, сено заскребали за копновозами. Так, лет по двенадцать. А теперь подросли, хоть и не нагуляешь жиров на военных харчах, но природа берёт свое, уже девки, правда, сухонькие все, лёгкие, и глаза грустные. Почему ты в клубе на глаза их смотрел, почему в них тоску увидел, может, и не было её, показалась? Нет, ходил потом к другу своему Климке, у него сестрёнка меньшая, как раз под восемнадцать, и подружки к ней собралась, кружева учились плести на подушки да на этажерки. Разговаривают о простом, а повернётся которая к тебе – холодные глаза, не девичье горе в них, а сродни вдовьему. Ты только потом, много позже, поймёшь, что видели девчонки впереди жизни свою безнадегу, всю ровню их война уже сосватала и повенчала. Редко какой выпадет счастье, когда начнут демобилизовываться младшие возраста, остальные так и проживут одинокими безотказными в работе передовыми колхозницами, перебиваясь случайными встречами да редкими уворованными нетрезвыми гостеваниями чужих, женатых, немилых.

Сразу с саней и на комиссию, тебя провели к врачу, он осмотрел голову и прощупал вмятину. Сверху вниз заглянул в лицо:

– Болит?

– Кто? – невпопад переспросил ты, не про это думал.

– Голова, спрашиваю, болит?

Ты помолчал. Мать учила: соври, что весь чалпан разворачиват, жалобись, можа, пенсию добавят. Сказал:

– Когда есть об чем – болит.

Врач сел перед тобой на табуретку.

– Как прикажешь тебя понимать?

Ты стал объяснять, подошли послушать медсестра и офицер военкомата.

– Вот сейчас ей об чём болеть? Всё аккуратно, чисто, со мной по-людски. Правда, по дороге Федька – Петра Хромого сын – привязался, отчего жену свою не забираю, она, пока я по госпиталям таскался, к чеботарю ушла, но я не стал связываться. Подумаю и заберу, у меня сейчас не об этом душа страдат.

– А о чём, скажите?

Ты расположен был к душевному разговору, в деревне так не поговоришь:

– Брат у меня в бегах. Отца закопали где-то под Москвой, братовья всё ещё служат, а Филька с фронту сбёг и наделал горя.

Офицер насторожился:

– Так ты, Акимушкин, братом доводишься дезертиру Акимушкину? Что ты про него знаешь? Где он?

Ты сник, опустил голову.

– Ему бы покаяться прийти, столь миру погинуло, как жить после этого? И душа его просит, а тело супротив, ну, смерти боится, жить хочет. Хоть в прокляты, хоть отринутый, а чтобы жить, чтобы жрать было, чтобы бабу привозили.

Офицер крутым жестом остановил врача:

– Неужто и бабу?

– Да подлость это, я так думаю, но Филька не придет. С ним говорить надо, вот когда он поймёт, что нету такого права – жить без покаяния, да не в церкви, её уж нету, а людского прощения. Если поймёт – тогда ему отработать в шахтах или в лесу, сколь отведут, и можно в мир к людям вернуться. Он же молодой, поди, только тридцать.

– А ты его убеждал?

– Пробовал, только я слаб, грамотёшки мало, всё понимаю, а высловить не умею.

– Слушай, Акимушкин, как тебя по имени-отчеству?

– Лаврентий Павлович.

Офицер аж вздрогнул:

– Ладно, оставим имя-отчество, не будем поминать всеу. Вот ты говоришь, Акимушкин, что не хватает у тебя грамоты и прочее. А если нам попросить грамотного человека, чтобы тот с ним, с Филиппом, побеседовал по душам, попытался убедить. Как ты думаешь, поможет это брата спасти?

Тут ты некстати вспомнил, как вы с Филькой неводили на Аркановом озере, ты по берегу шёл, крыло вёл, а Филька здоровый, сильный, поводок на себя намотнул и вплавь вдоль берега, сколько верёвка позволяла. Выплыл, стали тянуть, полную мотню припёрли рыбы – и караси, и щуки, и налимы. Налимов ты хотел выкинуть, дед Максим говорил, что они утопленников едят, а Филька смеялся: на Аркановом сто лет никто не тонул, чистый налим, бери в корзину. Приехали домой, мать весь вечер чистила рыбу да ворчала на сыновей, что задали работы. Она умела похвалить вот так, как будто ворчит...

Офицер тихонько потрепал тебя по щеке:

– Акимушкин, очнись, ты меня слышишь? Если хорошего, доброго человека направить к брату, согласится он выйти к людям и прощения попросить? Люди-то простят, правда, Акимушкин?

Ты подумал и возразил:

– Многие простят, а многие и нет, даже на меня косятся, у кого погибли мужики на войне, надо думать, и ему выскажут.

Офицер согласился:

– Конечно, выскажут, так это и ему облегчение, высказали – значит, простили, ведь так?

Тут ты согласился:

– Должно быть так.

Офицер осторожно предложил, даже за руку тебя взял:

– Можешь ты такого человека свести с братом? Только чтобы никто не знал. Можешь?

Ты подумал, что такой человек, грамотный, умный, может Фильку уговорить. Кивнул:

– Сведу, ради такого делаведу, даже сам могу подсобить, брат меня жалеет из-за раны.

Офицер оживился, нервно ходил по комнате:

– Рана твоя пустяк, верно, доктор? Пенсию будешь получать в том же размере, может, даже увеличим, правда, доктор?

Доктор недоуменно посмотрел на него:

– Товарищ капитан, что такое Вы говорите? Человек болен!

Офицер повернулся к врачу и резко ткнулся лицом в его ухо:

– Заткнись, клизма ходячая, не суйся не в своё дело, поддакивай, когда просят. – И к тебе: – Может, тебе не стоит туда ехать, ведь далеко, да и холода.

Ты уже осмелел, раздухарился:

– Не озноблюсь, тут рядом, я на лыжах лесами за день дошёл.

Офицер наклонился к самому лицу:

– Дороги разве нет?

Ты улыбнулся: смешной вопрос задаёт капитан:

– На Бугровской-то кордон? Какая там дорога, так, киргизы иногда проезжают, но след есть.

Офицер встал, вытер пот с лица.

– Ладно, Акимушкин, поезжай домой, мы без тебя управимся.

Ты тоже встал, надел на голову вязаную шапочку:

– Да, товарищ капитан, там лесник злой, глядите, как бы не отказался пропустить. Он шибко людей чужих не любит. Одного цыгана даже зарезал за то, что он Филькино логово высказал полюбовнице своей, а та нам передала. Я-то откуль бы знал?

Офицер уже надел шинель, козырнул медичке, повернулся к тебе безразличным и брезгливым лицом:

– Езжай домой, Акимушкин, про наш разговор никому ни слова, и вы, товарищи очевидцы, тоже.

Широко пошёл к дверям, любуясь распахнутыми полами шерстяной чистенькой шинели и глянцевыми сапогами.

Расшевелил Федька ещё одну болячку в душе, заставил поговорить про Фросю, ты уже стал примечать, что если об чём-то не думать, то и душа не болит. Вроде проклонется в памяти росточек, а ты его словно не заметил и мимо прошёл. Смотришь – и не вяжется больше, забылось. Нельзя

сказать, что он про Фросю не помнил. Письма она ему писала длинные, как пакеты, особисты даже приходили в расположение посмотреть на такого мужика, которому баба такие письма шлёт. Тебе и читать их прилюдно было неловко, уходил в укромное место, потому что Фрося с тоски, видно, описывала их ночи на сеновале в летнее время, потом как в шалаше жили на покосе, не уходили в избушку, как специально зимой она прикидывалась простудившейся и выпрашивалась ночевать на печку, а на твоё непонимание только жарко шепнула в ухо:

– Молчи, муженёк, потом поймёшь, потому что печка не скрипит.

А ведь она сама тебя выбрала, на сенокосе перед самой войной всё старалась поближе, нет-нет, да и скажет:

– Лавруша, а ты в любовь веришь? Вот что девка без парня сохнет и совсем на нет изводится?

Ты улыбался:

– Не знаю, вроде не видать таких.

– А ты присмотришь, Лавруша, раскрой глаза. Али я тебе не любя совсем? Ну, скажи, почему за мной парни гужом ходят, а ты даже не смотришь?

Ты опять улыбался:

– Как не смотрю, смотрю, но девка ты боевая, а я смиренный, мне тихую надо и послушную.

Вот после таких речей и обняла она тебя за последним стогом на Зыбунах, прижала к себе так, что не вздохнуть:

– Обними меня, Лаврик, прижми, никто нас не увидит, не бойся. А я послушная буду. Видишь, сама разделась, и тебя раздену, потому что люблю тихоню. Ой, Лавруша, всё, не могу, лови меня.

В тот вечер с луга вы пешком шли, потому что все уже закончили работу и уехали. После ужина с отцом вышли на крыльцо, отец заметил перемену, спросил:

– Ты чего маешься? Нагрешил где?

Удивился, как это отец догадался?

– Нет, тятя, хочу просить твоего и маминого благословения, чтобы жениться на Фроське Ванькиной. Ну, Пеленкова Ивана Петровича.

Отец молча курил, ты не вытерпел:

– Тятя, ты вроде не обрадовался?

Отец хмыкнул:

– Шибко радоваться причины нет, а подумать – да, есть причина. Мать её я знал с юности, блудливая была бабёнка, про девку ничего не скажу, не слежу, но по породе – путней жены из неё не выйдет.

Ты тогда насмелился:

– Тятя, надо сватов посылать, мы сёдни согрешили на лугу.

Отец даже не ойкнул:

– Я так и понял. Смотри, Лаврентий, тебе ещё на службу идти, я за ней следить не стану. Но и перечить тебе не буду, так и матери скажу. И вот что. У нас трижды никто не женился, выбрал – блюди, но позору не потерплю, выпорю обех и выпру. Вот весь сказ. А благословиться к матери иди, это дело по её части.

Сразу после записи в сельсовете сели за столы в большом подворье Акимушкиных. Попа с твоей шаловливой попадьёй власти прогнали, обосновался где-то в городе. Мать сказала, что надо искать и непременно венчаться, невенчанных Бог не терпит.

– Тогда почто он позволил Макарке Безбородихину с братвой нашу церкву разорить? Что ему мешало? – Отец после первого стакана осмелел. – Я лба не расшибал во храме, спасибо отцу моему Максиму Георгиевичу, он всё в храм и хоть как-то показывал нас Богу. Что церква плохого делала? Ровным счётом ничего. Почто Бог разрешил глумиться? Неправильно он сделал.

– Ладно, отец, благословляй молодых. – Она сунула ему в руки старую икону, Павел неумело перекрестил пару, они поцеловали край доски и гулянье началось. Фрося как села под белой вязаной фатой, так и не пошевелилась за весь вечер, ты тоже вёл себя смирно, бражку и самогонку не пил и есть ничего не хотелось. Фрося только раз наклонилась к нему:

– Скажи, Лавруша, куда молодых спать положат?

– Нечто я спрашивать стану? На смех же поднимут!

– Гляди, уложат меж пьяных гостей, не видать тебе брачной ночи.

– Не уложат. Тятя порядки знат.

Вам постелили в нарядно прибранной избушке на ограде, гости утянулись по домам, Фрося заставила мужа расстегивать на спине крючки свадебного платья, лампы не зажигали, в темноте тело её матово светилось, а ты едва пособился с новой рубахой на железном замке. Упали на перину, Фрося легла тебе на грудь и сказала:

– Лавруша, я тебя любить буду изо всех сил, и ухаживать за тобой буду, как никакая другая баба. Запал ты мне в сердце, а я краёв счастья своего не вижу, так рада, так рада. Мне подружки завидуют, говорят, что ты хоть и тихоня, но спокойный и добрый, а ещё семья ваша работающая, и при колхозе вы не пропали. Я шибко тобой дорожить стану и детей тебе рожу, сколь хошь.

Через месяц отец посадил молодых и отвёз в большое село Ильинское, там церковь прикрыли, но попа не тронули, и он по договоренности крестил и венчал. Тут тоже клялись в верности и святости.

Эту её клятву ты вспоминал на фронте, когда читал письма жены и мучился от нахлынувших чувств. А потом вдруг – как взрыв у землянки, как ракета тёмной ночью, как танковый выстрел над головой – ушла Фрося к новому чеботарю. Ты тогда сильно растерялся, плакал, спирта кружку выпросил у старшины, проспался – того тошнее. Ты тогда по связи числился, тоже хорошего мало, но попросился в разведку. Лейтенант тебя отозвал в сторону, напрямую спросил, в чём дело. Ты признался. Лейтенант послал по всей форме в известном направлении и добавил, что ему в разведке только рогатых не хватало.

Солдаты ведь – разный народ, кто-то письма читал из собственной тоски, кто-то покуражиться, и вот нашёлся один такой, при вечернем разговоре вдруг спрашивает:

– Акимушкин, твоя жена ваши любовные утехы описывала, надо полагать, что она и сейчас этими же приёмами ублажает своего нового мужа, как ты думаешь?

На него цыкнули, но было поздно, ты схватил автомат и вскинул его в сторону обидчика, ладно, что пули верхом прошли. Из штаба батальона прибежал посыльный: что за стрельба? Объяснили, что обманулись в лазутчике, стрельнули, а его нет. Обошлось. Того говоруна ротный сбаврил куда-то на другой день, а с тобой сурово поговорил. Ты плакал.

– Товарищ капитан, как я без неё жить буду? Я ведь не балованный, верный, мне без неё никак нельзя.

– Успокойся, солдат, не ты первый, не ты последний. Хочешь, признаюсь тебе, что у меня месяц назад жена тоже замуж вышла, я её в Ташкент отправил войну пересидеть, а она нашла какого-то торговца, прислала извинения, и на том точка. У тебя дети есть?

– Не было.

– А у меня двое, мальчик и девочка. Ну, что мне теперь, стреляться? А Родину защищать кто будет? Торгаши? Нет, брат, выкинь всё из головы, нам с тобой ещё до Берлина топать, так что спрячь глубоко в душу свои переживания, а то на первую же пулю налетишь. Она слабых ищет.

Ты хорошо усвоил наказ командира, про Фроську и вообще про деревенскую мирную жизнь старался не думать, всё вроде наладилось. А тут ещё старшина предложил заняться кухней. С первого дня ты понял, что это тебе ближе, душевнее, мирное, домашнее занятие, и вроде война уже в стороне, а рядом знакомо горит костёр или топится кухня, совсем как дома на двоерубе или на покосе.

Время к весне, ты взялся вывозить снег из ограды, а то начнёт таять и вся вода в погреб, а то и в подполье упадёт. Нашёл под сараем широкие санки, специально отец делал, чтобы воду в бочках и снег возить, выволоч заваленный всяким хламом короб, его ещё дед Максим плёл, прут к пруту, хоть воду заливай – не вытечет. Широкой снеговой лопатой начал складывать от самого пригона, вывозил на огород, так было заведено, чтобы снег растаял и землю напитал, тогда меньше придётся в жаркий июль таскать воду с Гумнов и поливать посаженные овощи, больше всего огурцы. А капуста-водохлёбка в конце картофельного огорода, у межи, под самой Гумняхой, её там и заливают прямо ведрами. Недолго и поробил, кто-то окликнул через заплот, ты лопату в снег воткнул, откинул калитку. Колхозный бригадир Митя Хитромудрый вышел из кошёвки. Митя на фронте быстро отстрадал, добыл какую-то бумажку, признали негодным и вернули руководить колхозным производством. Что за болезнь у Мити – никто не знал, правда, время от времени его кидало на землю, трясло и слюной брызгал в разные стороны, но всегда прилюдно, потому отваживались. Мужики в такую болезнь не верили, а ты верил, потому что посмотрелся в госпиталях всяких. Поздоровались.

– Ты, Лавруша, от труда освобожденный, про то я знаю, но ходячий, сам собой вроде ничего. Короче говоря, надо за овечками походить. Заболела Устинья Васильевна, а сейчас окот, глаз да глаз, жить надо в кошаре, а не только что. Лошадь тебе дам, сани, трудодень.

Ты усмехнулся про трудодень, ещё до войны писали в тетрадки учётчики, а по осени на эти палочки и выдать нечего было. И сейчас ничего не изменилось. Мать ходит за телятишками, кормить нечем, месячному телёнку солому пихают. Мать хоть и тихая, а высказала со слезами районному начальнику в хромовых сапогах, что у председателя выше крыши намётано лесное едовое сено, вот его бы телятам – враз ожили бы. А то колхозные задришутся, председатель своих сам съест, а для плана опять ничего не останется. И почему мать так обеспокоила сдача мяса государству, ты тогда понять не мог, она вечером объяснила, что братовья твои за границами чем питаются? Тем, что мы пошлём, немцы и венгерцы кормить не будут, а если и сунут что, то обязательно отравят. Вот погляди, какие суждения у неграмотной бабы.

Утром её вызвал председатель, он не наш, присланный откуда-то, высокий, толстый, гимнастерка под ремнём и значок какой-то на груди. Долго молча смотрел, так и не признал, не видел раньше, потому что на ферме не бывал:

– Вот что, дорогая, ты высказывания против руководства не делай, я тут хозяин, ко мне и приходи, если что. Ещё раз узнаю, что поклёп возводишь на моё сено, выпру из колхоза. Всё. Работай.

Ты посмотрел на Митю:

– Овечек-то много?

– Три сотни.

– Молодняк гинет?

– Мрут, если просмотрели. Холод в кошаре.

– Холода овечка не боится, ей сухость надо и корма.

– Овса даю по случаю окота.

– Эх, Митрий Матвейч, до окота надо было давать, ты же должен знать!

– Откуль? У нас до колхоза только коровёнка и была.

Ты хотел сказать, что видел, сколько скота гоняют на водопой на Гумна его ребятишки, но не стал. В его дворе, мать сказывала, числится всё от тёщи, от брата с сестрой – неимущих, вот он и не облагается налогами за излишки.

– Твои-то овечки нормально окотились?

– Слушай, по двойне все. Удачный год. Так пойдёшь?

Ты ответил, что с матерью посоветуешься и, если согласится, то вечером на управу придёшь на овчарню. Мать отговаривать не стала, мол, думай сам, как тебе здоровье позволит, только сказала ещё, что работающего могут и пенсии лишить.

– Пушай, мне ягусек жалко, зачем они мёрзнуть будут?

В овчарне стоял сплошной овечий крик, отара кидалась из одного угла в другой, давя молодняк и суягных маток. Кое-как приглядевшись, ты увидел человека, несущего в куфайке двух малышей.

– Здравствуй, не разберу кто.

– Здоров будь, Лаврик. Не узнал? Савосиха я, соседка ваша. А ты как сюда?

– Бригадир послал. Холодно тут.

– Не успеваю ничего. Ты бери солому, в углу свалена, пройди вдоль стен, позатыкай, что можно.

Сколько охапок натаскал – со счёту сбился, сквозняка не стало. Сходил с верёвкой на сеновал, поискал сена помельче, три вязанки притащил – овечки накупились. В нетопленной избушке нашла тётка Савосиха мешок овса, то ли утащить не успели, то ли получили, да никто не сказал. Лаврик расчистил от соломы середину, рассыпали овёс по кругу – разом овечки замолчали, жуют, хрумкают. Несколькими жердями отгородили угол с подветренной стороны, отбили суягных. В избушке печь разожгли, котёл снега набили, натаяли воды, дождались, пока согреется. Ведром носили в маленькие колоды – некоторые овечки пили.

– Лаврик, надо малышей собрать в избушку, пусть погреваются.

– А как потом они матерей найдут?

Савосиха выпрямилась, разогнула спину и в первый раз засмеялась:

– Мать-то? Да с разбегу! Кто же мать свою или ребёнка не признает? Разве что человек, а скотина – она ещё не забыла, что ей природой дано.

– Ну, чисто наш дедушка Максим судишь, – удивился ты. А она ответила:

– Лавруша, родно моё, твой дедушка Максим отцом мне доводится, да никто не знает про то. Прокопий-то Александрович маму в положении взял, перед алтарём просил назвать, кто наследил – так и не сказала. Он, правда, голубил меня, как свою, а мне мама только на смертном одре призналась.

– Отчего же дед не женился на ней?

– Ваши-то в видных людях были, а мы бедненькие, робить некому, вот и запретил. А дед твой, мама сказывала, сильно страдал, на исповеди слезьми плачет, а батюшке не признаётся, тот епитимьями мучил, даже от причастия отлучал, но отец не признался. Мне говорил потом, как маму схоронили, что не хотел её чернить. Люди-то ведь так ничего и не знают, и не всякий способен подняться, чтобы постигнуть. Вот всю жизнь друг дружку любили, а жили порознь. А в деревне – оброне Бог на язык попасть – в петлю вгонят.

Всю ночь топили избушку, таскали суггных маток и малышей, утром председатель приехал, написал бумажку, чтобы со склада отпускали по центнеру отходов в день. Да и солнышко обогрело, ветер стих.

– Ты, Лавруша, пойдешь домой, поспи, а я тут прикорну. Придешь к вечеру.

А ты только хлеба взял да картошки кошёлку, опять на овчарню пошёл. Какая странная и загадочная жизнь, никто и сегодня не знает, что Савосиха тёткой мне родной доводится. Прожила с отцом своим рядом, а ни разу даже тятей не назвала, не знала даже, что отец. Вот ведь как! А теперь и мне легче будет жить, ещё одна родная душа рядом появилась.

– Тетка Савосиха, вот ты давеча говорила про деревню, что народ такой, и в петлю вгонят – не остановятся. Почему же так? Вот мы в семье ровно жили, ну, не сказать, что душа в душу, но особенно при дедушке Максиме – порядочек был. Мать и сестёр своих, и братьев-братьев почитаю. А деревня – она разве не семья? Вот случись, как в старые годы, да ты знаешь, когда большая вода пришла, как люди дружно спасались, пособляли друг дружке, тем и выжили. И дома потом совместно стали перетаскивать выше в гору. А случись – будет ли так?

Савосиха села на жердочку у яслей, с сожалением на тебя посмотрела. Что ей так бедно за тебя стало? Аж слезы на глазах.

– Лавруша, ты чисто твой дед, вот одно к одному. Лицом, правда, в бабку, она красавица была, да тебе, мужику, такого добра и не надо бы. Парень ты славный, толковый, угодливый, тяжело тебе будет на белом свете.

– Отчего тяжело, тётка Савосиха?

Она долго молчала, согрешившие овечки похрумкивали ячменём, такая благодать разлилась по твоей душе, что ты не удержался:

– А ведь Господь вот в такой же овчарне, в хлеву, вот в таких яслях народился. Ведь правда?

Савосиха кивнула:

– Так писано, только, сынок, случилось это, слава Богу, задолго до колхозов, да и в другой стороне, где и холодов-то не бывает. В наших краях он закоченел бы к утру, когда волхвы пришли с дарами. Да и не те мы люди сегодня, чтобы Господа принимать.

– Не те – почему?

– Лаврик, ты меня пытаешь, а я не знаю, о чём. Почему люди меняются всё время к худшему? Ты про большую воду говорил. Отвечу: случись сейчас – никто бы не стал друг дружке помогать, каждый своё потащит.

Почему ты вдруг вспомнил, как завязывалась колхозная жизнь? Поздним вечером в дом пришёл дядя Савелий Гиричев, родной брат мамы. Он и раньше бывал у вас, тебя крестил, крёстный отец, а при новой власти вернулся с Гражданской красным командиром, большевиком. Отец тоже воевал на германской, только в красные не пошёл, а в последний поход из дома мобилизовали к Колчаку. Из-под Омска они сбежали чуть не всей деревней, чубов им порвали, но никого не посадили. А в соседних деревнях, говорили, человека по три забрали и насовсем, то ли к стенкам, то ли где леса до сих пор валят. Ты уже помнишь те зимние вечера, когда родственники сидели за одним столом, пили самогонку из одной кринки, и спорили. Ты лежал на полотах за занавеской.

– Паша, я тебя всегда почитал за умного и толкового, как же ты не понял советской власти и от-

вернулся? Тебя революция где захватила? Ты пошто винтовку после замирения бросил и вернулся домой? Почему не выслушал большевиков и не перешёл к ним?

– Объясню, Сава, всё по порядку. Ты хоть и секретарь партячейки, но вдумчиво слушай. Войной я к тому времени был сытый по самое горло, а тут замирение и свобода. Куда должен стремиться нормальный мужик? К семье, домой. А большевики – скажу тебе честно, Сава, я их не различал, вот те крест. Там кого только не было, акромья большевиков. Вот тупая Рассея: те мужики, которы земли не имели и робили на какого-то помещика, те твоим большевикам «уря» кричали. А как они могли меня землёй заманить, если у меня её вволю, сколь могу, столь и пашу? Ну, скажи, мог разумный сибиряк сказать: «Спасибо, товарищ большевичок, что разрешил мне на своей земле пахать и сеять!». Не мог. И я понял, что с этими ребятами нам не сговориться.

Савелий Платонович слушал нервно, несколько раз посыкался остановить кума, но договорить дал.

– Ладно, советская власть тебе, как и другим заблудшим, измену простила, и что с Колчаком связались, тоже сделала вид, что ничего такого... Но седни ты видишь перемены, мы разворачиваемся к новой жизни, народ избирает советы, в партию люди вступают, а ты в углу сидишь, как сыч. Я только тебе скажу, потому как родство и уважаю. Будет ещё одна кампания, от которой тебе не укрыться безразличием. Будем создавать колхозы.

– Чего-то слышал.

– Слышал он! Да это ещё одна революция, только в деревне. Ты посмотри, мы с тобой за столом сидим, мясо с картохой, сало солёное шматками, хлеб серый добрый. Поди, и сеянка есть? Есть в сусеке? А страна голодает. Почему?

– Потому что не робит, Сава. Вот перестань я каждый день во двор выходить и со своими ребятами и девками со скотиной управляться, назём складывать, сено намётывать, воду возить чаном – через неделю скотина на колени падёт, а потом сдохнет. И я стану голодный. Пролетарием стану. Чтобы жить, Сава, надо робить, ты же крестьянин, ты же всё понимать должен.

Савелий возмутился, встал над столом с полным стаканом:

– Ишь ты! А пролетарий? У него же ничего в руках! Заводы в разрухе, угля нет, железа нет. Чтобы это всё запустить, нужно время и нужны огромные усилия!

– Сава, советска власть рулит уж столько лет, сколь же ещё надо время, чтобы до верхов дошло, что надо не шашкой махать, а молотом? Не выбуривай на меня, я правду говорю. И что мужики в двадцать первом поднялись, тоже ваша заслуга. Мыслимое дело – в мой амбар загнать чувашей моим же кулём зерно выгребать? Жалко, конечно, ребят, что с той, что с другой стороны, тыщи погинули ни за что, только это вина власти.

Савелий сел, в упор глянул на своего родственника:

– Паша, тогда столица без прокорма оставалась, товарищ Ленин голодал вместе со всеми. Ты чего лыбишься, ты чего ухмыльнулся? Не веришь?

Отец засмеялся:

– Конечно, не верю. Я по своим вождам посмотрю, по мелким – эта порода себя в расход не пустит, мимо рта не пронесёт. Насчёт народа ещё посмотрят... Я вот своим умишком кумекаю: на Россию-то им насрать, прости Господи, не за столом сказано, у них интересы поболее будут. Разграбят Россию и нас сдадут германцам или англичанам.

Савелий снисходительно улыбнулся:

– Какие интересы, Павел Максимович, об чём ты? Для Ленина Россия – это всё. А по хлебу – в самое дыхло бьёшь. Но ведь не было в двадцать первом году другого пути, кроме как взять хлеб у сибирского мужика и накормить город, пролетариат.

Отец сильно ударил по столу, блюдо с капустой и алюминиевые чашки с мясом и салом подпрыгнули:

– Ладно, а пролетариат в это время чем занимался? Марксизму изучал? Почему надо сразу в морду? Разве нельзя было договориться по-доброму? Мы тогда предлагали на сходах: хлеб дадим, но дайте нам железо, мануфактуру, плуг, карасин. Обмен сделать, я тебе, ты мне. Что, пошла на это власть? Мы кой-какой хлеб увезли на пункты, и что? В самых больших кабинетах в Ишиме нас на х... посылали. Нихрена нам на тот хлеб не дали, не пошли на обмен, хлеб даже в зачёт налога не записали! И теперь то же самое. Я сплю стоя, вся семья с апреля по октябрь в поле, да до Рождества

на гумнах снопы молотим. Скажи, всякий так? Да нет, не скажешь. В твоей партиячейке есть хоть один порядочный хозяин? Нету! И не будет! И тогда вы пойдёте зорить наши гнёзда, нас врагами объявите. А иначе у советской власти ничего не получится, только на разорённом самостоятельном крестьянине будете создавать свои колхозы.

Савелий икнул и подытожил:

– Значит, в колхоз ты не пойдёшь?

– А зачем, Сава? Чтобы видеть, как моих коней гробят, как моих коров бьют кольём? Не пойду.

Савелий поднял указательный палец:

– Но ведь всё заберём.

Отец не понял:

– Всё – это как?

Савелий пояснил кратко:

– Скот, это ты правильно сказал, инвентарь весь, землю. Двор пустой останется. Дом у тебя большой, учтут власти, что семья большая, возможно, оставят. Вот и всё.

– А меня куда?

Савелий Платонович напрягся, жилы вздулись поперек лба:

– Вот за этим я к тебе и пришёл. Будет проводиться раскулачивание, ты попал в списки, хотя работников никогда не держал, всё своей семьёй. Могут судом сослать на Север или на Урал.

Отец встал и картинно поклонился куму:

– Любо! Ну, кум, спасибо!

Тот взмахом руки осадил его:

– Вот что, Павел Максимович, я не просто так с тобой этот разговор веду. Мы с тобой кумовья и больше того – товарищи. Потому всё открываю, хотя права такого не имею и поступаю против партийности. Но учитываю, что ты труженик честный, будешь и колхозу полезный, беру грех на душу. В самое короткое время скот сбудь, что есть доброе из хозяйства – сбудь. Бери твёрдой валютой, только золотом. Хоть товарищ Ленин и писал, что мы туалеты будем золотом обивать или деньгами обклеивать, до этого, похоже, ещё далеко. Зерно сбудь, не тяни. Чтобы ничего лишнего не было. Для вида бычка заколи, пару баранов, да свози на поганник дня три кряду, чтобы народ видел, мол, дохнет скотина. Обратно ночью, чтоб ни одна душа. Я тебя из списков постараюсь выдернуть, на очередной ячейке мои доверенные люди тебя защитят. А в колхоз вступишь, то моё условие. Ссылка, Паша, это верная гибель, насколько знаю, другие последствия даже не рассматриваются.

Ты на полатах всё слышал и ничего не понял, только когда тятя голову уронил на грудь и тяжелые слезины стекли на рубаху, ты испугался и накрылся дедушкиным тулупом. Стало страшно и пусто. Ты запомнил новое слово: колхоз.

Утром прибежала исполнитель из сельсовета, молодая усталая женщина, не проходя в передний угол, сунула матери бумажку и велела расписаться.

– Лавруша, черкни там, что надо, – шепнула она и с бумажкой пошла в горницу, где на божничке лежали её очки, в которых она шила или читала газету.

– Мама, давай я прочитаю, пока ты найдёшь.

– Уже нашла, да и бумага эта вроде как мне. «Гражданке Акимушкиной А. И. предписывается незамедлительно прибыть в райотдел милиции для очной ставки с гражданином, выдающим себя за Акимушкина Филиппа Павловича, 1912 года рождения, самовольно оставившего воинскую часть во время боевых действий в сентябре 1941 года и скрывавшегося от государственных органов до 28 декабря 1947 года».

Она села на кровать, руки тряслись, бумажка вывалилась на пол, ты поднял её и ещё раз прочитал. На душе стало светло и радостно:

– Мама, не плачь, не расстраивайся, Филя сдался властям, он столь лет отмучился, ему зачтётся, и люди простят, мне капитан говорил.

Мама не сразу тебя услышала, а услышав, не сразу поняла:

– Какой капитан, Лаврик, ты кому сказал про Филю?

Ах, как ты был раздосадован, что она не может понять главного: Филя вышел к людям, он раскается и будет прощён, и станет жить вместе с нами, помогать, а мы потом женим его. Он смотрел в глаза матери и вместо радости видел в них ужас, мёртвый, застывший, холодный.

– Лавруша, ты кому сказал про Филю? Вспомни, кому ты сказал, кто пытал из тебя эту тайну?

Ты уже начал сердиться, что мама привязалась к такому пустяку, кому сказал.

– Мама, успокойся, мы говорили с хорошим человеком, он сразу согласился со мной, что с Филей надо хорошо поговорить, ещё можно его спасти, и у него есть такой человек. Видно, они съездили на Бугровской кордон и уговорили Филю.

Мать почему-то встала, повернулась к иконам в углу и тихо сказала:

– Господи, прости ему, он не знает, что творит.

Тебя это напугало, ведь мать точно говорит про тебя. Что ты не так сделал? Да нет же, всё так и должно быть, надо только ехать, подтвердить, что это брательник, и может даже забрать его домой. Ты, видимо, сказал это вслух, потому что мама велела быстро собираться, взять дедов тулуп и бежать в сельсовет. Анна Ивановна поднялась наверх, ты остался внизу у крутой лестницы. Сельсоветский конюх Пантюхин по кличке Гальян, щуплый и невысокого роста, уже запряг в широкие сани карего мерина.

– Ты тоже поедешь? – спросил он.

– Поеду, брат всё-таки.

Мать вышла в слезах, всю дорогу ехали молча. Гальян подвернул к милиции, приоткнул вожжи к коновязи:

– Идите к дежурному, я тут буду.

Мать показала бумажку, дежурный кого-то крикнул, вышел молодой человек в форме, кивнул Анне Ивановне, чтобы шла за ним, ты тоже вроде собрался, но хозяин осадил:

– Не требуется.

Почему тебе вдруг стало весело, вроде и организация серьёзная, и никто вокруг не улыбается, а у тебя на душе петухи поют. Вспомнил, как с Филей ездили в тайгу шишку кедровую бить. Филя дома такую колотушку соорудил, что Лаврик поднять едва мог.

– Будешь сам колотить, а я только собирать, – так ты ему сказал.

Филя смеётся:

– Шибко пристану – тебе передам, а то ты так и будешь на девку похож.

Лето было жаркое. Дед Максим сказал:

– Шишка нынче раньше созрела и сухая, так что желубить будете на месте. Дробилку привяжи, да мешков поболее прихвати. На всё вам тридни, чтоб не спали и не гулеванили. Филька, я поклажу проверю, чтоб без самогонки. Хлеба подходят, днями жать начнём, так что к субботе ждём.

Лошадь запрягли добрую, харчей мать положила хорошую корзину: и мясо вяленое, и мясо солёное с салом, сала копчёного шмат, кошёлку сырых яиц, каральку колбасы, выменянную у петропавловских киргизов, ещё лук, огурцы, помидоры, чеснок, пять буханок хлеба.

– Ну, ты, Анна, чисто на прииски отправляешь, им жрать некогда будет, пускай работают.

Выехали рано утром и к обеду были в тайге, она началась неожиданно, высунув широкий язык елей и сосен.

– Тут и до кедровников рукой подать, – весело сказал Филя. – Мы с тобой сперва в татарскую деревню заедем, там аул рядом и хороший мой знакомый. Я шишку сам давно не бью, у татарина покупаю. Как смотришь?

Ты смиренно ответил:

– Не знаю. Ты за старшего, решай, только, если без орехов вернемся, я деду не смогу врать.

Брат хохотнул:

– Молодец, Лаврик, за что тебя уважаю – за честность. Другого такого дурака во всей волости или сельсовете не найти. Но ты не тужи, будут нам и игрища, будут и орехи. Я ведь тоже не лыком шит. Всё, приехали.

Остановились около невысокого дома, стоящего в сотне метрах от деревни и тёсом ещё крытого. Хозяйственные постройки окружали дом с трёх сторон. Старый татарин вышел к гостям, долго щурился и смотрел на Филю. Потом вынул изо рта трубку:

– Филька, кажись? Давно не был. Айда в дом. Здравствуй, пожалуй.

– И ты здравствуй, старый Естай. Где твоя молодёжь?

– Побежали в тайгу, орех колотить. Ты за орех чем платить станешь? Привёз?

Филя позвал старика к телеге и выволок из-под передка одетую в куфайку куклу, положил на телегу, развернул:

– Полная бадейка самогона, сам бы пил, да орехи надо.

– Обожди, джигит, давай пока сидим, пьём и едим, а к вечеру молодняк придёт, сам смотришь товар.

Филя тебе подмигнул:

– У него три девки не замужем, мы тебе сегодня и свадьбу сыграем. А орехов они нам отборных нагрузят, не переживай, трое суток свободной жизни – это подарок судьбы. Я бы эти орехи каждый месяц колотить ездил.

Перед закатом солнца верхом на низеньких лошадках вернулись молодые: два безбородых ещё подростка и три девицы, спрыгнули с лошадей, с каждой сняли по два мешка на перевязях, коней отпустили, парни подошли к гостям. Филя командовал:

– Дорогой Естай, это мой меньший брат Лаврентий, но проще – Ларя, Лаврик. Ребят я помню, ты Газис, ты Рустем. А дочерей-красавиц назови сам, кроме Айгуль, она у меня в сердце живёт.

Отец крикнул что-то по-татарски, девушки сняли платки с лица и встали, как учили, чуть потупив взор. Ты даже ошалел от такой красоты, три красавицы в просторных шароварах и пёстрых халатах сверху, лица круглые, чистые, волосы чёрные, прянь смоль, глаза хоть и узкие, но острые, губки пухленькие, груди высокие лезут из халатов.

– Айгуль, старшая дочь, лунный цветок по-вашему. Потом Калима, средняя, а младшая дочка Ляйсан, это как дождик весной, она как раз в апреле родилась, первый дождь был.

Ты не сводил глаз с Ляйсан, такая красивая. Отец ещё что-то долго говорил сыновьям и дочерям, и они быстро разошлись исполнять его приказы. Сели за низенький столик прямо у дома, за домом всхлипнул баран, в стороне на костре стоял тяжёлый казан с водой. Айгуль принесла мелко порезанное вяленое мясо, Филя вынул из корзины всё, что можно, кроме свиного мяса и сала. Рустем сходил в дом за кружками, всем мужчинам налили самогонки из бадейки. Естай сотворил свою молитву, Лаврик спросил:

– А девчонки выпьют с нами?

Естай ответил:

– Когда время придёт, подойдут и выпьют, у девок работы много.

Ты повеселел от выпитой самогонки, пошёл к девчонкам, они запереглядывались, улыбались. Лица умытые, волосы причёсаны, чистые халаты надеты и шаровар уже нет.

– Вы почему в такую жару в штанах ходите?

Девчонки переглянулись:

– А в чём надо ходить девушке у вас?

– В платье, в юбке с кофтой.

Девчонки засмеялись:

– Всё равно мало, под юбкой что-то есть.

Тебя развеселил самогон, сделал смелым:

– Вот чудные! Нет же теперь на вас тех штанов!

Калима что-то шепнула Айгуль, та засмеялась, передала Ляйсан. Какой красивый смех, чистый, свободный, душевный. Над чем они смеются? Что ты такого сказал?

Калима улыбнулась:

– Лаврик, мы готовим пищу, потому ушли и сняли старые одежды, поливали друг дружку, потом вытирались сухо, потом можно надеть только халат.

Ты не унимался:

– А что вы готовите?

Ляйсан подошла к нему, долго смотрела в глаза с улыбкой, потом сказала:

– Бешбармак будет. Ты пил шурпу? А бешбармак ел?

– Когда? – засмеялся ты. – Я и татарок первый раз вижу.

Айгуль была всех смелей:

– Ой, Лаврик, тогда скажи, красивые татарочки, правда?

Ты задохнулся:

– Истинная правда! Вы такие славные, что плакать хочется от вашей красоты.

– А тебе кто из нас больше понравился? – с улыбкой спросила Айгуль.

Тебе никого не хотелось обижать, но ты уже смотрел на Ляйсан и улыбался.

– Ляйсан тебе больше по нраву? Тогда ты с ней сегодня будешь целоваться.

– Как это? – испугался ты.

– Ты умеешь целоваться с девушками? Будешь Ляйсан учить. Она у нас самая скромная.

Ты возразил серьёзно:

– Нельзя же так просто целоваться. А отец? А если братья узнают? У нас с этим строго.

– А у нас нет, – беззаботно хохотнула Айгуль. – Правда, Калима? Давай поцелуем Лаврика.

Ты ничего не успел сообразить, как две девушки крепко обняли тебя и по очереди целовали в губы, прижимая к грудям. Смеясь, они поправили одежды и оставили Лаврика в покое. Он от стыда убежал за угол дома, увидел бадью с водой, сполоснул раскрасневшееся лицо. Даже не заметил, как подошла Ляйсан:

– Обидели тебя сёстры? – Она заботливо вытерла его лицо, подняв полу своего халата и оголив стройную смуглую ногу. – Надо же им поиграть. С татарскими парнями так нельзя, плохое слово говорят, а целоваться хочется.

– Ляйсан, а у тебя есть жених?

– Ты сегодня мой жених.

– Да нет, я спрашиваю по-серьёзному. Сколько тебе лет?

– Семнадцать. Раньше всё было понятно, был калым, был жених. Теперь всё смешалось, татарки за русских замуж выходят, в соседней деревне парень русскую привёл. А ты разве не хочешь побыть моим женихом?

Ты опять растерялся и сказал:

– Пойдем туда, поужинаем, потом решим.

– Подожди, – девушка взяла твое лицо в руки и посмотрела в глаза. – Какой ты чистый и красивый, Лаврик. – И крепко впила в твои губы, упиравшись тугими грудями и нежно поводя ими. – Всё, теперь пойдём.

Когда они вернулись, бешбармак был готов, полные пиалы горячей шурпы стояли перед каждым, Естай разрешил налить всем.

– Сегодня у меня праздник, приехали мои русские друзья, пусть эта вода веселит нас до утра.

Пили самогонку и пили шурпу, горстями ели жирное молодое мясо. Газис принёс маленькую татарскую гармонию, заиграл незнакомую мелодию, сёстры в спокойном и медленном танце прошли несколько кругов по поляне. Взошла луна. Отец попросил, и Рустем спел жалобную песню. Старик прослезился. Ляйсан наклонилась к твоему уху:

– Это любимая песня мамы, она умерла год назад. Я уйду вон в те сосны, когда отец прикажет подать чай. И ты туда приходи.

Ляйсан сидела спиной к толстому дереву на обширной и толстой кошме. Ты осторожно сел рядом. Девушка наклонилась к твоему плечу, потом положила головку на грудь. Оба молчали. Волосы Ляйсан пахли лесной травой, ты уже без стеснения поцеловал её глаза, щёки, губы. Ни одним движением не ответила девушка.

– Тебе не нравится, как я тебя целую?

– Шибко нравится, потому молчу, притихла. Вся ночь наша, я тоже тебя буду целовать. Я сниму свои одежды, так заведено было нашими предками, чтобы женщина входила к мужчине нагой и чистой.

Ты снял рубашку и штаны. Ляйсан спустила с плеч халат и, поднявшись на цыпочки, повесила его на нижний сучок. Как она красива на фоне полной луны! Вы обнялись и долго лежали, чувствуя каждый стук сердца, каждый вдох, всякое движение мышцы. Ляйсан чуть приподнималась и целовала твое тело, никем не тронутое, пугливое. Ты выскользнул из лёгких объятий и принялся выискивать самые щекотливые её места, Ляйсан вздрагивала всем телом, шептала:

– Грудь, сладкий, грудь... Живот... Я сойду с ума. Пупок шевельни языком, ещё, сладкий... – Потом поймала его голову: – Всё, дальше не надо пока.

Ты запыхался, словно сено метал или дрова рубил, нашарал свою рубаху, вытер лицо.

Ляйсан улыбнулась:

– Устал, сладкий мой. Отдохни. Я тоже сердце своё найти не могу.

– Скажи, Ляйсан, почему нельзя, ты же сама меня позвала?

– Разве тебе плохо со мной целоваться? Или ты хочешь, чтобы япустила тебя? Я тоже хочу, только боюсь. Ты ласкай меня, целуй, как хочешь, только пока не проси меня всю.

...Кто-то грубым пинком ударил тебя в ноги, в большие отцовские пимы, видение исчезло, не стало Ляйсан, тёплого вечера, мягкой кошмы. Пожилой милиционер сказал громко:

– Вставай, пошли.

Мать стояла у запертой двери того кабинета, в который уходила вместе с офицером. Ты быстро пришёл в себя:

– Мама, виделись вы с Филей?

– Виделись, – за маму ответил милиционер. – Пошли, и ты повидеешься.

Он повёл тебя коридором во двор, потом в амбар, откинул незащёлкнутый замок и распахнул дверь. Филя лежал на спине, сложив на груди руки, и спал. Нет, как он может спать на таком морозе? Хотел сказать милиционеру, но тот опередил:

– Загоняйте свою упряжку в ограду и забирайте.

Ты поймал его за полу шинели и всё хотел отругать, что бросили брата на холодном полу, пока тот не ухватил тебя за шапку:

– Ты контуженый или как? Убит твой брат. Матери следователь все объяснил.

– Меня, правда, контузило, ты меня за голову не шибко хватай, там местами черепа нет.

– В Бога мать! – выругался милиционер. – Ну и семейка! Один дезертир, та онемела и столбом стоит, этот дуру гонит! Убили твоего брата, при аресте побежал, вот при попытке стрельнули.

Ты понял. Они его просто убили. Они не говорить с ним приехали, а убить. Как же ты упустил, почему не настоял, что с ними поедешь? Стоял и думал.

Гальян подъехал к самому амбару, толкнул в плечо:

– Айда, поможешь вытащить.

Вы подняли тяжёлое тело Филя и положили на дровни.

Гальян крикнул милиционеру:

– Дай кусок мешковины, хоть прикрыть его.

– Ага, сейчас, на вас мешковины не напасёшься. Буду я на дезертира казённое имущество тратить.

Филю накрыли дедушкиным тулупом, выехали со двора, офицер в накинутой шинели придерживал мать, подвёл её к саням. Мать почернела, рот скривился, она пыталась что-то сказать. Ты кинулся к ней, а она вытянула руки и не допустила. Пробормотала невнятно:

– Сгинь с глаз моих, Христопродавец! Уйди, чтобы я тебя больше не видела.

Ты все слова разобрал, только понять не мог, куда ему идти и что делать?

– Не хочет она, чтобы ты с братом ехал, – пояснил Гальян. – Мне конюх ихний рассказал, что ты навёл на Филю, он сам возил троих, и команда им была живым не брать, а ухлопать на месте, чтобы не возиться да народ не злить. Матери всё и рассказали. Ты заночуй здесь, пешком не ходи, волки шастанут по ночам. А утричком можа кто из наших приедет. Всё, тронулись мы, лошадь покойника чует, гужи рвёт.

Всё смешалось: мёртвый Филя, убитая горем мать, прятанный глаза Гальян, уехавшая подвода и он один в районном центре, где не только ночевать негде – где вообще никого не знает. Пошёл в сторону больницы, может, пустят перекапаться в тепле, он уж бывал тут на проверках. В полутёмном коридоре осмотрелся, подошел к регистратуре, вечер, никого нет, только женщина в белом халате пишет бумагу. Она подняла на тебя глаза и долго смотрела, улыбаясь:

– Лавруша Акимушкин, ты ли это?

Лицо знакомое, а признать не можешь.

– Лавруша, бывшая матушка Полина я.

Ты смутился, но поздоровствовался.

– А что так поздно в больницу? Приёма уже нет.

Было неловко признаваться, но пришлось.

– В тепло хотел попроситься, мне ночевать негде, а домой пешком далеко, да и волки, мне сказали.

Полина вышла из-за перегородки, вроде поправилась с того времени, с лица гладкая и весёлая, как тогда.

– Я помогу твоему горю, Лавруша. У меня переночуешь. Не бойся, батюшку отправили на Урал, не ведомо, выпустят ли. А мы домик успели купить, так что живу пока одна. Пойдёшь?

Ты кивнул.

– Вот и славно. Я через пять минут соберусь.

В домике чисто и тепло. Хозяйка разделась, осталась в юбке и кофте, такой ты её никогда не видел. Ушла в спальню, вышла в рабочем, вместе принесли воды в баню, дров, развели огонь. В доме она поставила самовар, достала бутылку водки, налила по маленькому стаканчику. Выпили, чокнувшись без слов.

– Сколько лет прошло, Лавруша? Ты хоть всё помнишь? Опять покраснел! Лаврик, я тебя только на шесть лет старше, зови меня Полиной. Дрова нёс в баню – ничего не вспомнил?

Ты ответил, что вспомнил, и даже на фронте вспоминал.

– До чего же ты мне нравился, Лаврик! Просто полюбила тебя, да батюшка был больно суров. Ты женатый? Отчего нет?

– Бросила, пока в госпиталях был.

– Куда же тебя ранило? Руки-ноги целы. В голову? Ты шапочку-то сними, ведь тепло. Да, легко отделался. Когда вернулся, снова принял её?

Пришлось все рассказать. Полина сняла с горячей плиты чугунок и жаровню, убрала на край, чтобы не пригорело. Достала из сундука кальсоны и рубаху, большую жёлтую простыню:

– Иди в баню, там уже всё готово. На каменку сам бросишь, сколько надо. Бельё батюшки, чуть великовато, но оно чистое, проутюженное. Иди, я потом быстро обмоюсь, и ужинать будем.

Пока Полина была в бане, ты осмотрелся: в спальне широкая кровать, в комнате конопель деревянная резная, вот тут она мне и постель кинет. Полина вернулась из бани разгоряченная, в просторном халате, быстро переделась в халатик ситцевый, голову повязала платочком – красивая, молодая, крепкая. Опять Фроська вспомнилась, поди, такая же стала.

– Выпей, Лавруша, если здоровье позволяет, и поешь, а я на тебя посмотрю. Уж больно ты мне молодость напоминаешь. Детей у нас нет, сколь ни старались, живу вот теперь – и не попадья, а мужики сторонятся. Хочу замуж выйти, Лаврик, не сыщешь мне муженька?

Чуть было не брякнул, что за Филю можно было бы пойти, да вовремя вспомнил длинный сегодняшний день. Подумал, что про горе своё рассказывать не надо.

Полина убрала со стола, вынесла из спальни постель, уложила на конопели. Ты разделся и лёг в незнакомую чистоту, весь страшный день закрутился перед глазами, сон навалился тяжёлый и мутный. Очнулся оттого, что женщина стояла на коленях перед постелью и целовала твое лицо.

– Лавруша, пойдём на ту кровать, тут тебе неловко.

Ты проспал долго, умылся, прибрал свою постель, Полина пришла на обед. Обняла тебя, поцеловала:

– Спасибо тебе, Лавруша, за любовь да за ласки, я об них столько лет мечтала. Только вижу, не мила я тебе. Кто там, в деревне, тебе люб, скажи? Жена?

Ты помялся:

– Не знаю, можа и она, но как простить? Я побегу, может, уеду с кем.

– Иди, только не забывай, наведывайся, я ждать буду. Вот как всё странно в жизни, никогда бы не подумала, а не могу забыть сопливого парнишку и твои ласки неумелые.

Она поцеловала тебя, как ребёнка, в лоб, и проводила до ворот.

(Продолжение в следующем номере)

Проза

Алёна Даль

Алёна Станиславовна Даль родилась в Воронеже. объездила четверть мира. Примерила на себя десяток профессий. В литературу пришла осознанно в зрелом возрасте. В 1997-2002 г. – журналист, колумнист. В 2002-2008 г.г. – издатель, главный редактор региональных журналов. В настоящее время – писатель, публицист. Автор двух книг прозы: «Хождение по Млечному пути» (2014), «Живые души» (2017). Публиковалась в изданиях: «Русский переплёт», «Подъём», «Молоко», «Литературный оверлок», «Журнальный мир», «Мысли», «Время культуры», «Жить интересно!» и др. Автор сайта «Своя дорога» – www.alenadal.ru

Букинист

Рассказ

– Что тебе подарить на Рождество, дорогая? – спросил за завтраком Игорь.

– Музу! – мрачно усмехнулась Катя и, захватив чашку, ушла в свою комнату.

Муж пожал плечами, допил кофе и вышел из дому, тихо притворив за собой дверь. С таким же успехом она могла бы попросить у него перо синей птицы или хрустальный колокольчик эльфа. Но муза предпочтительнее. Катин роман увяз в диалогах, сюжет окончательно запутался, герои замерли в немых позах, ожидая своей участи. Каждый раз, возвращаясь домой, Игорь наблюдал одну и ту же картину: горестную спину жены перед чистым листом монитора. Вокруг громоздились испитые кофейные чашки. Он подходил к ней и шептал в затылок: «Ну как?», хотя всё было понятно без слов. Катя тяжело вздыхала и уходила на кухню. Творческий тупик грозил перерасти в семейную драму.

Вечером прямо с порога Игорь вручил жене плотный конверт с самолётиком: «На вот. Слетай, развейся. Заодно и музу свою поищешь!».

Спустя сутки, Катя брела по заснеженным улицам любимого города, вдыхая запах влажной балтийской зимы. Она была в Таллине десять лет назад, а казалось, только вчера! Всё вокруг было знакомым, почти родным. Улица Виру в стальных, испещрённых снегом сумерках вела в лабиринты старого города. Сторожевые башни с подслеповатыми бойницами дремали, придавленные грузом веков, как и тогда, словно ничего не изменилось, и не было долгой жизни в промежутке между первой встречей и нынешним свиданием.

Метель не утихала. А Катя всё кружила и кружила по тесным улочкам, угадывая повороты, радуясь знакомым фонарям. Шпиль Ратуши пронзал озябшее небо то слева, то справа. Ветер швырял в лицо горсти сухого, как песок, снега. Неистово вращались и скрипели флюгера. Людей на улицах почти не осталось – редкие прохожие, подняв воротники, спешили домой, к потрескивающим поленьями каминам, мерцающим ёлкам. «Пора и мне отдохнуть» – Катя улыбнулась, предвкушая тёплый ночлег и горячий бульон в доме Марты Арнольдовны на улице Пик. Затянув потуже шарф, оглянулась по сторонам: справа маячила едва различимая от вьюги башня – самый надёжный в городе ориентир – и бодро зашагала по безымянному переулку...

Но чем дальше она шла, тем дальше удалялась от цели. Снежный песок превратился в мокрые ватные комья, но даже они не могли рассеять сгустившейся тьмы. Тесные улицы переплетались и убегали в подворотни, переулки утыкались в глухие дворы. Ветер выл и раскачивал тусклые фонари. Как можно было так глупо заблудиться в исхоженном вдоль и поперёк городе?

Свернув за угол, она очутилась на знакомой улице мастерового квартала и с облегчением перевела дух. Скрученные кренделя, увитые змеями чаши, пивные бочонки и голенастые сапоги обозначали цеховую принадлежность находящихся внизу лавок. В этот час все они были закрыты. Лишь одноединственное окошко светило в конце улицы – к нему и направилась продрогшая Катя. Вскоре над

её головой повисла раскрытая кованая книга с кружевной надписью: «Прюги и сыновья». Тяжёлая дубовая дверь, заваленная снегом, поддалась не сразу.

Звякнул колокольчик. Навстречу вышел старик с пушистой белой бородой и цепким взглядом спрятаных за стекляшками очков глаз. Казалось, его ничуть не удивило появление ночной гостьи. Шея букиниста была обмотана толстым красным шарфом ручной вязки, которые обычно и вяжутся в такие, как сегодня, ненастные зимние вечера. В руках он держал заложенную пальцем книгу.

– Прошу Вас, – старик нарисовал галантный полукруг свободной рукой.

– Извините, что так поздно, – прошелестела замёрзшими губами женщина. – Вы, наверное, уже давно закрылись. Я только погреюсь немного, если позволите, и уйду.

– Ну, что вы! Не стоит извиняться. Если дверь не заперта, значит, лавка работает, – пропел хозяин, растягивая гласные. – Будем знакомы: пан Прюги. Вильгельм Прюги.

– Катя, – ответила гостья, пожимая сухую, как пергамент, ладонь старика.

– Проходите, не стесняйтесь, – букинист кивнул на растрёпанное плетёное кресло, – а я пока кофейник поставлю.

И скрылся в глубине лавки.

Катя уселась в тёплое гнездо, увитое клетчатым пледом, и осмотрелась. В полутёмной комнате, освещённой лишь масляной лампой, всё было заставлено книгами. Пахло пылью, лежалой бумагой и сладковатым запахом переплётной кожи. Книг было несметное количество. Полки уходили вглубь, в бесконечную перспективу, а сверху упирались в низкие своды горбатого белёного потолка. На рабочей конторке в углу громоздились распухшие папки, бурые конверты с сургучными печатями, стопки вымаранных листов. Позеленевшая от времени бронзовая чернильница с торчащей из горлышка перьевой ручкой дополняла музейную композицию. Женщина пошарила глазами по стенам в поисках выключателя, но не нашла ни его, ни розеток, ни проводов. Только масляная лампа с дрожащим фитилем. Её неровный свет отражался в колбах песочных часов, в потемневшей линзе, застывшей среди бумаг.

Вскоре букинист вернулся с дымящимся медным кофейником в руках. Аккуратно расставил на полотняной салфетке чашки, ложки, серебряную сахарницу, вазочку с горкой печенья и придвинул к столику второе кресло.

– Будем греться, – радостно объявил старик, потирая руки, и налил до краёв две глиняные чашки, одну из которых протянул гостье.

Кофе был обжигающе прекрасным, а мелкие – с монетку – имбирные печенья таяли во рту. Катя окончательно согрелась и успокоилась. Стало вдруг так хорошо, так уютно и легко, будто именно сюда, на эту завьюженную улицу, в эту затерянную во времени книжную лавку она и приехала издалека. А старый букинист давно поджидал её тут, чтобы напоить спасительным кофе.

– Пан Прюги, Вы всегда работаете так допоздна или мне сегодня повезло?

– Видите ли, моя старость – вот причина Вашего везения, – грустно улыбнулся букинист, раскрошив пальцем имбирную крошку. – Я очень мало сплю. Да и времени жаль, его и так осталось не так уж много, – старик покачал головой. – А когда я не сплю, то вожусь с книгами – читаю, реставрирую их, езжу за ними по всему свету... Мне с ними всегда интересно, – он отхлебнул глоток кофе и посмотрел на Катю. – А вот Вы? Скажите, что Вы искали так поздно, в метель на улицах незнакомого города? Вы ведь приезжая, верно?

– Да, я здесь в гостях, – призналась она. – Но Таллин мне знаком, я уже была здесь раньше, правда, очень давно. А теперь, наверное, просто захотелось вернуться в прошлое.

– В прошлое..., – отозвался эхом пан Прюги. – А мое прошлое всё вот здесь, – он обвёл рукой заставленное книгами пространство. – Эту лавку основал мой прадед Томас Прюги. Он был учёным и путешественником, знал латынь, арабский, древнегреческий. Некоторые собранные им книги до сих пор хранятся на этих полках. Дело продолжил его сын, затем внук. Так и повелось. Каждый приемник берёт и пополняет фамильную коллекцию. Лавка передавалась из поколения в поколение, пока очередь не дошла до меня.

Букинист замолчал, устремив невидящий взгляд в пустую чашку, будто пытаясь на дне её отыскать продолжение ускользнувшей мысли.

– Скажите, пан Прюги, а у Вас есть дети? – осторожно спросила Катя.

Старик стряхнул оцепенение и слабо улыбнулся.

– У меня двое замечательных сыновей. Старший, Арнольд – астроном, учёный мировой величины, работает сейчас в Штутгарте. Младший, Вальдемар – моряк, навигатор, прокладывает пути для торговых судов... – улыбка букиниста дрогнула и медленно погасла. – Жаль только, что лавку передать некому. Покойная жена всегда хотела третьего сына, но Бог не дал...

– Не печальтесь, быть может, кто-то из ваших сыновей ещё займётся фамильным делом, – попыталась приободрить старика гостя.

– Мне бы очень хотелось этого, но, увы... – печально проговорил букинист. – Сыновья не разделяют моей страсти к книгам, считают это старческой причудой. Они называют их бумажным хламом. Говорят, что скоро мир переменится, и не останется ничего, что можно будет листать. Книги будут читать на хитрых устройствах, наподобие зеркал.

– Вы имеете в виду планшеты, смартфоны? – подсказала Катя.

Старик поморщился и махнул рукой.

– Лавка не приносит прибыли, я едва свожу концы с концами, – продолжал пан Прюги. – Сыновья не раз предлагали мне продать её или, на худой конец, сдать. Они, в сущности, славные ребята, не забывают про старика, пишут, присылают деньги... И уговаривают меня образумиться. Но как я могу бросить всё, что создано моими предками? Как могу так поступить с книгами? Они ведь живые! – букинист сокрушённо покачал головой.

Кате стало жаль старомодного старика, словно сошедшего со страниц одного из пылящихся на полках фолиантов. То, что он делал, чем жил, для многих действительно покажется пустой суетой, глупой попыткой остановить время. Но, Боже, как она его понимала!

За окном выла метель. Тёмное решетчатое окно сплошь залепило мокрыми хлопьями. Сна не было, как и былой усталости, и Катя решила про себя сидеть здесь до тех пор, пока не надоест хозяйину лавки.

Пан Прюги подлил в лампу масло и забрал со стола опустевший кофейник.

– Пойду, сварю ещё кофе. А Вы можете пока осмотреться, полистать книги – здесь много любопытного, – его шаркающие шаги затихли среди книжных башен.

Катя встала с кресла. Комната больше не казалась ей мрачной. Блики от лампы, оживлённой свежей порцией масла, весело заплясали на книжных корешках. Она двинулась вдоль полок, касаясь пальцами тусклых надписей на обложках. Тонкая пыль оседала на руках разноцветной пудрой. Стеллажи были бесконечными – эта лавка не так уж мала, как казалось снаружи! По углам мерцали такие же масляные лампы, что и у стола. Свернув за угол, Катя увидела узкую деревянную лестницу, ведущую наверх. Она была так тесна, что больше походила на приставленную к полке стремянку. Женщина храбро вскарабкалась по ступеням и обнаружила новые ряды стеллажей, потолки стали выше, а проходы уже. О, да тут есть второй этаж! Глаза разбегались. На полках теснились древние фолианты, увесистые тома и обтянутые кожей манускрипты с арабской вязью, собрания сочинений великих классиков и перевязанные бечёвкой бумажные кипы безымянных рукописей. Здесь были книги ветхие и относительно крепкие, необъятные и карманные, украшенные драгоценными камнями и переплетённые в простой картон, с разноязыкими надписями на корешках и вовсе без них... Настоящее книжное королевство!

Между тем лестница уперлась в стену. Катя провела рукой по шершавой поверхности, но ничего кроме пыли и истлевшей паутины не нащупала. В мягком полумраке проступила новая лестница, потом другая, третья... Где они пересекались, как сообщались между собой? – непонятно. От увиденного закружилась голова, и Катя испугалась, что может заблудиться здесь точно так же, как в уличных лабиринтах старого города. Осторожно спустилась по скрипучим ступеням обратно к столу.

Там её уже поджидал пан Прюги. Кофейник весело пыхтел паром, дразнил ароматом кофе и корицы. Старик был оживлён, от прежней грусти не осталось и следа.

– Знаете ли Вы, Катя, – начал он, разливая кофе по чашкам, – у каждой книги есть душа. Её бумажная оболочка так же, как и человеческое тело переживает рождение, взросление, старение и смерть. Рано или поздно книга рассыпается в пыль, пожирается гнилью, а иногда заканчивает жизнь преждевременно в огне, воде или под лезвием ножа. Книжная душа может переселиться под другую обложку, а может навеки затеряться в безграничных просторах книжной Вселенной.

– Но ведь есть ещё электронные книги – они-то бессмертны, разве нет? – возразила гостья. Букинист брякнул кофейником о стол и метнул в неё полный негодования взгляд.

– Вы, верно, говорите о тех дьявольских устройствах, о которых толкуют мои сыновья? – воскликнул старик. – Так вот, знайте; они не бессмертны, они не рождены вовсе. Их нет! В мире, куда людские души приходят, облачённые в плоть, и книги должны жить так же, подчиняясь общим законам мироздания. Всё остальное от лукавого.

От неожиданности Катя вздрогнула. Взгляд лавочника смягчился.

– Нравится ли Вам кофе? – спросил он.

– Да, очень! – пролепетала гостья.

– А какой он?

– Кто?

– Кофе!

– Кофе?

– Да, кофе! Опишите, какой он? – пан Прюги склонил голову набок.

– Ну., во-первых, он горячий, – улыбнулась Катя, оттягивая ворот свитера. – Во-вторых, невероятно вкусный, густой, с пенкой – как я люблю!

– Дальше! – потребовал букинист.

– Пахнет корицей и..., – женщина глубоко вдохнула из чашки, – кардамоном?

Старик утвердительно кивнул.

– Что ещё? Он чёрный, без сливок. В кружке выглядит точно как расплавленный сургуч!

Сравнение пришлось по душе лавочнику, он даже крякнул от удовольствия.

– Ещё мне нравится, как хрустит и тает во рту печенье, размягчённое маленьким глотком напитка. Как булькает кофейник, подливающий в чашку новую порцию, как тренькает ложка о блюде, как колышется тёмное пятно на дне. Даже капли на скатерти мне тоже нравятся, хотя Вам, наверное, не очень.

Пан Прюги небрежно махнул рукой.

– Да, и главное: кофе такой крепкий, что мне до сих пор не хочется спать, – завершила рассказ Катя, поставив пустую чашку на стол. – Поэтому если Вы устали, не стесняйтесь выпроводить меня вон!

– Вот видите, как много всего можно рассказать о кофе! – заметил букинист. – При условии, конечно, что это живой кофе, – он сделал ударение на слове «живой». – У моего друга, аптекаря Тыниса, есть заморская таблетка. Если её принять – не уснешь три ночи кряду. Чем не кофе?! И посуду мыть не надо! И не сбегит, если проморгаешь! Променяете Вы его, – старик потряс медным кофейником, – на чудо-таблетку?

– Нет, ни за что! – горячо возразила Катя.

– То-то же! Так и с книгой. Живая книга и звучит, и пахнет, и дышит... Её можно потрогать, понюхать, услышать. Рассмотреть под лупой каждую букву и морщинку на корешке. Её смакуешь, как превосходный кофе, и никому в голову не придет заменить её суррогатом, – лавочник ласково погладил ладонью потрепанный том на коленях.

Книги на полках дружно зашелестели, заскрипели корешками, зашуршали страницами, соглашаясь со словами букиниста. В носу у Кати защипало то ли от вековой пыли, то ли от распирающей нежности к упрямому старику, то ли от жалости к себе, заплутавшей в лабиринтах старого города и собственной судьбы... Ей вдруг захотелось довериться букинисту, как в детстве доверяешь сокровенные тайны бородатому волшебнику из сладкого утреннего сна. Немедленно рассказать ему обо всём: и об ускользнувшей музе, и о застрявшем на полпути романе, и о муже, выставившем её за дверь...

– Хотите знать правду? – глаза гостьи горели решимостью.

– Да я её знаю, – буднично ответил старик. – Вы – писательница, приехали в Таллин за вдохновением. Что ж, путешествие, а тем более возвращение в любимый город – лучший способ одолеть творческий тупик, всё верно. Ваш муж догадался об этом раньше и отправил Вас в путь. И вот Вы здесь.

– Откуда Вам это известно?! – оторопела Катя.

– Из книг, – невозмутимо ответил букинист. – В них всё записано. Каждая мысль, каждое чувство,

каждое движение души... Надо только найти нужную книгу, – он пристально посмотрел на гостью поверх очков.

– И что же мне теперь делать?

– Возвращаться домой! – усмехнулся в бороду старик. – Читайте, Вы нашли то, что искали.

Пан Прюги вытащил из конторки лист вощёной бумаги и стал заворачивать в него чашку, прямо с застывшей на дне кофейной гущей. Потом вытащил из бронзовой чернильницы старомодное перо, отёр его о клочок бумаги и сунул туда же в сверток.

– Чернила купите сами, подойдут любые.

– Зачем?

– Зачем? Чтобы писать первый абзац, – терпеливо разъяснил старый букинист. – Напишите несколько предложений, а дальше можете продолжать как Вам удобней и привычней.

Услышав в глубине лавки глухой бой настенных часов, старик засуетился и поспешно скрепил пакет шоколадным сургучом. Поставил фамильный оттиск с развёрнутой книгой и сунул подарок Кате в руки.

– Кофе теперь будете пить из этой чашки. Мыть можно. Только ничего другого сюда не наливайте... А теперь, простите, я очень устал, – и тяжело опустился в кресло.

Только сейчас Катя заметила, что тьма за окном рассеялась, небо налилось предутренним зеленоватым светом. На лице букиниста залегли глубокие тени – стало видно, как он стар, и как устал. Гостья сбивчиво попрощалась, отодвинула наметённый снаружи сугроб и вышла на улицу.

...Метель давно стихла, оглушительная тишина накрыла спящий город. Очень скоро Катя добралась до улицы Пик, легко отыскала дом, проскрипела по лестнице на чердак и вставила бородатый ключ в замочную скважину. Дом спал. Лишь пепельная кошка, громко зевнув, шмыгнула в кухонную дверь. Ну и ночь! Такая короткая и такая длинная... Положив пакет с подарком на подоконник, женщина рухнула в кровать и мгновенно уснула.

Ей снился сон, в котором она блуждала в сумрачном книжном лабиринте. Узкие лестницы, уходили то вверх, то вниз, упирались в глухие стены, обрывались и взмывали отвесно к потолку. Иногда Катя ходила, словно муха, головой вниз, но это её ничуть не смущало. Керосиновые лампы водили вокруг неё хороводы. Книги трепетали страницами и тоненько поскрипывали: «Я живая! И я! И я тоже!». Пузатый кофейник кружился и ускользал из рук, дразня соблазнительным ароматом. Аромат щекотал ноздри, становился всё ярче, пока окончательно не разбудил её. Из кухни доносился запах свежесваренного кофе.

Увидев гостью целой и невредимой, Марта Арнольдовна всплеснула руками и запричитала, мешая русские и эстонские слова.

– Ну, наконец-то! Как ты? Где ночевала? Всё ли в порядке? Вчера была такая злющая метель! Я волновалась.

– Извините меня, Марта Арнольдовна. Задержалась у знакомого. Было уже поздно, я не стала будить Вас звонком. Так и проговорили всю ночь.

– Знакового? Хм! У тебя разве есть знакомые в Таллине кроме меня?

– Теперь есть. Вчера познакомились. Ночью. Возможно, Вы его знаете, он примерно Вашего возраста. Пан Вильгельм Прюги – букинист, владелец лавки в мастеровом квартале.

Старушка застыла с джезвой в руках.

– Ты ничего не путаешь, детка? – она смотрела на гостью с тревогой. – Лавка Прюги существовала когда-то, это правда. Но закрылась с полвека тому назад.

– Не может быть, – прошептала Катя.

– Жена пана Прюги умерла, когда я была ещё студенткой. Сыновья давно разъехались кто куда. Самого же Вильгельма не стало... дай-ка вспомнить...

– Пойдите! Как же так? Я всю ночь просидела в его лавке, проговорили с ним до утра. Там ещё вывеска такая старинная: «Прюги и сыновья».

– Ну да, правильно, есть такая вывеска. Только самой лавки давно уж нет.

– Но я видела Вильгельма так же, как сейчас вижу Вас!

Старуха озадаченно покачала головой.

– Не верите? Он лично вручил мне подарок, – Катя помчалась наверх, чтобы показать хозяйке пакет с печатью.

Схватила вощёный сверток и стремительно скатилась по лестнице вниз.

– Вот! – она ткнула пальцем в фамильный отпечаток на сургуче.

– Где ты это взяла? В магазине сувениров? На барахолке?

– Да нет же, пан Прюги сам мне подарил! – женщина разломала сургуч и стала лихорадочно разворачивать скользкую обертку.

В мятой бумаге лежала немывтая чашка и старое перо.

Марта Арнольдовна осторожно, двумя пальцами взяла чашку и поставила её в раковину, потом принялась задумчиво рассматривать перьевую ручку с позеленевшим кончиком.

– Такой ручкой лет сорок назад я заполняла бланки на почте... Сейчас такими уже не пишут, – и посмотрела на Катю с глубоким сочувствием.

Она ей не верила. Под взглядом Марты Арнольдовны женщина и сама усомнилась в реальности сегодняшней ночи. Но чашка и перо, раскрошенный сургуч на вощёной бумаге утверждали эту реальность, пусть такую немислимую. Схватив куртку, Катя выбежала на улицу Пик.

Старый Таллин готовился к Рождеству. Запуженные людьми улицы сверкали огнями и пахли мандаринами. На Ратушной площади гудел рождественский базар. Кроме оленей, золочёных шишек, ангелов и увитых лентами венков на развалах попадались любопытные вещицы. Был там и пузатый медный кофейник с крышечкой на носу, и масляная лампа, и песочные часы с пылью в потемневших колбах. Старые карты, древние книги, кружевные салфетки, глиняные чашки, вязаные шарфы... Если бы Катя встретила здесь пана Прюги, то нисколько бы не удивилась – так органично вписывался старый букинист в очаровательный хлам блошиного рынка. Но старик, наверное, отдыхал после бессонной ночи. Она не станет его будить – только посмотрит на дверь лавки и удостоверится, что всё в порядке.

Вот и мастеровой квартал. Из двери булочной сладко пахнуло ванилью. Пивной бочонок, скрученный крендель, голенище сапога... Ещё два шага – и раскрытая ковровая книга повисла точно над Катинной головой. «Прюги и сыновья» – прочла она вслух. Однако вместо тяжёлой дубовой двери перед ней была ослепительная витрина. Сотни ламп ярко освещали разноцветный пластик и сверкающий металл. Двери бесшумно раздвинулись – Катя очутилась в режущей глаза тесноте. Смартфоны, планшеты и прочие гаджеты демонстрировали идеальные, неподвластные времени формы. Хирургическая чистота – нет ни пыли, ни паутины, никаких тёмных углов и таинственных лабиринтов. Ничего из того, что видела она ночью! Следовательно, и бесконечные книжные стеллажи, и плетёное кресло, и кофе с имбирным печеньем, которым угощал её пан Прюги – не более чем плод её фантазии. Приснилось? Пригрезилось? Метелью надуло?... А как же тогда чашка и старое перо? Со временем Катя вспомнит, что купила их на блошином рынке. Если не вспомнит – то поверит. Если не поверит – то забудет...

Женщина вышла на улицу, распахнула куртку и подставила лицо падающим с неба снежинкам. Старый Томас на шпиле Ратуши на мгновение замер и помахал ей рукой. «Пора домой!» – решила Катя. И словно вняв её мыслям, требовательно зазвенел телефон.

– Я соскучился, – голос Игоря был нежен.

– Я тоже.

– Ну что, встретила музу?

– Кажется, да.

– Тогда приезжай скорей.

...С тех пор Катя пьёт кофе из любимой глиняной кружки. А первый абзац пишет старым пером, макая его в фиолетовые чернила. Игорю она сказала, что с паном Прюги её познакомила Марта Арнольдовна в ту самую вьюжную ночь, когда количество выпавшего снега побило все рекорды века. Сама же изредка встречается с букинистом во сне. Старик всегда приходит в гости с пузатым медным кофейником. Вместе они гуляют по книжным лабиринтам и ночным улицам старого Таллина. Катя так же, как и её друг, верит, что у книг есть душа. И что настоящая бумажная книга, несмотря на тленную оболочку, бессмертна...

Проза

Алексей Клыков

Клыков Алексей Николаевич родился в 1970 году. В 1994 окончил российский открытый университет, философский факультет.

Автор трёх сборников: «Детство во дворе», 2006; «А облака сновали...», 2008; «Для детей и взрослых», 2011. Печатался во всероссийском журнале «Лиффт», 2016; «Эхо-2017».

Лауреат российского конкурса «Спасибо тебе, солдат!», 2005, конкурса «Мы вместе», 2011, номинант международного конкурса «Филантроп», 2014

Статуэтки

Статуэтки на полке, их занесло из чужой и другой жизни. Это статуэтки двух влюблённых, сделанные столь просто и искренне, что нет ни капли той пошловатости, которая так часто связана с подобными сюжетами.

История статуэток насчитывает немало лет, и далеко не все факты можно проверить.

Говорят, что их изготовили по заказу некоего богатого сановника в Европе, это был его подарок молодой жене. Сколько они слышали красивой музыки, сколько стихов и разговоров на разных языках, фарфоровые герои стали настоящими полиглотами и меломанами. Долго простояв в комнате прелестной владелицы, статуэтки, по воле времени, перешли к её детям, после – внукам.

Но вскоре в стране произошли бурные социальные события, смена власти, потомки богатого сановника утратили своё привилегированное положение, и один из его внуков продал статуэтки влюблённых удачливому банкиру, любителю трогательных безделушек.

Наши милые герои попали в новый дом и заняли своё место среди других подобных вещей, которые банкир покупал регулярно и потому почти не помнил большую часть своих приобретений.

Но однажды повздоривший с банкиром слуга, уходя, решил прихватить что-нибудь в качестве компенсации; его трофеем стали статуэтки влюблённых. Сбежав в другой город, слуга сдал добычу в ломбард, высший свет сменился куда более простой обстановкой.

Сюда заходили и вполне приличные люди: и те, кто изначально был обитателем дна, просто попавшие в тяжёлую ситуацию, и извечно промышлявшие воровством.

И вот однажды наведаясь в ломбард торговец из славного города Кенигсберга, и так ему понравилась пара влюблённых, что хозяин ломбарда охотно уступил ему статуэтки.

Путешествие по морю было не слишком долгим, но и не очень спокойным, выл ветер, и волны били в борта корабля. А влюблённые лишь сильнее прижимались друг к другу; доплыть до берега – так вместе, а пойти ко дну – тоже вдвоём.

Но плавание окончилось благополучно, и корабль вошёл в порт славного прусского города. Новый хозяин фарфоровой парочки содержал питейные заведения, в которых всегда был запах лучшего кофе и марципанов.

Сперва статуэтки были в доме нового хозяина, но ему хотелось похвастаться новым приобретением, и влюблённые обосновались в его самой знаменитой кофейне, которая всегда выделялась среди остальных.

Аромат кофе, запах марципанов, разговоры посетителей – вот что теперь окружало наши любящие сердца. Вокруг кипела жизнь, где ссорились и мирились, заключали союзы, объявляли «войны», верили в вечный мир и строили планы на будущее.

Потом была война. Не словесная, а настоящая, унёсшая многих спорщиков, с наступлением и бегством войск разных стран. Стареющий хозяин питейных заведений лишь грустно усмехался: на любой войне найдётся время для перекуса, а потому он со своим заведением не пропадёт.

Милые статуэтки со временем стали утрачивать былой блеск, превратности судьбы и истории влияли и на них, но с уходящей красотой их не покидала любовь и верность друг к другу, они стали символом этих чувств в эпоху скорби и потерь.

Когда кончилась первая мировая война, жизнь стала возвращаться в былое русло, в кофейню вернулись старые посетители и появились новые. Старого хозяина сменила его дочь, на глазах у влюблённых менялась жизнь.

Ярмарки, праздники, новые идеи, обиды, и всё большее желание изменить мир. Надежды на новых людей и новый порядок, новая хозяйка заведений была поклонницей этих затей. А вот фарфоровых влюблённых всё больше пугали наступающие дни, было в них что-то зловещее и пугающее.

В самом деле, жестокость и насилие вскоре стали нормой, началась новая война, которая должна была утвердить «новый порядок», а несла лишь смерть и разрушения. Хозяйка кофейни, разочаровавшись в былых кумирах, тихо проклинала их, слыша, как раскаты войны приближаются к её городу.

Бомбы и снаряды стирали древние улицы, оставляя лишь дымящиеся руины. А влюблённые, видевшие так много на своём веку, лишь сильнее прижимались друг к другу, готовые принять всё, что им приготовила судьба.

В одну из жутких ночей, поток бомб полностью разрушил улицу, на которой стояла кофейня и дом её хозяйки, прошлая жизнь была погребена под битым кирпичом и сгоревшим деревом.

Прошло несколько лет пока в этих местах стали разбирать завалы, долгие месяцы было не до того. И вот под нагромождением разбитого, сгоревшего, истлевшего, нашли статуэтки влюблённых, каким-то чудом они не пострадали, лишь немного треснула подставка, на которой они стояли. Жизнь вокруг была тяжёлая, но звучали бравурные марши, песни о любви и разговоры о том, что постепенно жизнь должна наладиться.

Статуэтки по несколько лет провели в разных конторах, то находясь в подсобках, то в кабинетах директоров, пока не стали экспонатом маленького полулюбительского музея на строительном предприятии. Показывая сотворённых когда-то влюблённых, говорили о том, что когда они стали символом победы красоты над войной и смертью. Звучало это, конечно, трафаретно и банально, но своя доля правды в этих словах была.

Музей был скромным, но уютным. Влюблённые были в нём вполне счастливы. Но жизнь любит то и дело менять свои лики, до неузнаваемости меняя всё вокруг. В стране от многого стали отказываться, высмеивая, осуждая и клеймя былые лозунги и мечты.

Строительное предприятие разорилось и «ушло с молотка», наивный музей исчез, став никому не нужен. Многие отправилось на свалку, но отдельным вещам повезло: их забрали бывшие работники предприятия. Повезло и влюблённым, их приютил у себя один старый энтузиаст.

А после, как случалось уже ни раз, они перешли к его наследникам и заняли вполне комфортное место на верхней полке шкафа.

Столько пережито, увидено, услышано, столько пришлось испытать! Но самое главное, что они как прежде вместе, и никакие превратности судьбы не смогли их разлучить!

И хотя в квартире тепло и уютно, и лучшего дома и желать-то нельзя, но порой кажется, что фарфоровые влюблённые подумывают о том, что возможно им снова придётся отправиться в путь. Когда и куда, конечно, неизвестно, жизнь любит перемены, но она никого не посвящает в свои планы раньше срока.

Обещания

Подходило лето, которое как утверждали, должно было стать одним из самых тёплых за последнее время. На чём основывались подобные предположения и были ли они верны, никто не знал, но многим хотелось верить, что будет именно так.

Приятно пахло свежей зеленью, листья деревьев, что совсем недавно были едва заметными, быстро выросли, наделив кроны ни с чем несравнимой красотой, похоже, природа не обманула ожидания, которыми каждую весну жило всё в поднебесном мире.

И, глядя на всё это весеннее буйство, которое должно было вот-вот обернуться летним пиршеством, молодой человек припомнил одну из вьюг, что разыгралась прошедшей зимой.

На улице был мороз. Хлопья падающего снега, подхватываемые порывами сильного ветра, превращались в белое холодное марево без конца и края. Попав в эту круговерть, парень и себя ощущал одним из хлопьев, которым повелевает один из детей природы – ветер.

Это немного смешно, но именно в эти минуты молодой человек дал себе несколько обещаний, почти клятв. Они касались нескольких вещей; к примеру, он хотел быть внимательней к родителям и терпимей к друзьям, собирался с большей настойчивостью добиваться поставленных целей.

Именно эти обещания пришли ему на ум теперь, когда подходило лето и так приветливо светило солнце.

И было огорчение от того, что многие обещания сдержать не удалось.

Даже захотелось извиниться за своё непостоянство, извиниться перед вьюгой и скорым летом, да и перед самим собой.

Новая встреча

Им казалось, что они уже встречались, встречались раньше, при других обстоятельствах, при другой погоде и в иной жизни.

Быть может, когда-то они гуляли ночи напролёт, любясь звёздным небом, а возможно вместе искали спасительной место во время эпидемий чумы или холеры.

Возможно, их голоса звучали во дворцах на роскошных приёмах, или разносились эхом в вековом лесу.

Наверное, они уже переживали минуты сожалений и скорбных утрат, когда всё покрывается туманом сомнений и обречённости. И они же, уже испытывали восторг возрождения, когда многое можно начать сначала, не обращая внимания на прошлые ошибки.

Он уже целовал её волосы и глаза, считая, что они красивей и дороже всех изумрудов на свете.

Она уже перевязывала его раны, после праведного боя, оспаривая притязания смерти на очередную добычу.

Скорее всего, им уже приходилось испытывать внезапные обиды друг на друга, и внезапное благоговение друг перед другом, даже не догадываясь о том, что это отголоски прошедших жизней.

Наверное, так, но это уже прошло, теперь же они встретились вновь, и им предстояло многое пережить заново.

В конце лета

Волна вновь и вновь билась о берег, напоминая истеричку, которой внезапно овладел припадок. Невдалеке визжали дети и лаяли собаки, в воздухе висело странное возбуждение.

Небо наблюдало за происходящим с холодной отстранённостью, подобные сцены разворачивались перед ним каждый день и уже не могли порадовать новизной.

Крики, лай, чуть натужный шум моря, наверное, многим подобная какофония показалась бы чрезмерной, хотя без сомнения есть ценители, которые нашли бы свою прелесть и в этом гвалте.

Волна вынесла на берег небольшой кусок янтаря, и он увяз в мокром песке, попытки вернуться обратно ни к чему не привели, и представитель янтарного братства смирился со своей участью.

Вскоре над янтарём склонился огромный пёс, который на время оставил беготню с детворой. Обнюхав находку, он побежал дальше, не сочтя её достойной внимания. Что поделать, пёс не оценил красоту морского сокровища и вернулся к прежним играм, они были для него интереснее, чем всё остальное.

Пляжный праздник жизни продолжался, всем хотелось в полной мере насладиться тёплым солнечным днём короткого балтийского лета. Тот, кто подарил всему живому подобные дни, был добродушным фантазёром, умеющим радоваться сам и любившим радовать других.

В такие минуты меньше всего хотелось смотреть на часы, ведь в этом случае в голове начинала крутиться мысль: подобное блаженство продлится недолго, пройдёт не так много времени, и это почти райское место будет напоминать холодную пустыню, покрытую наростами льда.

Наблюдающее за всем этим небо, наверное, думало: как же мало нужно людям для счастья, как легко они находят повод для радости, впрочем, и унынию они предаются с не меньшей лёгкостью. Август подходил к концу, позволяя радоваться тёплой погоде и давая повод подумать о грядущих ветрах и ливнях. И подобная перспектива не могла не вызвать определённую грусть.

Прогулка у моря была приятной, но кто-то стал подумывать о том, что пора возвращаться домой. Одних ждал далёкий путь, других не очень, но почти все отправлялись домой в довольно благодушном расположении духа. Собаки с радостным лаем помчались к дорожке, по которой покидали пляж, животные вовсю резвились, сопровождая детей, одна из девочек сжимала в руке кусочек янтаря, который она нашла в мокром песке.

Молчание

Молчание зимнего моря, которое почти сковал лёд, мелкая зыбь, пробегает по воде, словно озноб по телу больного, густой снег валит и валит, словно помогая льду держать морскую пучину в повиновении. А море всё это терпит, стиснув зубы, зная, несмотря ни на что, в конце концов, придёт освобождение.

Молчание вечернего леса. Оно особенно впечатляет, когда садится солнце и начинают сгущаться сумерки, и многие лесные обитатели стараются скрыться в своих жилищах, вокруг разливается глухая тишина. Нет ни ветра, ни дождя, есть лишь молчание, молчание густой чащи, такое простое и такое величественное. Оно подчёркивает красоту леса, его задумчивость, усталость и тревогу.

Молчание молодой луны, окружённой холодными звёздами, и не ощущающей никакого внимания со стороны соседей. Она бросает взгляд куда-то вдаль, но там лишь бесконечное безмолвие космоса. Луна чувствует себя одинокой и ненужной, не зная, что где-то далеко, на маленькой планете Земля, именно её бледный свет освещает дорогу путнику, давая надежду на спасение.

Молчание разочарованного борца, чьи усилия не принесли искомого результата, потонув в демагогии политиков и в безразличии толпы. Он молчит, не зная, кого винить больше, равнодушных окружающих, которые не захотели прислушаться к его словам, или себя, человека, который хотел так много объяснить другим, и столь мало достиг в этой затее.

Молчание мудрого сердца, которому довелось много пережить и перенести, которое научилось прощать и принимать. Сердца, которое давно изрекло все важные слова и ныне не желающее заниматься пустословием.

Молчание провидца, которому известна судьба мира. Он закрывает глаза и видит контуры грядущих взлётов и падений, слышит отзвуки будущих салютов и стоны раненых и умирающих во время кровавых сражений. Он слышит отдельные строки будущих стихов, отрывки пока не сочинённых мелодий. Но все эти откровения остаются при нём. Во-первых, мало кто захочет его слушать, суета и спешка повседневности не слишком располагают к пророчествам очередного чудака, а во-вторых, есть вещи, о которых люди должны узнавать лишь тогда, когда подойдёт положенный срок, ни раньше, ни позже. А когда придёт этот срок решает только время, время и больше никто.

Разное время

Время ожидания, время, когда так много ещё впереди, когда можно не просто смело строить планы, но и тешить себя мыслью, что все эти планы непременно осуществляются.

Время веры в скорый триумф, тот самый триумф, когда человек ощущает себя равным с богами, стоящим на вершине, с которой видна вся Земля.

Время беспокойства, минуты и часы когда многое, что казалось незыблемым, перестаёт вселять уверенность, с каждым часом, с каждой минутой окружающее кажется всё более зыбким. И никто не может дать гарантий в том, что всё не будет становиться хуже и хуже.

Время разочарований, когда становится ясно: красивые теории нельзя претворить в жизнь, некогда надёжные союзники становятся врагами, а книги, которые когда-то звали к свободе, вдруг становятся лучшим пособием для апологетов раболепия.

Время подозрений, когда пропадает доверие ко всем и ко всему, когда в каждом действии и в каждом слове ожидаешь какой-нибудь подвох, а от тех, на кого возлагал столько надежд, начинаешь ждать предательства.

Время хождения по краю пропасти, когда любой шаг может оказаться последним, и прошибает холодный пот от ощущения опасности, и начинаешь молиться всем возможным богам и святым, думая: Только бы не оступиться! Только бы не оступиться!

Время новых идей, которые нередко приходят после больших испытаний, то ли как награда, то ли как пролог к очередному этапу жизни, чьё наступление естественно и неотвратимо. Нередко эти идеи дают надежду на новую жизнь, меняют мир, дарят веру и силы.

Время поисков, как внутри себя, так и вовне. Когда начинаешь заглядывать в самые потаённые уголки своего Я, и находить там, о чём раньше не мог догадаться даже при самом бурном полёте фантазии. И в том, что вокруг, вдруг замечаешь новые грани и оттенки, смыслы и перспективы, а после появляется необходимость осмысления пройденного, и попытка понять, что же будет дальше?

На ходу

На ходу целовать любимых, крепко, но торопливо и суетно, словно давая понять, что есть что-то более важное, чем эта привязанность.

На ходу принимать решения, поддавшись неким порывам и эмоциям, не всё осмыслив, не во всё вникнув. Часто становясь заложником сиюминутного желания.

На ходу отвергать прожитое, словно всё произошедшее было не с тобой, и не ты к чему-то стремишься и чего-то хотел, и не твоё сердце замирало в предвкушение нового дня, будто перечёркивая прошлое, ты не выбрасываешь сам себя из жизни.

На ходу присягать новой вере, называя вчерашних кумиров никчёмными истуканами, недостойными внимания. И возносить новых богов, толком не поняв их природу и не вникнув в суть их откровений.

На ходу поминать ушедших, произнося общие слова и выпивая рюмку за упокой, словно желая, исполнив предписанный долг, поскорее покончить с чересчур тягостными минутами.

Сожалеть о грехах на ходу, произнося правильные покаянные речи, перебирая в голове неправедные дела, наскоро обещать себе жить иначе, не слишком представляя, что это собственно значит.

На ходу строить планы, от которых зависит судьба миллионов, как всегда забывая о конкретных людях, веря, что глобальные прожекты приведут в итоге к всеобщему счастью. Хотя в душе изначально есть понимание того, что в жизнь воплотится нечто мало похожее на первоначальный идеальный план.

На звёзды смотреть на ходу, как смотрят на светофоры или витрины магазинов, буднично, без удивлений и восторгов, без надежды что-то для себя открыть.

И мир покидать на ходу, даже не заметив, что уже началось небытие, и возврата назад не будет. Всё на ходу, на ходу, на ходу...

Ночь

Ночь бывает благородной дамой в дорогих одеждах, она идёт не спеша, поглядывая на всё оценивающе, чуть надменно, замечая любые недочёты и промахи.

Далеко не каждый может заслужить её расположение и хотя бы снисходительный кивок в свою сторону, но если кому-то удастся расположить к себе эту высокородную особу, он может рассчитывать на то, что она посвятит его во многие свои тайны и секреты.

Ночь бывает испуганной девчонкой с простодушным сердцем, оказавшись на пустой тёмной улице, она чувствует как от каждого звука, от каждого шороха, замирает её душа.

Ей хочется, чтобы рядом вдруг оказался кто-то умный, надёжный, добрый, тот, с кем можно пройти по любой тьме.

Ночь бывает гулёной и распутницей, то и дело уходящей в загул, ей нужны кабаки и притоны, она охотно употребляет вино, наркотики и готова отдать своё лоно во власть любого бродяги.

Ей не нужны разговоры о завтрашнем дне, с их красивыми витиеватыми словами, лучше предаться сиюминутному веселью, слыша и произнося самую отборную брань.

А иногда ночь превращается в преступницу, со своими сообщниками она подкарауливает прохожих в тёмных углах, и с помощью пистолета, ножа или камня лишает бедолаг имущества, а то и жизни.

Совершая свои злодеяния, наша преступница уверена в своей безнаказанности, нет такого сыщика, чтобы её поймать, нет такого прокурора, чтобы выдвинуть против неё обвинения, нет судьи, способного вынести ей приговор, и палача готового привести вердикт в исполнение.

А ещё, ночь это душа творца, пространство полное тайн и откровений, взлётов и падений, тут совсем рядом гениальные озарения и полное затухание разума, затухание похожее на последние отблески погрузившегося в море солнца.

Там создаются и рушатся миры, находят путь к бессмертию и оказываются на краю вечного ада.

Ночь – это время, которое Бог отвёл для собственных раздумий, когда миром овладевают сон и тишина, Создатель всего сущего думает о том, чем же в итоге стал этот мир, и стоит ли давать ему шанс существовать дальше.

Вершина

Стоя на вершине, я смотрел вниз. Подо мной были море и песок, дюны и леса, дороги и города, словом, огромный мир! У меня была возможность смотреть на всё это свысока, словно оценивая, либо одобряя, либо нет. Конечно, мне никто не давал такого права; просто, когда ощущаешь себя вознесённым, такие мысли сами приходят в голову. Всё, что копошилось внизу, казалось мелким и малозначительным, воплощением бесполезной суеты. И хотя я и сам был частью этой мирской мешанины, в эти минуты я чувствовал себя существом другого рода и порядка. Как легко человек поддаётся соблазну поверить в свою исключительность, со всеми вытекающими последствиями. Ещё немного и перешёл бы в разговоре с небом на «ты», не считая это перебором. А там, недалеко и до размышлений о том, что в этом мире стоит оставить неизменным, а что неплохо бы изменить. Но в это самое время полил дождь, сильный, холодный, от которого не смог бы спасти никакой зонт! Капли были крупными и тяжёлыми, ощущать их удары было весьма неприятно. Похоже, небу не понравилось моё высокомерие, и оно решило меня примерно наказать! Спасаясь от дождя, я почти скатился с вершины, и от моего мнимого величия не осталось и следа. Став мокрым и продрогшим существом, я уже не хотел ни над кем возвышаться. Хотелось лишь одного: поскорее добраться до укрытия, согреться и выпить горячего чая. А ещё быть осторожнее в своих желаниях, как оказалось, далеко не всё на этом свете мне по плечу.

Долина вечности

Сиюминутный триумф, власть над людьми, всевозможные почести и восхваления. Возможность утолить жажду сладострастия и жажду духовных озарений.

Всё превращается в ничто, оказываясь в бесконечных долинах вечности. В долинах, которым нет начала и не может быть конца, в месте где бродят миллиарды теней и раздаются миллиарды звуков.

И спят, спят самым крепким сном разрушенные города и поверженные страны, высохшие моря и погибшие чащи, всемогущие правители и униженные рабы, сбежавшие с поля брани трусы и великие воины.

И на всё это смотрят века, смотрят холодно и безразлично, как на что-то слишком знакомое, почти надоевшее, не возбуждающее никакого интереса.

Нудно и протяжно поскрипывают ворота, те самые ворота, через которые проходили мудрецы и кликуши, бродячие артисты и крупные сановники, морские разбойники и слагатели саг про океанские путешествия.

И, кажется, что сюда, как и прежде, привозят золото и меха, пряности и вино, экзотических животных и доселе невиданных птиц.

Призрачны и причудливы стены некогда стоявших домов с их лепниной и узорами, окнами и балконами. Ныне с ними происходят удивительные превращения; то они кажутся крепостными стенами, что достают до самого неба, то мутными зеркалами, в которых появляются самые неожиданные лики.

И время от времени тьма озаряется отблесками давно ушедшего солнца, солнца которое несло надежду и жизнь, вселяло в души и сердца силу и веру.

Ночная трава покрыта холодной влагой, ощутив которую можно почувствовать неожиданный страх, страх перед чем-то неведомым, странным, и в чём-то даже страшным.

Старые аллеи напоминают своды старинных замков, здесь тоже живут свои духи и призраки, здесь то и дело оживает прошлое.

Вечная зелень высоких деревьев навеивает мысли о том, что секрет вечной молодости всё-таки есть и он кем-то раскрыт, и есть счастливики, которые могут пользоваться этим секретом.

И эта возможность есть не только у цариц и царей и прочих представителей знати, но и у всех других обитателей долины вечности.

В залах огромных замков, где раньше шумели пиры и балы, и теперь продолжается веселье, проносятся тосты и кружатся пары, бесконечно звучит музыка.

Повсюду, не зная устали, горят огромные каминные, кажется, что их огонь вот-вот вырвется наружу и взметнётся до самого потолка. Каминные пламя красиво и полно огромной силы, и при всём при этом, от него не исходит ни капли тепла.

Со стен на всё это взирают бесконечные картины, лики, изображённые на них, утратили и былые краски, и всякий интерес к происходящему, словно говоря: и от вечности можно устать!

На тёмных от копоти стенах замков постоянно появляются таинственные тени, словно некто наблюдает за происходящим в зале, думает, стоит присоединиться к этому странному веселью.

Герои былых войн теперь не сражаются, они лишь вспоминают прошлые битвы, воздавая должное храбрецам и тем, с кем плечо к плечу шли в атаку, и тех, с кем приходилось сразиться.

Уже неважно кто был прав, а кто нет. Неважно кто получал награды за совершённые подвиги, и кому были возведены помпезные монументы.

Рёв войн стих, их пламя потухло, лишь время от времени из прошлого доносится эхо давно отзвучавших салютов.

Боевые горны больше не призывают готовиться к бою, всё уже свершилось, всё уже позади.

А на шикарных виноградниках вновь появляются спелые и сладкие плоды, радуя детей, а взрослые гурманы живут предвкушением того момента, когда их губы начнут ощущать прикосновение самых изысканных вин.

Всё выглядит так, словно после долгих лет процветания, эти места не поглощались пустыней, чей песок слой за слоем занёс цветущий и плодородный край.

Словно не торжествовала в этих местах свою победу пустота и тишина, словно не накладывало на эти места свою пядь забвение.

Всё опять вернулось, всё опять ожило, и снова звучат песни и гимны в честь славного урожая.

И вновь шумят давно высохшие моря, и вновь накатывают их волны на бесконечные берега, разбрасывая повсюду солёные капли.

Вал воды, который нёсся, как казалось от самого горизонта, и мог снести всё на своём пути, достигнув суши, вдруг умерил свой пыл, словно сказал сам себе: хватит разрушений, хватит горя.

Лишь дюны, услышав шум волн, пробуждаются на какое-то время и начинают опять и опять рассказывать сами себе волшебные легенды, одну удивительней другой.

И все былые бури, и все былые потрясения остаются позади, уступая место невиданному до того покою.

А вот красавицы, пленявшие сердца юношей и благородных мужей, как и прежде, привлекают к себе восхищённые взоры.

В прошлом осталась одна пора, прекрасная, яркая, но мимолётная, и наступала другая пора, более спокойная, предсказуемая, но бесконечная.

Иногда кто-то из красавиц может и взгрустнуть о том, что ушло, но это грусть об уже прошедшем дожде, об уже оставшемся позади лепете ребёнка. Такая грусть не тяготит, она возвышает.

Над головой проносятся тучи, рядом пролетают листья, но нет душевной обречённости, есть душевная радость и душевный покой.

Ангел-хранитель

Ах, только бы расслышать голос ангела-хранителя, того самого, что послан тебе высшими небесными силами.

Расслышать его, находясь в огромной толпе, когда возгласы сотен людей заглушают всё на свете, расслышать среди брани, угроз, просьб о помощи и молитв.

Расслышать, когда отовсюду звучат речи политиков, вождей и прорицателей, с их желанием убедить всех в том, что лишь они знают, куда и как нужно идти и что необходимо думать.

Расслышать голос ангела-хранителя, когда и сам участвуешь в спорах и скандалах, упрекаешь и обвиняешь, никого не желая слышать, никого, кроме себя.

Но сложнее всего расслышать его голос тогда, когда тебе этого не хочется, когда ангельские предупреждения кажутся излишними и назойливыми, мешающими воплощению твоих желаний.

Лишь оказавшись на краю пропасти, когда совсем рядом гибель и вечный мрак, ты вновь вспомнишь про голос ангела-хранителя, попытаешься расслышать его слова и надеяться на помощь.

После всё складывается по-разному, со взлётами и падениями, успехами и ошибками, но в одном ты больше не сомневаешься: ангел-хранитель всегда находится рядом с тобой!

Поэзия

Алексей Гушан

Гушан Алексей Николаевич родился в 1984 году в г. Лодейное Поле Ленинградской области. Живёт в п. Малаховка Московской области. Поэт, публицист, член Союза писателей России, общественный деятель. Лауреат многих российских и международных литературных премий, конкурсов и фестивалей. Награждён почётным дипломом «За поддержку и вклад в развитие авторского творчества» и почётным дипломом имени Павла Флоренского «За вклад и укрепление Православия в России». Награждён медалью имени И. А. Бунина и медалью «Ярослав Смеляков» за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы.

Публиковался в региональных, федеральных и международных печатных изданиях (Берега, Юность, Наш современник, Литературная газета, Север, Среда, Поэзия, Литературный Омск, Белая Вежа и других). Автор книг «Земля Тишины» (2015 г.) и «Любуясь жизнью» (2016 г.).

ОТТЕПЕЛЬ

Чудно, ей-богу! Пару дней назад
Мороз сжимал деревню аж до хруста,
Над крышами дымы клубились густо,
И старики смолили самосад.
Теперича растеплилось. И мы
Вкушаем дни, как нежную малину.
Спешат аборигены к магазину
Поговорить о вычурах зимы.
А я смотрю, как за моим окном
Невидимый Поэт выводит буквы,
И нашу жизнь из переспелой клюквы
Пресуществляет в сладкое вино.

ГЛУХОЗИМЬЕ

Чахнул день в декабре – в январе, погляди-ка,
воскрес!
Сквозь простудную сырость тяжёлых
небесных завес
Пробивается просинь. Лампады в Раю
зажигают,
Потому-то на сторону света пошёл перевес.
Перевес на весну! Но легко не отпустят своё
Ни морозы, ни вьюги. Кликушествует вороньё
Над цыганом, что продал, как исстари водится,
шубу,
Понадеявшись вновь на своё воровское чутьё.
Проорутся вороны, и быть непременно добру!
По большому секрету мне ветер шепнул поутру,
Что деревня стоит под едва
согревающим солнцем,
Подставляя заулки, как будто ладони, теплу.

ФЕВРАЛЮ

У февраля два друга –
метель да вьюга.

Русская народная поговорка

Я узнал, что у тебя два друга –
Целых два! – метелица и вьюга.
Мне не отыскать и одного.
Нет, не тяготит меня бездружье,
Но порою как-то неуклюже
Дышится без друга моего.
Может быть, задружимся с тобою?!
Все свои секреты я открою,
А твои секреты сберегу.
Умолчу, зачем морозы строги
И зачем у выставшей дороги
Так синеют тени на снегу.

НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ

...птица гнезда не завивает,
девица косы не заплетает.

Русская народная поговорка

Зайдётся от волнения восток.
Замрёт в благоговении цветок.
И ты замри, и не слетай с куста.
Кукушечка, молю, не вей гнезда.
Ослушаешься – станешь причитать,
Года свои бездомные считать,
Но не избежешь Божьего суда!
Кукушечка, молю, не вей гнезда.
Былинки ветхой даже не тревожь.
Погожий день упустишь? Ну и что ж?
Их много будет на твоём веку.
Кукушечка...
Кукушечка...
Ку-ку...

ГРОЗА

Ощерилась полночная гроза.
Чернеют в небе гроззовые скулы.
Вот молнией по сердцу полоснуло,
Громами память настужь распахнуло –
И хлынули былого голоса.
Шумят они, но лишь едва-едва –
Не разберёшь уже и половины –
Мне слышатся случайные слова,
Которые для прошлого едины.
К чему они? Да вроде ни к чему.
Но вспомнится, и сам я не пойму,
Откуда это: май, и бабка Нина,
Да у забора скромная рябина.
Слова шептались, дерево дрожало,
Оберегая дом наш от пожара.
Как позабыться это всё могло?
Не позабылось – просто утекло
За дом соседский, за проулок, за...
Отмаялась полночная гроза.

В ПОИСКАХ СОЛНЦА

Пойду в поля – покликаю,
В чащобы – поаукаю.
Где бродишь, ясноликое?
Окончится разлука ли?
Весна – девица с норовом –
Тобою не целована.
Дни за окошком хворые,
Ненастьем околдованы.
Июнь в саду, под вишнями,
Озябнет и расхнычется...
Согрейте сердце ближнего,
И солнышко отыщется.

* * *

То было в июле... То было в июле
Такого числа,
Когда все земные заботы уснули
И липа цвела.
И белая ночь над июлем парила –
Не сыщешь белей!
Под липой Пречистая Дева Мария,
Три ангела с Ней.
Пресветлая велию Тайну носила
Во чреве Своём.
– Тебе бы родиться, Младенец мой милый,
В цветенье таком!
Три ангела крыльями тихо взмахнули
И скрылись в заре...

Младенец-творенье родился в июле.
Творец – в январе.

АВГУСТОВСКОЕ

Рассвет теперь иной... Совсем иной.
Закатные часы совсем иные.
В луга выходят кони вороные,
Чтоб ночи пропитались чернотой.
А дни теперь напоминают мёд –
Густой, янтарный, с лёгкою горчинкой.
Последний месяц лета, как слезинка,
На солнышке блеснёт и пропадёт.
Конечно, знаю я, что неспроста
И дни, и ночи так преобразились.
Птенцы уже окрепли, оперились
И просятся из тесного гнезда

ПОСЛЕЛЕТНЕЕ

Месяц клюквы и зрелой смолы
Вновь стучит по заборам сутулым.
Выгнал сиверко лето с горы –
Тем же ветром и дачников сдуло.
Кто не сдулся, сидят по домам,
Топят печи, глядят на дорогу.
Гроздь рябины легла между рам,
Чтоб осеннюю скрасить немогу.
Та рябина красна, но горька.
Вот и жизнь – не конфеты-букеты...
Гладит осень хромого щенка,
Бессердечно забытого кем-то.

* * *

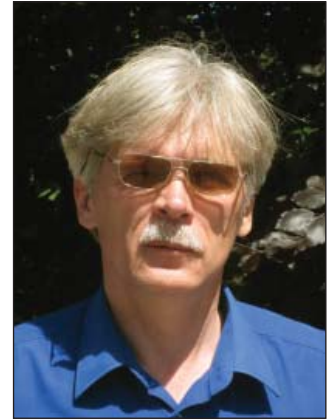
По земле туман рассветный стелется,
Дым печной струится в небеса,
Осень, как таёжная медведица,
Глубже пробирается в леса.
Впереди дорога угасания.
Как бы ни петлял надежды след,
Северное хриплое дыхание,
Сонного предзимья силуэт.
Близятся – уже не за чащобами!
Не с того ли в избах огоньки
Кажутся роднее мне особенно
В эти беспросветные деньки?
Годы, словно листья, осыпаются...
Снова вижу за окном моим –
Утренний туман к земле ласкается
И уходит в поднебесье дым.

Поэзия

Игорь Ерофеев

Поздравляем Игоря Ерофеева с 60-летием и желаем светлого вдохновения, творческих успехов, прочтения, крепкого здоровья, счастья и добра

Член Союза журналистов России (2002). Член Союза писателей России (2011). Редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы». Публиковался в журнале «Север» (Петрозаводск), «Мозаика юга» (Ростов-на-Дону), «Симбирскъ» (Ульяновск), «Эхо» (Калининград), «Балтика» (Калининград), «Берега» (Калининград), «Параллели» (Самара), «ЛиФФт» (Москва-Калининград) и др. Автор поэтических сборников: «Устоять» (Калининград, 2009) и «Неба тонкие узоры» (Калининград, 2010), а также 18 краеведческих и музыкальных книг и книжечек, в том числе Летописи Черняховского района 1945-2010. Дипломант Международного конкурса малой прозы «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2010), шорт-лист 9-го Международного Волошинского конкурса 2011 г. в номинации «Поэзия». Член редакции журнала «Берега» (Калининград). Соорганизатор Международного литературного конкурса-фестиваля «Русский Гофман» (2016). Ведущий клуба элитарного кино «Братья Люмьер»

* * *

Мы ближе сна не видим ничего,
мы ниже смерти падать не умеем
и тенью слов несказанных болеем,
и души мрут – казалось бы, с чего?
Нам краше неба Богом не дано,
любви нет тяжелей труда на свете,
и счастья большего, когда родятся дети,
под нашу жизнь не изобретено.

* * *

Снежный, нежный,
тихий вечер,
посажёная луна.
Сосен свеч немое вече,
пуховая целина.
Невесёлая повозка,
скрип полозьев,
конный храп.
Снег искристый серебрится
на иглах еловых лап.
А дорога-недотрога -
от деревни до села...
И зовут на землю Бога
из церкви в колокола.

ОНА УШЛА

Она ушла...
Сказала, что устала,
что удивляться жизни перестала,
и что любовь истлела между нами,
и что она теперь уходит к маме,
и хорошо, что мне не родила,
иначе поувязла бы в делах, –
и что я дал бы нашему ребёнку,
когда сровнял всех под одну гребёнку?..
Бледнела и, срываясь, повторяла,
что самой-самой для меня не стала,
что женщиной не чувствует со мною,
венчаться зря ходила к аналою
и что я загубил её года –
лжецом и эгоистом был всегда, –
что никогда её не понимал,
что ревностью тягучей донимал,
и ничего вокруг не замечал,
и на неё беспочвенно кричал,
и кем-то был ещё, и с кем-то был опять,
и что из-за меня слегла с болезнью мать,
и что не знает, что во мне нашла,
что стороною жизнь её прошла...
– Прощай...

Будь счастливым...

Я ушла...

Ушла...
И погасила свет на кухне, где года
из безнадежно сломанного крана,
как из надтреснутого доньшка стакана,
сочилась бесконечная вода...

Ушла...
И ключ оставила на полке,
где до сих пор лежат её заколки
и воткнутые в бархатку иголки,
вечерний крем, засохший навсегда...

Она ушла...
И оборвались двери,
и все надежды разом устарели,
и небо надо мною опустело,
и на душе моей повисло тело,
и как-то всё поникло, почернело,
и силуэт мой очертили мелом,
и в окнах тусклых задохнулся свет,
и стал мне саваном диванный плед...

Она ушла...
И всё меня забыло,
яичница в сковороде остыла...
А за окном всё тот же двор унылый,
унылый долгий серый дождь постылый,
унылые качели и собаки,
унылые песочницы и баки,
унылый свет расплющенной луны,
унылые отвесности стены...

Она ушла...
И всё ушло за нею,
ушли под землю горы Пиренеи,
ушли морские рыбы на глубины,
исчезла целостность без середины,
погасли свечи, маяки, софиты,
остановились войны: все убиты...

Она ушла...
И замолчали птицы,
застыли ветры и погасли лица...
Исчезло всё – машины и столицы,
исчезли ландыши, фиалки, медуницы,
слова пропали, буквы со страницы,
солёные моря окаменели,
солдаты без атаки онемели,
пропал мой пульс, и потерялось имя,
исчезло всё живущее поныне,
исчезли языки, бумага, береста,
исчез Создатель с тёмного креста...
Зато проснулись боль, соперница огня,
и кто-то исполняющий меня,

проснулся дьявол, что следил за мною,
проснулась смерть слепая за спиною,
с блестящею косою полосою...

Она ушла,
надев в купе прихожей
со стёршейся набойкой сапоги.
Она ушла,
оставив приговором
в луче дороги быстрые шаги...

* * *

За окном пустыня
ледяная стынет,
с площади паркетной
убирают снег,
греется в подъезде
кот на батарее,
теплокровный в доме
зябнет человек,
катятся куда-то
редкие машины,
шапки нахлобучены
снега на домах,
леденелой кирпичи
плавится вершина,
не берёт морозец
рыночных девах,
надоел изрядно,
скучный телевизор,
лень за сахаром идти,
чтобы выпить чай,
я, наверное, ещё
полежу немного
или же с тоски опять
вызову врача.
Подо льдом простыла
городская речка,
замерли деревья,
съежились кусты,
за окном постыло,
но не так всё пусто,
раз ты мне готовишь
что-то у плиты...

* * *

Купола заострились в небо,
расстелилась по улицам пыль,
И сомкнулись дома следом
под неоновую кадрилиь.

Почернело от скуки солнце,
порыжела от сна трава, –
Лишь любовь оживает ночью
под распахнутые слова.

За окном моим – силуэты...
дай-ка я это всё запишу.
Ещё много не спит поэтов,
да и я свет гасить не спешу...

КВАДРАТ

Как-то раз на мой день рождения
друг из цеха для многостаночников
подарил репродукцию в рамочке –
то «Квадрат» господина Малевича.
Очень, я вам скажу, любопытное
оказалось сие приношение
для меня – человека стороннего
мировому искусству могучему.
Провисела картинка на гвоздике
двое суток без всякого действия,
до тех пор пока кот наш зашуганный
не завыл у подножья творения.
Стал и я наблюдать ненормальное
в помещенье с квадратным искусством:
то пивная бутылка расколется,
то все пуговицы разом отвалятся...
А с неделю назад у Малевича
в его правильном произведении
усмотрел я усы королевича,
явно мне до того неизвестного.
Очень даже усищи шикарные!
Больше, чем у Богдана Хмельницкого
или даже комдива Будённого,
революцией с саблей рождённого...
Вот же, право, художник талантливый,
раз в каком-то квадрате упрятывал
лицевое мужское достоинство,
да с рыжинкою и кучерявостью!..
– Посмотри на усы, Галь, огромные! –
тыча пальцем неловким в творение,
обратился к жене с восхищением,
отдыхающей от настроения.
А она, вроде женщина умная,
вдруг послала меня раздражительно
в направлении общеизвестное
с непривычной словесной кудрявостью...
Через день мне из чрева картинного
немужской чей-то голос слышался,
с очень южным акцентом и йолями, –
подпевал я, пока не запыхался.

А приятель мой верный и радостный,
с кем мы сели за стол под картиною,
мне сказал, что поёт из полотнища
Караклаич-певица как будто бы...
Как-то раз у «Квадрата» настенного
простоял я в глубоком раздумии,
позабыв о футболе с бельгийцами,
подходя к раздвоению личности.
Как же мог этот киевский парубок
до квадратной картины додуматься –
и теперь в этой признанной классике
каждый видит особенно личное?..
На двадцатой минуте стояния
я увидел вдруг трубы фабричные,
баррикады, и В. Маяковского,
и матросов, шагающих вовремя,
в бескозырках с винтовками стильными.
Я спросил их: «Откуда, товарищи?»
Но колонной бойцы справедливости
с песней скрылись во тьму беспросветную,
чтоб бороться с враждебными силами.
А однажды под вечер предпраздничный
в нашу спальню проследовал скромненько
сам художник Малевич с палитрою
и бутылкой «Столичной» початою.
Сел на стульчик, от шарфа избавился
и с вопросом ко мне обращается:
– Ну и что ты в картинку уставился?
Ты бы лучше жену приголубливал,
чем в «Квадрате» объекты высматривать, –
заявил он с ехидной усмешкою, –
всё равно ничего в нём не выяснишь:
я всего-то закрашивал лишнее,
трафарет для удобства вырезав, –
а теперь началось сумасшествие
и музейное столпотворение...
– Что ж ты, голубь, – воскликнул я с умыслом, –
человечество ввёл в заблуждение?!
Даже я в этой угольной классике
изыскал краснофлотцев движение.
– Краснофлотцев и бронепоезды
наблюдали при НЭПе в Монголии, –
пояснил Казимир Северинович,
запивая томатным «Столичную». –
Вот вчера мне звонили из Мексики,
по-испански кричали на проводе,
что «Квадрат» излучил герменевтику,
плюс со всеми её производными.
Я, признаюсь, не знаю значения
слова этого с грозной фонетикой,
только раз уж и это увидели,
значит, я начертил что-то мощное, –
вот такая, товарищ, история.

Кто бы думал, что я геометрией
приведу континенты к безумию,
что Веласкесы вместе с Ван Гогами
оказались в плену моей графики?..
Под вопросы о конгениальности
из бутылки допили последнее,
я сходил за второй с удовольствием, –
не мешая супруге безрадостной,
на балконе грешили с напитками.
Посоветовал мне восхитительный
обходиться без слов в стихотворчестве
и чертить просто чёрные полосы:
пусть читатель в них смысл додумает...
Лишь к обеду проснулся разобранном,
без художника и без нательного, –
сообщила жена мне разборчиво,
что она обо мне всуе думает.
Больше мне Казимир не является:
мы картинку в гараж перевесили,
где медведи товарища Шишкина
развлекают «Москвич» мой потрёпанный.
Только всё же «Квадраты» мерещатся –
жизнь похожая стала на шахматы,
чернотой полна Севериныча,
с краснофлотцами, в спальне стоящими,
и застрявшим в дверях бронепоездом...

* * *

Витрина чахнет фотоателье:
пожухлая реклама Монпелье,
улыбок штучных сохнет вереница,
остывших взглядов матовые лица.
За дверью – очередь в ущелье коридора,
слов ожидают слуги термидора:
кому-то нужен фарс, кому-то – профиль...
Серебряный бессилён Мефистофель.
Нас делают беспомощными линзы,
пускают по воде венками тризны,
нарежут жизнь на чёрные квадраты,
зависящую от граффити даты.
Замру и я в застигнутом пространстве,
став жертвою оптического транса.
Застынет солнце в кроне кипариса,
застынет бесконечность парадиза.
Застывший мир, конечно, легче резать,
и времени не всем удобна резвость.
Мгновенье жизни умирает в фото –
сейчас меня убьёт за шторой кто-то...

* * *

Мы Бога терпеливого неправильные дети,
живём, как можем, вроде все свои,
Старее времени нет ничего на этом свете,
как ничего моложе нет любви...

Берега Новороссии

Людмила Гонтарева

Филолог по образованию. Член Союза Писателей России; Союза Писателей Луганской и Донецкой Народных Республик.

Печаталась в альманахах *ТО СТАН* и «Свой вариант» (Луганск); журналах «Склянка Часу» (Канев), «Российский колокол» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Александръ» (Тамбов), «Петровский мост» (Липецк); коллективных сборниках «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», «Новая Русь» и др.

Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2017).

Лауреат премии им. «Молодой гвардии» (2011 г.). Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова (2015 г.).

Живет в городе Краснодон (ЛНР)

* * *

Мне снился сон: зима, босые ноги,
расхристанный ветрами Петербург;
там вечный снег разлегся на дороге...
Дом, лестница, перила, небо... Вдруг –
я вниз смотрю. А там – дворы-колодцы;
и стук копыт, и Невский – за углом...
Который год – январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
за золото сентябрьского разлива,
за звонкую весеннюю капель...
Я календарь листаю торопливо:
зима, зима, зима... забыт апрель -
расстрелян был в октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
весь механизм часов. И только гулкий
на колокольне звон... Спас – на крови...
Легчайшим перышком на землю – время...
Морозный воздух чист и невесом...
Слова молитвы снегопад прогрели –
возможно, будет март... Мне снился сон.

* * *

Эти умные мальчики с крепким словарным
запасом,
что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям /
всем чертям назло...
На груди – Че Гевара, в наушниках –
«Сектор газа».
Пуля-дура – понятно, случайно опять повезло.
А затем – ренессанс тоски и триумф бессонниц.

Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
не уменьшат боли. И снова вишнёвый сок
на седом снегу. И опять беспощадна память
для солдат, что в небесном /
земном строю своём до конца.
На ладони – жизнь. Остаётся взлетать
иль падать,
погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца...

* * *

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комод.
Добровольцем ухажу – смотрите –
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,
извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка – струны режет.
Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.
После взрыва – гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,

и закат багровым соком вышит.
Пусть зима забьёт крест накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комодке.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.
Тих Господь... Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жёг уста,
шли иуды победным маршем.
Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немой болью...

* * *

Остаётся всего лишь молиться и ждать,
что метель не собьёт нас с дороги.
Опускается снег на зеркальную гладь,
словно конь на усталые ноги.
Расколосось стекло, и растрескались дни –
ни к чему фолианты столетий.
Снова цирк «Шапито» зажигает огни,
за столом наливают по третьей...
А в мышинной стране в шесть-пятнадцать подъём.
Бутерброд, сонный чай – и на службу.
...За отвагу и смелость шестую нальём,
а седьмую, восьмую – за дружбу...
Всё метель и метель – прячь под шапкой глаза,
прячь улыбку, и чувства, и муку.
Заметает зима запредельное «за»,
колыбеля печаль и разлуку.
Остаётся искать эту тонкую грань.
Сумасшествие... Сумрак... Расплата...
Снова Книгу всех книг не спеша пролистай
от эпиграфа – и до заката.
Сердце бьётся о лёд – значит, будет весна,
хлынут ливни из скважин замочных.
И полковник дождётся из дома письма,
чтоб читать его вслух между строчек.
Остаётся всего лишь молиться и жить,
свято веруя – время излечит...
Но пульсирует Вечности тонкая нить
неподкупно, бесстрастно, беспечно...

* * *

Я была три тысячи лет вперёд.
Я вернусь, чтобы стать, может, Жанною д'Арк.
А про смерть перевозчик бесстыдно врёт,
особенно подле девярых врат.
Бесконечность свернулась змеёй во мне.
У фантазии сотни причудливых веток.
Я растворяюсь огнём в огне -
отыщите меня в лабиринте клеток.
Я тянусь к земле через толщу небес:
только сверху крест – словно крыльев взмах.
Моё поколение вечных невест
нарушает привычного хаоса крах.
Я – непридуманных кладезь цитат
из книг ненаписанных, изгнанных, лишних
о героях из Римов, Парижей, Итак
(время в утиль ваши подвиги спишет)...
Но песок бережёт все ничьи следы,
верность ветрам перемен храня,
чтобы, выйдя однажды водой из воды,
в нём осталась незримо и моя ступня.

* * *

Срывали дверь с петель, вводили боль
под кожу века, вены обескровив.
И с чутким ветром приносил прибой
нам уготованные свыше роли.
Гордились чувства связанностью рук,
стенали струны, превратясь в осколки
серьёзных нот, что начали игру,
чтоб завершить её аккордом звонким.
Привычно вечность выла в проводах
седой волчицей с воспалённым взглядом,
и голову склонял на плоскость плах
послушный снег, решив, что так и надо.
А вечер плавился, как жёлтая свеча,
очерчивая глупый профиль окон.
И в реку времени вливался час
упрямым, но беспомощным потоком,
чтобы разрезать зыбкий циферблат
на узкую печаль лимонных долек.
Небесный свод опять встречал закат,
к началу промотав столетий ролик.

ПОПЫТКА ПРЕДСКАЗАНИЯ

(...до нашей эры)

Будет холодно первые двести лет.
После – боль и разлука войдут в привычку.
На ресницах – иней, в ладонях – снег,
только каждое утро на перекличку

ты торопишься, словно уже вот-вот,
не сегодня-завтра наступит лето,
и неожиданным гостем рассвет придёт,
и своё откроешь кому-то небо.
Время новой сказке напишет речь:
«Это – пудинг, Алиса, а это – сердце...»
От него нельзя ничего разжечь
(я – не Данко) – можно слегка погреться.
Будет холодно первые двести лет.
Сохраняйте спокойствие в катакомбах.
Да пребудет в тёмном тоннеле свет,
пусть река застыла недугом в тромбах.
Береги себя на крутых виражах.
Двести лет – подумаешь – разве много?!..
...на устах, замёрзших, слова дрожат,
да пугают вздохи единорога.

* * *

Говорят, ещё есть стихи,
как случаются пилигримы,
как сгущаются сквозняки,
как сгорают мосты и Римы...
В стихолетье своё окно
распахнула, как будто душу.
В дом внезапно влетел Никто
или Некто, покой нарушив.
Он мой чай беспардонно пьёт
и моим хрустит рафинадом.
Без него мой грустит блокнот.
Мне, как воздух, его... не надо.
И крошатся на рифмы дни,
а от слов разбухают строчки.
В этом городе мы одни.
В этом смысле не нужно точки.
Алый соус залил восток –
будет ветрено беспредельно.
Нам для храбрости грамм по сто
иль по триста, на самом деле,
чтобы вынырнуть из пучин
алфавитной головоломки,
проездной билет получив
до разлуки без остановки.
Кровь подпорчена голубым,
а чернила – багрово-красным.
Из Тургенева – «Новь» и «Дым»,
а из Гаршина – грусть да сказки.
Тихопутно бредут слова,
расточая молчанье миррой.
Опечатка, сюжет глава
правят чувствами – майна, вира...
Только пялятся сквозь стекло
недоверчивой прозы тени:

с куполов их уже давно
рифмы листьями облетели...

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.
Храни Господь всех вас, простых
и сложных, и молчащих всуе,
чтоб в перезвонах Аллилуйя
родился чей-то новый стих.
Поверьте мне: я помню всех,
легко даривших смех и слёзы,
рифмосплетений передозы
и тишь в эфире среди помех.
Так хочется порой стереть
свою нечаянную память,
чтоб горький груз потерь оставить –
чтоб не позволить вам сгореть
от тонкостенной острой боли
за то, что вы всегда в ответе –
за мир в дому и белом свете,
за игры на чужом престоле,
за то, что (трудно взять мне в толк)
мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

* * *

Мороз узор наносит на запястья
изрезанных дорогами мостов.
И сердце разрывается на части...
Холодной водки – обжигающей – по сто!
Молчи! Молчи, как раньше. Слишком поздно
Америку на карте открывать.
Сегодня слишком остро, слишком звёздно.
В эфире – тишь, как в море, – тишь да гладь.
И только писк крылатых SMSок.
И только вечер тёплым молоком
налит в кувшин. И времени отрезок
уже истёк пред роковым броском.
Дров наломать – нехитрая затея.
Пускай горит моей души костёр.
Пока сильна я слабостью Антея,
мне не дано понять твоих земных оков.
Я исцелю дождём свою простуду.
Отправлюсь за три моря на рассвете.
Твое отсутствие – молчи! – приму, как чудо,
как тишину на старенькой кассете.

* * *

я построю поэтам ковчег: каждой строчки – по паре,
каждой рифме – попутчик и каждому слову – певец...
где-то падает медленный снег, хвалит сладкую дыню татарин,
лето плачется в тучи, пастух собирает овец...
за спиною – рюкзак, ещё дальше – солёные волны,
на вершине Медведя-горы без прописки живут облака...
равнодушно встречает вокзал, без эмоций проводит... но полно –
безголосы стихи до поры и бескрылы пока...
бесполезны всеобщные споры и шорох за печкой,
где в убежище верит наивно народный сверчок...
эта зыбкая точка опоры, горячие речи:
приходилось уже коллективно – огнём и мечом...
длится каменный век, уж который по счёту?! создатель
слово «вечность» опять набирает нетвёрдой рукой.
я не верю в эфир без помех, что под маской героя предатель
никогда не скрывается, «ять» без сраженья ушла на покой...
я не верю... и бревнышко к брёвнышку ценною ношей
собираю изученный вдоль /поперёк алфавит.
выпить лето до доньшка, рухнуть – волнением скошен,
это страшно, когда у поэта внутри не болит.
или странно... медпункт на ковчеге – пустая затея,
ни к чему чёрно-белый покой, где молчанье кладут на весы.
...а поэты, как птицы, на юг, взявшись за руки, улетели,
и господь помахал им рукой, улыбаясь в седые усы...

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Андрей Алексеевич ЧЕРНОВ – литературовед, критик, публицист. Родился в 1983 году в Луганске. Автор книги очерков «Притяжение Донбасса» (2016). Статьи, очерки, эссе публиковались в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», журналах «ЛиФФт», «Берега», «Родная Ладога», «Российский колокол», альманахах «Крылья», «Свой вариант», «Полдень», «Литературная Пермь» и др. Награжден Орденом Ф. Достоевского I степени Пермской краевой организации Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске

Каким был Борис Горбатов?

Очерк

Вынесенный в заголовок вопрос вовсе не так прост. Борис Леонтьевич Горбатов прожил яркую, хотя и короткую жизнь. Да и жить ему выпало во времена исторических перемен, с грандиозными победами и отталкивающими трагедиями первой половины XX века. Были неизбежны противоречия, столкновения мнений, оценок. Разумеется, всё это вовсе не исчезло после смерти Горбатова. Наоборот, крах традиционных ценностей после катастрофы 1991 года, ожесточённая западная пропаганда, обрушившаяся, кроме всего прочего, и на виднейших русских писателей советского периода – всё это заслоняло его индивидуальные черты не меньше, чем до крайности формализированные «партийные» литературоведческие подходы к личности и творчеству Бориса Горбатова.

Вот потому и вышло, что Борис Горбатов затерялся за противоречивыми оценками, согласно которым он объявлялся то верным певцом социалистического реализма, идейно выражавшим партийные указания в своих произведениях; то бездарным литературным функционером, чуть ли не несущим ответственность за всех репрессированных в Союзе писателей СССР. И первая, и вторая **оценка** исключительно идеологизированы, они несут смысл, абстрагированный, оторванный от творчества и личности Бориса Горбатова, а значит, не являются объективным фактом.

Хуже – только мутные в своей предвзятости воспоминания второй жены Горбатова, актрисы Татьяны Окуневской, написанные лишь с одной целью – унижить и оскорбить память о Горбатове. Впрочем, Окуневская в этих воспоминаниях попыталась очернить и многих других современников, что даёт повод считать написанное ею своеобразным подражанием «Роману без вранья» Мариенгофа, в котором, как известно, нет ни одного слова правды. Дочь Окуневской Инга Суходрев называла свою мать одним из великих мистификаторов XX века.

Но сохранились произведения Бориса Горбатова, многочисленные воспоминания о нём. Прикосновение к ним счищает много наносного, от чего образ писателя и доброго, отзывчивого и честного человека проступает яснее и четче.

Так каким же он был, писатель Борис Горбатов?

Как это ни странно, но прозаик и сценарист Борис Горбатов в юные годы был поэтом. И хотя его литературный дебют начался с публикации рассказа «Сытые и голодные» в газете «Всесоюзная кочегарка», но, судя по всему, первыми литературными опытами его были стихотворения.

«Был скрытный. Писал стихи, о которых мы даже не знали. Обнаруживали их, когда он переодевал брюки. Тут начиналась выгрузка бумаг: и стихи, и всякие наброски, и письма рабкоров...», – вспоминала об этом мать писателя Елена Горбатова.

Может быть, любовь к поэтическому слову родилась у него под влиянием народных песен, которые он с детства слышал и в Петромарьевке (сейчас – Первомайск), и в Бахмуте (сейчас – Артёмовск). По воспоминаниям матери, уже в самом раннем детстве он их запоминал и пел: «Ему был год и пять месяцев, а он уже пел песни... Песни он слышал на улице...»

Со стихотворениями Борис Горбатов выступил в донбасской печати позже, чем в прозе. Но нужно учесть, что его первый рассказ был опубликован, когда Горбатову не исполнилось и 14 лет. В дальней-

шем он широко публикуется в Донбассе, пишет очерки, рассказы и стихотворения. Энергичность Бориса Горбатова выдвинула его в ряду донбасских писателей, он становится одним из руководителей литературного объединения пролетарских писателей «Забой», сыгравшего значительную роль в литературном процессе Донбасса 20–30-х годов XX века. Горбатов стал одним из двигателей «Забоя», ведя за собой даже более старших литераторов.

Стихотворения Бориса Горбатова были написаны в духе своего времени, в них ощущались не только задор и опьяняющий оптимизм 20-х годов, но и определенное экспериментаторское лихачество. Ориентиром явно служили стихотворения русских футуристов (прежде всего Владимира Маяковского). Также легко угадывается влияние ещё одного властителя дум поколений 20-х годов – Эдуарда Багрицкого, с его романтикой свободоловобия и сочностью образов.

В конце 20-х годов Горбатов, уже получивший всеююзную славу после издания повести «Ячейка», приезжает в Москву. Здесь он выступает на литературных вечерах с чтением собственных стихов. В Хамовниках, на одном из таких вечеров, он знакомится с писателем и журналистом Борисом Галиным.

«Я сразу запомнил его: стройный, с густой копной темных волос, узкими серыми глазами, быстрый в речи артемовский хлопец. Он писал в то время стихи, и, что особенно поразило меня, стихи были какие-то «разбойные».

Конь да пика...
Гикнул дико –
Пику в руки,
И даешь!», –

вспоминал Борис Галин.

И тут же Галин даёт подробный портрет Горбатова: «Он ходил в высоких сапогах, носил рубашку из белого полотна с украинским узором по вороту, во всей его ладной фигуре было что-то живое, бодрое, энергичное. Он писал их, свои мятежные стихи, на чердаке дома в Краматорской – там Горбатов, ученик строгальщика, жил с заводскими ребятами одной коммуной – «коммуной номер раз», как он, бывало, с весёлой усмешкой говорил. В стихах восторженно воспевались мир, завод, ветер, будни, солнце – всё то, что юноша видел вокруг».

В это время юношеского максимализма Борису Горбатову, конечно же, верилось, что всё можно осилить, можно преодолеть любую преграду, изменить мир. «Глядя на него, невольно думалось: этот, кажется, всё сможет!», – описал этот передающийся огонь энергии Борис Галин.

Во второй половине 20-х годов, согласно распространённой легенде, произошел случай, который навсегда оттолкнул Горбатова от сочинения стихотворений. Молодой поэт, уже уверенно прозвучавший в общесоюзной периодике, обращается в Москве за советом к высшему для себя авторитету – самому Владимиру Маяковскому. Поэт изучил стихотворения Горбатова и якобы вернул их с исчерпывающей и убийственной формулировкой: «Одна строчка понравилась: «Я – рабочий».

Борис Горбатов понял её исключительно четко. Он уезжает в Донбасс, бросает писать стихотворения и все силы отдаёт прозе. «Это были, ей богу, мудрые решения. По-моему, они мне спасли мою творческую жизнь», – напишет позже в своей автобиографии Борис Горбатов. Но разве можно сказать «Нет!» поэтизированному восприятию жизни? Поэтическому отражению действительности? Безусловно, можно прекратить писать стихотворения, но тогда поэзия прольется в прозу.

И если обращаться к прозе Горбатова, то, конечно же, мы найдём множество примеров опозитированной действительности, понятой и описанной поэтом. Для примера приведу один только небольшой фрагмент – начало знаменитой повести Горбатова «Непокорённые»: «...Тяжело ступали заморенные кони; держась за лафеты пушек, брели серые от пыли солдаты – всё на восток, мимо Острой Могилы, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец... А всё вокруг было объято тревогой, наполнено криком и стоном, скрипом колёс, скрежетом железа, хриплой руганью, воплями раненых, плачем детей, и казалось, сама дорога скрипит и стонет под колёсами, мечется в испуге меж косогородами...»

Столь же поэтизировано звучит проза Бориса Горбатова и во многих других его произведениях, особенно в «Обыкновенной Арктике» и романе «Донбасс». Да и в публицистике Горбатова, столь тесно переплетенной с его прозой, мы находим явные приёмы и образы гражданской лирики.

Время всегда накладывает отпечаток на личность человека. И тектонические сдвиги в общественной жизни России 20-30-х годов нашли своё отражение в личности Горбатова. Не отсюда ли его неуемная энергичность, жизнелюбие, романтический оптимизм? Не отсюда ли ориентировка на коллективное, общественно значимое, в ущерб индивидуальному и эгоистичному?

Ведь Борис Горбатов горел искренней верой в те колоссальные преобразования, которые происходили в то время в России. Начинающиеся тридцатые годы он называл не иначе как Великой Стройкой, Великим Севом. Да, он был коммунист. Но осуждать за это его – бессмысленно и неразумно, это нужно принять как объективный факт его биографии, во многом определивший его творчество.

Нужно помнить и о другом – весьма существенном – факте из его биографии. Ведь репрессии 37-го года коснулись и его семьи, его лично. Был репрессирован брат Горбатова Владимир, один из руководителей комсомола Луганска. В той или иной степени репрессии коснулись десятков его друзей молодости и детства, под репрессии попали и первая жена писателя Александра Ефремова, и вторая (гражданская) жена Татьяна Окуневская.

А ведь Горбатов не мог оставаться безучастным к судьбам своих близких. Сохранились воспоминания писательницы Галины Серебряковой, репрессированной в 1936 году и оказавшейся в ссылке как «жена врага народа»: «Вежливо он [следователь] предложил мне сесть и начал допрос. Потом, сощурился глазами, внезапно сказал: — Что вы знаете о Борисе Горбатове? Какие у него с вами контрреволюционные дела? – Ошеломлённая, я ответила, что ничего о нём не слыхала многие годы, но не сомневаюсь, что Горбатов как был, так и остался преданным партии и советской власти человеком, безупречной честности и чистой души. В тот момент я забыла, что моя похвала могла быть тоже опасной. Что я из касты неприкасаемых. «Зачем, однако, меня спрашивают о нём? Неужели он арестован?» — мысленно мучалась я. Всё постепенно разъяснилось во время допроса. Борис Горбатов был на Пленуме казахского Союза писателей. Зная, что я в то время находилась после отбытия срока в лагерях, на высылке в Семипалатинске, он решил мне помочь. Осталось неизвестным, с кем именно отправил он записку, в которой предлагал мне деньги, спрашивал, как я живу, в чём я нуждаюсь. Записку эту я не получила и ничего о ней не знала. Она была передана в карательные органы, и Горбатова заподозрили в связи с «прокажёнными». Я резко и твёрдо отбила обвинение, которое ему готовилось. А вернувшись в камеру, долго не могла преодолеть волнение и тревогу. Опасения мои, к счастью, оказались неосновательными. Горбатов избежал каких-либо неприятностей. Когда я в 1956 году очутилась в Москве и была реабилитирована, когда началась моя вторая жизнь, Бориса не было уже в живых. Так и не пришлось рассказать ему, как много сил влил он в мою душу своим неосмотрительным, смелым и добрым поступком. Он укрепил мою веру в людей, а значит — в справедливость и счастливое будущее».

Удивительно ли, что тучи сгустились и над самим Горбатовым? Он потерял работу, от него отвернулись многие московские друзья, из тех, кто всегда держит нос по ветру. И в это время Борис Горбатов работает над одной из самых сильных своих книг – сборником очерков и рассказов «Обыкновенная Арктика». «Обыкновенную Арктику» Горбатов писал, ожидая ареста, исключения из партии, словом, под угрозой расправы. Связано это было с судьбой его среднего брата — одного из руководителей донбасского комсомола, арестованного и расстрелянного в 37-м за связь с троцкистами. Кому как не старшему брату было ясно, что все эти обвинения беспочвенны и лживы, но... До «разрыва сердца» было еще далеко, но надорвал он его именно тогда, когда личное, маленькое, вошло в неотменимое противоречие с большим и всеобщим», — написал позже сын Константина Симонова Алексей.

Нужно сказать, что Горбатов материал для своей книги взял не умозрительный, его познания Арктики были не мимолётными, не поверхностными. Да и не только Арктики – ведь Горбатов, работая в 30-е годы в «Правде», спецкором объездил многие стройки СССР: родной Донбасс, Урал, Бодайбо, Командоры, Диксон. А в Арктике ему довелось провести не день, не месяц, а зимовку – практически год. «Куда бы ни занесла его писательская, корреспондентская судьба, всюду Горбатов находил общих знакомых, друзей. Он с каким-то радостным удивлением оглядывал страну, как бы охватывал её всю единым взглядом – от моря и до моря, представлял себе родной мир одним дружным землячеством или, как он однажды выразился, артелью хороших ребят», — написал в воспоминаниях о Горбатове Борис Галин. В те времена всеобщей стройки, напряжения всех сил, и Борису Горбатову передан мощный импульс напряжения. Он жил в строю, он принял это не просто как неизбежную данность, он принял это как стихию своего существования. Это отразилось и на его мировоззрении, и на общем укладе жизни. В быту, как вспоминают и многие его друзья, и первая жена Александра

Ефремова (с ней он вступил в брак в Рязани летом 1928 года), он сохранял приметы походной жизни: минимальное количество личных вещей, одежды, предметов обихода. Многим казалось, что он совершенно неспособен обустроить свой быт. Может быть, но, с другой стороны, он избавлялся от этого лишнего быта, сбрасывая его как мешающий мобильности балласт.

Тридцатые годы наполнены важными для его биографии событиями. Это и служба в Красной Армии (он служил на советско-турецкой границе в Грузии), и громкая «неудача» с повестью «Нашгород», и отчаянная жизнь скитальца-собкора «Правды», и развод с первой женой, репрессии против стольких близких ему людей.

Повесть «Нашгород» является попыткой осмыслить и понять многие процессы общественной жизни в советской глубинке. Эта повесть – чуть ли не единственное в то время литературное произведение, в котором писатель пытается изобразить морально-психологическое разложение управленческих советских органов. Смело, остро, правдиво Горбатов изобличает то, что начинает поражать раковой опухолью партийные и административные структуры в СССР. Повесть построена на судебном «артемовском деле» и чрезвычайно достоверна. Но именно эта достоверность сыграла против Горбатова: о такой «советской действительности» писать было недопустимо. «Судьба следующей повести «Нашгород» оказалась куда менее счастливой. Потускнели идеалы героев «Ячейки», распад и разложение настигло шахтерский комсомол — и этот процесс жёстко и недвусмысленно отразился в «Нашгороде». За что и получил Горбатов полной мерой и от критики, и от партийного руководства. Больше «Нашгород» не издавался, в собрание сочинений не входил», – написал Алексей Симонов.

«Нашгород» был запрещен, книгу изъяли из продажи и библиотек. И по сей день она остаётся библиографической редкостью. Сам Борис Горбатов принял разгром «Нашгорода» так, как принимает указания командира военнослужащих: без обсуждений. При жизни он не пытался «реанимировать» повесть, согласившись на её забвение.

Таков был дух того жесткого времени. И Борис Горбатов воспринимал себя в одном строю со своими согражданами, «в обойме». Может быть, именно из этого проистекает его удивительная любовь к армии. Он не располагал богатырским здоровьем, было слабым зрение. Имел он возможность и избежать службы в Красной Армии. Но это не соответствовало его убеждениям, и поэтому он идёт служить по призыву, служит в Кавказском горнострелковом полку. Становится офицером, помощником начальника штаба полка по разведке. Участвует в освободительном походе Красной Армии в Западную Беларусь (1939), после – в советско-финской войне, участвует в боях под Вуокси-Вирта на «линии Маннергейма».

«Он любил армию, любил военное дело, гордился своим воинским званием», – вспоминал о Горбатове журналист Мартын Мержанов, с которым они сдружились, работая во фронтовых газетах Великой Отечественной войны.

С первых дней Великой Отечественной войны Борис Горбатов на фронте. Он уже имеет большой жизненный и газетный опыт, прошел закалку на войне. Ему доверяют работу не только во фронтовых газетах, его корреспонденции широко публикуются в «Правде». Борис Горбатов в это время сполна отдаёт себя служению Родине. За это время вышли сотни его корреспонденций, очерки и рассказы, знаменитая повесть «Непокорённые». Благодаря Горбатову народы СССР и весь мир узнали о чудовищном изобретении цивилизованных «объединителей Европы» – лагере смерти «Майданек».

В эти годы пишутся, пожалуй, одни из самых знаменитых произведений Бориса Горбатова: «Письма к товарищу» и повесть «Непокорённые».

«Письма к товарищу» искренни до предела... Именно поэтому такой силой дышат эти бесстрашные, нежные, добрые страницы, написанные человеком тоже нежным, тоже добрым, тоже бесстрашным перед лицом испытания войной», – считал Константин Симонов. По его мнению, они являются вершиной публицистики в годы Великой Отечественной. Повесть «Непокорённые», написанная «по горячему», на материалах только освобождённого от гитлеровцев Ворошиловграда (Луганска), стала ёмким гимном мужеству и свободолюбию родных Горбатову жителей Донбасса. Как актуально это теперь, когда Донбасс столкнулся с украинской агрессией, чудовищным натиском киевского режима, обрушившего кулаки украинских неонацистов на Горловку, Донецк, Мариуполь, Луганск, Стаханов...

На фронтах Великой Отечественной войны происходит сближение Горбатова и Симонова. «Там же, на войне, они сошлись с моим отцом. Первое упоминание о Борисе Горбатове встречается в отцовских военных дневниках сорок первого года», – указывает сын Симонова Алексей. По мнению Алексея,

между писателями сложились необыкновенно близкие «...удивительные отношения, каких я у отца ни с кем не видел. Горбатов был его самым близким, самым личным, самым по-юношески горячим другом. Борис Леонтьевич был на семь лет старше отца, но в этой братской дружбе старшим братом был отец. И как меньшего брата отец его опекал и заботился о его здоровье, о его работе».

Эти теплые отношения сохранялись на протяжении всей их жизни. И прекратились лишь тогда, когда прекратили биться их сердца – Бориса Горбатова в 1954, а Симонова – в 1979 годах. До самой своей смерти Константин Симонов заботился о сохранении памяти о Горбатове. Воспоминания Симонова легкими штрихами передают портрет Горбатова, много пережившего, много потерявшего, но сохранившего доброту, жизнерадостность, оптимизм.

Хрестоматийной стала такая зарисовка Симонова о посещении Горбатова в Донецке: «Я заехал в Донецк, к Горбатову, ненадолго, на три дня, по дороге на юг, в Сухуми, и завтра утром мне предстоит ехать дальше.

– Ничего вы не понимаете в природе, – говорит Горбатов.

– Кто это – мы?

– Все вы, теряющие лучшее время года на поездки в Крым и на Кавказ. Ты первый.

Мы сидим около горбатовского щитового домика на вынесенных из комнаты стульях, я маюсь от жары, а он, развалясь, сняв ботинки, носки и поставив на раскаленную землю босые пятки, совершенно очевидно наслаждается донбасской жарой, – как мне кажется, отчасти искренне, а отчасти поддразнивая меня.

– Ну что там, на твоём Кавказе? – говорит он. – Горы да море. И больше ничего. А тут! Шахты, терриконы, степь, садки, садочки, реки, раки, пиво. Здесь пыль – и то вкусная».

В это послевоенное время Горбатов задумал написать роман-эпопею о родном Донбассе, для погружения в материал, языковую стихию, он летом живёт в Донбассе, преимущественно – в Сталино, совершая частые поездки и в другие города. Но силы Горбатова были подорваны, истощены, здоровье расшатано. Выручал оптимизм и юмор, но одним юмором не вылечишь больное сердце... Роман «Донбасс» оказался недописанным, свет увидела только первая часть, а также несколько глав из второй части, написанных лирично и пронзительно.

А мог ли он иначе писать о Донбассе? Горбатов искренне любил родную донбасскую землю. А ведь в те годы она была куда менее комфортна. Но всё же чистое и сильное чувство к Донбассу он пронёс через всю жизнь. Даже в московский период жизни он приезжал в Донбасс не раз в пятилетку, лишь бы отметить. Константин Симонов считал, что Донбасс навсегда остался для Горбатова родным домом и наоборот, это из Донбасса Горбатов ездил «пожить гостем» в Москву, на Урал, в Арктику.

В своих письмах, очерках, статьях Борис Горбатов «родными» называет сразу несколько населённых пунктов Донбасса. Это и Первомайск, в котором он появился на свет, и город его детства и юности Артёмовск, и Краматорск, и Луганск, и горняцкую столицу Сталино (сейчас – Донецк).

Друг молодости Горбатова С. Савельев, с которым они поддерживали связь на протяжении всей жизни, приводит строки одного фронтového письма Бориса Леонтьевича: «Тебе будет любопытно узнать, кстати, что эти строки пишутся в Луганске. А несколько часов тому назад я специально остановил свою машину на Первомайском руднике и заставил моих спутников выйти из неё и, чтобы «поклониться» хатёнке, в которой я родился». Здесь интересно не только смесь старых-новых названий родных мест (ведь Луганск в те времена был Ворошиловградом), но и особый акцент на лично значимое и понятное только адресату. Это не только географические названия, они – часть жизни, наполненной драгоценными воспоминаниями.

После уничтожения СССР в чести стали совсем иные писатели. Патриотизм, абсолютно естественная любовь к Родине были оболганы и загажены. Конечно, в таких «новых условиях» творчество Бориса Леонтьевича Горбатова было не нужно ни России, ни уходящей в пещерный национализм Украине. Даже в родном Донбассе Горбатов полузабыт.

Алексей Симонов, один из немногих, кто пытается добрым словом напомнить миру о Борисе Горбатове, написал такие вот горькие строки о состоянии памяти о Горбатове: «Я бываю там, в этой квартире № 100 на Беговой, в доме, на фасаде которого висит мемориальная доска, где Г и В в фамилии Горбатов давно и безнадежно стерлись. Так «орбато» сложились и его литературная судьба, и память о ней».

Очень хочется верить, что в молодых республиках Донбасса наследие Бориса Горбатова окажется востребованным потомками непокорённых земляков.

Берега истории

Юлия Кирияк

*научный сотрудник филиала ЦВММ
«Музей Балтийского флота»*

Забывшие страницы Императорского флота. Последний причал Русской эскадры

Ценные реликвии и архивные документы, связанные с историей российского Императорского флота, были переданы музею Балтийского флота в декабре 2006 года. Это Андреевский флаг с эсминца «Звонкий», некогда входившего в состав Русской эскадры в 1920–1924 годах, а также личные бумаги (паспорта, аттестаты, дипломы, свидетельство о дворянстве, письма) морского офицера Петра Гуссаковского и его семьи, покинувших в составе последней Крымский причал.

Все документы и флаг были переданы в посольство Российской Федерации в Алжире и доставлены в Балтийск большим десантным кораблем «Калининград». Офицеры Балтийского флота не замедлили передать все реликвии в музей. Эти раритетные экспонаты стали «живыми свидетелями» трагической истории России почти сто лет назад. Ещё одной из уникальных предметов среди прочих была гвардейская ленточка с бескозырки миноносца «Звонкий». Видимо, её когда-то носил старший лейтенант Императорского флота Пётр Гуссаковский.

Он эмигрировал с Русской эскадрой в ноябре 1920 года вместе со своей женой Василисой и сыном Всеволодом. Также с ними ушли на миноносце «Звонкий» и его два брата – Владимир и Николай. Ну, а позже к Петру Гуссаковскому в Алжир приехала из России и его сестра Валентина.

Родился Пётр Николаевич 2 марта 1884 года в семье потомственного дворянина Николая Павловича Гуссаковского и его жены Елисаветы Николаевны. В 1902 году окончил Мариупольскую Александровскую гимназию. В 1910 году получил диплом Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого и по окончании электро-механического отделения, Гуссаковскому было присвоено звание инженера-электрика.

В 1914 году он держал при Морском инженерном училище Императора Николая I в Кронштадте экзамен на звание инженер-механика флота. Высочайшим приказом от 29 декабря того же года он был произведён в инженер-механики, и получил чин мичмана. Затем продолжил обучение в Харьковском Императорском университете на юридическом факультете, но за неуплату денежного взноса был отчислен в августе 1914 года. До революционных событий в стране проживал в городе Петрограде. В 1918 году являлся начальником Ижорского завода Морского Министерства, а в конце 1920 года эвакуировался вместе с семьёй из Крыма на миноносце «Звонкий». С марта 1921 года находился в составе Русской эскадры в Бизерте в Тунисе, а затем в лагере Айн-Драхам, позже в лагере Надор. После ликвидации эскадры уехал с женой и сыном в алжирский город Бон, где открыл электротехнический салон. Так сложилось, что у Петра Николаевича было две семьи. Первую он создал с супругой Ксенией Филипповой, которая 20 июля 1907 году в Петрограде родила сына Виктора. Но, к сожалению, Ксения очень рано скончалась, почти сразу после появления ребёнка. Второй женой Гуссаковского стала Василисса Васильевна Каралач, которая родила ему второго сына Всеволода 2 января 1913 года в городе Мариуполе. И это всё, что нам известно о семье Гуссаковских. Позже, после Второй Мировой войны, младший сын Всеволод подал документы на восстановление себя в правах гражданина Советского Союза.

Но обо всём по порядку. Почти сто лет отделяют нас от трагических событий 10 ноября 1920 года, когда началась эвакуация кораблей из Крыма. Октябрьская революция разделила Россию на два непримиримых лагеря. Началась гражданская война, которая принесла России много страданий. Одним

из них явилась судьба Российского Императорского флота. В середине ноября 1920 года его корабли покинули Крымский полуостров и больше уже не вернулись, найдя своё последнее пристанище у берегов Северной Африки, в тунисской Бизерте.

И так случилось, что два корабля Балтийского флота крейсер 2 ранга «Алмаз» и тральщик «Китобой» разделили свои последние дни с участью Русской эскадры в Бизерте. А Бизертская эпопея стала одной из самых достойных уважения страниц морской истории. Оторванные от дома, терпящие массу лишений, русские моряки смогли сохранить не только дух флота, но и его боевую организацию.

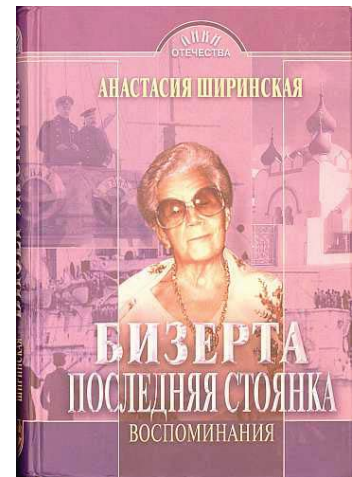
...Но обо всём по порядку. 10 ноября 1920 года вышел приказ по Черноморскому флоту об эвакуации из Крыма, которым и завершилось отступление Добровольческой армии. В течение трёх дней на 126 кораблей были погружены войска, семьи офицеров, часть гражданского населения крымских портов – Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи. В добровольное изгнание отправились 150 тысяч человек. Из всех судов лишь два не дошли до Турции: эскадренный миноносец «Живой», который затонул в черноморской пучине, и катер «Язон», шедший на буксире парохода «Эльпидифор». Ночью команда, насчитывавшая 10-15 человек, обрубил буксирные тросы и вернулась домой.

21 ноября 1920 флот был реорганизован в Русскую эскадру, состоящую из четырех отрядов. Её командующим был назначен контр-адмирал Кедров. 1 декабря 1920 Совет Министров Франции согласился направить Русскую эскадру в город Бизерта в Тунисе. Как только Бизерта была определена французским правительством окончательной базой стоянки, корабли вышли в море. Эскадра не принадлежала ни одному из государств, находилась под покровительством Франции и шла под конвоем французских кораблей. Андреевские стяги реяли за кормой, но на гротмачтах подняли французские. Переход совершался в самое ненастное время года. Прибыв в Константинополь, большая часть гражданских беженцев и военных частей осталась в Турции, а затем переместилась в Грецию, Сербию и Болгарию. Начался один из самых драматических эпизодов истории русского флота — пребывание его на чужбине. Вопрос об отправке кораблей Русской эскадры и чинов флота и Морского ведомства в Бизерту – базу французского флота, расположенную на территории французского Тунисского протектората – решился положительно 2 декабря. При этом французское командование не скрывало того, что в Бизерте оно хотело бы видеть как можно меньше русских людей и кораблей, поскольку, как объясняли французы, Бизерта — необорудованный порт и разместить в нём значительное количество семей офицеров не представлялось возможным.

Для перехода в Бизерту Русская эскадра была разделена на три отряда. Несмотря на непригодность большинства личного состава эскадры к морской жизни, а также сравнительно большое количество женщин и детей среди пассажиров, заболеваний и несчастных случаев, вызванных условиями перехода, к счастью, не произошло. В конце декабря 1920 года корабли Русской эскадры начали прибывать в тунисский порт. 23 декабря первым в Бизертский порт вошёл пассажирский пароход «Великий князь Константин». На борту, кроме команды, было множество гражданских лиц, среди которых – историк Николай Кнорринг. Русская эскадра прибыла в Бизерту со своими корабельными церквями и морским духовенством. К середине февраля 1921 года в тунисский порт Бизерта прибыла вся эскадра – 33 корабля, включая два линкора «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец», крейсер «Генерал Корнилов», вспомогательный крейсер «Алмаз», 10 эскадренных миноносцев, 3 подводные лодки и ещё 14 кораблей меньшего водоизмещения, а также корпус недостроенного танкера «Баку». На судах было около 5400 беженцев.

Вот как описывает первые дни своего пребывания Анастасия Манштейн–Ширинская, дочь морского офицера, командира миноносца «Жаркий»: « На землю эту мы вступили не сразу. Вначале был долгий карантин, французы боялись «красной чумы», они в каждом русском матросе видели большевика. Наши офицеры и матросы сдали своё оружие сразу же по прибытию в Бизерту, и теперь корабли на рейде охранялись тунисскими часовыми... Мы могли спускаться на берег сколько угодно. Но денег ни у кого не было, покупать мы ничего не могли, мы никого не знали. ...»

В Бизерту пришли русские подводные лодки последних проектов. Флагман эскадры – линкор «Генерал Алексеев» был одним из самых современных кораблей того времени, лёгкий крейсер «Ал-

маз» – один из первых авианесущих кораблей Российского флота с «летающей лодкой» на борту. Был также транспорт «Якут», пришедший в Крым из Владивостока перед самой эвакуацией. На нём в Бизерту эвакуировали кадетов и гардемарин Морского корпуса. Однако больше всего в порт Бизерты пришло эскадренных миноносцев типа «Новик», это был самый современный класс кораблей. Миноносцы «Беспокойный», «Гневный», «Дерзкий», «Пылкий», «Поспешный» были первыми в русском флоте серийными турбинными эсминцами.

Для местных властей приход эскадры стал полной неожиданностью. Первоначально они имели инструкции о необходимости осуществления для русских кораблей карантина, срок окончания которого не устанавливался. Кораблям запретили не только сообщение с берегом, но и между собой, поскольку на «Генерале Алексееве» обнаружили больного тифом. Несколько случаев заболеваний, похожих по некоторым симптомам на тиф, произошли и на других судах.

Постепенно семейных чинов эскадры начали переводить в лагеря на берегу. Лагеря располагались в местечках Айн-Драгам (в горах северо-восточной части Тунисского протектората), Табарка (на берегу моря, недалеко от Айн-Дрангама), Монастир (приморский городок на юге), Сен-Жан, Эль-Эйш, Рара (последние три – в горах близ Бизерты). Морской корпус базировался в форте Джебель-Кебир. Часть семей офицеров эскадры разместили на старом линкоре «Георгий Победоносец», который играл роль своеобразной плавучей гостиницы.

Начиная с первых чисел февраля и до 10 марта все корабли поочередно прошли через дезинфекцию сернистым газом в порту Сиди-Абдалла, затем крупные вернулись на рейд Бизерты, а малые были поставлены в бухтах Понти и Каруба, после чего командам разрешили съезд на берег. Предоставленной возможностью сразу воспользовались многие матросы. Это и неудивительно, поскольку для многих воинская служба тянулась уже не первый год, включая и нелёгкое время Гражданской войны.

Вообще период, начиная с середины марта и до начала мая 1921 года можно назвать наиболее тяжёлым для эскадры, поскольку её правовое положение в данный момент оказалось весьма неопределённым и целиком зависевшим от воли французского командования. Последнее, в свою очередь, не было полностью готово к приёму и размещению столь значительного количества людей и кораблей.

В целом с самых первых моментов правительство Франции рассматривало русские корабли фактически, как свою собственность, не собираясь ни возвращать их Советской России, ни участвовать в возможных боевых действиях против неё. Люди, находившиеся на кораблях, стали для французов настоящей обузой. Многие решения, связанные с судьбой Русской эскадры, принимавшиеся на высшем уровне (в Морском министерстве, министерстве финансов) просто не доводились до сведения её командования, и о них можно узнать только по материалам, опубликованным много десятков лет спустя. Впрочем, надо отметить, что морское начальство, непосредственно контактировавшее с русскими моряками, с пониманием относилось к их тяжёлому положению — невзирая на разного рода обстоятельства, русские и французские моряки были коллегами и союзниками по Великой войне.

Для решения вопросов, связанных с жизнью эскадры и получения денежных средств, её командующий вице-адмирал Кедров 31 декабря 1920 года отбыл в Париж. Временным командующим, как оказалось впоследствии — постоянным, он назначил старшего по чину – контр-адмирала Михаила Евгеньевича Беренса. Начальником его штаба стал контр-адмирал А.И. Тихменев, флагманским инженер-механиком — генерал-майор В.Г. Максименко.

Черноморцы начали свою жизнь фактически с нуля, несмотря на чины и звания. Французы забрали у них в счёт оплаты снабжения все ценности и личные счета. Но несмотря ни на что, жизнь на эскадре входила в свое мирное русло. На кораблях, как положено, поднимались флаг, гюйс, проводились учения, были организованы артиллерийские, штурманские курсы и курсы подводного плавания. К тому же, часть морских офицеров приняла решение создать в Бизерте Морской корпус, который в дальнейшем готовил младших офицеров и гардемарин.

В состав Морского корпуса в Бизерте было набрано 235 гардемарин, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей. Начальником корпуса оставался вице-адмирал А.М. Герасимов, начальником строевой части стал капитан 1-го ранга М.А. Кितिцын. В его ведение входило непосредственное наблюдение за воспитанниками и организация жизни на флоте. Преподавателями в корпусе являлись офицеры эскадры и лица из гражданских специалистов, которые начали работать ещё в Севастополе. Так как никаких учебников в их распоряжении не имелось, то каждый из преподавателей написал свой курс лекций. Впоследствии эти курсы удалось размно-

жить в корпусной типографии. С целью подготовки воспитанников к возможной будущей учёбе в иностранных вузах в программы и учебные планы вносились некоторые изменения.

Перед преподавателями и воспитателями Морского корпуса стояли очень непростые задачи по обучению подопечных. Ведь перед ними были молодые люди, которые прошли через ад гражданской войны, воевали, а значительная часть из них осталась сиротами. Офицерам и штатским преподавателям во главе с Герасимовым и Китицыным предстояло не только дать детям и юношам необходимые знания, но и адаптировать их к мирной жизни. И они с этой задачей справились.

Всего за четыре с половиной года Морской корпус выпустил 300 человек, многие из которых продолжили свое образование в различных высших школах Европы, а некоторые — и службу в иностранных флотах. Деятельность Морского корпуса в условиях постоянных требований французов о сокращении личного состава эскадры и тотальной нехватке самых необходимых вещей, от учебников до предметов обмундирования, является уникальным примером в истории русского военного образования.

В мае штаб эскадры объявил об открытии трёхмесячных «Курсов по механической части», поскольку не хватало квалифицированных механиков. Предполагалось не только теоретическая, но и практическая учеба непосредственно на кораблях эскадры. Заведующим обучением назначили инженер-механика капитана 2-го ранга И.И. Пайдаси. Офицерами и преподавателями стали почти все имевшиеся в наличии инженеры-механики и офицеры корпуса корабельных офицеров из бывших кондукторов. Курсы просуществовали почти до конца года и, хотя дали не очень большое число специалистов, определённую пользу эскадре они принесли.

10 июня при 3-м отряде судов были организованы курсы подводного плавания, которые возглавил капитан 2-го ранга М.В. Копьев. На них зачислили 20 человек, но просуществовали они до ноября месяца, когда из-за очередного сокращения французами численности личного состава эскадры их пришлось расформировать за месяц до окончания обучения. В итоге почти полный курс прошли 2 лейтенанта и 17 мичманов, которые получили временные свидетельства об окончании.

В июне 1921 года в Бизерте началось издание собственного журнала — «Морского сборника». Его редактором и издателем стал капитан 2-го ранга Монастырев, командир подводной лодки «Утка». Журнал задумывался, как преемник старейшего отечественного морского издания, основанного под таким же названием в 1848 году, хотя нужно отметить, что выпуск «Морского сборника» не прекращался и в Советской России. В нём публиковались, как статьи по различным вопросам жизни флота, так и многочисленные исторические материалы, многие из которых на сегодняшний момент являются поистине бесценными историческими источниками. Местом размещения редакции стала подводная лодка «Утка». Печатался же журнал в типографии Морского корпуса. Тираж его составлял несколько сотен экземпляров, зато регион распространения оказался весьма велик и включал в себя даже РСФСР. До октября 1923 года, когда издание журнала прекратилось, вышло 26 номеров.

Офицеры эскадры сумели также обеспечить высоким медицинским обслуживанием не только свою колонию, но и местное население. Помимо этого, черноморцы сумели сохранить высокий культурный уровень своей жизни: читали лекции на самые разные темы, ставили самодеятельные спектакли, создали хор, библиотеку.

Вскоре французские власти поняли, что Русская эскадра в Бизерте надолго и мощное вооруженное формирование им здесь было не нужно, поэтому они постановили её сократить.

26 сентября 1921 года морскому префекту Бизерты поступила телеграмма от Морского министерства в Париже с требованием сократить личный состав эскадры до минимума, а «излишек» списать в лагерь. В связи с этим решением командующий эскадрой вице-адмирал Кедров писал председателю Совещания российских послов в Париже: «... Не говоря уже о тяжёлом положении Эскадры, остающейся с ничтожным числом сторожей, я в высшей степени обеспокоен судьбой этих отборных офицеров и матросов. В поисках насущного заработка они неминуемо рассеются по всему миру, потеряют всякую связь с Эскадрой и навсегда будут потеряны для Русского Флота».

Списание на берег влекло за собой нехватку жилья. Проблема эта вскоре проявилась со всей остротой. Тогда в плавучее общежитие быстро переоборудовали бывший броненосец «Георгий Победоносец», где поселили семейных моряков. Остальных разместили в лагерях, оборудованных под Бизертой и с самого начала предназначенных для гражданских беженцев.

Остававшиеся на кораблях моряки продолжали нести свою, теперь вдвойне нелёгкую службу. Надо было содержать в порядке вооружение, механизмы, машины. Зачастую это приходилось делать

офицерам, ибо матросов не хватало. Надлежало ещё проводить учения по боевой подготовке и осуществлять текущий и доковый ремонт.

К 1 ноября 1923 года на эскадре оставалось 468 человек: 72 офицера, 138 унтер-офицеров и матросов, 70 человек преподавательского состава, включая семьи, 80 кадетов — воспитанников Сиротского дома и 6 матросов при нём, 93 человека из числа семей русских беженцев, живших на «Георгии Победоносце», 9 человек в Морском госпитале.

Однако уже в начале следующего, 1924 года стало ясно, что, скорее всего, Франция признает правительство большевиков, о чём командование эскадрой неоднократно предупреждал бывший морской агент России в Париже В.И. Дмитриев. Вскоре большинству русских моряков стало очевидно, что долго эскадре не продержаться. Всё большее число из них стремилось найти себе работу на берегу.

Не довольствуясь сокращением личного состава и упразднением гардемаринских рот, власти взялись и за корабли, а начали французы с малых судов. Чтобы восполнить недавние потери своего флота в мировой войне, они ещё в июле 1921 года увели из Бизерты самый современный корабль эскадры – транспорт-мастерскую «Кронштадт», дав ему новое название «Вулкан». Во время Первой мировой войны он конкурировал в ремонте кораблей с севастопольским портом. Здесь, в Бизерте, он давал работу сотням квалифицированных матросов. Ледокол «Илья Муромец» стал французским минным заградителем «Поллукс». Морское министерство приобрело и недостроенный танкер «Баку».

28 октября 1924 года Франция признала законность существования советского правительства и установила с ним дипломатические отношения. После этого пребывание в Бизерте Русской эскадры под Андреевским флагом стало невозможно юридически.

Офицеры это прекрасно понимали. Командующий Русской эскадрой Михаил Евгеньевич Беренс был оповещен с 1921 года о том, что признание Францией Советского Союза будет иметь последствием возвращение эскадры правительству СССР. В 1924 году становилось всё более и более ясно, что это событие не заставит себя долго ждать. 27 июня председатель Совета министров Франции Эдуар Эррио писал президенту Франции в Тунисе, что «правительство Республики не может отказать Советскому правительству вернуть ему военный русский флот, пребывающий в Бизерте в течение четырёх лет».

Адмирал Эксельманс, морской префект в Бизерте, получив телеграмму, предписывающую ему приступить к ликвидации эскадры, собрал на миноносце «Дерзкий» русских офицеров и гардемарин, чтобы лично пережить с ними тяжёлую новость.

Необычайно трогательно это историческое событие описано в журнале «Кадетская переключка» в №15 за 1976 год в Нью Йорке. «Стало ясно, что приходит конец существования эскадры. 15/28 октября 1924 года утром, вице-адмирал Эксельманс, сообщил контр-адмиралу Беренсу, что просит всех офицеров нашей эскадры к 15 часам собраться на нашем флагманском корабле для важного сообщения. К указанному времени все офицеры были на эскадренном миноносце «Дерзкий». Морской префект Бизерты, объявил о признании Францией С.С.С.Р., выразил свое соболезнование и развил свою точку зрения о том, как должны в данном случае поступить русские морские офицеры.

Адмирал Эксельманс сообщил о совершившемся факте, он был бледен, видно было, что он очень волновался и вместе с нами переживал наступивший момент. Перед собранием всех офицеров он произнёс речь, полную симпатий к старой России, в которой, со слезами на глазах, объявил о необходимости покинуть корабли.

«Вам, офицерам без страха и упрека, – сказал он, – будет сделано всё, чтобы смягчить тяжёлую минуту, и надеюсь, что мне не придётся отдавать приказ о спуске Андреевского флага!» Затем, очевидно вспоминая, что ещё недавно, по окончании 1-ой мировой войны, германцы приведя свой флот для передачи его англичанам, сами потопили его на глазах у англичан, адмирал Эксельманс снова обратился к нашим офицерам и сказал: «Не правда ли вы даёте мне честное слово, вы не потопите ваших кораблей?» Но наше офицерство стояло как вкопанное, сохраняя молчание. Тогда Адмирал Эксельманс повторив свой вопрос, подошел к ближе всего к нему стоящему офицеру и, протянув ему руку, как бы прощаясь: «Не правда ли Вы обещаете?» .

На другой день- 16/29 октября 1924года в 17час.25 минут флаги на русских кораблях были спущены по сигналу русского адмирала с церемонией установленной уставом Флота для спуска флага по окончании компании. . Раздалась команда: «На флаг и Гюйс смирно!» и через минуту – «Флаг и Гюйс спустить!» и видно было, как на всех кораблях флаги стали очень медленно спускаться. На «Генерале Алексееве» горнист стал играть сигнал «Спуск флага. . .», но нервная спазма свела муску-

лы горла и он не был в состоянии его докончить ... Флаг спустили до вышины человеческого роста, чтобы все присутствующие, подходившие по старшинству, могли его поцеловать. Так был спущен исторический Андреевский флаг, данный Русскому флоту императором Великим в 1703 году после занятия русскими силами устьев Невы».

Андреевский флаг Черноморской эскадры долгое время находился в Австралии на хранении в эмигрантской Кают-компании русских морских офицеров. В 1975 году капитан М.И. Максимов, оставшийся последним из членов Кают-компании, передал флаг на хранение Михаилу Протопопову, священнику и сыну офицера Российской Императорской армии. В последний раз флаг выносился на публику в 1985 году в Мельбурне во время похорон офицера Черноморского флота.

В 2014 году при содействии Уполномоченного РВИО по делам казачества в США Валерия Анненко стяг был передан Российскому военно-историческому обществу и отреставрирован в государственном научно-исследовательском институте реставрации. 15 августа 2014 года, в ходе встречи Президента России с деятелями культуры в Ялте, председатель Российского военно-исторического общества, Министр культуры РФ Владимир Мединский передал Владимиру Путину отреставрированный Андреевский флаг с последнего корабля Русского Императорского флота.

Морской префект Бизерты вице – адмирал Эксельманс очень сочувственно относился к русским морякам и, возможно, в душе не был согласен с решением своего правительства. Однако, занимая официальную должность, он не мог уклониться от выполнения приказа. Когда стало ясно, что для осмотра кораблей в Бизерту прибудет советская комиссия, Эксельманс в неофициальном порядке обратился к Морскому министру Франции с просьбой об отчислении его от должности морского префекта. Его просьбу удовлетворили, и вскоре он отправился в отпуск «по состоянию здоровья». Советских специалистов принимал вновь назначенный префект — контр-адмирал К. Клеман.

Прошло около недели со дня спуска флага и опальный адмирал, сдавший свои обязанности, покидал Бизерту. Не крейсер был ему предоставлен для возвращения во Францию, как полагается адмиралу, занимавшему такой высокий пост, он уезжал на небольшом пассажирском пароходике, регулярно совершавшем рейсы между Бизертой и Марселем, уезжал в штатском, как обыкновенный обыватель. Никаких почестей со стороны французских властей оказано не было, но зато вся русская колония Бизерты была на пристани. Все пришли проводить адмирала, пожертвовавшего своею карьерой ради русского дела.

Он был уже на корабле, когда среди провожавших увидел адмирала Беренса, тоже в штатском. Эксельманс тотчас же спустился по трапу на пристань и оба адмирала крепко пожали друг другу руки. Михаил Андреевич протянул адмиралу Эксельмансу связку ленточек, которые матросы носят на бескозырке с названием своего корабля. В этой связке были ленточки всех кораблей, некогда входивших в состав Русской эскадры, которой командовал адмирал Беренс. Протягивая эту связку Эксельмансу, он сказал: «Вот это всё, что у меня осталось от моей эскадры». Оба адмирала обнялись и расцеловались....»

В конце 1924 года из Парижа в Бизерту прибыла техническая комиссия из Москвы. В её состав входили брат адмирала М.А. Беренса Евгений Андреевич — военно-морской атташе в Англии и Франции, капитан 1-го ранга Императорского флота, а также выдающийся русский кораблестроитель А.Н. Крылов, инженеры А.А. Иконников, П.Ю. Орас.

Члены комиссии в Бизерте с чинами Русской эскадры контактов никаких не имели, да и французы старались оградить их от таковых. Более того, командующий эскадрой адмирал Беренс на всё время пребывания комиссии в Бизерте с 28 декабря 1924 года по 6 января 1925 года покинул город, не желая компрометировать родного брата, которому предстояло возвращаться в страну.

На период осмотра кораблей советскими экспертами Михаил Андреевич уехал из Бизерты в столицу. Братья, которые не виделись столько лет, так и не встретились! Почему? Разгадку нашли потом во французских архивах: французы взяли с членов советской комиссии подписку, что у них не будет никаких контактов ни с русскими офицерами, ни с тунисцами!

Комиссия ни до чего не договорилась с французами. Флот, покровителем которого в своё время объявила себя Франция, стал предметом торга. Франция соглашалась передать военные корабли только в том случае, если Советский Союз признает дореволюционные долги России Франции....

Комиссия уехала из Бизерты ни с чем. Переговоры длились годами, русские корабли так и стояли в озере и в арсенале Ферривиль. Все матросы и офицеры вынуждены были их покинуть. После спуска Андреевского флага это уже не была территория России.

Необходимо сказать несколько слов о том, как сложилась судьба кораблей эскадры после её ликвидации. Советское правительство очень надеялось увеличить мощь своих морских сил за счёт Русской эскадры. Требования вернуть корабли большевики начали выдвигать с августа 1921 года, однако в тот момент юридического обоснования у подобных претензий не имелось.

Члены комиссии составили перечень кораблей, намечавшихся для возвращения в СССР: линкор «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов», 6 эсминцев типа «Новик» и 4 подводные лодки. Остальные корабли и суда, находившиеся в ветхом состоянии, решили продать на слом. Однако идея передачи кораблей советской стороне не встретила поддержки французского Сената и общественности, усматривавших в этом факте «угрозу французским колониальным владениям от общих замыслов Советского правительства».

И Москва так и не дождалась передачи обещанных кораблей. В Западной Европе поднялась волна протестов против выполнения франко-советской договоренности до части передачи эскадры. Большинство государств опасалось, что это приведет к чрезмерной активизации советской внешней политики. Особенно были встревожены правительства причерноморских и прибалтийских стран. С ними соглашалась и Англия.

Корабли эскадры остались в Бизерте, но их судьба была незавидной. Лишённые необходимого повседневного ухода и с годами капитального ремонта, суда, несмотря на попытки консервации механизмов, ветшали, утрачивали мореходные и боевые качества. Одни из них французы успели продать тем или иным странам. Другие были обречены на демонтаж, продажу на металлолом. В обоих случаях экипажи снимали корабельные орудия, отсоединяли замки к ним, а затем сбрасывали те и другие в море.

По сути, большинство русских кораблей было оставлено на произвол судьбы. По два, по три, по четыре в год их продавали на металлолом. Вслед за этим корабли были проданы на слом. Началась агония русской эскадры, всё ещё стоявшей на рейде. Агония эта длилась 11 с лишним лет...

И здесь особо стоит упомянуть о судьбе двух кораблей Балтийского флота «Алмазе» и «Китобое». В исторической летописи Российского флота крейсер «Алмаз» занимает особое место. Корабль оказался участником не только памятных морских походов, но и знаменитых сражений, стал свидетелем трагических событий в русской истории. Он числился в списках посыльным судном, крейсером II ранга и яхтой, минным заградителем и авиатранспортом, вспомогательным крейсером... Побывал в составе Балтийского флота и Тихоокеанской эскадры, служил на Чёрном море и закончил свою жизнь на Средиземном. В роскошных апартаментах корабля бывали и царь, и великие князья, там же заседал революционный трибунал... «Алмаз» называли «южной “Авророй”», но его имя выбито и на мраморной доске в память погибшей на чужбине Бизертовской эскадры... «Алмаз» 14 ноября 1920 года в составе Русской эскадры ушёл в Бизерту под флагом контр-адмирала Остелецкого, а 29 декабря 1920 года был интернирован там французскими властями. После установления дипломатических отношений между Францией и Советской Россией, 29 октября 1924 года корабль был признан собственностью СССР и продан «Рудметаллторгом» на слом французской фирме. В 1934 году разобран на металл.

«Китобой» — тральщик Российского императорского, Рабоче-крестьянского и Белого флотов. Спущенный на воду в 1907 году с Санкт-Петербургских верфей. Маленький «Китобой», попавший в отряд сторожевых судов, пережил и отобразил своей службой всю трагическую историю русского флота начала XX века – Первую мировую войну, развал самодержавия, смену множества властей, Гражданскую войну. Испытал на себе грабёж «джентльменов»-союзников и стойкость своего экипажа. За свою короткую 16-летнюю жизнь побывал под флагом пяти иностранных держав, но остался верен своему российскому Андреевскому флагу.

В одних источниках «Китобой» называют тральщиком, в других – посыльным судном, но то, что на нём было два морских орудия, и он носил военно-морской Андреевский флаг, делало его полноценным военным кораблём.

Корабль, обогнув всю Европу, добрался до Севастополя только 15 ноября 1920 г., в разгар эвакуации Белой армии из Крыма, в чём и принял непосредственное участие. В 1923 году «Китобой» был реквизирован французским правительством в счёт покрытия расходов по содержанию эскадры. В 1926 году бывший русский корабль был продан в Италию и получил новое название — «Итало». На 1939 год это судно было зарегистрировано в генуэзской судовладельческой компании. За месяц до вступления Италии во Вторую мировую войну «Итало» был реквизирован военно-морским флотом и стал име-

новаться «G79». Судно занималось дноуглубительными работами в Генуэзском заливе. 10 сентября 1943 года, опасаясь захвата корабля немецкими войсками, команда «G79» затопила его в порту Генуи.

Несмотря на то, что Русская эскадра перестала существовать, её судьба больно отозвалась в сердцах русских эмигрантов, причём не только моряков. Память русского флота решили увековечить, построив в Бизерте православный храм, в котором были бы установлены памятные доски с начертанными на них названиями кораблей. Была образована специальная комиссия под председательством контр-адмирала С.Н. Ворожейкина, занимавшаяся организационными вопросами и прежде всего сбором пожертвований. Идею активно поддержали эмигрантские военные журналы — на страницах пражского «Морского журнала» и брюссельского «Часового» постоянно печатались обращения с призывом присылать пожертвования на строительство храма. Деньги поступали со всех уголков мира.

В период Второй мировой войны он сильно пострадал в результате авианалётов на Бизерту. В 1949 году под руководством игумена Феодосия, организовавшего сбор средств, его восстановили. А год спустя в храме установили мраморную доску, на которой были высечены названия всех кораблей, пришедших в Бизерту в 1920–1921 годы. Французское правительство выделило на ремонт 975 тысяч франков, остальные суммы, около полутора миллионов франков, были собраны среди верующих. Этот храм существует и по сей день, олицетворяя собой духовную связь между русскими эмигрантами и Россией.

Часть чинов эскадры и членов их семей осталась жить в Тунисском протекторате. До Второй мировой войны в Тунисе существовала кают-компания офицеров русского флота под председательством контр-адмирала М.А. Беренса. Моряки входили и в отдел Общества русских офицеров — участников войны, возглавлявшийся капитаном 2-го ранга А.П. Кублицким. Но постепенно число русских людей редело: кто-то уезжал из Северной Африки, кто-то уходил в мир иной. Много русских, имевших французское гражданство, покинуло Бизерту после обретения независимости Тунисом в 1956 году.

До 2009 года в Бизерте жила одна из представителей русской эмиграции Анастасия Манштейн-Ширинская, дочь старшего лейтенанта Александра Манштейна, командовавшего эсминцем «Жаркий», входившего в состав Русской эскадры. Именно благодаря этой женщине удалось сохранить и увековечить память о русских моряках не только в Бизерте, но и в России.

Пять лет маленькая Анастасия с родителями, как и другие семьи русских, жила на корабле «Георгий Победоносец». На кораблях была и школа, и ремонтные мастерские. Корабли в бухте стояли плотно, прижавшись бортами, а между палубами были переброшены мостики. Моряки говорили, что это военно-морская Венеция или последняя стоянка тех, кто остался верен своему императору. И каждое утро на палубе поднимался Андреевский стяг.

Русская диаспора в Тунисе жила сплочённо. Позже семья Манштейн перебралась на берег и проживала в Бизерте по улице Пьера Кюри, 4. Родителям Анастасии приходилось нелегко. Отец работал на разных низкооплачиваемых работах, мать была домработницей. В 1929 году Настя окончила среднюю школу Лякор и была принята в предпоследний класс колледжа «Стефен Пишон», благодаря хорошим результатам экзаменов. С этого времени она начала давать частные уроки. Дальнейшее образование она получила в Германии и возвратилась в Тунис в 1934 году. А год спустя вышла замуж за прямого потомка крымско-татарского рода Ширинских и родила троих детей. Сын Сергей долгое время жил с матерью в Тунисе, скончался 4 мая 2013 года, а дочери Татьяна и Тамара переехали во Францию, так как именно Анастасия Александровна настояла на том, чтобы они уехали из Туниса и стали физиками.

Сама Анастасия Александровна параллельно преподаванию занималась общественной деятельностью. Каждый день у неё был распisan по часам. Она присматривала за христианским кладбищем в Бизерте, где похоронены русские моряки, в том числе и её отец. Могилы моряков были разрушены, разграблены. Найти следы многих русских захоронений удалось только благодаря её стараниям. Анастасии Манштейн вела обширную переписку с родственниками моряков — писали их дети, внуки, правнуки, племянники.

В 1989 г. в газете «Советская культура» появилась статья С.В. Жданова под названием «Сквозь пелену времен». В ней автор на основе бесед с Анастасией Александровной впервые попытался рассказать правду о Русской эскадре. После этого стали появляться новые статьи и телепередачи. На место последней стоянки русского флота стали приезжать журналисты, воинские почести могилам моряков отдавали экипажи заходивших в Бизерту кораблей.

И только 17 июля 1997 года в Посольстве России в Тунисе Анастасии Александровне был торжественно вручен российский паспорт с изображением двуглавого орла. Закончилась 70-летняя эпопея:

все эти годы она жила с Нансеновским паспортом – паспортом беженца, выдаваемого в Европе в 20–30-х годы, в котором была надпись: «Данный паспорт выдан для всех стран, кроме России». 21 декабря 2009 года Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн скончалась в своём доме в Бизерте. Ушла из жизни последний свидетель трагических событий Гражданской войны в Крыму, свидетель судеб многих моряков и офицеров Русской Эскадры. Похоронена она была на христианском кладбище в Бизерте, рядом с могилой отца. На одном из венков на кладбище было написано «От русских моряков».

За многолетнюю подвижническую деятельность русская православная церковь наградила Анастасию Александровну орденом Сергея Радонежского. Она единственная женщина, которую Санкт-Петербургское морское Собрание удостоила ордена «За заслуги». В апреле 2003 года Указом президента Российской Федерации Анастасия Ширинская-Манштейн награждена орденом Дружбы. В апреле 2009 года вышел полнометражный документальный фильм «Анастасия», который рассказал о жизни легенды Русской эскадры и получил кинопремию «Ника» Российской киноакадемии.

«Нелегко истребить память народа. Придёт время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на тунисской земле. Усилия наших отцов по их сохранению не были тщетны», – эти слова Манштейн-Ширинская написала в 1999 году, готовя к печати первое издание своих воспоминаний на русском языке.

Вот так со смертью Анастасии Александровны закончилась, возможно, одна из самых скорбных, но и гордых страниц истории Русского флота. В течение четырех лет оторванная от России эскадра существовала на чужой земле. За это время её командованию удалось не только спасти тысячи людей, дав им приют и «твердую почву» под ногами для дальнейшей эмигрантской жизни, но и подготовить новую смену моряков — питомцев Морского корпуса. Правда, им не удалось послужить под Андреевским флагом, но воспитание в традициях Русского флота в дальнейшем оказало влияние на всю их жизнь.

...Осенью 2001 года в Бизерту пришёл ракетный крейсер «Москва». На нём доставили мраморную плиту для могилы последнего командующего Русской эскадры контр-адмирала Михаила Беренса. Когда эскадра перестала существовать, он уехал в Тунис, устроился на работу в местную сельскохозяйственную дирекцию. До последних дней жизни активно участвовал в делах местного отдела Военно-морского союза, пользовался авторитетом у французских властей. Тем не менее, в начале 30-х годов Михаил Андреевич был уволен, отказавшись принять французское гражданство в соответствии с законом о государственных служащих. До самой смерти он перебивался случайными заработками. Герой Порт-Артура и Ирбена изготавливал деревянные игрушки и женские кожаные сумочки. Скончался Михаил Андреевич 20 января 1943 года. Немного друзей пришло проводить русского адмирала в его последний путь – на севере Африки шли боевые действия, Бизерта и Тунис подвергались налётам авиации, транспорт практически не работал.

...С годами в запустение пришли русские кладбища. Увы, но могила Михаила Андреевича Беренса была утеряна. Однако благодаря подвижничеству хранительницы традиций и истории русской колонии в Тунисе Анастасии Александровны, а также инициативе в то время президента фонда «Москва–Севастополь» адмирала Игоря Касатонова и при поддержке командующего Черноморским флотом России адмирала Владимира Комоедова, безымянная могила была отыскана, а останки М.А. Беренса достойно преданы земле. Его память была увековечена в сентябре 2001 года в Тунисе во время визита ГРКР «Москва» под флагом начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Александра Татарина.

Мемориальную плиту, изготовленную в России, положили на столичном кладбище Боржель. Под звуки Гимна Российской Федерации, при Андреевских флагах, с соблюдением воинских почестей на кладбище был открыт памятник русскому адмиралу. Потом мимо него, под марш «Прощание славянки» прошёл почетный караул в белых форменках, белых тужурках при золотых погонах. Над моряками развевался Андреевский флаг. Всё было так, как и должно было бы быть полвека назад.

P.S Может быть, удивительно, а может, наоборот, закономерно: должное воздано и старшему брату командующего Русской эскадры. Могила Евгения Андреевича Беренса, находящаяся на Новодевичьем кладбище рядом с памятником Н. Г. Кузнецову и В. М. Альтфатеру, пребывала в неудовлетворительном состоянии. Адмирал И.В. Касатов лично взялся за возвращение памяти – на могиле Евгения Беренса появился достойный монумент. Примечательно и символично: обе плиты на местах упокоения братьев – и в Москве, и в Тунисе – сделал черноморец, севастопольский скульптор Станислав Александрович Чиж.

Берега истории

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре

Копель

Историческая поэма

Авторские заметки вместо аннотации

У Гоголя в некоторых произведениях действует такой запоминающийся персонаж, как Голова. Колоритный хитрован, хозяйственный, любящий слегка приукрасить свои административные подвиги. Настоящий козак. Избранный всем миром. Обязательно из зажиточных односельчан. Одной с ними крови. К Голове все относились с большим уважением. Считали почётным породниться с ним через женитьбу детей.

После отмены крепостного права хорошо отлаженная система сельского управления стала давать сбои. Захирел прежде процветающий пан Голова. Он же староста, войт, бурмистр, приказчик. Отменённая барщина перестала давать стабильные доходы. Многие помещики подрастеряли капиталы. А простые крестьяне толком не знали, где взять денег на выкуп. Деревню стало лихорадить. Чтобы спасти положение, дворяне сдавали свои имения в аренду тем, у кого водилось золотишко. А водилось оно в ту пору, как правило, в основном у разных авантюристов.

В поэме – это некто Авербах; по подложным документа – Копель. В любом случае, человек не русский. Чуждый общине по духу. Нещадно эксплуатирующий село. Вызывающий у народа понятное раздражение.

Сюжет крутится вокруг спиртозавода, перегоняющего на градус политые крестьянским потом на роскошных угодах хлеб и картошку. Тяжкий труд как бы морально обесценивался. Такое положение вечно продолжаться не могло. В пору революции 1905–1907 годов по стране прокатилась волна явно спровоцированных поджогов помещичьих, как уверяют историки, усадеб. На самом деле, в большинстве случаев там давно сидели арендаторы-Копели. А бывлые хозяева прожигали деньги в Питерах.

Нередко погромы заканчивались убийствами. Трагична судьба и ведущего персонажа поэмы. А главный герой её – восставший народ. Не зря многие исследователи приходят к выводу, что первым опасным фитилём к революции полыхнула именно отмена крепостного права.

Я не стал бы об этой реальной истории, произошедшей в моём родном брянском селе Рохманово, писать, да ещё прибегнув к лиро-эпическому жанру, если бы через век российская история не стала повторяться с пугающей последовательностью.

Переворот 1991 года бесцеремонно отменил советских «помещиков» – колхозы и совхозы. Разделённую на паи землю прежних хозяйств мало кто взялся обрабатывать. Даже для пятигектарных

лоскутов (были и такие) нужны техника, семена, удобрения, элитный скот. Наконец, солидные счета в банках и рынки сбыта продукции. Откуда они у вчерашних колхозников? Да и не верилось, что государство не раскулачит набравших обороты фермеров, а по старой памяти – кулаков. Довольствовались селяне, как и прежде, приусадебными участками. А паи просто продали за гроши появившимся, как черти из табакерки, дельцам.

Так через сто с небольшим лет в русской деревне всплыли новые Копели. Не менее наглые и бесцеремонные. Часто с двойным гражданством. Кто-то опять организовал примитивные винокурни. А кто-то заташил в сёла мощные аграрные компании, вроде отечественные, но с западными корнями, производящие, например, мясо подозрительного качества. Причём во многих местах новые владельцы перекрыли колючей проволокой даже ближние выходы на кладбища. Покойников теперь приходится обвозить на родной погост чуть ли не за десятки километров. Чем это кончится?

Небольшая по объёму поэма мною задумывалась, как произведение-предупреждение. Ещё к столетию той, первой, революции, вроде второстепенной и, в общем-то, недостаточно изученной. Бывая на малой родине, я несколько лет возвращался к теме. Советовался с краеведами, учителями и работниками музеев. В конце концов, сел за клавиши компьютера.

Основная мысль поэмы «Копель»: к русской крестьянской общине 21 века нужны более национальные подходы, исключая бунты и новые грандиозные потрясения. Тогда всё ещё плодородная земля даст благодатные общественные всходы.

Пойму ли я – как между копен,
 На жирных землях и хлебах,
 Подмяв деревню нашу скопом,
 Сидел помещик Авербах.
 Никем особо не испытан
 На герб и ксивость паспортин,
 Хозяин, промышлявший спиртом,
 На целой тыще десятин.
 Где раньше зрели караван
 И драники в тени ботвы,
 Серпы ячмень и рожь карнали
 Во имя выгодной бурды.
 Тянулись озимью обозы;
 Под дубом ярый зрел сырец,
 Извоз толкая на курьёзы;
 Вокруг раздувшихся колец.
 Сдвигали хлопцы тарный обруч,
 Сверлили тоненькую щель.
 Жизнь на селе – лихой всеобуч
 Не состоявшихся мощей.
 Совали под струю стаканы,
 На закусь нюхали рукав.
 Вкусны мохнатые бараны
Для отупленных орав.
 Какая, к чёрту, осторожность,
 Чего жалеть чужой навар!
 Катился с песней подорожной
 Обоз казацких шаровар.
 Под «будь» прикладывался поезд,
 Куроча градусный родник.
 Пока сто вёрст заткнёшь за пояс,
 Раз семь набухнет воротник.

**Далёк Погар под Конотопом,
 Шерсть вязнет мясом на зубах.**
 С ума сойдёт приبلуда Копель,
 По документам – Авербах.
 К судьбе крестьянской равнодушный,
 Скуривший ниву в сизый дым.
 Он был, наверное, контужен
 Пятирублёвым золотым.
 Довольно странный сивый барин,
 Не понимающий греха.
 Его клеймённого амбара
 Сивухой пахли потроха.
 Молчал приказчик по привычке;
Возницы, будьте нележки!
 Трещали крепкие затычки
 И в рукавицах кулаки.
 Они б сейчас набили морду
 Тому дворянскому лицу,
**Что всю мужицкую свободу
 В аренду отдал за кицу.**
 Прохвосту явно подставному,
 Что всем законам вопреки,
 Назло грядущему погрому
 Спустил гектары у реки.
 Не серых почв, а чернозёма,
Где таранас рожала жердь.
 Тут всё, что было солью дома,
 На спирт пытались пережечь.
 С того и мучился приказчик,
 Как стерегущий сливки кот.
 Сидел тихонько и не кашлял,
 Чтоб не обиделся народ.

Как говорится, чья б мычала...
Из-за каких-то жалких вин.
Коль новый век судьба качала
Среди курганов и лощин.
Младенец зырился спесиво
На ситец красный повитух.

И без особого посыла

Гулял в имениях петух.
Вражда пошла меж мужиками
То за угодя, то за баб.
И спорил ночь с колоколами
Пожарной рельсины набат.
На Гомель лёгшая дорога,
Как самый страшный конокрад,
Вдруг увела крестьян от Бога
В железный пролетариат.

Не зря же дьякон, предок милый,
За двадцать пять земных рублей,
Купил земельку для могилы
Себе у храмовых аллей.

Святую вечную местину;

Меж тем и этим светом брод,
Где в час положенный по чину
Его отпел священник Пётр.
Чего жалеть последний лапоть,
Готовясь выйти на покой.
Ещё придёт страна на паперть
К нему с протянутой рукой.
Всё ожидало горько слома,
И не хотел взглянуться хват,
Как ночью плакала солома
На крышах вымоченных хат.
Бугрилась дерзко вереница
Событий новых и забот.
Уже понукивал возница
Конька по кличке – Пятый Год.
Я накануне юбилея,
Спустя аж сотню звонких лет,
Гляжу – какая галерея
Событий вписана в портрет.
Тогда толпа из Чернижова,
Истока сладких почв и вод,
Носила камень напряжённо
Вокруг помещичьих ворот.

И по ночам шумела копань

С раскисшей грудой конопля.

Был обречён пришелец Копель,
Как и другие куркули.
Земля, не вынесшая спирта,
И долго вывшая в трубу,

Последний день иезуита
Таскала молча на горбу.
Убийц на каторгу сослали
Со славой доброю в Сибирь.

.....
Нашёл среди выцветших писаний
Я историческую быль.

Читал старинные бумаги

От грустных дум навеселе:

С заплесневелым вкусом браги
В старинном сельском булдыре.
Из стен зачатого завода
Мужик фасонистый Остап
Фундамент выложил со сводом
Для белокаменных палат.
Имел к нему возы претензий
Его лукавый домовый.
И дом от пенсий и до пенсий
Ходил с больною головой.
А кто на улочке той вызрел,
Лишь горе горькое стяжал.
То батька в сына сыпал выстрел,
То дед потомков поджигал.
То под забор бросала дочку,
Отняв с натугой от груди,
Тут баба, выстроив цепочку
Своей и внучкиной судьбы.
Висело пьяное проклятье –
Дубовой бочки страшный плод.
И даже свадебное платье
Воняло зеленою болот.
Тут ничего не изменилось
Спустя космический весь век.
Бумага только прохудилась,
Да прохудился человек.
И, говорят, что между копен,
На жирных землях и хлебах,
Никем не взятый, бродит Копель,
По документам, Авербах.

* * *

Вы не ищите аналогий;
Пою я песни о земном,
Не виноватый, что итоги
Чужим пропитаны вином.
И эту добрую поэму
Народу мудрому дарю,
Пускай подумает на тему –
Как жить грядущему царю!

Комментарии

Отупленные оравы

Возницы в бараньих тулупах. «Закусывают» спирт нюханием рукавов.

Далёк Погар под Конотопом,

Шерсть вязнет мясом на зубах

Обоз направлялся в брянский городок Погар, находившийся недалеко от украинского Конотопа, скупающего потом у оптовых поставщиков большие партии спирта. «Закусывание» часто приводило к тому, что разгорячённые мужики случайно откусывали клочья шерсти.

Возницы, будьте нележки!

Недовольный приказчик таким манером про себя прокликает возниц-выпивох, добравшихся до помещичьего товара.

Что всю мужицкую свободу

В аренду отдал за кицу.

Настоящий помещик, обнищавший после отмены Крепостного права, продал подставному лицу, явно еврею Копелю, за приличные деньги своё имение в аренду. Такое тогда происходило сплошь и рядом. Новый хозяин начал дикую эксплуатацию русских крестьян. За это ему и отомстили.

Где тарантас рожала жердь.

Большинство почв в той местности – чернозёмы. По меткому народному присловию, они такие плодородные, что воткни оглоблю (жердь), вырастет тарантас.

И без особого посыла

Гулял в имениях петух.

Революция 1905 года в деревне началась с массового поджога (красного петуха) имений, в которых, по сути, жили подставные управляющие.

Святую вечную местину;

Меж тем и этим светом брод.

Обычно место для захоронения у самой церкви выкупалось наиболее достойными служителями культа. Оно считалось почётным. Считалось, что отсюда было легче попасть в рай. Своеобразный духовный брод. Всякий заходящий в храм должен был поклониться этим могилам.

И по ночам шумела копань

С раскисшей грудой конопли.

Копань-пруд, сажалка, специально выкопанная для долгого замачивания конопли. Только после такой процедуры её можно было обрабатывать и ткать из неё посконные холсты.

Читал старинные бумаги

От грустных дум навеселе:

На родине автора, в брянском селе Рохманово, краеведы собрали материалы о реальной трагической истории, случившейся с местным управляющим имением Копелем. Автор радовался, что сумел ознакомиться со старинными записками, достаточно грустными по описанию драматических событий.

То батька в сына сыпал выстрел,

На улочке, где некогда стоял спиртозавод, постоянно творилась разная чертовщина. Например, отец, колхозный бригадир, в припадке пьяного бешенства застрелил из ружья, заряжённого дробью, сына-подростка.

Мир без границ

Берега Франции

Александр Трубецкой

Князь Александр Александрович Трубецкой родился в 1947 году в Париже. Он посещает многие страны СНГ, регионы Российской Федерации с чувством того, что его имя способствует напоминанию об истории, культуре, геополитическом положении России, всегда открыто говорит, что является патриотом России, делает всё, что может, чтобы способствовать сохранению её исторического прошлого, культурного и духовного наследия

Речь на Всемирном Конгрессе соотечественников, октябрь 2018

Основой неотвратимого, поступательного развития России всегда служила русская духовность и культура. Сама она служила зримым выражением прогресса русской цивилизации. События 100-летней давности нанесли культуре России и особенно духовной культуре, следственно самой России тяжёлый и трагический удар. Произошло «столкновение России с Интернационалом», как писал Александр Куприн.

А по меткому выражению П.Н. Милюкова о результате, «не базис поднялся до уровня надстройки, а надстройка была опущена до уровня базиса». (Отмечу, что Милюков вовсе не был сторонником монархии). Позволю себе сказать, что сам я идейно монархист, но смотрю с кем.

Часть России тогда была разбросана по всей нашей вселенной, и многие из нас стали, благодаря нашим отцам, хранителями и носителями той части культуры и духовности, которая в то же время преследовалась на родине и была там частично утрачена.

К этой диаспоре потомков первой волны эмиграции присоединились новые эмиграционные потоки, которые в свою очередь сегодня приносят неоценимый вклад, особенно в распространении русского языка. Сегодня принято называть всех нас «соотечественниками». Но я откровенно скажу, что это название меня иногда коробит.

Получается, что под этим трафаретом «соотечественники» нас часто видят как других русских. И, следовательно, в России, к сожалению, соотечественников часто используют как «наивно полезных» и не больше, а в некоторых западных кругах мы часто восприняты как «наивные дураки» или даже как «мягкая сила пятой колонны». Извините за откровенность.

Конечно, я говорю, в основном, опираясь на опыт той волны, от которой я происхожу.

Благодаря нашим предкам, сохранившим в зарубежье подлинные элементы величественного здания русской духовности и культуры, сегодня мы имеем исторический шанс дать жизнь новому качественному состоянию, новой стадии развития России.

Культурное и духовное Наследие так называемой «белой эмиграции» не должно оставаться уделом узкой группы специалистов, его необходимо на государственном уровне не только тщательно изучать, а бережно сохранять и включать в повседневную жизнь современной России.

Сохранять следует не как объект удовлетворения праздного любопытства или пропаганды, а как национальное достояние, как субстрат для воспитания подрастающего поколения.

Это включает необходимость нашего привлечения в конкретную работу политических, общественных и экономических начинаний на пользу России. А не только культурных. Мы сами не хотим и нас не должны ограничивать в роли тех «наивно полезных», о которых я говорил выше. Дерзну сказать, что мы стоим большего.

Мы нужны России не меньше, чем Россия нужна нам. В этом Наследии можно найти подлинные

свидетельства о том, какой материально и духовно была Россия до начала социалистических преобразований и опустошительных войн XX века, т.е. как она выглядела и чем жила.

На примере прошлого мы напоминаем, как завещали нам наши отцы, что современная Россия должна осознать, вспомнить, вернуть, вобрать, удержать и сохранить всё жизнеспособное, перспективное, ценное, что составляло Россию историческую.

Но не воспринимайте мои слова как утопию. Точка исхода и точка возврата, конечно, не совпадут. Понятно, что мистическое возвращение в прошлое, какое оно было, невозможно.

Возвратное приближение к точке трагического разрыва происходит на качественно иной социальной основе, на более высоком уровне развития технологий и на развитии современной цивилизации, и, конечно, на образовании. А просто возврат к прошлому точка в точку был бы только поверхностным, на подобии толстовского мирозерцания.

И всё-таки созданное нашими предками подлинное наследие России не отказывается, а наоборот, обеспечивает органическую преемственность развития, и тем самым наши предки дали нам возможность сегодня утвердить его поступательность вперёд и вверх.

Мы, потомки той великой России, верим, что будущее России не находится в руках тех, кто открывает памятные доски Колчаку, или восхваляют террориста Урицкого, как это недавно произошло в Санкт-Петербурге, и не тех, кто реабилитируют Сталина в момент, когда России надо отвечать на совсем другие вызовы.

В нашем беспокойном мире Россия как никогда находится в большой опасности. Мы потомки многокультурной и часто разноликой эмиграции.

Мы также многокультурные и разноликие россияне следующих волн зарубежной России. Мы россияне постсоветского пространства, живущие на родине. Все мы принадлежим, как и вся Россия, Русскому Миру.

Мы россияне, вернее, Мы РУССКИЕ в широком понимании этого слова.

Мы должны смотреть на будущее России. Как и наши предки в разные периоды нашей истории, мы сегодня должны собирать наши силы против тех, кто непрерывно нападает на Россию, т.е. на нас.

Мы должны бороться против русофобии. Одновременно мы должны бороться за распространение РУССОФОНИИ. Мы должны бороться против тех, кто угрожает нашему единству. Мы должны бороться против тех, кто ведёт нападения на единство нашей Православной Церкви. Американский политолог Збигнев Бжезинский писал в своём видении мировой шахматной игры, что надо уничтожить и Россию, и Православие.

Я не один раз говорил что, мы, живя в разных странах всего мира, являемся посланниками России в полном сознании этой священной миссии. Это и есть наш долг перед Отечеством и наша ответственность.

Пусть противники России нас называют мягкой силой, а ведь сами они развивают против нас эту мягкую силу в куда более широких масштабах.

Будущее в наших руках, но чтобы показать нашу моральную и духовную силу, мы всё же должны пройти через осмысление жутких периодов нашей истории. Осмысление – это общее наше покаяние перед родиной Россией за все ужасы, которые постигли её в период 20-го века. Стоит напомнить, что по прогнозам Менделеева рост населения России должен достичь более чем 600 миллионов жителей. Тогда мы будем сильнее всех, сильнее потому, что мы миру покажем эту непобедимую русскую силу, которой мы должны гордиться и которая спасёт нас в самые трудные периоды нашей истории.

Мир без границ

Берега Великобритании

Мария Львова

Член Комитета «Русское Наследие в Великобритании», Лондон

**Автор гимна «Боже, Царя Храни!» –
Алексей Фёдорович Львов (1798–1870),
почётный член Королевской академии музыки Лондона**

«Обедав несколько раз у нашего посланника барона Брюнова¹, я с особенным удовольствием слушал, как англичане играли наш народный гимн: «Боже, Царя храни»; это удовлетворяло самолюбие Русского артиста...»

А.Ф. Львов «Записки»²

22 января 2018 года. Дожливый, серый день типичного зимнего Лондона. Мы стоим в самом центре Британской столицы на улице Мэрилебон Роуд³, что рядом с Риджентс-парком⁴, перед главным входом в Королевскую академию музыки Лондона⁵. В наших руках только что полученная копия рукописного документа-протокола о внесении Алексея Фёдоровича Львова в список почётных членов академии. Документ подписан основателем академии лордом Вестморландом в стенах этого здания ровно 175 лет назад. Мы нашли его и тем самым подтвердили почётный статус русского композитора. Документ гласит:

«День Комитета
Пятница 20 января 1843 года
Присутствовали
Сэр Джордж Клерк, Барт МП
Сэр Уильям Кертис, Барт
Сэр Эндрю Ф. Барнард, КСВ
Сэр Джон Кэмпбелл

Были зачитаны протоколы слушаний на последнем заседании Комитета.

Госпожа Гамильтон подала в Комитет письмо, полученное от лорда Вестморланда вместе с партией музыки, сочинённой господином Алексеем Львовым, предлагая его имя для внесения в список почётных членов академии. Принято, стандартный диплом оформлен и направлен по указанию; и что его светлость попросила передать от имени комитета благодарность господину Алексею Львову за музыку, которую он так любезно предоставил в учреждение и сообщить ему, что его имя внесено в список почётных членов Королевской академии музыки».

В 2018 году исполняется 220 лет со дня рождения Алексея Фёдоровича Львова (1798–1870) – блестящего офицера, всемирно известного скрипача-виртуоза, композитора, инженера, общественного деятеля, руководителя Придворной певческой капеллы, автора музыки первого гимна Российской империи «Боже, Царя храни!» и 185 лет (1833/34) со дня первого исполнения гимна.

¹ Брюнов – Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) – русский дипломат, действительный тайный советник (1856). Дольше, чем кто-либо в истории, занимал посты посланника и посла России в Великобритании (1840–1874).

² Львов А.Ф. Записки. Русский архив, 1884. Т.2. Кн. 3–4. С. 244–245. («Записки»).

³ Marylebone Road, NW1 5HT, London – адрес Королевской академии музыки.

⁴ Regent's Park, London – название городского парка.

⁵ The Royal Academy of Music of London – находится под началом Лондонского университета. Была основана в 1822 году Лордом Вестморландом (полное John Fane, 11th Earl of Westmorland, 1784–1859).

При жизни музыкальный талант Алексея Фёдоровича Львова был отмечен званиями магистра Болонской академии, почётного члена Лондонской, Сицилийской (в Риме) и Венской академий, Берлинской академии изящных искусств, академика и профессора класса капельмейстеров Флорентийской академии изящных искусств. Композиторский талант Львова и его музыкальные познания высоко ценились Берлиозом¹ и Листом², а заслуги в деле церковного пения признаны всеми специалистами в этой области.

А начиналось все в Ревеле (ныне Таллин – столица Эстонской республики), где он родился 25 мая 1798 года, но детские годы провёл в Петербурге. Алексей был представителем известной дворянской аристократической фамилии, все члены которой были глубоко образованными людьми. Например, его прадед Пётр Семёнович Львов (умер 1746) во время персидского похода Петра I³ сложил из фольклорных цитат ставшую впоследствии народной песню «Уж как пал туман на сине море»⁴. Его отец Фёдор Петрович Львов (1766–1836) – был выдающимся музыкальным деятелем своего времени, а также отличным скрипачом, поэтом и писателем, автором книги «О пении в России»⁵. Он владел огромной музыкальной библиотекой и ценнейшей коллекцией музыкальных инструментов, в которую входили скрипки Страдивари, Штайнера, Амати, Гварнери, Клоца, Маджини.⁶ Фёдор Петрович был близко знаком с Гаврилой Державиным⁷. После смерти Дмитрия Бортнянского⁸ он стал директором Петербургской придворной капеллы, которой руководил до самой своей смерти (с 1816 по 1836 год). Он сумел и сыну привить понимание музыки. Очень знаменит был двоюродный брат отца Николай Александрович Львов (1753–1803) – выдающийся деятель русской культуры эпохи Просвещения, больше известен сегодня как архитектор, но интересы его были чрезвычайно разносторонними. Он был поэтом и переводчиком, художником и гравёром, музыкантом и фортепианостроителем, тонким художественным критиком и автором крупных придворных художественно-символических программ, собирателем русских народных песен, издателем, археологом и естествоиспытателем, также изучал русский фольклор и был одним из составителей «Собрания народных русских песен с их голосами»⁹. Он был членом Российской академии (1783), почётным членом петербургской Академии художеств (1786). Вокруг Н.А. Львова группировался литературный кружок, кружок художников, кружок музыкантов (И. Прач, Е.И. Фомин, Дж. Сартти)¹⁰.

С самого раннего детства Алексей был окружён музыкой, литературой и театром. В доме постоянно устраивались музыкальные вечера, литературные салоны, спектакли – это было не только обязательным атрибутом воспитания того времени. В доме Львовых и его окружении это было жизненной необходимостью: при Павле I служба была строго регламентирована. Только участие в салонах и кружках позволяло хоть на время посмотреть на мир глазами искусства.

Творческая обстановка в семье благотворно сказывалась на воспитании детей. Получая дома всестороннее образование, дети обучались ещё и игре на музыкальных инструментах, чаще всего на скрипке, так как сам Фёдор Петрович неплохо владел этим инструментом. Маленькому Алексею так нравилась скрипка, что даже его игрушками были детские скрипочки, которые ему дарил отец.

¹ Берлиоз Гектор (1803–1869) – французский композитор, дирижер, музыкальный писатель периода романтизма. Член Института Франции (1856).

² Лист Франц (1811–1886) – венгерский композитор, писанист-виртуоз, педагог, дирижер, публицист. Основатель Веймарской школы в музыке.

³ Петр I Алексеевич (1672–1725), царь с 1682 года, император Всероссийский с 1721 года, основатель второй столицы России.

⁴ См. Львов Н.А. Письмо Н.А. Львова к П.Л. Вельяминову//Московский журнал. 1791. Ч.4.

⁵ СПб., 1834.

⁶ Скрипичные мастера: Страдивари Антонио (1644–1737), Штайнер Якоб (1617–1683), Амати Николо (1596–1684), Гварнери Андреа (1626–1698), Клоц Йозеф (1743–1809), Маджини Джованни (1580–1632).

⁷ Державин Гавриил Романович (1743–1816), русский поэт эпохи Просвещения, государственный деятель Российской империи, сенатор, действительный тайный советник.

⁸ Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – русский композитор, дирижер, певец. Воспитанник, позднее управляющий Придворной певческой капеллой в Санкт-Петербурге. Считается создателем классического типа русского хорового концерта.

⁹ «Собрание народных русских песен с их голосами», Н.А. Львов – И. Прач (1-е издание – 1790, 2-е издание – 1806, 3-е издание – 1815) являются первыми печатными сборниками русских народных песен и как в силу этого, так и благодаря огромной ценности включённых в них песенных материалов имеют выдающееся музыкально-историческое значение.

¹⁰ Музыканты и композиторы: Прач Иван (1750–1818), Фомин Е.И. (1761–1800), Сартти Джузеппе (1729–1802).

Музыкальные способности Алексея проявились очень рано, и серьёзные занятия начались с пяти лет. И вскоре Алексея отдают лучшим скрипичным педагогам Петербурга: Кайзер, Витта, Бо, Шмидек, Лафон и Бем¹.

К семи годам Алексей разыгрывал все ноты старинных сочинений, которые батюшка выписывал из всех стран Европы. Уже в этом возрасте Алексей начинает выступать в домашних концертах, играя сначала в квартетах партию второй скрипки, но затем ему поручают первую скрипку в квартетах Плейеля, Боккерини и даже Моцарта.² В девять лет Алексей Львов выступает публично с концертами.

В 1810 году умирает мать³ Алексея, и Фёдор Петрович остаётся вдовцом с 10 детьми на руках. В эти же годы род Львовых постигает ещё одно несчастье – дети Николая Александровича Львова остаются круглыми сиротами⁴. Их забирают в свою семью Державины: Гавриил Романович и Дарья Алексеевна, приходящаяся родной тёткой им.⁵ Одна из сестёр, Елизавета⁶, умная, своенравная и с детства имевшая независимый характер, становится секретарём своего дяди – поэта Державина.

К двадцати годам Елизавета Николаевна, очень красивая и привлекательная девушка, всесторонне образованная, пользующаяся большим успехом у мужчин, отказывается от любых предложений руки и сердца. Она полюбила своего двоюродного дядю, Фёдора Петровича, которого знала всю жизнь. Они тайно венчаются в 1810 году. Алексей Львов в своих «Записках» говорит о ней замечательные слова: «На десятом году моего возраста матушка скончалась; но Бог не оставил нас: он дал нам мать другую, составляющую и поныне связь и счастье всей семье». (Это написано в 1847 году, когда Алексею Фёдоровичу было уже около пятидесяти лет).

В 16 лет Алексей Фёдорович поступил в Санкт-Петербургский институт путей сообщения, а в 20 – вышел «первым учеником» (его фамилия была выбита золотыми буквами на почётной мраморной доске лучших выпускников). В 1818 году последовало высочайшее распоряжение, чтобы первый по успехам офицер, выпущенный из Института путей сообщения, поступил на службу в округа военных поселений и 9 июня 1818 года Алексей Львов был произведён в поручики и откомандирован к месту службы. Таким образом, изнеженный, неопытный, не имеющий представления, что такое подчинение, юноша сразу попал в суровую школу. Служба, по словам его, была неимоверно тяжела. Строительство велось сезонно – с весны до ноября. Бремя тяжкого подневольного труда лежало на солдатах, но производители работ обязаны были находиться при них неотлучно. Распорядок дня был изнуряющим, за гранью человеческих возможностей: с 3-х утра до полудня и с часу дня до 9 часов вечера. Выходной полагался лишь один – по воскресеньям.

Несмотря на это, Алексею Львову удалось заслужить благосклонность своего сурового начальника, так что уже в приказе 12 июля 1819 года последний объявил благодарность молодому инженеру, а вскоре после этого, показывая Александру I⁷ произведённые постройки и называя молодого строителя, граф Аракчеев⁸ откомендовал Львова как отличного офицера. Находившийся тут же будущий император Николай I⁹, как знаток инженерного и строительного искусств, обратил на него своё внимание.

В 1821 году он произведён в капитаны и получил орден св. Владимира 4-й ст.; а через год назначен старшим адъютантом в штаб военных поселений, где два раза был награждён бриллиантовыми перстнями по представлению Аракчеева, продолжавшего благоволить к нему. Все это время, не-

¹ Интернет ресурс: www.narvamuusika.ee

² Плейель Игнац (1757–1831) – французский композитор и издатель, основатель фортепианной фабрики «Плейель»; Боккерини Луиджи (1743–1805) – итальянский виолончелист и композитор; Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

³ Березина Надежда Ильинична (1776–1810) – мать Алексея Фёдоровича Львова; племянница Марии Алексеевны Львовой (урожденной Дьяковой).

⁴ Николай Александрович Львов умирает в 1803 году, а через четыре года, в 1807 году, умирает его жена – Мария Алексеевна Дьякова (1755–1807).

⁵ Державина Дарья Алексеевна (1767–1842), урожденная Дьякова, была родной сестрой Марии Алексеевны Дьяковой.

⁶ Львова Елизавета Николаевна (1788–1864) – дочь Н.А. Львова (1753–1803) и М.А. Дьяковой (1755–1807); приходилась племянницей Алексею Львову.

⁷ Александр I (1777–1825) – император Всероссийский. Старший сын Павла I (1754–1801) и Марии Фёдоровны (1759–1828)).

⁸ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф – русский, государственный и военный деятель, генерал от артиллерии, член Государственного Совета, сенатор, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I. Умер в своём имении Грузино.

⁹ Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссийский. Третий сын Павла I. Родной брат Александра I.

смотря на тяжёлую службу, он не оставлял занятий музыкой и каждый день находил время поиграть на скрипке, нередко засыпая от усталости с нею в руках. В 1825 году Аракчеев не принял участия в подавлении восстания декабристов и был отправлен новым царём в отставку. Воспользовавшись этим, 3 февраля 1826 года Львов уволился со службы в чине майора.

В отставке он пробыл недолго. В ноябре 1826 года Бенкендорф¹ предложил Алексею Фёдоровичу должность старшего адъютанта Жандармского корпуса. Судя по всему, у Львова не было выбора. Его братья – Илья и Василий², а позже муж сестры Алексей Семёнов³ были арестованы по делу декабристов, но после очных ставок с доносчиками, которые, в конечном счёте, отреклись от своих показаний, их отпустили. При этих обстоятельствах отказ Львова от службы у Бенкендорфа едва ли был возможен.

Однако, зная на какую службу он поступает, Алексей Фёдорович просил, чтобы Бенкендорф не употреблял его «по секретной части». Он считал, что «совершенно к тому неспособен». Просьба его была удовлетворена, и ему поручены были все дела главной императорской квартиры и собственно Его Величества конвоя.

«С тем вместе, – пишет он, – я обязан был следовать во всех путешествиях Государя и исполнять должность секретаря собственной канцелярии графа». В обязанности секретаря входило ведение документации корпуса и канцелярии III отделения. Государь, соглашаясь на определение Львова на эту должность, сказал Бенкендорфу: «Возьми его, он хороший офицер, сумел восемь лет прослужить у Аракчеева».⁴

Несколько лет Алексей Львов совмещает должности управляющего делами главной императорской квартиры и императорского конвоя, а также секретаря канцелярии шефа жандармов. Возглавляя личный конвой Его Императорского Величества, состоявший из двух (Горский и Кавказский) полускадронов в 138 всадников, он отвечал за личную безопасность императора во время его поездок по России и за рубежом, сопровождая его во всех гражданских и военных компаниях.

В 1828 году Львов с главной квартирой отправился, по случаю войны с Турцией⁵, за Дунай в качестве заведующего делами главной квартиры и находящегося в свите государя «для производства дел, до вояжей относящихся». Там он оказался свидетелем сражения при Шумле, осады и взятия крепости Варна.

А.Ф. Львов сопровождал Николая I в поездках в Берлин, Варшаву, в 1831 году, заменив заболевшего холерой Бенкендорфа, – в путешествии по России. В 1833 году ему присвоено звание кавалергарда.

К этому же году относится его серьёзная инженерная работа – проект изящного арочного мостика в имении Бенкендорфа в Фалле (недалеко от Ревеля, теперь это Кейла-Йоа).

Александр Христофорович Бенкендорф в своем имении под Ревелем, доставшемся ему от отца, задумал ряд преобразований. По заказу Бенкендорфа, малоизвестный в то время архитектор А.И. Штакеншнейдер⁶, рекомендованный ему Огюстом Монферраном⁷, за 2 года создал «Замок Фалль»: «На берегу моря в холмистой местности, окутаной лесами, над крутым скалистым берегом реки, против шумного пенистого водопада стоит дом с высокой башней, с террасой, с балконом, в том затейливом, несуровом готическом стиле, который при Николае I был пущен в ход архитектором Штакеншнейдером».⁸ Усадьба получила название «Фалль» или «Замок Фалль» по главной своей достопримечательности – естественному водопаду (по-немецки fall). Большое впечатление на гостей производил огромный парк, окружавший главный дом усадьбы.⁹

¹ Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) – русский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии. Из дворянского рода немецкого происхождения, сын рижского гражданского губернатора Христофора Бенкендорфа (1749–1823). Брат Константина Бенкендорфа и Доротеи (Дарьи) Ливет (урожденная Доротея фон Бенкендорф).

² Илья Фёдорович (1797–1841); Василий Фёдорович (1803–?).

³ Семёнов Алексей Васильевич (?) – сенатор, действительный статский советник. В 1825 году был арестован, но впоследствии освобождён по заверению его друга Пущина о непричастности к декабристам. Муж сестры Дарьи.

⁴ Львов Л.Ф. Воспоминания//Русский архив. – 1885. Кн. 1.

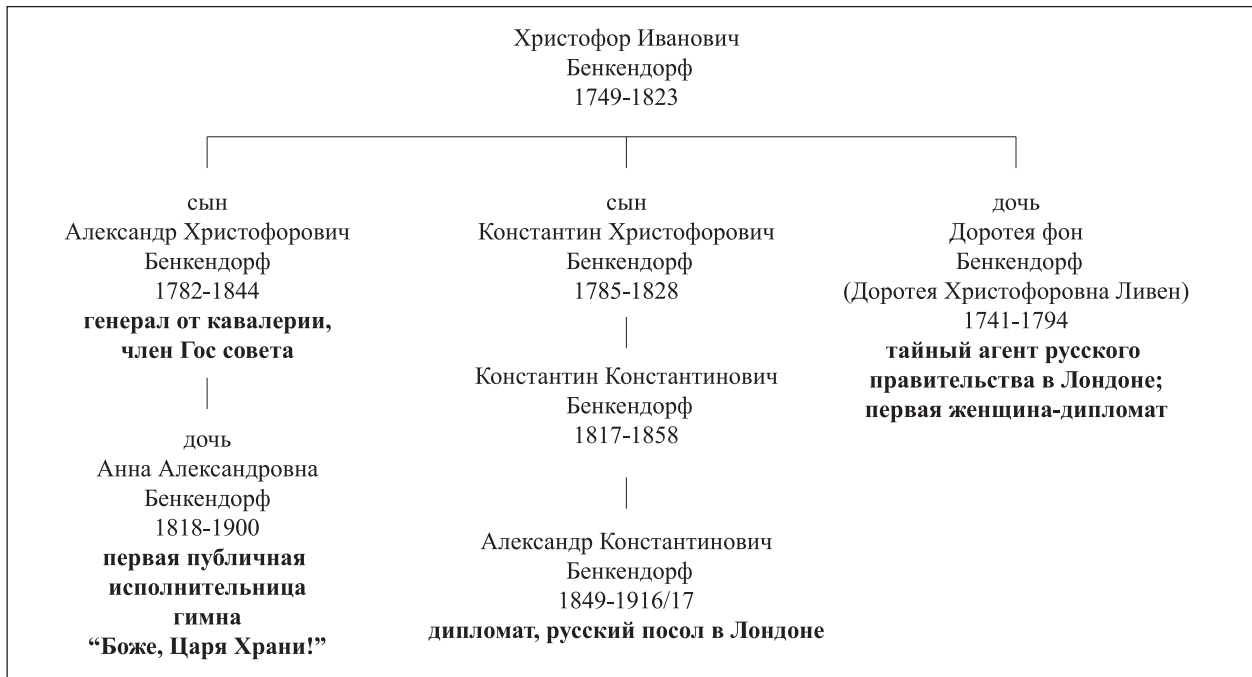
⁵ Русско-турецкая война 1828–1829. Осада крепости Варна (13 июля – 29 сентября 1828 года) – эпизод русско-турецкой войны.

⁶ Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865) – русский архитектор, спроектировавший ряд дворцов и зданий в Санкт-Петербурге и Петергофе.

⁷ Монферран Огюст (1786–1858) – архитектор, строитель Исаакиевского собора и Александровской колонны в Санкт-Петербурге.

⁸ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2 тт. Т.2. М., 1992. С.112–113.

⁹ Лада Вунч. В дивном Фалле под Ревелем. Наше наследие, № 58, 2001. С.144–149.

В этом имении, находясь в гостях у Бенкендорфа, много раз музицировал Алексей Фёдорович Львов, поражая всех своими скрипичными концертами. И вот Львову, как инженеру, захотелось сделать подарок своему шефу – перекинуть мост через широкий ручей, который было неудобно обходить.

Сведения о проекте моста Алексея Фёдоровича Львова в имении Бенкендорфа содержатся на листах № 8 и 9 (в библиотеке ЛИИЖТа). Здесь приведены план, фасад и поперечное сечение моста (отверстие в свет ровно 100 футов, т.е. 30,5 м). Внизу надпись: «Построен в поместье графа А.Х. Бенкендорфа близ Ревеля, называемо Фалль».¹

Приведём текст из воспоминаний Алексея Фёдоровича Львова: «В 1833 году был у графа Бенкендорфа в его имении, близ Ревеля, Фалль; гуляя со мной в саду, он стал просить меня построить мост через реку, проходящую в его саду, шириной 100 фут. Местоположение и быстрота реки требовали мост на цепях; но граф никак не хотел, чтобы на берегах были построены какие-либо возвышения, необходимые для цепей, говоря, что они скроют лучшие виды из дома. Я ничего не обещал, потому что условие это исключало собою самое необходимое при цепных мостах. Но, задав себе задачу, я имею привычку беспрестанно о ней думать, доколе чем-нибудь не разрешу, или вовсе не откину. Я искал изобрести способ поместить цепи под мостом, и чтоб испытать первое моё соображение, я взял прутик, согнутый от природы столько, сколько я предполагал бы дать возвышения мосту, концы этого прутика связал ниткой довольно слабо, а по протяжении нитки поставил вертикально в равных расстояниях четыре стоечки, которых верхи подпирали прутик, и когда я стал давить прутик сверху, то заметил, что концы его расходились и потому натягивали нитку, которая через то подымала стожки, и, следовательно, самый мост, и мне казалось, что доколе нитка и прутик останутся целы, до того, не смотря на давление сверху, машинка моя будет в равновесии. Мысль эта более и более во мне утверждалась: так что я решился сделать опыт здесь в Петербурге, построив мост в натуральную величину на платформе. Тут я старался вспомнить чему учился, когда был инженером и всё, что приобрел опытом при построении в военных поселениях огромных мостов и строил экзерциргаузов. С этим мне легко было определить все меры и подробности при составлении планов. Мост я построил на чугунном заводе, чтоб иметь средство делать пробы сил железа, и с радостью увидел, что удачно привёл в исполнение родившуюся во мне совершенно новую мысль цепных мостов. Модель моя была совершенно удовлетворительна, так что я за лучшее счел её собрать и отправить в Фалль, куда и сам поехал. В несколько дней мост был поставлен на месте, и когда, сняв подмостки, я увидел его на крутых берегах, как ленточку, переброшенную с одного берега на другой, я был в восторге и какой-то неизъяснимой боязни.

¹ Львов А.Ф. Сооружения в военных поселениях. Научно-техническая библиотека ЛИИЖТа, листы 3-47.

Графиня Бенкендорф и её дочери, которые были тогда в Фалле, не решались пойти по мосту, доколе не увидели, что толпы мужиков переходили через него без всякой опасности. На середине моста я прибил медную доску с надписью: «От преданного и благодарного Львова 30 августа 1833 года» (т.е. день именин Александра Христофоровича). В каком был восторге добрый мой начальник, когда он увидел мост. Он не знал, как благодарить меня и всем рассказал, что я сделал чудо, всех из Ревеля созывал смотреть мост; и я, видя его искреннее удовольствие, душевно радовался...»¹.

Общий вид моста, длина которого 32 м. подтверждает высказанную Николаем I фразу: «Львов перебросил свой смычок через реку» – настолько легким и изящным оказался мост Львова.

Имение Бенкендорфа – главный дом и парк производили незабываемое впечатление на посетителей. «Замок Фалль» вошёл в моду. Сюда приезжали многочисленные почётные гости, имена и гербы которых украсили скамьи, расставленные на дорожках парка.

За художественное изображение «Замка Фалль» высоких наград были удостоены художники Л.Х. Фрикке (1820–1893) (золотая медаль за 2 картины, 1837 г.) и С.М. Воробьев (1817–1888) (первая золотая медаль в 1838 году за картину «Вид на мызе Фалль»). На одной из картин Фрикке (хранится в Государственной Третьяковской галерее) изображена часть моста Львова, как неотъемлемая часть пейзажа.²

В 1840 году Фалль посетила английская художница Элизабет Ригби (1809–1893). Её «Письма с берегов Балтики» переиздавались около десяти раз. Среди 20 офортов Э. Ригби, украсивших второе издание (Лондон, 1842) есть вид Фалля, приложенный к письму, где рассказывается о её пребывании в имении Бенкендорфа. Восхищаясь «краем», в котором «придворный и философ, любитель природы и почитатель моды, поэт и художник, мудрец и чужак могут быть счастливы каждый на свой лад», автор создаёт словесные «живые картины», знакомящие читателя с интерьером замка и с парком.

«Там были готические залы с нишами, украшенными витражами, с колоннами, с резным дубом и мозаичными полами; несколько пожилых дам торжественно сидели на стульях с высокими спинками; группа оживлённо беседующих молодых людей важно прогуливалась на переднем плане. Затем сцена менялась, и появлялись деревья <...>, перспектива здания замка, завершающаяся линией морского берега, с яркими цветами и мраморными львами на первом плане, с барышнями в белом с настоящими розами в волосах».³

За неделю, проведенную в Фалле, мисс Ригби сделала портреты двух супружеских пар карандашом, с натуры, впоследствии налитографированные: А.Х. Бенкендорфа с женой Елизаветой Андреевной⁴ – «человека, который знает и хранит все тайны России» и «графини-матери, величественной женщины, всё ещё пребывающей в зените своих чар», и их девятнадцатилетней дочери Марии⁵ (унаследовавшей Фалль) с мужем Григорием Петровичем Волконским. Рисунку соответствует словесное описание внешности Марии Александровны — «нежное, задумчивое, бледное, как алебастр, лицо с точёными чертами, собранные в узел волосы, под тяжестью которых как будто склонилась её томная голова».⁶

Мария, уезжая за границу, брала с собой мешочек русской земли на случай внезапной смерти. Их внук Сергей Михайлович назвал второй том своих мемуаров «Родина» и начал его с воспоминаний о Фалле: «Под знаком Фалля прошёл расцвет моей детской души, и на всю жизнь «Фалль», звук этого имени, остался символом всего прекрасного...».⁷

Усадьба пережила своих владельцев. Сохранился дворец и парк. В 1921 году, покидая навсегда Россию, С.М. Волконский писал: «Что может быть прекраснее природы в нынешние дни, что отдохновеннее её беспартийности?»⁸

С.М. Волконский умер в США 25 октября 1937 года.

Мост Львова был разрушен во время 1941–1945 годов, на его месте в 1960-е годы построен новый мост – металлический, современной конструкции.

¹ Львов А.Ф. Записки. Русский архив, 1884. Т.2. Кн. 3-4. С. 244-245.

² Фёдоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XX в. М., 1986. С. 29-30.

³ Тексты из книги «Miss Rigby. Letters from the shores of the Baltic. London. 1842» переведены Ладой Вуич. 2001.

⁴ Бибикина Елизавета Андреевна (1788–1857) – сестра Санкт-Петербургского коменданта Н.А. Захаржевского (1792–1845); вдова подполковника П.А. Бибикина (1784–1812).

⁵ Мария (Маргарита) (1820–1880) – с 1838 года была первой женой князя Г.П. Волконского (1808–1882). Дочь Елизавета Григорьевна Волконская (1838–1897). Внук Сергей Михайлович Волконский (1860–1937).

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х томах. М. Т.П. С.6.

⁸ Там же. С. 74.

Боже, Царя храни!

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, царя храни! (1833 год)

С именем Бенкендорфа под Ревелем связана также история создания гимна России. И смычок, ставший неотъемлемым символом А.Ф. Львова, в ней тоже фигурирует.

В 1832 году Алексей Львов сопровождал императора в официальной поездке в Австрию и Пруссию, где его, как обычно, приветствовали музыкой «God, save the King», имевшей английскую мелодию и утверждённой царём Александром I в 1816 году в качестве русского гимна¹. Главной целью зарубежного визита царя было восстановление Священного союза христианских государств Европы. Но это не получилось. Постепенно охладевали отношения России с Англией. В одну из поездок царь бросил Бенкендорфу – «мне надоели чужие гимны».²

Сам композитор написал об этом следующие строки: «В 1833 году граф Бенкендорф сказал мне, что государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна и, скучая слушать музыку английскую столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн русский. Эта задача показалась мне весьма трудною, когда я вспомнил о величественном гимне английском, оригинальном гимне французов и умилительном гимне австрийском.

Я чувствовал надобность написать гимн чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для народа – от учёного до невежды. Все эти условия меня пугали, и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь поздно домой, я сел к столу, и в несколько минут гимн был написан. Написав эту мелодию, я пошел к Жуковскому, который сочинил слова «Молитва русских» – таково было первое название гимна), но как не музыкант, не приновил слов к минору окончания первого колена. Однако положив гармонию простую, но твердую, я просил графа Бенкендорфа послушать».³

Слова к готовой мелодии пишет Василий Андреевич Жуковский⁴ – близкий и преданный царской семье человек: ему было поручено воспитание наследника.

Жуковский начал гимн словами, которые он уже однажды писал в гимне 1814 года, являвшегося русской подтекстовкой английского гимна «God, save the King!». Фраза «Боже, Царя храни!» уже осела в русских умах и кратко, но ярко выражала отношение русского народа к самодержавию. Императором Николаем Павловичем было высказано пожелание, чтобы в мелодии и тексте гимна не было фанфарных звучаний, призывов к победе, а звучала музыка близкая к молитве. И, видимо поэтому, первоначально совместное произведение было названо «Молитва русского народа». После опубликования текста в 1834 году поэт назовет свой труд «Народные песни», включив три стихотворения. Слова первого стихотворения «Боже, Царя храни!» и явились названием первого российского национального гимна.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!

¹ В качестве гимна в России использовалось несколько произведений: хор «Коль славен наш господь в Сионе» Д.О. Бортянского, который, в силу религиозного текста не отвечал потребностям светских приемов и церемоний; английский гимн «God, save the King» (Боже, храни короля!), заимствованный у англичан, еще 23 странами Европы. Любопытно, что авторство «God, save the King» приписывалось самым разным композиторам, в том числе прославленным Г.Ф. Генделю (1685–1759) и Ж.Б. Люлли (1632–1687), некоему лондонскому учителю музыки Генри Кери (около 1690–1743), внебрачному сыну маркиза Голифакса (1633–1695). И лишь в последнем издании «Британики» официально сообщено: «Автор музыки и слов неизвестен».

² Ольцвель В. Скрипка для гимна. «Молодёжь Эстонии», 11.12.2000 г. URL <http://www.moles.ee/00/Dec/11/7-1.html>

³ Львов А.Ф. Записки.//Русский архив. – 1884. – М. – С. 243

⁴ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог, учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Фёдоровны и наставника цесаревича Александра Николаевича.

Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспошли! (1814 год)

27 мая 1833 года состоялось официальное открытие имения Бенкендорфа вблизи Ревеля – «Замок Фалль». На это открытие прибыл сам император, а также съехалось много именитых персон. Именно в тот вечер Алексей Львов попросил императора выслушать его скромныйopus. У Алексея Фёдоровича музыкального сопровождения не было – он должен был играть всё за всех, т.е. играть на скрипке, петь и изображать. Николай I нот не знал, но музыку понимал прекрасно. Вообразите, как могло звучать первое исполнение «Боже, Царя храни!». Тем не менее, Николай I сходу уловил лейтмотив и выразил высочайшее благоволение автору.

Молодой Львов в восторге выскочил на берег речки и выбросил свой смычок в бурные воды, заявив, что «после этого смычок не имеет права исполнять хоть кто-нибудь ещё».

Официально гимн «Боже, Царя храни!» был исполнен впервые 23 ноября 1833 года в зале придворной капеллы в присутствии государя и всей царской фамилии. Николай Павлович проследил за ним и сказал: «Спасибо, прелестно, ты совершенно понял меня». Автограф автора гимна остался в квартире редактора «Русской музыкальной газеты» Н.Ф.Финдейзена¹.

11 декабря в Москве, в Большом театре состоялось первое публичное исполнение гимна хором и оркестром. Успех был потрясающим. Гимн, по требованию публики, был повторён трижды. 25 декабря 1833 года гимн прозвучал в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце на церемонии освящения знамен.

Затем Указом Его Императорского Величества от 31 декабря 1833 года гимн «Боже, Царя храни» был объявлен официальным гимном России, каковым и остался до крушения династии Романовых. После утверждения царём гимн подлежал исполнению на всех парадах и разводах караулов, при освящении знамени, на утренней и вечерней молитвах в армии, на встречах императорской четы войсками, во время принятия присяги. Нередко он звучал во время открытия фабрик, заводов, выставок. Гимн пели на балах, на банкетах после здравниц в честь императора. В театре было принято петь гимн во время появления государя в ложе. В ответ на приветственные возгласы «Ура» следовали ответные поклоны царя. Тот же ритуал соблюдался в конце спектакля.

И, наконец, 30 августа 1834 года эта мелодия впервые прозвучала как национальный гимн при открытии Александрийского столпа на Дворцовой площади Петербурга.

Самое помпезное его исполнение состоялось 9 сентября 1835 года, в день рождения Константина Николаевича – тогда гимн исполнили 2400 музыкантов, перед вечерней зарёй. Эффект пьесы, сыгранной такой массой, был истинно бесподобный.

Николай I наградил Львова, автора гимна, золотой табакеркой с бриллиантами, из которых лучший камень, по совету его бабушки, помещён в образе Божьей Матери Всех Скорбящих² в церкви на Шпалерной (Санкт-Петербург). К гербу братьев Львовых по распоряжению царя был добавлен девиз: «Боже, царя храни».

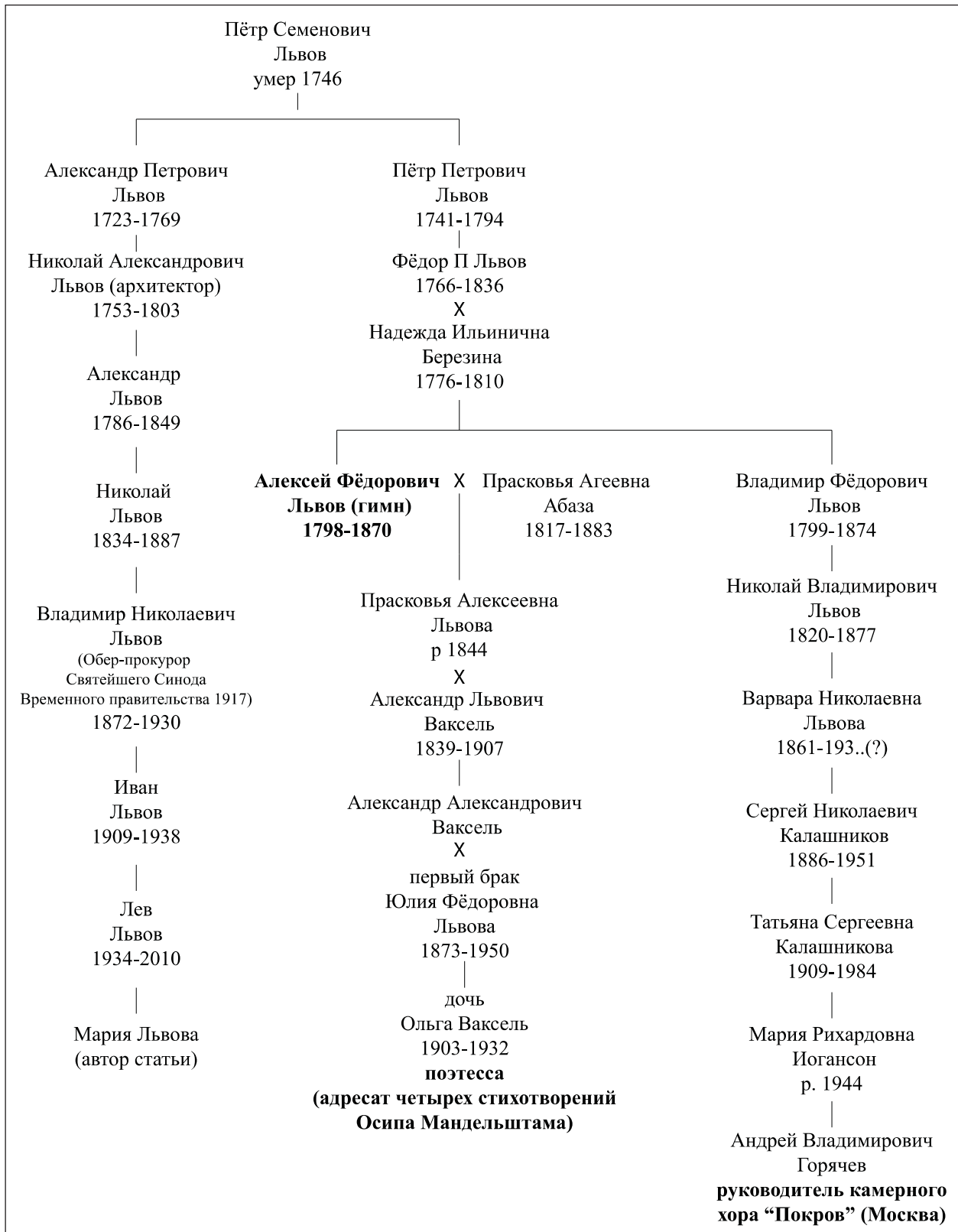
Авторство в создании государственного гимна принесло А.Ф. Львову самую большую славу. Это прекрасно понимал и его соавтор. Незадолго перед смертью В.А. Жуковский написал А.Ф. Львову: «Наша совместная двойная работа переживёт нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который её присвоил. Из всех моих стихов, эти смиренные пять, благодаря Вашей музыке, переживут всех братьев своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, в Лондоне, в Риме!»³

А вот что пишет в 1900 году Н.И. Черняев (1853–1910), теоретик самодержавия, пушкинист, театральный и литературный критик: «Смело можно сказать, что ни одно произведение светской

¹ Финдейзен Николай Фёдорович (1868–1928) – русский писатель, журналист, музыковед, редактор и издатель. С 1894 по 1918 год он издавал и был главным редактором журнала «Русская музыкальная газета».

² В настоящий момент местонахождение образа не известно.

³ Соболева Н.А. Российская государственная символика: история и современность. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003.

музыки не пользуется в России такою широкою известностью, как Народный гимн. Он исполняется и полковыми, и школьными оркестрами, и хорами, и в театрах, и под открытым небом, – исполняется на всём пространстве Российской Империи. К сожалению, имя Львова забыто. Оно известно лишь весьма немногим. Жаль. Народный гимн доказывает, что у Львова был выдающийся композиторский талант. Музыка Народного гимна не оставляет в том никакого сомнения. Она оригинальна и находится в полном соответствии со словами Жуковского. Её строго выдержанный,

величавый, торжественный, важный и грандиозный стиль, как нельзя лучше передает дух русского государственного строя, дух русского Самодержавия».¹

В следующем году Львов был назначен флигель-адъютантом и продолжал сопутствовать государю в его поездках по России и за границей.

14 декабря 1836 года скончался отец Алексея, и директором придворной певческой капеллы 2 января 1837 года был назначен он сам, как лично известный государю большой знаток музыки и артист-скрипач. С этого времени музыкальные интересы заполняют всю жизнь, что, однако, не помешало ему остаться в свите.

6 ноября 1839 года Алексей Фёдорович Львов женится на Прасковье Агеевне Абазе (1817–1883). Отец её – Аггей Васильевич (1782–1852) – из рода молдавских дворян, действительный статский советник, отец многочисленного семейства. Крупный помещик Орловской губернии, имел в Петербурге прекрасный дом с садом. Венчание состоялось в церкви Аничкова дворца; посаженными родителями были Николай I и графиня Е.А. Бенкендорф; они же впоследствии явились и крестными родителями детей Львова: Федора (1842–1899), дочерей Прасковьи (1844–1920) и Александры (1846-?).

В 1840 году вместе с матерью и женой Алексей Фёдорович совершил концертное (а не служебное на этот раз) заграничное турне. Едет как светский, а не государственный человек, надевает партикулярное² платье и преобразовывается в артиста. Перед полковником свиты русского императора были открыты все двери и, выступая в салонах (только в салонах, чтобы не сойти за обычного «земного» артиста), Львов объезжал столицу за столицей, не забывая знакомиться едва ли не со всеми музыкальными авторитетами Европы: в Берлине – с Мейербером (1791–1864) и Спонтини (1774–1851), в Лейпциге – с Мендельсоном (1809–1847)³ и Шуманом (1810–1856), в Эмсе – с Листом (1811–1886), в Лондоне – с Мошелесом (1794–1870), в Париже – с Керубини (1760–1842) и Байо (1771–1842). И даже этих виднейших музыкантов его выступления поразили. Спонтини, по словам Львова «целовал меня как сына»⁴, а Шуман разразился восторженной статьёй, где, в частности, сказал: «Автор знаменитого русского народного гимна и других сочинений, которые ещё ждут своего опубликования, г-н полковник Алексей Львов, адъютант Его Величества императора всероссийского, прибыл в наши края несколько дней тому назад. Его деятельность, хотя и тяготеющая по преимуществу к высоким кругам, с которыми он соприкасается, благодаря своему положению, получила всё же почти что европейскую известность, и потому, будучи уверены, что нас правильно поймут, мы со своей стороны позволим себе публично вплести в его лавровый венец ещё один скромный листок. Дело в том, что наш уважаемый гость дал нам возможность познакомиться в узком кругу с его выдающимся искусством исполнителя скрипача. Автор настоящей заметки причисляет этот час к самым прекрасным, когда-либо дарованных ему музыкой и его исполнителями. Г-н Львов – скрипач настолько примечательный и редкостный, что он может быть поставлен в один ряд с первыми исполнителями вообще. Это словно явление из иного мира; это музыка, которая льётся из своих числейших глубин; музыка настолько новая, своеобразная и свежая в каждом своём звуке, что зачарованному слушателю хочется лишь одного – слушать и всё время слушать. Ведь как часто, к сожалению, профессиональный исполнитель теряет в мирской суете все эти бесценные сокровища, эту целомудренность, непосредственность и просветлённость, в которых заключается сущность его силы как художника, и как часто должен он, к сожалению, ими жертвовать в угоду неизменным требованиям толпы, пока они, в конце концов, не растворятся в привычках, заполняющих жизнь художника... мы наслаждаемся не только виртуозностью, но и человеком – цельным, прекрасным и сохранившим свою внутреннюю свежесть. И всё это я говорю, прослушав лишь два квартета: один Моцарта и другой Мендельсона, в которых г-н

¹ Черняев Н. Народный гимн и автор его музыки, А.Ф. Львов (В кн. «Необходимость самодержавия для России». – Харьков, 1901 год).

² Партикулярный – от латинского *particularis*; частный, неофициальный, неслужебный, неформальный. Партикулярное платье – невоенное, гражданское.

³ Хорошо понимая боязнь Львова быть принятым за простого музыканта, Мендельсон, в частности, его успокоил: «Не опасайтесь, это избранное общество, которое я сам пригласил, и после музыки вы узнаете имена всех лиц, находящихся в зале». – Записки... с. 256-257.

⁴ Там же.

Львов играл первую скрипку. Присутствовал сам Мендельсон, и всё говорило за то, что ему вряд ли приходилось слышать свою музыку в более прекрасном исполнении. Это было настоящее наслаждение...»¹.

Это была не единственная рецензия, данная знаменитому нашему соотечественнику выдающимися музыкантами Европы.

Алексей Фёдорович и раньше бывал за границей, но в составе царской свиты и потому не мог выступать как артист, но он слышал многих знаменитостей того времени и имел представление об исполнительском искусстве эпохи. Так, в 1830 году он слышал выступление Паганини. Но игра знаменитого музыканта, «имевшего репутацию первого скрипача в мире, не сделала на меня ожидаемого впечатления; но с тем вместе я был до крайности удивлён неслыханными трудностями, которые он делал с неимоверною чистотою и верною: скрипка его представляла то флейту, то гитару, то, наконец, в «Carnaval de Venise»² уток, гусей, ослов, свиней и пр...», напишет Львов в своих «Записках».

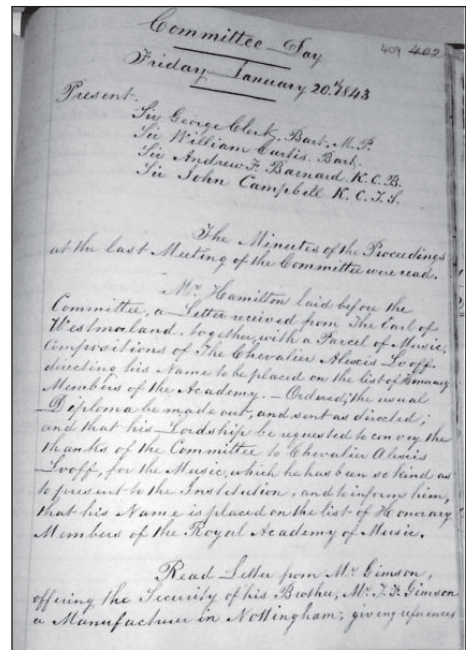
Триумфальное путешествие по Европе продолжалось более полугода, и только в конце ноября 1840 года Львовы вернулись в Петербург.

Юрий Карлович Арнольд³ в своих воспоминаниях даёт словестный портрет Львова тех лет: «Алексей Фёдорович был среднего роста и довольно статного сложения; в приёмах его высказывался человек военный и вместе с тем придворный. Лицо у него было несколько сухощавое и смугло-матового цвета, а волосы, усы и небольшие бакенбарды чёрные. Волосы носил он короткие и причёсанные по военной форме и подстригал также усы и бакенбарды. Черты этого лица были довольно правильные, но в них выражалась некоторая суровая строгость. В обхождении, впрочем, он был крайне вежлив и даже любезен, а тем, с кем он ближе был знаком, умел он даже высказывать некоторую сердечную теплоту. Он был весьма образован и много начитан, а музыкальной наукой очень основательно знаком».⁴

Дальнейшие этапы его биографии таковы: в 1843 году – генерал-майор с оставлением в свите; 1853 – тайный советник со званием гофмейстера; 1855 – сенатор. За годы службы награждён множеством орденов. Для нас сегодня интересны поводы награждений: 1828 год, за военный поход – Бант на Владимирский крест, Орден Св. Анны; 1834 год, за разработку горских костюмов – Шведский орден меча; 1835 год, за участие в манёврах – Орден Св. Иоанна Иерусалимского, Командорский крест Св. Леопольда Австрийского; 1837 год, заграничную командировку – Орден Св. Владимира III степени; 1838 год, заграничную командировку – Орден Прусского Красного орла IV степени, Бриллиантовые украшения к Шведскому мечу; 1847 год – Орден Станислава I степени; 1859 год, по случаю совершеннолетия наследника – Орден Св. Владимира II степени.

Известен Львов и в качестве композитора. Сочинять он начал ещё в детстве, получив, наряду с исполнительской, и основательную теоретическую подготовку – с ним занимались лучшие петербургские педагоги гармонии и контрапункта. По композиции Львов занимался у И.Г. Миллера – учителя М.И. Глинки. «Нежные звуки милой скрипки Львова врезались в моей памяти», – писал М.И. Глинка.⁵

В дальнейшем уроков композиции Львову брать не приходилось. Но благодаря титулу автора и бесспорной репутации превосходного скрипача, его произведения оказывались предметом обсуж-

Первый лист рукописного Протокола о внесении Алексея Федоровича Львова в список почетных членов Королевской академии музыки в Лондоне. 20 января 1843 года. Фотокопия предоставлена Королевской академией музыки в Лондоне.

¹ Шуман. Статья «Алексей Львов» сс. 230-231

² Карнавал Венеции – фр. яз.

³ Арнольд Юрий Карлович (1811–1898) – русский музыкальный теоретик, критик, композитор, вокальный педагог.

⁴ Арнольд Ю.К. Воспоминания: В 3 вып. Вып. 3. – М., 1893. – С. 67-68.

⁵ Суханов Вадим «Тайны веков» URL <https://unotices.com/book.php?id=135461&page=65>

«П. Виардо (Бианка) и А. Тамбурины (Сигизмондо) в опере А.Ф. Львова «Бьянка и Гвальтьеро».

Литография Гюйо с рисунка К.П. Брюллова. 1845 год. Данный экземпляр этой редкой литографии хранится в тургеневском собрании ГЛМ.

дения русской и особенно западной критики. К тому же почти за каждым из них стояло имя видного зарубежного музыканта, либо давшего сочувственный отзыв, либо исполнившего произведение в своём концерте.

Алексею Фёдоровичу принадлежат: 24 этюда для скрипки, драматический скрипичный концерт, «Ле Дуэль для скрипки и виолончели», «Увертюра Си-дюр», «Фантазия для скрипки и хора на русские темы», «Военный хор» и др. Оперы: 1) «Бьянка и Гуальтьеро», поставленная в 1844 году в Дрездене и в 1845 году в Петербурге; 2) «Ундина» — на текст Жуковского, поставленная в 1849 году также в Петербурге и возобновлённая в 60-х годах; 3) «Староста Борис, или Русский мужичок и французские мародёры в 1812 году», поставленная в сезон 1854-55 годов и 4) оперетта «Варвара». Все эти произведения написаны для своего времени с большим знанием дела, с применением вполне современной музыкальной техники, нередко с творческим подъёмом,

рельефно выступающим в вокальных частях и хорах последних названных сочинений.

Во время представления «Бианки» в Петербурге главные партии исполнили европейские знаменитости: П. Виардо¹, Д. Рубини² и А. Тамбурини³. В память о таком созвездии артистов Карлом Брюлловым по заказу Львова была написана картина, изображающая известных певцов в сцене из этой оперы. Однако в целом оперы большого успеха не имели и со временем забылись.

Первым сочинением Львова стал не дошедший до наших дней скрипичный концерт, исполненный им на благотворительном вечере в 1817 году. К сожалению, нам ничего не известно о его композиторской «стезе» вплоть до начала 1830-х годов: сочинял ли он вообще или был увлечён служебной карьерой и исполнением.

Одним из лучших сочинений Львова, несомненно, следует считать Стабат Матер (Stabat Mater) для хора, солистов и оркестра в семи частях, написанную в начале 1850-х годов. В русской поэзии Стабат Матер впервые возник в переводе В.А. Жуковского. Тема страдания и воскрешения волновала Алексея Фёдоровича Львова. Вначале он переложил для хора и большого оркестра Стабат Матер Перголези (1710-1736), за что получил, почётное звание магистра Болонской академии. Кроме того, в 1850 году Львов написал собственный вариант Стабат Матер для сопрано, меццо-сопрано женского (детского) хора и струнного оркестра, названный «Молитва у Креста». Премьера произведения состоялась 14 января 1851 года в зале Певческой капеллы с участием итальянских солистов и в присутствии членов царской семьи. Всего состоялось три премьерных концерта, доходы от которых автор направил на благотворительность. В 1853 году Стабат Матер Алексея Фёдоровича Львова прозвучала в Вене и Штутгарте. В Европе это произведение получило восторженные отзывы в прессе. А после исполнения Стабат Матер во Флоренции члены Академии изящных искусств единогласно присвоили Алексею Львову звание профессора и капельмейстера Академии. Её даже сравнивают с одноимённым сочинением Россини⁴, находя у Россини страсть, а у Львова — «благоговейные чувства», у Россини — «разносторонность», а у Львова — единство стиля и т.д.

Много энергии затратил композитор, добиваясь разрешения исполнять Стабат Матер на русском языке. Уже после того, как духовная цензура позволила ему осуществить это намерение, последовал запрет императора, отмены которого автор смог добиться только в 1868 году, за два года до своей смерти.

¹ Гарсиа-Виардо, Полина Мишель Фердинанда (1821–1910) – испано-французская певица, вокальный педагог и композитор.

² Рубини, Джованни Баттиста (1794–1854) – итальянский оперный певец-тенор.

³ Тамбурины, Антонио (1800–1876) – итальянский оперный певец, баритон.

⁴ Россини, Джоаккино (1792–1868) – итальянский композитор, автор 39 опер духовной и камерной музыки.

В 1855 году композиторские успехи Львова получили за границей новое подтверждение: в венском музыкальном журнале появилась статья «Русские композиторы» А.Г. Рубинштейна¹, который в это время жил в Веймаре у Ф. Листа, и именно под его влиянием обратился к написанию очерка. Здесь Рубинштейн называет Львова в одном ряду с Глинкой, к этому времени автором обеих опер и симфонических увертюр. Статья рассорила Рубинштейна с Глинкой, но зато весьма способствовала упрочению заграничной репутации Львова.

В 1859 году в качестве приложения к своему труду «Советы начинающему играть на скрипке» (первому инструктивному труду, который написал и издал русский скрипач) Львов написал 24 (во всех тональностях) каприза для скрипки соло, удостоенные высокой оценки самого А.Н. Серова²: «Превосходный труд русского музыканта делает автору величайшую честь, принося скрипачам пользу и увеличивая музыкальную сокровищницу вообще». Капризы имели резонанс и за границей: одобренные Ш. Берио³, они были рекомендованы и для изучения в Брюссельской консерватории.

Львову было торжественно поручено сочинение так называемых «штучек» для домашних концертов в покоях императора Николая I, который сам участвовал в них, играя на трубе, супруга ему аккомпанировала на фортепиано. По воспоминаниям мачехи Львова, императрица Александра Фёдоровна как-то преподнесла ей собственноручно нарисованную картинку, свидетельствующую о том, насколько Николай I увлекали «штучки» Львова: часы показывают глубокую ночь, свеча оплыла, в кровати заливается плачем ребёнок и лишь Николай, не замечая ничего вокруг, усердно дует в трубу – репетирует.⁴

Занимая в течение 24-х лет должность директора придворной певческой капеллы, Львов своими трудами составил себе большое имя в области церковного пения. Деятельность его в этом отношении обширна и обнимает собою все стороны современной ему церковно-певческой жизни.

Сюда, прежде всего, относится издание придворной капеллой образцовых книг церковных напевов, получившее название «Придворного Обихода». То, что понимается теперь в смысле хорового обихода, совершенно не существовало до Львова. Единственным предшествующим обиходу изданием обычных напевов служило напечатанное в 1835 году «Пение божественной литургии» на два голоса. Оно не могло удовлетворить потребностям даже самой капеллы при отправлении ею церковных служб при Высочайшем Дворе.

В 1846 году Львов предпринял труд положения на ноты всех духовно-музыкальных сочинений, какие поются в придворных церквах во весь круг года. В 1857 году «Обиход» был выпущен в свет в двух книгах и с этого времени до конца 60-х годов имел более 12-ти изданий. В «Обиходе» Львова наше обычное пение впервые получило весьма удобную для исполнения нормальным церковным хором и вполне правильную в музыкальном отношении редакцию, остающуюся во всеобщем употреблении до настоящего времени лишь с незначительными изменениями.

Для своего времени издание было целым событием, так как отсутствие подобного образцового изложения обычных напевов вносило беспорядочность в пение церковных хоров, а восполнение его было не под силу не только отдельным лицам, но и каким-либо другим, кроме капеллы, учреждениям.

Рядом с «Обиходом» нотного церковного пения, употребляемого при Высочайшем Дворе, должны быть поставлены многочисленные переложения Львова одноголосных церковных распевов — знаменного, киевского, греческого и др. — на полный хор. Львов предполагал переложить «в гармонию

Замок Фалль. Рисунок Элизабет Рикби к изданию «Miss Rigby. Letters from the shores of the Baltic. London. 1842». (Фотоматериал – <https://catalog.hathitrust.org>)

¹ Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829–1894) – русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный педагог.

² Серов Александр Николаевич (1820–1871) – русский композитор и музыкальный критик; действительный статский советник.

³ Берио Шарльз Огюст (1802–1870) – бельгийский скрипач, композитор, музыкальный педагог. Муж легенды мирового оперного искусства Марии Малибран (1808–1836).

⁴ Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой // Русская Старина. 1880. Т.27. с. 641

Герб рода Львовых.
Общий гербовник. XI-41.

«А.Ф. Львов на контроле в Красном селе» кисти А.И. Ладюрнере.
Между 1840–1845 гг. Государственный литературный музей. Москва.

Надгробная плита на могиле А.Ф. Львова
на территории Пожайского православного монастыря
под Каунасом (Литва). Фото автора статьи.

А.Ф. Львов. Поясной портрет работы П.Ф. Соколова,
1836. Акварель, бумага. Фрагмент (эскиз?) акварельного
портрета, хранящегося в Гос. Литературном музее. —
КР РИИИ, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 7.

Картина «Вид на мызе Фалль
графа А.Х. Бенкендорфа близ Ревеля.
Холст, масло. 1837 год. Художник –
Фрикке Логгин Христофорович (1820–1893)

хорного состава всё, что Св. Синодом издано в одну строку». Это издание, по мысли Львова, должно было дать вместе с «Обиходом» навсегда полный круг древнего церковного пения в четырехголосном изложении. Под руководством и наблюдением Львова был составлен и напечатан полный круг простого нотного пения на 4 голоса в семи книгах.

Уже сама мысль о надобности гармонизовать полный церковный круг древних напевов для сороковых годов 19-го столетия была замечательной; она с большою пользою отвлекала внимание хоров от распространившегося в то время пристрастия к творениям провинциальных самоучек-композиторов и имела целью дать прямо на клирос, в руки певцам, в музыкальном отношении правильно, а нередко и красиво сделанные переложения древних напевов.

Духовно-музыкальные сочинения Львова положили начало новому направлению, выдвинувшему на первый план текст песнопений и подчинившему ритм музыкальный словесному.

Как было сказано в самом начале, ведущие европейские музыкальные академии в Риме, Флоренции, Болонье, Лондоне, Берлине, Амстердаме удостоили Львова звания своего Почётного члена. Данные обстоятельства представляются нам очень важными в сегодняшней международной ситуации. Музыка не признаёт границ и политики, и возрождение памяти А.Ф. Львова на Родине и в Европе является фактором культурной дипломатии, так называемой «мягкой силы», улучшающей понимание роли России в международном пространстве.

Потомок музыкальной семьи Львовых – Андрей Горячев вместе со своим Камерным хором «Покров» и единомышленниками возрождает память о Львове и возвращает к жизни творения композитора. Мемориальные концерты прошли в 2009-2016 годах в Эстонии и Литве.

В 2017 году режиссёром Верой Токаревой был снят полнометражный документальный музыкальный фильм о жизни композитора, который будет показан в России, Эстонии, Литве, Великобритании, Италии, Германии, Голландии, Австрии и Швейцарии.

В юбилейный 2018 год нашим долгом является вспомнить великого предка, когда по мере возвращения забытых и утерянных страниц нашей истории повышается интерес русских людей к своему прошлому.

Мир без границ

Берега Болгарии

Тодорка Гьобеклиева

Я филолог. Вся моя жизнь связана со школой. Работала я зам. директора по воспитательной работе, преподавала русский язык и литературу.

Родилась я в г.Хасково. Окончила школу с преподаванием на русском языке. Ещё с самого раннего детства мне посчастливилось почувствовать прелесть и богатство русского языка. В библиотеке отца наряду с книгами на нашем родном болгарском языке, были и книги на русском языке. Среди них (и сказки Пушкина в красивом переплёте. Полюбился мне «великий, могучий русский язык». Многие мне дали годы студенчества на отделении Русской филологии в Софийском университете. А потом и курсы повышения квалификации иностранных студентов в МГУ и в Санкт-Петербурге.

В год И.С.Тургенева, когда во всем мире отмечается 200-летие со дня рождения великого писателя, мне хотелось бы выразить своё преклонение перед памятью и талантом любимого писателя. Вернулась к любимым романам Тургенева. Воспоминания мои вернули меня в моё детство, ожила память о настоящей, искренней, первой любви моих родителей и о том, как она формировала моё детское сердце, мою любовь к жизни во всех её проявлениях

Мои воспоминания

Эссе

Тайны человеческой души велики, а любовь – самая недоступная из этих тайн.

И.С.Тургенев

Наши воспоминания – наше богатство. Жизнь недаром прожита, если воспоминания могут согреть сердце человека, если есть о чём вспомнить в минуты раздумья.

Всплывают они ярко, согревая душу и сердце. Улетают, унося с собой грусть. Пишу, а на дворе лето. Такое, каким запомнилось мне из романов Тургенева. В год, когда отмечается 200-летие со дня рождения любимого писателя И.С.Тургенева. В дни, когда во всём мире отмечается эта годовщина, мне хотелось бы выразить своё преклонение перед памятью и талантом любимого писателя. Мои воспоминания вернули меня в самые дорогие годы моей жизни, в детство. Особенно ярко вырисовывается воспоминание о первой любви моих родителей, ожила память о том, как их искренняя, настоящая, первая любовь формировала моё детское сердце, мою любовь к жизни во всех её проявлениях.

Позднее лето 1945 года. На вокзале южного болгарского города Хасково собралось множество людей. Все ожидают бойцов 10-го Родопского полка. Участвовали бойцы в составе I-ой Болгарской армии в завершающем этапе II-ой мировой войны. На вокзале, среди встречающих, и мои бабушка и мама. Со слезами радости и с цветком в руке встречают они моего папу. Встреча была незабываемой! Встречали они воина, любимого сына, героя войны, сражавшегося на фронтах войны, испытавшего все ужасы и трудности войны, дошедшего до озера Балатон, награждённого Орденом за храбрость.

Поезд уже медленно подходит к станции. В эти последние минуты маме и папе вспомнились последние дни перед войной, перед разлукой /потом рассказывали/. «Милое воспоминание, родное, далёкое!» Перед встречей на вокзале вспомнились им незабываемые моменты их чистой дружбы, встречи, разговоры, обещания, мечты. И вдруг война. Его отправили на фронт. А ей – тревожиться и ждать. Но, вдруг двери поезда открываются. И вот он!

«Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать»- утверждает И.С.Тургенев. Да, мама и папа всё выстрадали, отстояли, победили. Любовь их прошла через все ужасы и испытания войны, согревала их сердца все эти годы, сохранила все самые святые и красивые чувства и переживания человека среди всех невзгод и ужасов. Это была любовь настоящая, искренняя, первая, чистая. Любовь, согревающая сердце воина. Любовь, сохранившаяся на всю жизнь. И любовь женщины, ожидающей возвращения любимого. Любящие их сердца чувствовали любовь за тысячу миль. Любовь их оказалась, как утверждает и Тургенев, «сильнее смерти и страха смерти». Любовь, сохранившая самые красивые человеческие переживания среди всех ужасов войны, невзгод и смерти. Встретить настоящую любовь – счастье. И, как в сказках, перед любовью так много помех. Но «только любовью, только ею держится и движется жизнь».

«Каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви» – советует Тургенев.

Хочется и мне поделиться воспоминаниями своими о том, как первая любовь моих родителей формировала сердце моё, формировала во мне любовь ко всему окружающему и прекрасному. Любовь к Родине, к её истории и красоте природы, к родному народу, к русскому языку, к книгам, стремление к науке, к знаниям, умение ценить друзей, любовь к детям и внукам – будущее Земли, любовь к жизни во всех её проявлениях. После войны, в мирное, но трудное для моей страны время, родились мы с братом. Счастливым было наше детство. Но только повзрослев, мы поняли в чём секрет тех далёких послевоенных лет: он просто в семье. В семье, где царят любовь и забота. В доме царили любовь и уважение, спокойствие и понимание. В годы моего детства почти не было болгарского школьника, который не переписывался бы с советскими школьниками. С папой писали письма, выбирали карточки, мама дарила связанные ею на одном крючке красивые салфеточки, дарила тепло и любовь своей материнской любви. Годы шли. И сейчас вспоминаю с любовью и грустью эти дни, вспоминаю будни и праздники. В сущности, готовясь к праздникам и сейчас убеждаюсь, что ожидание и подготовка к праздникам, канун праздников в семье, согреваемой любовью, лучше самого праздника. Так и я старалась поступать в моей семье. Глубоко убеждена, что навыки, привитые с самого раннего детства в семье, позволяют детям выжить в довольно непростых социальных реалиях.

В библиотеке отца, наряду с книгами на болгарском языке, было и несколько томиков на русском языке в красивом переплете. Любила листать книжку со сказками А.С.Пушкина. А потом, когда начала изучать русский язык, я почувствовала богатство и красоту русского языка. Помню слова отца, перефразировавшего слова М. Ломоносова о русском языке: «Русский язык! В нём и прелесть французского, и крепость немецкого, и музыка итальянского!» Полюбился навсегда мне язык Пушкина, Толстого, Тургенева, «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Родилась и жива во мне любовь к русскому народу, помня слова Тургенева: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» В детстве и родилась моя первая любовь к русскому языку. Углублялась потом в школе с преподаванием на русском языке в родном городе, потом, будучи студенткой Софийского университета, при встречах, разговорах, в переписке с русскими друзьями, в школе, будучи преподавателем русского языка и литературы, а затем и работая заместителем директора по воспитательной работе. На уроках русского языка, на торжествах в школе, во время путешествий с учениками по памятным местам болгаро-русской дружбы нам особенно нравились разговоры о том, как оживает эта дружба на страницах произведений русских авторов. Первое знакомство моих учеников с этой темой было у скромного памятника Юлии Вревской в г. Бяла. И до сих пор вспоминаю какое сильное впечатление произвело стихотворение в прозе И.С.Тургенева, посвященное русской девушке, которая навсегда осталась на нашей, болгарской земле. Искренняя, сильная, настоящая любовь вдохновляла молодую русскую дворянку, красавицу Юлию Вревскую на подвиги во имя любимого болгарина. Во имя этой любви пожертвовала она своей молодой жизнью. Потом читали на уроках роман Тургенева «Накануне», отражающий стремление болгарского народа к свободе. Читали и отрывки из его замечательного рассказа «Крикет в Уиндзоре», отражающий реакции прогрессивных людей на зверства поработителей по отношению к восставшему за своё освобождение болгарскому народу и сильный голос великого писателя в защите прав болгар. Задавали себе вопросы Елены Стаховой, стоит ли горем матери платить за идею свободы Болгарии, неужели любовь и борьба несовместимы? И находили ответ. Любовь – это жертвовать, отдавать всё лучшее, что у тебя есть, другому и чувствовать при этом счастье. Елена Стахова пожертвовала

всем во имя любви, во имя высокого идеала – освобождение болгарского народа». Она получила тот венец, к которому стремилась её душа, жаждая смерти». Любовь Елены и Инсарова предстала как единство в убеждениях и участие в общем деле. Воодушевленные героини радостно летят на свет борьбы, готовые к жертве, гибели и победе. Вот это и есть лирическая апология идеала героической молодости. «Да, молодое, славное дело. Смерть, жизнь, борьба, падение, торжество, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Бог всякому!... А там – натянуты струны, звени на весь мир или повись!» Навсегда оставила свое сердце в Болгарии и Юлия Вревская – «ангел милосердия, спасший жизнь сотен солдат во время Русско-турецкой – Освободительной для нас – войны. «Русская роза, сорванная на болгарской земле». Рождённая быть музой художников, музыкантов, царевна балов, она, во имя любви, выбрала путь человеческого долга. Влюблённая девушка, не задумываясь, пошла по дорогам военных колонн. Любовь – это жертвовать, отдавать всё лучшее, что у тебя есть, другому, не щадя себя, чувствуя при этом счастье. Жизнь-подвиг этих тургеневских девушек – это гимн красоте, любви и величию дерзновенных освободительных порывов человеческого духа! А после прочтения повести Тургенева «Первая любовь» остаются ощущения грусти и печали. Но эти чувства светлые, ведь любовь прекрасна по своей сути. Она всегда с нами, она всепрощающая и вечная, хотя и часто «всякая первая любовь кончается не лучшим образом».

Ах, как годы летят... Но воспоминания живы. Годы моего студенчества. И опять семья. Не посчастливилось маме и папе осуществить свою мечту – увидеть своими глазами любимую Россию. Но не пожалели они сил и средств на мое обучение в Софийском университете на отделении Русской филологии, а потом и на курсах повышения квалификации иностранных преподавателей русского языка и литературы в МГУ и в Санкт-Петербурге. А как рады были посетить некоторые из мероприятий в школе, где я работала заместителем директора по воспитательной работе.

Вот уже несколько лет я далеко от школы. И опять мамин и папин пример и слова: «Всегда стремись жить в любви, согласии, взаимопонимании, уважения и помощи к родным и близким. Помни и передавай потомкам семейные традиции. Но всегда смотри вперёд, сохраняй ценности, дух семьи, живи своим временем, ищи, твори, создавай, стремись ко всему новому». В день выхода на пенсию дети мои подарили мне компьютер. Какое богатство! Современные технологии, интернет, интеллектуальные интернет-конкурсы. Дипломы, призы, а и подаренное за победу незабываемое путешествие по Москве и Золотому кольцу России от ВСМЗ! И друзья, и переписка, и гости – подруги из России! Хочется верить, что всё то доброе, что вложили в нас наши предки и родители, да и мы с мужем, что завещали нашим детям как память, как лучшие традиции, всё это будет жить в памяти наших детей и внуков, а они передадут своим детям и внукам. Искорка надежды жива. Верится: традиции семьи нашей, проложенные любовью моих родителей, живы. Наблюдая поведение внука, доверяя древней мудрости: «Если у тебя есть сад и библиотека, значит у тебя есть всё, в чём ты нуждаешься, ты богат». С внуком читаем любимые книги, слушаем любимую музыку, смотрим любимые фильмы, передачи, обсуждаем, заботимся о нашем саду.

Пишу я, а на дворе лето, во всей своей прелести и богатстве. Восхищается внук красотой цветов, кустарников, деревьев, повторяя: «Красиво, красиво!» И вспомнились мне слова Тургенева: «Посмотри на это небо, эти деревья, отовсюду струятся красота и жизнь, а где есть красота и жизнь, там есть и поэзия. Она разливается везде, она кругом». Оживает для меня вдруг природа в воспоминаниях тургеневской девушки. Пейзаж приобретает психологические функции. Сомнения, колебания и любовь Елены оттеняются и раскрываются особыми пейзажными соответствиями.»Первые огненные лучи солнца ударили в её комнату». «О, если он меня любит!» – воскликнула она вдруг и, не стыдясь озарившего её света, раскрыла свои объятия». И вот, «идя к Инсарову, следует пейзажное предупреждение ожидающего её разочарования. Она шла, не замечая, что солнце давно скрылось, заслонённое тяжёлыми чёрными тучами, сверкнула молния, гром ударил, дождь хлынул ручьями, небо кругом обложилось». Вспомнились и слова героя Тургенева: «Почему природа на нас так действует? Она нас тихо гонит в другие, живые объятия, а мы её не понимаем и чего-то ждём от нее самой... Но и от леса, и от реки, и от земли, и от неба, от всякого облачка, от всякой травки я жду, я хочу счастья». Невероятно! Думаю, что нет подобного аналога в мировой литературе. Природа оживает в описании талантливого писателя, становится частицей души, переживаний героев.

Мне думается: семья, родители, может и не самые известные, не самые богатые, не самые одаренные, но самые богатые душой, любовью своей – они семейный очаг сохранили своей любовью,

оберегая его от всех невзгод. Всё хорошее во мне – от моей семьи. И любовь к Родине, к книгам, к знаниям, к языкам, к искусству, и любовь к России. Мама мне русские сказки читала. А папа делился с нами своими воспоминаниями о войне, в которой он участвовал. Слушали мы, затаив дыхание, рассказы его о подвиге русских солдат во имя мира человечества. А потом, изучая родную историю, вместе с ними мы, посещая памятные для нас, болгар, места, вновь и вновь возвращались к героическим событиям 1877–1878 гг., в годы Русско-турецкой, Освободительной для нас от пятивекового рабства войны. Вот такова наша болгаро-русская дружба, дружба навеки, из веков на века. Но не просто это красивые слова, это судьбы целых поколений. И верю, наши народы – друзья, и эту дружбу не уничтожить.

Любовь для Тургенева – подвиг. Он воспевае её как силу, способную противостоять всему; и эгоизму, и смерти. Великий певец любви Тургенев! Прежде всего любви к жизни! Он глубоко убежден, что жизнь, каждый шаг человека в ней, должны быть освящены любовью и верой в торжество добра и справедливости.

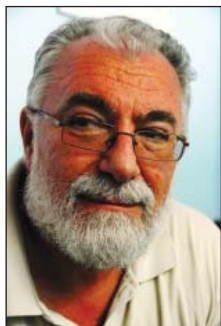
Вернуться в прошлое, погрузиться ещё раз в свои самые сокровенные воспоминания – бесценно! Вернуться в лучшие годы своей жизни, почувствовать атмосферу родной семьи, согревающую сердце. Не скрою и чувства гордости за своих родителей, за роль их любви, которая успела сохранить и перенести всё лучшее, вопреки всем трудностям, благодаря их стремлению оставить, завещать детям и внукам, будущему Земли, любовь к жизни во всех её проявлениях. Все эти воспоминания воскресли вновь, в Год великого, любимого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Воспоминания снова вернули меня к исключительно богатому творчеству Тургенева, погрузилась в мир его героев, и я вновь убедилась в любви писателя к жизни. Да, «любовь сильнее смерти и страха смерти. Только любовью, только ею держится и движется жизнь!»

Мир без границ

Берега Республики Сербской

Радосав Стоянович

Радосав Стоянович родился в Крушевце и жил в Приштине, на Косово и Метохии — в той части Сербии, которая стала символом Сербского страдания в 20 веке. Окончил университетский факультет сербско-хорватского языка и югославской литературы в Приштине, там же и жил и работал до бомбёжек НАТО Сербии в 1999 году — преподавателем в гимназии, редактором газеты, директором драматического театра. Из Косова пришлось уехать в июне 1999-го, и с тех пор тема сербского исхода стала ведущей темой его произведений, многочисленных книг стихов и прозы, романов, драм. Живет и работает в городе Ниш

Перевод с сербского Елены Буевич

И ОТВЁЛ ЕЁ В ПРИЗРЕН

I

И отвёл её в Призрен, на реку.
И спустя столько лет,
говорил ей: «Не бойся, родная,
не крадём мы от Божьих даров,
ибо создал Он всё для людей,
что живут под Его небосводом...»
А она, недоверчивая,
опять твердила: «Боюсь,
ты обвенчан с Левишкой и Самодрежей,
Студеницей, Грачаницей и Любостыней,
придумают страшную месть
обманутые красавицы!»
«Но ты моя весна и моё лето, — говорил ей, —
мой жемчужный день и моя кристальная ночь,
верь мне хотя бы настолько,
чтобы нам причаститься во чистом поле,
увенчав себя дикими розами,
пока мастера возводят «Святых Архангелов».
Стоит отправиться нам крутыми стезями
к месту, откуда взойдёт род наш иерусалимский».

II

И тогда отвёл её в Призрен...
У торговца отмерил атласа и шёлка,
у портного пошил ей корсетку,
шаль купил и веночек с каймой серебрянной,
жемчуга и дукаты, и перстни, и гривни.
Увенчал её дикими розами, и над Быстрицей

на мосту старокаменном мы обручились...
И вином подкупил игумена
из обители Свято-Архангельской,
чтобы тайно он нас обвенчал.
И святые смотрели с укором...
«А теперь-то, нам некуда деться,
мы, любимая, сделали всё —
наши узы нас держат сильнее,
чем обряд перед иконостасом,
над которым трудился Лонгин...
А теперь-то мы можем и в Хочу —
на поля, в виноградник, возделывать землю,
чтобы лозы вились,
чтобы род продолжался,
чтобы осенью праздновать бербу
нашу первую, праздник вина, —
когда наш Стефан Урош родится...»

III

А она говорит: «Я останусь
у источника, возле реки,
на ступенях Левишкой —
служанкой на постоялом дворе,
первой послушницей у мироточивого,
трудницею перед Богом.
Чтоб работать в ризнице и на хорах,
подносить холопу и барину,
брать под уздцы лошадей у приехавших
помолиться,
сыпать рожь в жернова, подвязывать
виноградники,
подвизаться на кухне — ставить опару в чанах,

стряпать монахам, схимникам, иереям,
живописцам, паломникам, странствующим
в ночи.

Чтоб стирать монастырские облачения,
отбеливать лён на Быстрице,
ткать полотно на хоругви и вышивать,
подавать мастерам кирпичи и раствор,
известь гасить для келий и колокольни,
вставать на заре, чтобы другим напомнить
про долг и про время...
Лучше останусь в Подкалье, чем выше пойду,
в Кабашу,
здесь, с овчарами, что пахнут травой и отарой,
здесь моё место, в первом углу за воротами,
в храме, под Божьим крылом, под Божьим
присмотром...»

ВСЁ ВЕРНЁТСЯ НА КРУГИ СВОЯ

В конце концов
всё вернётся на круги своя.
Вода — в желоба,
дождь — в поддоны,
ветер — в крынку,
молния — в овчинку,
земля — в оползни,
глина — на гончарный круг.
Только ты, любовь моя незримая,
останешься развеянной,
рассыпанной,
распорошенной
лепестками мать-и-мачехи,
лёгкими снежинками напоминаний,
шелушинками лунного света
и не сможешь собраться,
как вода, как дождь,
как молния, как глина
на гончарном круге.
Потому что мы и не ведаем об иных кругах,
где кристаллизуется твоё отсутствие...

ДЕРЕВО РАДИ ПТИЦЫ

Дерево ради птицы
Птица ради неба
Небо ради солнца
Нет у меня имени для птицы
Нет имени для дерева
Нет для земли
и для моей печали
Моя печаль для птицы
Моя боль для неба

Моя любовь для земли
Птица возвратится в небо
Боль возвратится в сердце
Только любовь останется
невозвращённой

ЭВРИДИКЕ

Никогда бы я не оглянулся.
Никогда, поверь.
Никогда бы не просыпал просо из сумы
перемётной.
Ты бы шла за светлячками, испархивающими
от моих шагов,
И я ощущал бы тебя душой, как всегда ощущаю,
И не был бы нетерпелив и неловок.
Но ты обещалась другому.

ЛЮБОВЬ

Спустя только лет,
Встречаю свою первую любовь,
Как забытую арию,
Рукописный апокриф,
В котором узнаю былую безмятежность.
К сожалению,
Божество
Всеми придало смиренность.
Сиянию неба в глазах,
Кипению ручья в руках,
Изгибу молодого побега,
Отсвету звезды со дна колодца.
Стремнина замутилась,
Ясность перешла в неопределенность,
Рукопись стала неразборчивой,
Мелодия – незнакомой...
Неужели и она во мне заметила
Ту же предусмотрительность божества?

МОЛИТВА КО ГОСПОДУ НА ВЕЛИКДЕНЬ

Раз уж Ты воплотил меня в человеке,
Раз уж мучаешь, Господи —
Не надо по мелочам, по кусочкам,
Пробовал я это
И не исправился.
Выбери мои самые тяжкие грехи,
Самые глубокие заблуждения,
Обрушь на меня самое суровое наказание,
Всё, что я заслужил.
Я не мелочь, не грош, не копейка.

Знаю себя.
На меня нужно свалить
Все злодеяния мира.
Пусть я отвечу за них.
Но только Ты знаешь, как и сколько нужно.
Один Ты знаешь, что всего я не заслужил.
И только Ты можешь измерять на Твоих весах.
Отмерь мне моей мерой,
Ибо и я Тебя не щадил.
Столько раз я Тебя призывал,
А был никем и ничем!
Столько раз я Тебя взалкал,
А Ты знал, что я не заслужил
И не откликался.
Столько раз стонал от боли,
А Ты попустил, чтоб я рыдал, как пёс во снегу.
Потому что на пепелище мне было легче!
Столько раз думал, что не выдержу,
А вон аж куда дотащился.
И только Тебе ведомо, что за безумие мне
ещё предстоит!
Столько раз боялся сойти с ума —
А Ты убедил меня,
Что всё это лишь временное помрачение!
Сомневался, падаю ли на дно —
А Ты меня отпускал удостовериться,
Что дна вообще нет,
Что всё есть бездна!
Имей в виду, Господи,
Что со мной нелегко.
И сам в себе я не разобрался,
И сам от себя не открестился!

ПО ТРАВАМ

По травам, утрами омытым,
хмельными конями несом,
я мчался, — и те копыта
поныне стучат сквозь сон.
Их цокот остался за сливовым садом,
зелёное кружево вяжет в полях,
со звонкой двуколкой разносится рядом,
выкатываясь на серебряный шлях.

А голову в руки уронишь порою —
и гривой коснуться тебя норовят,
и тёплой, невидимой тронуть губою,
как будто вбирая травы аромат.

КАК ЗАБРАТЬ МОНАСТЫРИ*

Уйти бы — только куда?
И Левишка, и Дечаны,
с мели б снялись, что суда —
и в Божии океаны.
Не взять нам монастыри —
из неба не вырвать зданий,
где кости отцов — изнутри
сияния и преданий.
Нельзя никуда уйти.
Стянули нас прочно путы.
И нет чудес, чтоб спасти
живущих во время смуты.

*Косовские – пер.

Мир без границ

Берега Литвы

Валерий Иванов

Магистр истории Варшавского университета, абсолювент докторантуры Института истории АН Литвы, автор 4-х томной монографии «De jure u de facto» (становление этнополитического государства литовцев 1918-1941 гг.)
<http://www.proza.ru/2010/01/03/533>

Государство и национальный вопрос

Почти две с половиной тысячи лет назад, на заре Европейской цивилизации, великий древнегреческий философ Платон, развивая гениальное учение Пифагора, отделил материальный мир изменчивых конкретных вещей от метафизического мира вечных непоколебимых истин. Затем этот фундаментальный принцип умного бытия человека и его общин в окружающем мире нашел своё реальное воплощение в основополагающем принципе социального обустройства людей в изречении Спасителя: «Кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мтф. 22:21). На этом принципе в христианской Европе строились и развивались государства во все минувшие времена. Он актуален и для нас, жителей литовского государства, ибо основное население, проживающее сегодня здесь христиане: литовцы, русские, поляки, белорусы, украинцы, греки и т.д. Только во времена Великой французской революции, в последней декаде XVIII века, простые люди, убрав «кесаря» (правившего «по воле Всевышнего») и все родовые привилегии его дворян, объявили себя выразителем воли Господней – *Vox populi vox Dei!* («Глас народа — глас божий!»), – и отразили это в своих новых законах, определяющих демократическое социальное устройство Франции. Общенародная демократия, оформленная новой революционной Конституцией, стала формироваться в реальное новое этнополитическое государство французов. Новое национальное государство теперь отражало волю французского народа (*plebsa*), говорившего на одном языке, исповедовавшего одну – христианскую, католическую религию, оно имело свои государственные границы, сложившиеся в течение многовековой истории правления своих королей (среди иных кесарей со своими вотчинами). Наконец, французы жили со своим мудрым фольклором, танцами и народными обрядами.

И тут произошла удивительная метаморфоза в социальном сознании этих людей. Как оказалось, мир материальных – а точнее меркантильных отношений – увы, никуда не исчез под гильотиной, массово рубившей дворянские головы, и цена золота осталась реальным мерилем не только человеческого житейского благополучия, социального статуса, мощи государства, но и нравственных отношений. Хотя именно метафизические нравственные отношения легли в основу тех общественно-политических процессов, которые тогда сотрясли Европу и продолжились с новой силой в середине XIX века. Бурное развитие капитализма, урбанизация и социальное отчуждение людей, объективно поделившее их на классы, привело к «Весне народов» (1848–1849 гг.), – целому ряду революционных движений, проявившихся в форме неповиновения власти, вооружённых восстаний, провозглашения новой национальной государственности. Поистине исконно человеческое чувство одухотворения своего бытия, не позволяло людям разменивать духовное – на материальное. Тогда народы, ведомые социальными нравственными идеалами свободы, равенства, братства, определились со словом «нация», которое вошло в повседневный оборот политиков в Европе.

Во все времена до этого, ни употребляемый человеком язык, ни религиозная конфессия, адептом которой он являлся, ни повседневная обрядность поведения человека или манера одеваться, не определяли его как национала, представителя той или иной конкретной нации. Ибо ни «наций», ни «националов» не существовало до XIX века, ни в прикладном обыденном сознании, ни в политическом. Не было «национальных» субъектов международного права, а, следовательно, и национальной политики.

«Чьих будете?» – вот тот, истари существовавший изначально и основной вопрос к неизвестному человеку (или людям), вошедшему с миром (или вторгшихся с агрессией) для того, чтобы определить степень влияния властного над ними сюзерена. Имелась ввиду древность рода феодала и его родового герба, чтобы определить адекватность поведения его подвластных – интрузов, явившихся неожиданно. Существовало и такое старинное определение человека по местности – откуда прибыл, не носящее аспект национальной принадлежности. В титул польских королей и великих литовских князей входило определение «король литвинов и многих русинов», которое не определяло их как националов, но как жителей территорий исторической Литвы (она издревле формировалась около Новогрудка, Трока и Вильны) и Руси (Карпатской Руси). И ещё, например, обучаясь в Варшавском университете, коллеги студенты называли меня *Walecy Litwin*, хотя по национальности я русский, правда, родился в Литве, в Каунасе. Т.е. мне, приехавшему к ним человеку, было дано определение по названию места рождения и постоянного проживания. Аналогично, определение «литвак» не означает национальность литовец, а – еврей с территории Литвы.

И пусть никого не смущает слово «Nationis» в выражении: «*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*» (что дословно переводится как «Священная Римская империя германских народов», а не «наций» (что само по себе абсурдно в нынешнем понимании значения этого слова). Слово «*natio*», «*nationis*» (ж.р.) в переводе с древнего латинского языка означает: 1) рождение, происхождение. 2) племя, народ. Т.е. ключевым смысловым корнем этого понятия является именно слово «род» – линейная родственная биологическая связь конкретных людей, предопределявшая в *Lex Romana* (Римском праве) имущественные права этих родственников при наследстве или дележе имущества предшественника данного рода.

N.B. Напомню, эта империя «германских народов» существовала с 962 г., и была отменена Наполеоном в 1806 г., принявшем тогда на себя дальнейшее обустройство новой капиталистической Европы по своему правовому Кодексу гражданского права (*Code Napoléon*, 1807 г.), ставшего основой нового европейского законодательства.

Сегодня слово «нация» имеет и другое смысловое наполнение. Новый смысл понятия «*natio*» – нация, в своей работе под названием «О нации, как основе международного права» (1873 г.) ввёл итальянец Паскуале Манчини (1817–1888). Это новое понятие нашло своё отражение в законах, по охране культурной самобытности национальных меньшинств, принятых после Первой мировой войны. Новообразованные после войны на развалинах европейских империй этнополитические национальные государства формировались не точно по границам проживания тех или иных титульных этносов, но по границам экономических притязаний государств-победительниц. Это побуждало, по гуманным соображениям, учитывать и защищать нравственные aspirations представителей тех или иных национальных этносов, оказавшихся на территории не своего титульного этнополитического государства.

В наше время в словарях различных европейских стран существуют различные определения слова «нация». Однако критериями для определения национальной принадлежности конкретных людей, являются именно культурогенные, а потому метафизические факторы. В их основе т.н. Нравственный крест, детерминирующий сознание человека следующими аспектами его духовного бытия: язык (эстетика – эмоции), этнокультура (этика – рассудок), история (мораль – ум), конфессия (эсхатология – мудрость). Правда, и здесь не всё так просто, поскольку сегодня свободное владение несколькими языками – реальность, особенно в смешанных по национальному составу семьях. Аналогично – по конфессиональной принадлежности. Здесь различен характерный нравственный менталитет, детерминируемый Нравственным крестом при оценке окружающей материальной и социальной реальности. Он различен у католиков (иже с ними различных протестантов) и православных. Католик, «обожествлённый» своими символами веры и литургией – формалист, назидатель – миссионер. А вот православный – изначально слуга Божий, искренний и вдумчивый. Различие обуславливает принцип филиокве – у католиков дух Божий исходит и от сына.

Ещё ярче национальный характер человека проявляется в обрядности его поведения и внешнем виде. Однако сегодня важнейшим аспектом определения национальности человека является его умное историческое мышление и его аксиология (оценка) исторических авторитетов. Например,

тестовым вопросом здесь является: тебе ближе этот король..., или тот король..., с которым первый – воевал? И т.п. И ещё: в мононациональных государствах, таких как, например, Польша (92% поляки), национальность людей формально юридически определяется гражданством данного государства. А вот понятие «нация», например, в многонациональном СССР сталинского периода, включало в себя ещё факторы: территория и экономика, – но принципиально не определялась при этом фактором религиозная конфессия.

Исторический генезис формирования государственности «Великого княжества Литовского, Руского, Жомойтского и иных [земель]» (ВКЛ) был этнически славянским и православным. Все внутренние документы великих литовских князей писались на старорусском языке кириллицей, в том числе и все три Литовских статута (1529 г., 1566 г. и 1588 г., – последний действовал до 1840 г.). Ещё в XV в. путешественники, посещавшие Вильну, отмечали что «количество православных церквей вдвое больше католических» (Константинопольской православной церкви).

Понятие «литовец», в его культурогенном национальном смысле, начало культивироваться на территории Российской империи после польского восстания 1863 г., когда, по ходатайству графа М.Н.Муравьева-Виленского, 25 августа 1866 г. Император Александр II издал высочайший Указ, гарантировавший литовскому языку гражданское право в местных школах. Было налажено начальное образование среди детей крестьян. Обучение велось на местном «жмудском наречии», так тогда называли нынешний литовский язык. В Мариамполе открылась литовская гимназия, а в Вейверах – постоянный учительский семинар. Тогда прусские «летувининкай» стали здешними «литовцами». На литовском языке (на кириллице) начали выходить произведения Юлии Жямайте, Антанаса Баранаускаса и др. авторов. В российских университетах был учреждён ряд стипендий, которые предназначались специально для местных детей. Многие молодые люди из более зажиточных семей поехали получать высшее образование в учебные заведения Российской империи. Среди них были Йонас Басанавичюс, Антанас Сметона и другие будущие «отцы-основатели» нынешнего государства литовцев. Казис Буга – профессор Пермского университета – ввёл в 1901 году оригинальный алфавит, основанный на латинских буквах (за основу взял чешский алфавит). С 1904 года в свет начали выходить литовские книги, написанные уже на известном нам ныне литовском алфавите.

Обучался в Московском университете и Йонас Яблонскис: создатель «Грамматики литовского языка» (1920 г.). Мировую славу получил в Санкт-Петербурге художник и композитор М.-К.Чюрлёнис (изначально ни слова не знавший по-литовски) и т.д. Так в имперской России происходило формирование литовской национальной интеллигенции...

Затем в 1917 г. в России прошло две революции, и мирные переговоры с кайзеровской Германией в городе Брест-Литовске, закончившиеся в марте 1918 г. подписанием договора с большевистской Россией (РСФСР). До этого, 16 февраля, во время данных переговоров в оккупированном немцами Вильно литовской национальной Тарибой было провозглашено Решение о «независимости Литвы», на основании которого должно было образовано Литовское Королевство с королём Миндаугасом II (немецким принцем: Вильгельм Карл Флорестан Геро Кресценциус фон Урах), естественно, с полным подчинением этого государства кайзеровской Германии. Не случилось – немцы проиграли ту войну.

Но вернёмся в март 1918 года. На основании Брест-Литовского мирного договора между Москвой и Берлином, по политико-национальным территориальным лекалам, определённым в Вашингтоне и Лондоне (проводником таких национальных политических идей на этих переговорах был один из вождей большевистской революции Л.Бронштейн-Троцкий), Москва согласилась на создание этнополитических национальных государств: Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия и Украина, – которые до этого, как государства, никогда не существовали. Подчеркну, ВКЛ не было этнополитическим национальным государством литовцев по выше изложенным причинам.

После поражения Германии 11 ноября 1918 г. огромную работу по созданию этнополитического государства литовцев провёл Лондон, в результате чего 14–15 апреля 1920 г. прошли выборы в литовский Учредительный сейм, в основном на территории бывшей Ковенской губернии Российской империи. Начав свою работу 15 мая 1920 г. в Каунасе, этот Сейм из-

брал президента Александра Стульгинскиса (15 мая 1920 г.), провозгласил 10 июня 1920 г. создание Литовской Демократической Республики (ЛДР) на основе принятой им временной Конституции, было сформировано первое правительство ЛДР, во главе с доктором Казисом Гринюсом. Заметим, ни среди состава членов Учредительного сейма, ни среди членов правительства не было ни одного представителя русских граждан новообразованного государства литовцев. Но членами Сейма стали евреи, представлявшие самые влиятельные финансовые и деловые круги страны, среди них было много членов партии еврейского социалистического «Бунда». Поляков тоже не было среди членов этого Сейма. Понятно, почему – захват Вильны и прилегающих территорий в апреле 1919 г. легионерами литвина Ю. Пилсудского, начальника новообразованной Польской Республики. (Другой литвин, генерал Л. Желиговский, вновь захватил Вильно и тамошные территории осенью 1920 г., до этого, летом 1920 г., переданные Москвой литовскому правительству в Каунасе).

Политические и национальные aspirations русского населения исторической Литвы, как впрочем, и представителей других национальностей, не были представленными уже в начальной фазе существования современной литовского государственности в органах власти. Более того, в начале 30-х годов, во время смены паспортов в ЛДР транскрипция русских, польских и других нелитовских имён была заменена на – литовскую. К окончаниям имен были добавлены «ас», «ус» и т.п., тем самым русские, поляки, евреи и др., носители изначально не литовских имён, камуфлировались под литовцев.

Перейду к освещению актуальной проблемы соотношения культурогенного национального сознания и – прикладного, материального (меркантильного в социальном аспекте). Первое олицетворяет платоновский «мир идей», с его реалиями, нравственно табуированными и аксиологизированными (так или иначе оценёнными) конкретным человеком (изначально посредством чувств и эмоций). Второй, физический, – умно и рационально утилизированные для своих целей людьми природные реалии, посредством математики, инженерной, химической и др. естественных наук. Эти два реальных мира, объединённые политико-экономическим мышлением, детерминируют социальное развитие гражданского общества, на основе научно-технического прогресса. Питательной средой такого прогресса являются именно гуманные ценности культуры, обрамляющие происходящее. Сегодня национальное сознание людей, в основе которого, опять-таки подчеркну, культурное нравственное сознание человека, сформированное с детства, в семье и через образование в школе и ВУЗе, определяет каждую личность как национальную, а не как безродного космополита. (Замечу, с образованием на родном, не литовском языке, сегодня в Литве большие проблемы). Без такого, гуманного культурного по своей сути сознания, нет, и не может быть обретения человеком счастья, столь искомого каждым в трудной многогранной и многомерной жизни. Национальное сознание, это та духовная опора, на которую воспитанный образованный человек опирается при решении возникающих вопросов, не за счёт других националов, но по уму и мудро, уважая культурные aspirations других. Космополит представляет гуманно обезличенную особу, для которой удовлетворение своих собственных животных инстинктов и социальных рефлексов (амбиций) является первейшим заданием. Это не умное гуманное служение красоте и гармонизации окружающего мира.

Высокообразованный национал, патриот своей страны, служит делу умного взаимопонимания различных национальных культур их гармоничному взаимодействию в рамках своего государства, во благо его развития как экономического, так и расширения гармоничного ареала взаимодействия различных национальных культур. Национальные культуры никогда не смешиваются, но переплетаются во всё новые красивые социальные структурные узоры социальной ткани государства, тем самым укрепляя его. В отличие от националистов, патриоты скрепляют межгосударственные национальные отношения.

Националисты, по существу, ведомые животным инстинктом ксенофобии, разрушают исторически сложившиеся национальные связи людей. (Из словаря: ксенофобия – страх перед иностранцами или ненависть к ним; этноцентризм, приобретающий патологические формы) Нацисты, равно как и шовинисты-расисты из-за органической боязни чужого, как мелкие псы, готовы только лаять, нападать и кусать. Это не социальные конструкторы, это социальные деструкторы, из-за своего общего узкого культурного развития, частнособственнического корыстного

мировоззрения, не способные решать современные сложные социально-экономические задачи развития общества и мировой системы межгосударственных отношений в расширяющемся информационном мире. Впрочем, за ними нет будущего, как не было будущего у нацистов и шовинистов в гитлеровской Германии, чему доказательством служит исторический факт – Победа СССР и союзников в 1945 г. Послевоенные международные правовые акты юридически закрепили защиту национальных прав людей, где бы они не проживали.

Опускаясь на нашу грешную землю, сюда, в столицу исторической Литвы, где именно культурное пограничье между католицизмом и православием, в течение нескольких столетий давали импульс такому огромному творческому потенциалу, который породил великие произведения культурного и научного искусства, обогащавшие человечество ярчайшими сокровищами мировой культуры и науки. Вот только краткое олицетворение этого: Смотрицкий, Мицкевич, Монюшко, Чюрлёнис, Смыслов, Кукольник, Карсавин и т.д. и т.д.

Через умно структурированный государственный гражданский социум, по существу несовместимые начала земного естества, метафизическое – духовное и физическое – материальное, действительно гармонически объединяются для совершенствования человечества в его цивилизованном прогрессе.

Увы, диссонансом изложенному выглядит преамбула нынешней Конституции Литовской Республики, вычленяющая, как объект юридической защиты, среди всех народов, проживавших здесь истари и живущих теперь, в нынешнем этнополитическом государстве литовцев, только нынешнюю «нацию литовцев»: «создавшую много веков тому назад Литовское государство, ... веками решительно защищавшую свою свободу и независимость...». Не потому ли, не пресекаемые властями лозунги: «Литва для литовцев!» – всё чаще звучат сегодня в Литве? Это настораживает!

Мне вдруг показалось, что выпито счастье до дна,
А дна-то и нету... Всё зелье – прогорклая алость...
И кружит над нами былых несвиданий вина.
Мне вдруг показалось... С чего это вдруг
показалось?..

* * *

Опять весна... И тёплый ветер с юга
Прочь отгоняет прежние печали.
Но на душе дожди сменила вьюга,
Как будто думы лето пролистали.

Откуда в сутках вечные тревоги
О том, что всё – так суетно-конечно,
Что всё короче с каждым днём дороги
И всё худеет мой мешок заплечный?..

Когда умру, хочу тебе присниться,
Хочу явиться в сон, как озаренье.
Вдруг в городском потоке быстролицем
Узнай меня... И вздрогни на мгновенье...

* * *

День на исходе... Рядом – ни души...
И это всё становится привычным.
Какие ты «шедевры» ни пиши,
Помянет кто? – вопрос из риторичных.

Не нажил ты ни славы, ни наград,
Хоть славил человека, славил Бога...
Но за спиною – опустелый сад,
А впереди – пустынная дорога.

Куда идти? И где искать свой дом,
Коль счастье с горем путал без разбора?
Направо глянь – Гоммора и Содом,
Налево глянь – Содом там и Гоммора...

День на исходе... Сколько ни кричи,
Он не вернётся, полночью подмятый.
Успеть прочесть бы – молнией в ночи –
Суровое: «Приходит час расплаты...»

* * *

Есть два слова, всего только два,
Что спасают нас от немоты.
Их вобрала в свой шелест трава,
Им послушны река и кусты.
Есть два слова, всего только два –
Я и Ты.

Они в золото красят простор
И в багрянец – зорянку-зарю.
Это с ними, несчастьям в укор,
Выше солнца я нынче парю.

И всплывает в зрачки синева,
И все сложности снова просты...
Есть два слова, всего только два –
Я и Ты.

* * *

Росистой ранью, мрачным днём иль
в звёздный вечер
Вдруг душу опечёт огнём: ты здесь не вечен.
Года летят, и в этом суть, здесь нет секрета –
Однажды кончится твой путь на свете этом.

Кого винить? Кому пенять, что так несмело
Звезда пыталась засиять – и отгорела.
Мечта хотела взлететь – да крыльев нету.
Хотелось новое пропеть – все песни спеты...

А впрочем, что уж горевать так безутешно,
Когда не вор ты и не тать в сем мире грешном.
Кому печаль, кому вино, кому дорога,
Кому от дьявола дано, кому – от Бога.

Когда уйду я навсегда в мир запредельный,
Возьму с собой свои года и крест нательный.
Оставлю вам, мои сыны, вспорхнув упруго,
Любовь, глоточек тишины, звезду над лугом.

*Перевод с белорусского
Анатолия АВРУТИНА.*

* * *

Давай пофилософствуем с тобой:
Что совершилось, что не состоялось...
Давай вернём, преодолев усталость,
Весенних чувств весёлый листвобой.

Где осень та, сводившая с ума,
Казавшаяся нам горячим летом?..
Теперь меж нами вьюжная зима.
Другие мы. И знаем мы об этом.

На перепалку – трезвые теперь –
Легко друг друга часто вызываем,
Как будто дни прожитые листаем,
В минувшее приоткрываем дверь.

Обиды, склоки, распри – всё прошло,
Благословенна эта перемена.
А что надежды солнце не взошло –
Оно взойдёт, я верю, непременно.

Сберечь хотя бы то, что нам дано,
Чего уж нет – выдумывать нелепо.
Мы, как могли, держали наше небо.
Всё миновало. Плакаться смешно...

Давай пофилософствуем с тобой.
Мы не сумели жизнь прожить иначе,
И телефон невидимой слезой
По нас с тобою больше не заплачет.

* * *

По воле божьей суждена
Нам встреча вечная
Там, где светлее полотно –
Созвездья млечные.

Ловить мы будем чувств напев,
Как в пору летнюю
Трава, цветы, листва дерев –
Росу рассветную.

И будем мы с тобой ловить
В осенней просини
Не паутинку – жизни нить –
Росточек озими.

Там, где светлее полотно
Созвездья млечные,
Ещё нам встреча суждена
На веки вечные.

* * *

Твоих библейских глаз щемящий взгляд,
Их васильковость властно, что ни делай,
Уносят вновь меня в расцветший сад,
В дни юности, и светлой, и несмелой!

Я возвращаюсь, чтоб сказать «люблю»
Той, что когда-то сердце озарила,
И затаённо синеву ловлю
Во взгляде том, что ты мне подарила.

Ловлю, волнуясь, нежность и укор
За то, что не сумел тогда признаться...
И радость встреч, и робость до сих пор,
Как в юности, в душе моей гнездятся.

А ты пролеской первую цветёшь,
Хотя ещё под серым снегом скаты...
А в том, что дней прошедших не вернёшь,
Пожалуй, мы с тобой не виноваты.

* * *

Ты спишь неслышно на моём плече.
Тебе, не спавшей долго, сладко спится.
Упала на щеку твою ресница...
Ты спишь неслышно на моём плече.

Твой сон и мысль моя – в одном ключе.
О, как бы кстати мне чутьё провидца:
Упала к счастью иль беде ресница?
Твой сон и мысль моя – в одном ключе.

Ты спишь неслышно на моём плече.

* * *

Хватит, осень, мне память будить:
Наши руки и взоры смыкая,
Первый луч из-за елей глядит.
– Дорогой мой...
– Моя дорогая...

Где ж ты, светлых годов полоса?
Те же ели и месяц сквозь ветки...
Рук не подав, потупив глаза,
Разошлись как чужие навеки.

*Перевод с белорусского
Бронислава СПРИНЧАНА*

Критика

Лидия Довыденко

Дары осенних встреч

Прозаик Валентин Баюканский, поэт Дюбомир Попович, певец Валерий Алиев

О книге Валентина Баюканского «Прогулки в закоулки» в 2 томах, Липецк, 2013–2014

Есть люди, видящие то, что дано лицезреть не каждому. Это герои повествования неординарного писателя Валентина Баюканского. Он написал о тех, кто его вдохновляет, о встречах с необычными людьми, которых иногда называют «вестниками из Зазеркалья». Чаще всего это люди, одаренные мистически, они частично не из мира сего, чем-то заслужили они возможность заглядывать туда, куда другим не дано, и это проявляется в их творчестве. Это люди, о которых также говорил Далай-Лама 14-й, прекрасные слова которого поставлены в эпиграф книги, это пламенное обращение к людям, о том, что планета «отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, рассказчиках и любящих всех видов. Она нуждается в людях, рядом с которыми хорошо жить. Планета нуждается в людях с моралью, которые готовы включиться в борьбу, чтобы сделать мир живым и гуманным».

Секретные файлы пространства и времени открываются избранным в виде какого-то кода: определённого сочетания слов, звуков, цветов, запахов. Иноходцы и вестники – так называет этих людей писатель Баюканский. Это мыслители, а не подражатели, их не более 2-х процентов в мире, но они двигатели прогресса. Это не только Леонардо да Винчи или Никола Тесла, подобных людей писатель находит среди современников. Валентин Баюканский называет математика Григория Перельмана, отказавшегося от премии в миллион долларов в знак несогласия с организованным математическим сообществом.

Наличие таких людей на планете побуждает новых смельчаков проникать в неизведанное. Им поручена великая миссия Преображения мира. Они наделены особыми знаниями, которые несут землянам. Среди этих гениев и вестников неизведанного и ещё не понятого людьми Алексей Акиндинов из Рязани. Это художник, родоначальник особого направления в живописи – орнаментализма. Мир для Алексея озарён мерцающими импульсами всех цветовых и звуковых оттенков. Вселенная полна знаков и символов, меняющих своё расположение, создавая непостижимый узор в гигантском калейдоскопе Бытия.

Валентин Баюканский вспоминает слова своего отца о том, чтобы стремился к вершинам. Даже если не достигнешь, всё равно поднимешься выше. А если этого не делать, останешься внизу, потому что мечты – это не уход от действительности, а средство к ней приблизиться. Любить этот «ускользающий мир» не так просто, но в основе любви, с которой человек стремится к своей мечте, лежит потрясающий смысл. «Любить жертвенно – значит, совершенно», – говорил Максим Исповедник.

«Как моют окна весной, и всё в результате становится светлым и прозрачным, так у меня в душе после прочтения Александра Грина», – почти вторя своему любимому писателю, – пишет автор «Прогулок...» по «закоулкам» Вселенной и человеческого сознания. Грин порицал технический прогресс, его влекла красота духа: «Пять сестёр есть цель: любовь, свобода, природа, правда и красота». А Никола Тесла жил в мире, где воздают хвалу миру изобретательства, мощи разума. Но оба мыслителя жили на земле, прислушиваясь к интуиции.

Мир многопланов, хотя мы часто воспринимаем его фрагментарно. И писатели часто улавливают из Зазеркалья энергии и информацию, которая скрыта от других. Запахи земли. В настоящее время преобладает запах выхлопных газов автомобилей, что позволяет говорить о дисгармоничном существовании во вселенском ритме бытия. Человеческое сознание затуманивается искусственной или техногенной реальностью, и визуальная информация довлеет над знаниями, к которым и стремятся подлинные учёные и художники. Творцы слова, звука, цвета знают, что звуки светят, а краски поют. Возьмем композитора Александра Скрябина, мечтавшего соединить разные искусства,

устроить представление, где будут присутствовать все народы, звери и птицы, и их призовут колокола, подвешенные к небу, во имя спасения Вселенной, тогда она станет совершенной.

Кто-то скажет: «Возомнил себя творцом Вселенной». А многие воспринимали Скрябина Божеством (Борис Пастернак: «О, куда мне бежать от шагов моего божества!»), гением-охранителем России. Он писал о себе, как трудно ему нести бремя мировой истории. Каждому открывается именно та идея, которая ему предназначена. Он мечтал о соборном творчестве, и он остался для многих образом сфинкса русской мистической музыки.

Особой любовью, особой личностью является для Валентина Баюканского известный и во многом не понятый при жизни актёр Олег Даль, который писал: «Обратиться внутрь – там моя сила». В его фамилии уже заложена бескрайность, Даль – человек-загадка. Ему важна была его собственная индивидуальность. «Жизнь людей, поцелованных Богом в темечко, – считает Валентин Баюканский, – наполнена символами и загадками». У актёра не было никаких званий, ведь он принадлежал к тем, кто «не боялся новых мыслей», для кого честь – краеугольный камень мировоззрения. Он не мог доверять тем авторитетам, вроде Ефремова и иже с ним, кто кроме корысти, ничего не искал в искусстве. И ломали Олега Даля, терзали, «ставили на место». А он был блистательным гением. Вскоре после его ухода в иной мир развалилось государство, пришли люди, для которых основной смысл жизни – коммерческий и финансовый успех.

Но дело даже не в том, социализм ли это, или дикий капитализм, так называемая демократия (тоталитаризм большинства над меньшинством), не то, в какой системе и в каком государстве ты живёшь, дело в другом: ощущаешь ли ты великие вибрации, допущен ли ты к секретным файлам пространства и времени, а значит, принадлежишь ли ты к творцу миров, каким был, например, Микалоюс Чюрленис – литовский художник и композитор.

Он интересен автору книги «Прогулки в закоулки» его неведомой энергетикой, звучанием мелодий бескрайних космических глубин, связью цвета и звука. Чюрлениса волновала грядущая судьба человечества. И в своих произведениях-космогониях, он путешествует по далёким мирам, уходя от печалей повседневности. «Я хочу полететь в далёкие миры вечной красоты и сказки, и чтобы ты это прочла в моих глазах», – это написал Чюрленис. Ему открывались страшные бездны, проявившиеся на земле войнами и революциями после его смерти. «Если бы можно было жить с постоянно раскрытыми глазами на всё, что прекрасно...»

Среди тех художников, кому открылась тайна вселенской гармонии, писатель выделяет Эля Греко (знаменитый художник Доменикос Теотокопулос. Эль Греко – это его псевдоним, который он взял себе после переезда в Испанию для простоты обращения), его застывшую динамику линий и красок. Валентин Баюканский называет его человеком «одной крови». И таких немало ходит рядом. Например, художник Николай Рогатнёв, «мастер воздушного металла», как называет его автор книги, энтузиаст в искусстве, а энтузиазм, как известно, – это святое. Без него на создаётся ничего живого. Мастер Рогатнёв относится к тем творцам, которые стараются вложить по максимуму любви в свои произведения, потому что он знает библейское выражение: «Любовь покрывает все грехи». Главное, не бояться нравственной высоты, зажигать свечу памяти, свечу покаяния и свечу благодарности Богу.

Загадочен липецкий художник Дмитрий Дикарев, чьи картины как «особый кристалл, позволяющий коснуться трансцендентного». Баюканский также сравнивает его картины с таинственной Зонной из фильма «Сталкер», где перед нашими глазами возникает полуреальность, и законы стабильного бытия уступают место призрачным фантазиям.

Андрей Тарковский для автора – тоже человек одной с ним крови. Великий кинорежиссёр для писателя – личность космического масштаба, неподвластная Времени и Пространству, шедшая по своему предназначению, которое даётся гениям и талантам. Валентин Баюканский напоминает читателю, что художник-творец видит в своём творчестве смысл тогда, когда он создаёт новые миры, когда творчество – «золотая вязь на ковре судьбы».

«Персидские мотивы» Сергея Есенина привели его к поэтам Востока. Он открывает для себя и для читателей Саади, поэта-суфия, воспевавшего любовь и мудрость. А затем его увлекают и другие мыслители-провидцы Востока: Джамии, Низами, Омар Хайям, Рудаки, Руми, которые утверждали, что главное сокровище на земле – человек, его оценивают по вкладу в утверждение добра, справедливости, милосердия. Оценить их могут люди, свободные и духовно развитые.

Даром вещунный обладали поэты: Анна Ахматова, Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, которые «умели распознавать сигналы иного бытия». В этот же ряд попадает современница автора Виктория Кан.

Липецкий художник Владимир Давыденко предстаёт перед нами с благородной мыслью о том, что «всякое творчество есть молитва». Портрет Алексея Второго кисти Владимира Давыденко находится в музее храма Христа Спасителя. А его картины «Радости жизни» и «Наслаждение» – это раскрытие духовного принципа, как довольствоваться малым и находить радующее душу счастье, которое для многих «хозяев жизни» остаётся недостижимой мечтой.

Особые страницы «Прогулок в закоулки» – почитание мировых библиотек: это Ашшурбанапала, Александрийская, Ивана Грозного, Ватиканская апостольская библиотека. Библиотеки мира – ценнейший источник человеческого бытия. У каждого человека есть своя любимая книга, любимое произведение, которое предназначено человеку изначально.

Герои книги Баюканского: Гасан Алкадари, Александр Некрасов, Юрий Чепец, Юрий Гусев, герой Советского Союза Юрий Чурилов. Всё это талантливые люди, в которых мир нуждается больше всего. Дом, хлеб и книга – что ещё нужно человеку?

Удивительны страницы, посвященные братьям Кузовлёвым. Родившиеся в деревне Кузовлёво четверо братьев стали учёными, двое доктора наук, двое – кандидаты.

Тёплые страницы посвящены ушедшему уже из жизни художнику Сергею Шестопалову – певцу земной красоты. Валентин Баюканский пристально вглядывается в творчество его современницы Тамары Алексеевой.

Сам писатель Валентин Баюканский – тоже в глазах хорошо знающих его людей «чайный шаман», так как не только обладатель огромной коллекции чаёв со всего мира, но и волшебник, знающий толк в воздействии на настроение и внутреннее состояние человека определённых чаёв и их сочетаний.

Безжизненным пустыням бездуховности писатель Валентин Баюканский противопоставил мир его героев, посланников Вселенной, жаждущих человеческого счастья, бескрайне талантливых и очень нужных людям. К сожалению, тираж этих интересных книг мизерный, поэтому стоило рассказать о них читателям.

О книге сербского поэта Любомира Поповича-Цоша «Как ни крути»

Сборник стихов «Как ни крути», – Баня Лука, 2018, вместе с диском, на котором фильм о поэте Юлии Воиновой-Жунич «Я тоже русский. Две мечты сербского поэта», посвящённый защитникам Донбасса», а также фильм с чтением стихов Любомиром мужественным голосом, с такими естественными интонациями, на фоне негромкой музыки, издан маленьким тиражом, поэтому так важно мне поделиться своими впечатлениями и рассказать о книге тем, кто ещё принадлежит к немногочисленной читающей группе людей.

Из прекрасного фильма Юлии Воиновой, который я видела и опубликовала статью Юлии Воиновой в журнале «Берега», уже я знала, что дочь Любомира – талантливый график, и действительно, рисунки Ангелины по-настоящему потрясают и украшают сборник поэзии.

Стихам предшествует рецензия поэта, актера и режиссёра Евгения Калакина, нашедшего чудесный образ для творчества сербского поэта:

Всё просто,
Как
Присесть
Перед дорогой и посмотреть в небо.

Ещё одна рецензия Игоря Ситникова, из которой мы узнаём, что большинство стихов написаны до Боснийской войны, участником которой был и Любомир Попович. Ставший свидетелем траге-

дии распада Югославии, он предчувствовал кризис, который наступил в странах бывшего социалистического лагеря, когда объявлено было – обогащаться, кто может. И когда началась всемирная тяга к потребительству без меры, когда началась эпоха духовного застоя, провозгласившего скудный лозунг: «иметь», обладать материальными благами, Любомир Попович написал о мальчике, который ещё ничего не понял в жизни, но поймал ужн вирус стяжательства, упрекая родителей: они

виноваты в том, что ничего не имеют. И как верно поэт заметил, что с «праздными глазами» устремили многие свои взгляды на Запад, мечтая, как их там полюбят, но есть лишь одна любовь – Божественная.

Когда Любомир Попович сказал, что он тоже русский, то за этим стоит не только 11 лет жизни в Рязани, но и православная вера, и противостояние духовной пустыне, которую он предвидел, описав сцену на базаре: отец продает телёнка, чтобы одеть и обуть дочь, которая уже знает, что такое дорогие сигареты и алкоголь, что она в шаге от того, чтобы тоже стать товаром на рынке.

С первых страниц сборника открывается талант мыслителя. Стихотворение «Удача» напомнило мне русскую поговорку: награждают непричастных, наказывают невиновных. Но в то же время произведение Любомира гораздо глубже, оно многопланово, так как смыслы в нём открываются, как в русской игрушке: из одной матрёшки выходит другая. Охотник хочет убить орла, а его ружье ещё не заряжено, но пуля, пущенная какой-то другой рукой, настигает орла, который, оказывается, не хочет жить и бросается на высоковольтные провода. Орёл так и не узнал, что в проводах не было электрического тока, но ему повезло: он не совершил самоубийства. А нестрелявший охотник был награждён за убийство орла.

Стихотворение «Красная слеза». Оно занимает по объёму лишь страничку, но как много в нём смысла...

Слёзы, истинные, и глубокие чувства спрятаны за фасад улыбки, немощный ответ на сильные вопросы: почему изменили традициям, почему лишь старцы не уходят с горы, а дети на неё уже не всходят? Лишь ученики великого пророка знают о незыблемости истин, о том, что «трава зелёная», а «соль солёная». Но в наступившем дне, чёрном, как мрачная ночь, трудно это различить – зелень травы.

Некоторые рассматривают эту эпоху безвременья, в которой становится всё холоднее душе, как временную непогоду, как ненастье, которое обязательно закончится. Поэт рассказывает, что о послезавтра думает женщина, и, кажется, мы готовы с ней согласиться, а она склонна верить, что любовь решает все проблемы, что для прихода лучшего времени достаточно только веры.

Как много философско-психологических открытий в его стихах! Стихотворение «Проклятое зеркало» вызывает у меня ассоциации со строчками Анны Ахматовой:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Человек, стоящий перед зеркалом, думает, что он несчастен, но не подозревает о том, какова степень несчастья в грядущем, когда начнётся война, когда разобьётся множество зеркал и судеб, а матери повяжут чёрные платки.

Любомир говорит: «Пишу более 40 лет, но не могу сказать для себя, что я поэт, но оказывается, что да».

Да, Поэт. Видение его такое, что он замечает и коня, и одновременно наездника, хотя многие видят лишь телегу, а извозчика – нет, пламя видят, а очаг не попадает в поле зрения. Если кто не может охватить целостно картину мира, а лишь его фрагменты, значит, ничего и не видит.

А Любомир говорит от имени поэта 21 века: «Изнутри убит безвременьем...»

«Могила – то место, где ждёт желанный покой».

«...но прежде, чем сказать, подумай,

Прежде, чем шагнуть, посмотри в небо,

Прежде, чем умереть, поживи...»

В видеофильме, где Любомир читает стихи, я прочла: «Лето Господне 7527».

Это остро отозвалось во мне и ещё раз напомнило о наших общих корнях наших славянских народов, о многовековом культурном родстве, которое было прервано катастрофическими последствиями так называемой «перестройки», но Поэт принадлежит к лучшей части носителей духовности и культуры, которая не утрачена, а лишь затаилась до лучших времён, как это изложено в знаменитой легенде о граде Китеже.

Я признательна автору за удержание духовного, спасительного, жизнеспособного и перспективного мировоззрения!

Любомир Попович-Цош о себе в прозе: родился 16 мая 1957 года в деревне Палачковцы, недалеко от Прњявора, на берегу реки Укрины, по дороге в Дервенту. Опубликовал несколько книг здесь, несколько в России – моей второй Родины, где у меня есть дочь Ангелина, а здесь, в республике Сербской, мать Ангелина, и настоящая книга посвящена им. Если в моих песнях я сказал правду, которая поможет, то хорошо, если нет, то другие сказали и будут говорить...

Валерий Алиев

Никто не велик, если не держится кого-то величайшего.

Святитель Николай Сербский (Велимирович)

Валерий Алиев – народный артист России, баритон, автор идеи и организатор, Президент и Председатель жюри Международного конкурса вокалистов «Янтарный соловей» имени Зары Долухановой, который проходит в Калининграде (арт-директор Ольга Дашкевич), почётный профессор Лондонской Русско-Британской музыкальной академии, член Союза композиторов России. Валерий Алиев родился в 1951 году, учился на вокальном факультете Горьковской (Нижегородской) государственной консерватории имени М. И. Глинки, его профессорами были Екатерина Константиновна Йофель и Евгений Григорьевич Крестинский. После окончания консерватории в 1981 году переехал в Калининград. Автор и исполнитель «Антологии мирового романса», включающей в себя 1 200 романсов композиторов 35 стран мира. Работает как председатель и член жюри многих всероссийских и международных конкурсов, проводит мастер-классы в России, Польше, Литве, Украине, Белоруссии, Казахстане. В 2012 году удостоен звания лауреата премии им. Д. Д. Шостаковича, лауреат XI Всесоюзного конкурса имени Глинки, финалист Международном конкурса имени Франсиско Виньяса.

Нам всегда интересны талантливые и гениальные люди. Мы ищем их не только в прошлом, но радостно воодушевляемся, встретив таких людей среди наших современников, тем более обнаруживая в них высокие проявления духа. В современные СМИ часто пролезают люди, казалось бы имеющие отношение к искусству, но, присмотревшись, вспоминаешь слова бессмертного Н.В.Гоголя: «В первую минуту скажешь, какой приятный человек, во вторую – ничего не скажешь, а в третью скажешь, чёрт знает, что такое, и отойдёшь подальше». Весьма печальная картина встаёт перед глазами на сцене многих театров и эстрадных сцен.

Тем отраднее становится на душе, когда встречаешься с человеком, не обласканным телевидением, но концерты которого открывают для тебя то, что есть!!! Подлинные певцы, актёры, исполнители, художники, писатели – они стоят в первых рядах известных и славных. Не берусь перечислять всех достойных, назову только имя – Валерий Алиев.

Он ученик Зары Долухановой, певицы, выход которой на сцену сопровождался волшебным вздохом слушателей, которой посвящали свои произведения Гаврилин и Таривердиев, Прокофьев и Шостакович, которую любили Ростропович и Кузник, боготворила публика. Она была также и

блестящим педагогом, щедро делившимся своим опытом. Она разглядела в Валерии талант, слышала его красивый баритон, его голос с тонкими оттенками, его нежность и лиризм, его лёгкость во взятии сложных нот, а также воздушность, глубину, насыщенность вокала, чтобы привести его к мастерству. О Валерии Зара Долуханова написала, услышав его на конкурсе камерного пения в Ленинграде: «Это тот исполнитель, который может обогатить нашу школу камерного пения подлинными замечательными достижениями». И она не ошиблась. Он удивил её «редкой тонкостью и тактом в выражении чувств», «мастерством и осмысленностью фразы». «Какая прелесть!» – воскликнула народная артистка СССР, когда послушала диски с записями Валерия Алиева. Великим делом назвала она Международный конкурс «Янтарный соловей» для развития и сохранения камерного пения в России.

Валерий посвятил себя камерному пению, оказался, благодаря своей целеустремлённости и творческому поиску, окружённым громадным количеством добрых, умных, талантливых людей: Марк Фрадкин, Оскар Фельцман, Людмила Лядова, Александр Колкер, Ян Френкель, Вениамин Баснер, Олег Иванов и множество других, имена которых говорят о бесценном даре судьбы Алиеву. Он дружит с Тамарой Гвердцители, Юрием Силантьевым, с оркестром которого не раз доводилось петь, участвует в совместных концертах и гастролях с Ириной Архиповой, Евгением Дога, Александром Колкером, Иосифом Кобзоном, Павлом Аедоницим.

Сегодня, как никогда, чрезвычайно велика ответственность творческого человека, с каким репертуаром ты выходишь на сцену, что несёшь слушателю, поэтому такую непревзойдённую роль играет сегодня для Валерия Алиева классика: Рахманинов, Глинка, Даргомыжский, Ляпунов. Народная жизнь вправе ожидать от певца слов и песен, которые прилагаются только к органическим понятиям, только противопоставления своего творчества фальши и кривлянию, только утверждения живой души, благородства и величия человека среди металлического блеска и громких жёстких звуков. Ведь человеку по его природе свойственна печаль, любовь, думы, сердечные страдания, а не навязанная «погоня за прибылью» любой ценой.

Валерия хорошо знают в Калининграде, в России, во многих странах Европы, потому что, услышав один раз его выступление, мы хотим снова и снова увидеть на сцене этого замечательного певца, чтобы согреть свою душу талантливым исполнением песен и романсов. На концертах удовлетворяют свои потребности люди с прекрасным вкусом и высокой эстетикой, потому что певец одарён не только голосом, но и тончайшей интуицией, глубочайшей способностью проникнуть в замысел композитора и автора стихов, чтобы выразить это слушателям, донести до них постигнутое. За филигранным исполнением часто не увидишь того труда, который необходим для совершенствования техники исполнения.

Вернусь к прекрасному вкусу, к высоким образцам поэзии и музыки. Об этом говорит его репертуар. Валерий поёт и русские романсы, и лучшие песни 60-х-80-х годов, например, Муслима Магомаева, Жана Татляна, Марии Пахоменко, Валерия Ободзинского, других исполнителей 20-го века, те песни и романсы, которые уже стали классикой, где звучит глубокая духовность, щемящая русская тоска, национальное начало народов СССР.

Не берусь разгадать тайны таланта Валерия Алиева, но его пение несёт что-то светлое и одухотворённое, неповторимое чувство причастности к непрерывному поиску, жизни в мире музыки,

причастности к возможностям вокала. Известно его исполнение монооперы Юрия Буцко «Записки сумасшедшего» в Большом Театре России, «Ночные видения» – сцены из гусарской жизни на стихи Дениса Давыдова, программы, состоящие из песен Булата Окуджавы и классиков бардовской песни, концерты-спектакли по произведениям Александра Галича, Геннадия Шпаликова, моноспектакль «Жёлтый ангел» по песням Александра Вертинского, обошедший многие страны мира.

Он великолепно поёт вокальные сочинения мировой классики: «Порывом ветра яростным» (А.Гречанинов – Р.Бёрнс, пер. А.Девет), «Давно ли роскошно ты розой цвела» (М.И.Глинка – Н.Кукольник), «Фонтаны» (С.И.Танеев – Ж.Роденбах, пер. Л.Эллиса) «Попутная песня» (М.И.Глинка – Н.Кукольник), «Признание» (М.И.Глинка – А.С.Пушкин). Они звучат естественно и живо, потому что голос богат разнообразием тембровых красок, а певец удивляет отточенностью исполнения, внутренней собранностью, одухотворённостью и неповторимым обаянием.

Вместе с прекрасной певицей, генеральным директором Музыкально-культурного центра «Янтарный соловей» подготовлена лирическая концертная программа «Осенние листья», «Оттепель» (песни и стихи поэтов-шестидесятников), «Кумиры прошлых лет», «Страницы любви», «Коммунальная квартира», «Я выбираю свободу».

Программа «Моя Россия» – именно та Россия, по дорогам которой Валерий Алиев проехал от Калининграда до Сахалина.

Лирическая концертная программа «Осенние листья» в историко-художественном музее. Сердца освещает радость, у слушателей глаза сверкают, лица светятся улыбками. Полный аншлаг, цветы и горячие аплодисменты в ответ на дарение сердец исполнителями. Это настоящий спектакль с чтением стихов и исполнением песен, написанных в основном в 70-80-годы прошлого века. Это песни и романсы, которые исполнялись блестящими талантливыми певцами: Муслимом Магомаевым, Ириной Понаровской, Людмилой Гурченко, Лаймой Вайкуле и многими другими. Хороший вкус в выборе музыкальных и поэтических впечатлений, рождённых богатой осенней палитрой красок и чувств, в стихах Бориса Пастернак или Арсения Тарковского и многих других отличных поэтов, артистизм, живые голоса, сияющие улыбки, выход со сцены в зал – всё с удивительным тактом, бережным отношением к слушателям и бесконечной теплотой голосов, неотразимым обаянием.

Валерий Алиев несёт свою великую миссию, напоминая нам о великих композиторах, с которыми сотрудничал многие годы – Фельцмана, Фрадкина, Френкеля, Колкера, Аедоницкого, Казенина, исполняя их потрясающие нестареющие песни. Его метафизическое поручение, которое певец несёт в душе, слушатель интуитивно чувствует, понимает, что божественный дар преобладает над рациональным умозрением, поэтому зритель своего певца беззаветно любит, доверчиво внимая ему, как носителю выкристаллизованной истины.

Возможно, кому-то мнение Валерия не совсем удобно, кто-то не прощает высказанную правду: о катастрофическом падении профессиональной планки эстрадной песни, бессодержательной и пустой, о проблемах с российскими участниками Евровидения, с невежеством, грязью, безразличием и бездуховностью, с массовым искусством, с верховенством на сценах кучки ремесленников. Но ничто не затмит активной деятельности Валерия Алиева, песни в его исполнении глубоко волнуют сердце, поселяют в душе трепетное чувство. Причина этому то, что он сам поёт в контексте национального искусства, сам прикасается к бездонному источнику православной духовности.

Валерию принадлежит идея и реализация её – это концерт духовной музыки в Калининграде в 1987 году. И, несмотря на противостояние тогдашнего начальника Управления культуры Иосифа Гречко, после согласования с Министерством культуры СССР, концерт был разрешён, и он состоялся в Калининградской филармонии. Прозвучали Чайковский и Бортнянский и другие композиторы, ведь это лучшее из духовного наследия человечества.

Валерий всё свое время отдаёт музыке, опирается на тысячелетнюю русскую духовность и культуру. Когда слушаешь его голос, то понимаешь, что он выразитель народной души в песне. Перед глазами проходят человеческие судьбы, картины чудной природы, ты любишь и переживаешь вместе с героями песни, думаешь о Боге и Вечности. Пока живы эти песни, пока они звучат и исполняются, будет длиться жизнь.

Критика

Александр Горшенков

**Редакция журнала «Берега» поздравляет с 65-летием
Михаила Фёдорова и желает светлого вдохновения,
новых творческих успехов, радости, гармонии и всех благ!**

Горшенков Александр Александрович родился 22 июня 1963 года в Свердловске (Екатеринбурге). В 1991 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Л.Н. Васильевой). Автор нескольких поэтических сборников и прозаической книги, член Московской городской организации Союза писателей России. Дипломант «Лучшая книга 2011–2013», диплом I степени Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса имени Сергея Клычкова «*Душа моя, как птица*». Работал редактором в журнале «Российский адвокат» и выпускающим редактором Адвокатской палаты Московской области.

Встречи с писателем и адвокатом Михаилом Фёдоровым

Помню Михаила Ивановича Фёдорова – крепкого, улыбчивого и молодого! воронежца – ему тогда не было ещё и пятидесяти! – в редакции журнала «Российский адвокат». Он всех заряжал своей неуёмной энергией, рассказывая бурно о своих адвокатских делах, громко возмущаясь несправедливостью, царящей в нашем правосудии, подкладывая на столы свои становящиеся с каждым годом многочисленнее и престижнее публикации и свежие произведения, которых ещё не коснулась типографская краска. Некоторые из таких находили свой первый приют на полосах «Российского адвоката». Все, самые разные люди, мне кажется, относились с невольной симпатией к бурному Михаилу Ивановичу, от старожилы редакции главного редактора Романа Ароновича Звягельского и ветерана юридической журналистики Игоря Михайловича Вашкевича и до меня, тогдашнего, в общем, начинающего юридического журналиста. И воронежский гость, несмотря на свои обильные таланты и многописательство, скромно считал себя тогда только начинающим литератором, видимо, предвидя свои будущие высокие достижения. Хотя за плечами уже были заметные публикации в воронежских и столичных газетах и журналах, увесистые тома «Ментовки» с романом, повестями и рассказами, вышедшими в московском «Вече» и воронежском издательстве ещё в 1995-м (речь пока идёт о 2002-м – 2003-м годах). И другие многочисленные рассказы, повести и ещё романы, например «Пусти ме да гинем...» – на сложную тему балканской войны. Причём, талантлив был Фёдоров во всех жанрах – так, ещё году в 2004-м, в «Российском адвокате» вышел его блестящий репортаж с фотографиями о воронежском адвокатском десанте на зону. За него тогда ему не только не заплатили, журнал был полукоммерческий, но сам автор выложил энную сумму за сто экземпляров издания. Критики судейского сообщества и высших лиц адвокатуры там никакой не допускалось, если только по каким-то своим ведомственным политическим соображениям. Вообще же, с каждым годом ширился список фёдоровских научных и специализированных публикаций об адвокатской деятельности, в том числе и на полосах главного тогда адвокатского издания «Российского адвоката».

Нашёлся у нас с Фёдоровым и общий знакомый, к которому мы относились немного по-разному: это известный воронежский прозаик и оригинал мой однокурсник по Литературному институту Вячеслав Дёгтев. Не раз говорили и спорили мы о нём и его боевитых произведениях.

Новый этап наших с Михаилом Ивановичем и творческих, и человеческих отношений начался, несомненно, весной 2007 года, когда я стал выпускающим редактором Адвокатской палаты Московской области. Главной заботой там был ведомственный журнал, который так и назывался – «Адвокатская палата». О, это и было, и становилось всё более острым и оригинальным, с лица необщим выражением, издание в ряду себе подобных адвокатских. Там понемногу, наряду с научными и ак-

туальными материалами, публиковалось и художественное творчество адвокатов, вплоть до стихов, и смелые статьи других юристов и не юристов на современные темы, ведь защитник должен быть мыслящим широко образованным человеком и разбираться в смежных сферах. Этому способствовала и тогдашняя позиция его главного редактора тоже своеобразного философа и писателя первого вице-президента АПМО Юрия Михайловича Боровкова: с внушительной крупной головой в белой бороде, чем-то напоминающего своим обликом адвокатов-классиков «первой волны».

Конечно, одним из самых уважаемых и любимых авторов старой «классической» «Адвокатской палаты» сразу стал Михаил Иванович. Уже в 2007-м в нескольких номерах вышли его интереснейшие полухудожественные полудокументальные «Хроники поверенных», которые очень понравились старейшему и уважаемому подмосковному адвокату Семёну Львовичу Арии. Потом были и рассказы, часто о жизни и работе во многом альтер эго автора адвокате Федине, и многочисленные адвокатские выступления самого Фёдорова в воронежских и других судах страны: всегда точные, богатые по фактуре, не взирающие на лица, запоминающиеся. Как, например, и его доклад на конференции «Адвокаты об адвокатской деятельности» – «Адвокат – трижды человек». Перечислим только некоторые «служебные» публикации Фёдорова (а ведь имелись и многие художественные!): Дело о «козле отпущения»: выступление в Коминтерновском районном суде города Воронежа в защиту Гончарова, обвинённого в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего; Дело о непредумышленном убийстве: выступление в Сергиевском городском суде Московской области по делу Бережного; Дело судьи Африканова: выступление в судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда; Дело монахини Марии: выступление в Пензенском областном суде по уголовному делу монахини Марии; Дело о долгоруковских милиционерах: выступление в Липецком областном суде в защиту начальника отдела охраны Долгоруковского РОВД Липецкой области Савина... Только по этой малой толике дел можно судить о размахе, интенсивности и сложности профессиональной деятельности адвоката. А ведь вторая ипостась Михаила Ивановича – не менее важная писательская. Перечислим некоторые повести, романы и другие объёмные произведения, вышедшие с упоминаемого 2007-го: повесть «Любо, Дубоссары!» и роман «Ольга Алмазова», литературный сценарий художественного фильма «Юность художника» (об Иване Крамском), повесть «Герой нашего времени», хроники писательской жизни Воронежской писательской организации, хроники Марии Спиридоновой и упоминавшиеся «Дело поверенных», циклы «Тромкие» дела писателей», повесть «Зелёная пурга», роман «Пузыри на воде», повести «Белая ворона» и «Юность поскрёбыша», повести «Сестра милосердия», «На погибель» и «Сладкая кража», документальная повесть «Абхазский дневник» и повесть «Православный адвокат», роман «Человек Чернозёма» и книга об Александре Сухареве, жизнеописание «Солдат правды» (Жизнь Юрия Гончарова, рассказанная им самим), повести «Мокрая зима в Сочи» и «Камера обскура», киносценарий «Звенят родники Хохольские», документально-художественные книги о Егоре Исаеве и Ролане Алане, книга о художнике Стефане Домусчи, другие. И всё это на высоком художественном уровне в лучших изданиях и издательствах. Даже краткий перечень впечатляет. Вышло у Михаила Ивановича и несколько аудиокниг.

Солиден и список очерков и фотоочерков о Михаиле Ивановиче, откликов на его книги, последнее время всё чаще и всё более пространные встречаю в «Литгазете».

Каким же надо быть человеком, чтобы воплотить такое богатое творческое наследие? А таким, как воронежский адвокат и писатель Михаил Иванович Фёдоров: энергичным, несмотря на трудности возраста, открытым к людям и искренно интересующимся подробностями их часто трагического бытия, добрым к хорошим людям и насмешливым к плохим. В последнее время мы встречались с ним и на поверхности грешной Земли – обычно в редакциях, и глубоко под ней – в метро. Михаил Иванович в своём походном комбинезоне со многими карманами всегда куда-то торопился – в другие дружественные редакции, к интересным личностям. Но всегда взахлёб успевал рассказать и о воронежских делах и литераторах, и расспросить о твоих трудностях. Его сумка и пакеты обычно бывали набиты новыми книгами, своими и чужими, и, чем горжусь, журналом «Адвокатская палата» со своими статьями и рассказами. Ни разу не видел его унылым или опустошённым, как это часто бывает со многими другими, несмотря на то, что трудностей в его жизни тоже хватает. На прощанье он всегда крепко обнимает. Быть может, во всём этом секрет его естественной неиссякаемой творческой энергии и долголетия его молодого вдохновения.

Бережок

Юрий Шевченко

Светлой памяти нашего автора!

Юрий Шевченко (1954–2018) – военный журналист, поэт и баснописец. Фантастика – один из наиболее любимых жанров его творчества. В этом жанре, им написаны порядка пятидесяти повестей и рассказов. Первая книга «Чёрт-птица», вышедшая пять лет назад, включила в себя произведения различных лет, от юношеского, до зрелого возраста, когда он стал членом Союза писателей России, и Золотым лауреатом национальной премии «Золотое перо Руси». Ныне, к изданию готовится вторая книга его фантастических произведений. Повесть «Тимка» одна из любимых самим автором и его читателями.

Тимка

Фантастическая повесть

Там, на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей

А.С. Пушкин

Конюх Кузьма проснулся на рассвете в скверном настроении. В голове шумело, во рту было сухо, как в пустыне, а от неудобной позы, в которой пролежал всю ночь, ныла поясница.

Накануне вечером он был на Дне рождения у приятеля, где по традиции изрядно выпил, и теперь пребывал в том состоянии, что в просторечье называется «бодуном».

Из-за леса вставало солнце. Небо было чистым и прозрачным, а вокруг на спелых травах блестела роса, предвещающая погожий июльский день.

Кузьма сидел на самом вершине стога шуршащего сена и, озираясь вокруг, пытался понять, где он находится. Память буксовала, как колхозный самосвал на раскисшем просёлке. Впрочем, он тому не удивлялся. Обычно после обильной попойки Кузьма шёл, куда глаза глядят, и мог забрести куда угодно.

Так недавно, в один из майских праздников, он очнулся в колхозном свинарнике, где уснул в обнимку с огромной свиньей среди дюжины поросят.

Тогда, после пробуждения, как впрочем, и сейчас, Кузьму мучил только один вопрос: где раздобыть опохмелиться?

Зевая во весь рот и почесывая курчавую бородку, он чувствовал, что в кармане пиджака что-то топорщится, и, проверив его, обнаружил початую четвертинку самогона, огурец и три куриных яйца, сваренных вкрутую.

– Ну, что же, живем! – радостно подумал Кузьма, встряхивая бутылку, от чего ее содержимое громко булькнуло. – Сейчас опохмелюсь и домой.

Сглотнув слюну, от соблазнительного бульканья переполнившую высохший рот, он сладко потянулся, и, кое-как обобрав налипшее сено, стал осторожно спускаться вниз.

Прошедшей ночью он, вопреки обычности, спал плохо, все время ворочался, стонал и, как водится, дико храпел. Соседи в таких случаях говорили: если Кузьма храпит – а храпел он так, что этого не могла выдержать даже собака, начинавшая подвывать – то утром его на работу не жди. Крепко перебрал!

Трезвым, Кузьма не храпел вообще.

Кроме того, на рассвете, проснувшись оттого, что у него засвербело в носу, он вдруг увидел подле себя трех субъектов очень необычной внешности.

Двое из них были высокие, а один – поменьше. Полупрозрачные, как тонированное стекло, они стояли рядом и живо рассматривали его огромными глазницами. Тот, что поменьше, щекотал Кузьме нос длинной сухой соломинкой.

Кузьма спросонья не предал этому значения, ведь порой, после обильных возлияний, он видел чертей и похлеще.

Внешность незнакомцев была хоть и странной, но в ней не было ничего пугающего. Это-то и позволило Кузьме, плюнув через плечо, и, пробурчав что-то вроде: «Сгинь, нечистая!», повернуться на другой бок и продолжать сон.

...С вершины стога Кузьма спустился вниз, съехав на спине, прижимая к груди заветную бутылку. Но за миг до этого он случайно бросил взгляд в сторону и увидел рядом со стогом нечто такое, что привлекло его внимание.

Метрах в двенадцати среди нескошенной травы виднелся странный след. Он был похож на отпечаток огромного тележного колеса метров десять в диаметре. Создавалось впечатление, что кто-то положил его плашмя и с силой вдавил в землю. Трава была аккуратно примята по идеальному кругу, примерно в метр шириной, а к его центру, где виднелась неглубокая ямка, сходились концы шести широких спиц.

Походив вокруг, Кузьма потрогал примятую траву и опаленные края ямки в центре, но, не найдя этому объяснений, тут же потерял всякий интерес. Махнув рукой, он поплелся к ближайшему кусту, где, достав из кармана самогон и закуску, стал готовить ритуал опохмелки.

Не торопясь, он очистил три яйца и, аккуратно разложив их рядом с огурцом и кучкой скорлупы на газетке, зубами выдернул пластмассовую пробку из бутылки.

Сделав пару солидных глотков, он крикнул и блаженно зажмурил глаза. Выждав несколько секунд пока горячая струя достигнет желудка, он отправил в рот следом и огурец.

Спелый овощ громко хрустел на зубах, когда Кузьма, не глядя, протянул руку за вареным яйцом, но, пошарив по газетке, с удивлением не обнаружил на ней ничего, кроме горки очищенной скорлупы.

– Что за черт? – пробурчал он сердито. – Куда же они запропастились?

Осмотревшись, он даже приподнял разостланную на траве газетку в надежде, что приготовленные яйца закатились под нее, но и там было пусто.

– Тим! – вдруг раздался рядом с ним громкий звук, похожий на звон спущенной тетивы.

В самом начале Кузьма подумал, что у него, как не раз, бывало, просто звенит в ушах, но по мере того, как звуки повторялись, он решил, что это проделки шутников, незаметно утащивших его закуску.

– Эй, вы! – грозно заорал Кузьма, – Немедленно положите на место то, что взяли, иначе наломаю бока!

– Тим-тим! – раздалось в ответ.

Хмель уже слегка ударил ему в голову, потому Кузьма понял это так, что над ним просто издеваются.

– Ну, держитесь! – проворчал он, вставая.

Обойдя куст кругом и никого, не обнаружив, он тщательно обшарил заросли вокруг, но злоумышленники отсутствовали.

– Черт возьми! – пробурчал сердито конюх, озадаченно почесывая затылок. – Кто же это увел мою закуску?

– Тим! – прозвучало в ответ совсем рядом.

В следующий момент он в испуге застыл на месте и вытаращил глаза.

Вначале ему показалось, нет, он ясно увидел, что газетка, расстеленная им на траве, медленно поползла в его сторону, на ходу принимая диковинную форму, и, стряхивая с себя остатки яичной скорлупы, угрожающе зашелестела краями.

– Ма-ма! – прошептал испуганно Кузьма, и ноги сами понесли его прочь.

– Тим-тим-тим! – громко и жалобно неслось ему вслед, но от этого он только прибавлял скорости.

Кузьма бежал без оглядки, а странные звенящие звуки преследовали его попятам, то отдаляясь, то приближаясь вновь, от чего у бегущего складывалось впечатление погони.

Село, куда он так стремился в поисках спасения, приближалось с каждой минутой.

– Отчего это Кузьма мчится, как на пожар? – удивленно спросила у колодца одна баба другую.

– Чего-чего? Опять напился до чертиков, – отвечала та. – Вот и гоняют они его по всей округе.

А погоняемый страхом, Кузьма мчался, не чуя под собой земли, и опомнился только тогда, когда из-за поворота показался забор его дома. Тут, перейдя на шаг, отдуваясь и кашляя, он деловито зашагал к воротам.

Однако его дворовый пес, с радостным визгом выскочивший из-под них навстречу хозяину, повел себя более чем странно. Сначала он, виляя хвостом, хотел броситься к ногам Кузьмы, ожидая ласки за верную службу, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился и, оскалившись, грозно зарычал.

– Черныш, – удивился тот, – ты что, спятил? Не узнаешь хозяина? А ну, иди сюда!

Тот не послушался. Испуганно заскулив, он юркнул обратно под ворота и залез в свою конуру.

Минут двадцать Кузьма уговаривал собаку покинуть своё убежище, но пес, забившись в угол, не двигался с места.

– Ну и сиди себе там! – наконец не выдержал конюх. – Черт с тобой!

С этими словами Кузьма, поднявшись по ступенькам на крыльцо, вошел в дом.

Этим летом он остался хозяйствовать один. Еще месяц назад жена уехала на заработки в столицу, а дочь отправила на каникулы к бабушке в Крым.

Плотно прикрыв дверь, Кузьма, наконец, почувствовал себя в безопасности. Усевшись за стол, он стал вспоминать о своем приключении и убеждать себя в том, что все это не что иное, как плод его воображения.

– Надо бы бросить пить, – про себя подумал он и тут же усмехнулся своим мыслям. Сколько раз уже давал такой зарок, но силы воли хватало разве, что до обеда.

От размышлений Кузьму оторвало угрожающее кошачье шипенье.

Их кошка, что все это время мирно дремала на диване и не проявила никаких эмоций даже при появлении хозяина, вдруг вскочила и, изогнув спину дугой, ощерилась, глядя куда-то на пол посреди комнаты. Кузьма взглянул туда же, но на полу было пусто.

– Муська, – произнес он, обращаясь к животному, которое, шипя, пятилось назад. – Что с тобой? Ты тоже сдурела?

Но та, не обращая внимания на слова, ревно соскочила с дивана, и, стремглав проскочив через комнату, выпрыгнула в окно.

– Что стряслось с животными? – подумал Кузьма, провожая кошку взглядом. – Совсем очумели, пока меня дома не было. А может, им не нравится, что от меня пахнет спиртным?

Такой вывод удовлетворил его сомнения, но тут же разозлил. Ему показалось большим оскорблением, что не только люди, но даже теперь и животные брезгуют его обществом, когда чувствуют перегар.

– Подумаешь, чистюля! – закричал Кузьма вслед убежавшей кошке. – Запах ей, видите ли, не нравится! Как жрать давай, то все бегут! Вот погодите у меня!

Кузьма пригрозил в окно кулаком и замолчал, обиженно засопев.

– И, все-таки, надо бросать пить, – второй раз за день подумал он.

Некоторое время Кузьма продолжал что-то сердито бубнить под нос, доказывая самому себе, что бросить пить для него плевое дело. Для пушей убедительности он размахивал руками, нагоняя на себя смелость и решительность, однако, при этом никак не решался встать со стула, так как не мог отделаться от гнетущего ощущения того, что из глубины комнаты за ним наблюдает кто-то невидимый.

В страхе он, наверное, просидел бы так весь день, но рев коровы и кудахтанье кур вынуждали встать и заняться хозяйством.

Выйдя во двор, Кузьма первым делом выпустил из хлева корову, затем накормил свиней и лишь потом, заглянул в курятник.

В хозяйстве его насчитывалось около сотни кур, и жена, уезжая, велела не забывать ежедневно, собирать снесенные яйца. Ранее кур было еще больше, но в курятник повадился злой хорек, который душил их безжалостно. Однажды он все-таки угодил в поставленный Кузьмой капкан, но, попавшись, хорь отгрыз себе лапу и убежал. После этого хищник стал лютовать по всей деревне.

Войдя в курятник, Кузьма включил свет, и, не обнаружив следов очередного разбоя, взял корзинку, куда стал собирать снесенные курами яйца.

– Тим-тим! – вдруг громко прозвучало у него за спиной в тот самый момент, когда он уже завершил сбор и собирался уходить

Кузьму от макушки до пят прошиб холодный пот. Оглянувшись через силу, он громко вскрикнул и попятился, едва не выронив корзину с яйцами.

Позади него на задних лапах стояло существо, не похожее ни на одно из тех, что он видел в своей жизни.

– Тим-тим! – произнесло оно, склонив при этом набок свою уродливую голову.

– Господи, Боже мой! – простонал Кузьма, продолжая пятиться. – Что, что это такое?

Он перекрестился и прочитал молитву против нечистой силы, которой его научила в детстве бабушка, но существо не исчезло. Оно, как ни в чем не бывало, продолжало стоять подле него на задних лапках, изредка мелодично тимкая.

Существо было ящерицей величиной чуть больше таксы.

Ее продолговатое тело заканчивалось изящным хвостом, кончиком которого она виляла из стороны в сторону. Вытянутая, как у варана голова, была украшена множеством роговых наростов, два из которых, наиболее длинные, торчали прямо над черными, как агаты, большими глазами. Сверху тело ящерицы от головы до кончика хвоста было нежно-голубого цвета и, как веснушками, покрыто маленькими коричневыми точками, снизу красовалось гладкое белое брюшко. В том месте, где голова соединялась с туловищем, она имела кожистый воротник, которым изредка помахивала, словно веером.

Существо невозмутимо стояло на задних лапках, держа передние согнутыми на уровне грудки.

– Тим! – жалобно произнесла ящерица и, вильнув хвостом, сделала шаг вперед.

– Что? Что это? Кара-у-у-ул! – заорал испуганно конюх, упершись в стенку курятника. – Что тебе от меня надо?! Сгинь! Брысь! Пошла!..

Кузьма почувствовал, как ноги его начинают подкашиваться, и он вот-вот упадет в обморок от страха.

– Тим-тим! – произнесла ящерица.

В это же момент Кузьма вдруг ощутил приступ сильного голода, причем захотелось ему не чего-нибудь, а сырых куриных яиц, хотя, раньше, в таком виде он их терпеть не мог.

Скорее машинально, чем осознанно, желая хоть чем-то отгородиться от непрошеной гостьи, Кузьма выставил перед собой корзинку. Этот жест существо истолковало по-своему.

– Тим! – радостно произнесло оно и выхватило длинным розовым язычком одно из яиц с коричневой скорлупой. Затем так же ловко отправило его себе в рот, и Кузьма увидел его челюсти, усаженные крепкими белыми зубками.

– Т-и-и-м! – произнесло существо, проглатывая яйцо, и тут же его язык потянулся к следующему.

По мере того, как куриные яйца исчезали в пасти ящерицы, чувство голода у Кузьмы постепенно проходило.

Через несколько минут, когда прошел первый страх, видя, что этот маленький дракончик не собирается на него нападать, он осторожно поставил корзинку на пол, а сам стал бочком пробираться к выходу. Когда же, украдкой, ему удалось отдалиться от незваной гостьи на несколько шагов, он рванул вперед и, пулей вылетев из курятника, с грохотом захлопнул за собой тяжелую дверь.

– Ага, попался! – торжествуя, заорал конюх. – Ну, теперь держись!

Подперев дверь лопатой, чтобы ящерица не смогла выбраться наружу, Кузьма огородами пустился напрямик к деду Захару, который слыл в деревне самым опытным звероловом.

Выслушав сбивчивый рассказ полупьяного соседа о страшном животном, запертом в курятнике, дед Захар только укоризненно покачал головой.

– Смотри, Кузьма, – промолвил старик. – Совсем сопьешься!

Но конюх так убедительно говорил и описывал неведомую зверушку, что у деда исподволь появилось желание проверить.

Захватив с собой моток крепкой веревки, мешок и длинную бамбуковую палку, дед поспешил следом за Кузьмой.

– Здесь оно, здесь, – суется, говорил тот, убирая подпиравшую дверь лопату. – Никуда не денется. Только ты, дед, поосторожней с ним, оно, видать, крепко кусается.

– Ты погоди здесь, – приказал дед, а сам, быстро соорудив из верёвки петлю и надев ее на палку, осторожно приоткрыл дверь курятника.

Скрывшись за ней, старик минут пять находился внутри. Кузьма же все это время нервно вышагивал снаружи, ожидая результатов. Наконец, старик появился вновь и, хлопнув дверью, не обращая внимания на хозяина, сердито зашагал прочь.

– Ну что? – крикнул ему вслед Кузьма.

– Закусывать надо! – ответил дед, не оглядываясь. – Эх, не зря же говорят: с дураком поведешься – сам дураком станешь!

– Так, где же чудище? – не унимался Кузьма.

– В твоей башке пьяной! – рассерженно ответил тот, махнув рукой.

Кузьма еще несколько минут после этого в нерешительности топтался у двери, а затем, набравшись смелости, осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь.

К его удивлению курятник был пуст.

– Неужели опять наваждение? – подумал конюх,

Заглянув во все углы, под насесты, проверив пустые коробки из-под корма, он был вынужден признать, что дед был прав. Никакого чудища в курятнике не было. Но тут на глаза ему попалась корзинка, – на дне ее оставалось несколько яиц, хотя Кузьма хорошо помнил, что собрал он их около трех десятков.

– Ну, хорошо, – размышлял он, почесывая затылок. – Если здесь никого не было, и мне все померещилось, то кто же тогда съел яйца? Куда они подевались?

Найти ответ Кузьма не успел.

– Тим! – неожиданно громко прозвучало у него над самой головой.

Взглянув вверх, он даже присел от неожиданности.

На потолке курятника, в каком-нибудь полуметре над ним, четко проступал контур ящерицы.

В тот момент она только начала приобретать свои естественные очертания. Распластавшись на потолке, уцепившись когтистыми лапками за доски, существо с любопытством глядело на Кузьму сверху вниз, да еще и вниз головой. Теперь Кузьме стало понятно, почему деревенский зверолов не заметил его, несмотря на весь свой опыт. Конюх и сам с трудом верил своим глазам.

Тело ящерицы с удивительной точностью воспроизводило внешний вид потолочной обшивки. Даже большой ржавый загнутый гвоздь, на который когда-то вешалась керосиновая лампа, и тот вполне реально выступал у нее на спине.

Кузьма окончил только восемь классов школы и, конечно, не знал о таком свойстве животных, как мимикрия, но, если бы даже и знал, то такая феноменальная способность к маскировке не могла вызвать у него ничего другого, кроме страха.

Через секунду ящерица вновь оказалась перед ним, стоя на задних лапах.

– Тим-тим! – произнесла она, слегка склонив голову набок.

Кузьму в это время била мелкая дрожь. Ему казалось, что это кусок дощатого потолка курятника с облупившейся побелкой вдруг обвалился вниз и, ожив, как в страшном сне, стоит теперь перед ним. Он никак не мог оторвать взгляд от ржавого гвоздя, что все еще продолжал отчетливо проступать на теле животного. Наконец, ящерица приняла свой обычный вид.

– Тим! – вновь произнесла она. – Тим-тим!

Кузьма, упершись спиной в стену, пытался заслониться от неё руками, в любую минуту ожидая нападения.

Тем временем существо и не думало проявлять агрессивность. Напротив, издав мелодичный тимкающий звук, оно стало доверчиво тереться своей уродливой головой о ноги конюха и слегка помахивать хвостом.

– Ну, ни дать, ни взять, собака, – невзначай подумал Кузьма, продолжая дрожать от страха. – Кто же ты? – продолжал он вслух, обращаясь к ящерице. – Откуда ты взялась на мою голову?

– Тим! – ответила ящерица и неожиданно лизнула конюха своим розовым языком прямо в нос.

После таких нежностей страха у Кузьмы существенно убавилось. Он даже позволил себе слегка приласкать животное, осторожно проведя пальцем по его спинке.

К его удивлению, жесткая на вид, чешуйчатая кожа ящерицы на самом деле оказалась гладкой и мягкой, как шелк.

– Тим-тим! – произнесла ящерица, блаженно закрывая глаза, и Кузьма вновь почувствовал голод.

– Что это со мной? – удивился он в который раз. – Я ведь никогда не страдал обжорством. – И что это за пристрастие такое, – подумал Кузьма, когда ему вновь захотелось отведать сырого куриного яйца.

– Ба! – вдруг воскликнул конюх, пораженный своей догадкой. – Так это ведь ящерица, таким образом, дает мне знать, что голодна. Ну и чудеса!

Решив проверить так ли это, Кузьма протянул руку к корзинке и достал оттуда яйцо.

Ящерица охотно брала угощение прямо из ладони, сопровождая каждое съеденное яйцо, тихим, благодарным тимканьем, а через минуту чувство голода у Кузьмы, как рукой сняло.

– Ну, хватит, – назидательно проговори он, когда яйца закончились. – Так на тебя не напасешься. Что же мне с тобой делать? – продолжал конюх, глядя на свою незваную гостью, что доверчиво терлась о его колено.

– Ти-тим-тим! – бойко запела ящерица, засуетившись вокруг.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – пообещал Кузьма. – Как же мне тебя назвать?

Страх прошел, и с той минуты он начал воспринимать существо как свою собственность.

– Тим-тим-тим! – не унималась ящерица.

– Все, тихо! – по-хозяйски прикрикнул на нее Кузьма. – С этого дня ты у меня будешь Тимка. Ясно?

– Тим-тим, – ответила ящерица и прямо на глазах стала темно-зеленой.

– Пока будешь жить здесь, в курятнике, – распорядился конюх, – а там будет видно.

Поднявшись с места, он достал картонную коробку и, набив её мелким сеном, поставил в угол

– Эй, Тимка, – скомандовал он, – а ну, иди ко мне!

Существо не заставило приглашать себя дважды.

У Кузьмы захватило дух, когда ящерица молниеносным броском вскарабкалась по одежде к нему на спину и уселась на плече, косясь на своего хозяина большим черным оком. Конюх застыл как истукан, боясь пошевелиться, а та, между тем, до мельчайшей точности скопировала своим видом его старую застиранную рубашку.

Сначала Тимка стал светло-кремовым в мелкий розовый цветочек, а потом вообще исчез. Если бы не два черных глаза, что продолжали взирать на Кузьму из пустоты, он готов был спорить с кем угодно, что у него на плече никого нет.

– Вот сейчас как тяпнет за ухо! – с волнением думал конюх. – Вот будет номер!

– Фу, Тимка! – наконец молвил Кузьма как можно строже. – Чего это ты на меня залез? А, ну-ка, марш в коробку! Там пока будет твое место.

Не успел он договорить фразу до конца, как раздалось тихое «тим», а вслед за этим нечто невидимое, оттолкнувшись от его плеча, спрыгнуло вниз.

Кузьма отчетливо слышал, как ящерица шуршала сеном и царапала картон своими коготками, но для его взгляда коробка оставалась пустой. Он знал, что Тимка уже расположился в ней, но для пущей уверенности потрогал внутри рукой.

– Ну, вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Кузьма. – Здесь и спи. Если, конечно, этот чертов хорек ночью не пожалует. Смотри, чтобы он и до тебя не добрался!

Вслед за этим Кузьма со всей ясностью представил себе лютого зверька, периодически изводящего его кур. Потом, вспомнив про свои дела, покинул курятник, плотно прикрыв за собой дверь.

Вечером, покормив своего питомца десятком яиц, он улегся спать.

Наутро, едва открыв дверь в курятник, Кузьма тут же наткнулся на Тимку. Тот стоял у входа на задних лапках и держал зубами за хвост пойманного хорька.

– Батюшки! – воскликнул удивленный конюх, рассматривая Тимкину добычу. – Да тебе цены нет!

Сомнений не было: Тимка изловил того самого хорька, что разбойничал по всем курятникам деревни, оставаясь неуловимым. Об этом наглядно свидетельствовала короткая культяпка вместо левой передней лапы.

– Тим-тим! – проговорила ящерица.

– Конечно, молодец! – подтвердил Кузьма. – Ещё, какой молодец! Такого разбойника извёл! За такую службу, хоть медаль вешай!

Достав несколько свежих яиц, Кузьма щедро наградил Тимку. События того утра заставили конюха полностью пересмотреть свои взгляды относительно будущего своего найденыша.

Ещё вчера вечером, он долго размышлял над тем, откуда взялась эта удивительная ящерица. Как ни крути, а Рязанщина явно не Ямайка, где в тропических лесах водится всякая диковинка. В конце концов, Кузьма заключил, что Тимку потерял гастролирующий по району передвижной цирк, которому он и рассчитывал вернуть приبلудившееся животное за солидное вознаграждение.

Теперь же, Кузьма решил оставить ящерицу у себя в хозяйстве. Следующей же ночью он перевел своего питомца из курятника в дом, разместив в коробке под кроватью.

Прошла неделя, или полторы, прежде чем конюх решил испытать Тимку на охоте.

– Сезон еще не открыт, – размышлял он, – но кто из односельчан догадается, зачем я иду в лес?

Надо сказать, что Кузьма, потехи ради, и раньше совершал с Тимкой небольшие прогулки по деревне. По своему обыкновению ящерица, невидимая глазу, сидела у него на плече, изредка тихо подавая голос. Никто из односельчан, встречая Кузьму по дороге, не догадывался о ее присутствии.

Но однажды, когда двое закадычных собутыльников, ранее повздорив с Кузьмой, подстерегали его на узкой тропинке, намереваясь отдубасить, Тимка вступился за своего хозяина.

Он, внезапно для нападающих, появился у него на плече и, грозно зашипев, щелкнул зубами. Этого вполне хватило, чтобы перепуганные пьянчуги, под раскатистый хохот конюха бросились кто куда.

После этой встречи каждый из них обходил Кузьму десятой дорогой. А их рассказы о чудовище, с которым связался Кузьма, вызывали у слушателей только бурный хохот.

– И чего только с пьяных глаз не померещится, – укоризненно говорили старики.

...Охота, на которую отправился Кузьма вместе с Тимкой, не была похожа ни на одну из тех, что провел человек с момента сотворения Земли.

Пока они шли по деревне, Тимка, незаметный на фоне выцветшей ветровки, мирно сидел на плече, но едва углубились в лес, как тот начал проявлять беспокойство. То и дело, меняя окраску, он царапал Кузьму лапками, тимкал щёлкал зубами. За то время, что зверек провел у него дома, Кузьма успел кое-что подметить в его повадках.

Он уже не удивлялся, когда его питомец образно просил у него пищу. Кроме того, научился распознавать настроение ящерицы по её окраске, и, конечно, уже свободно мог отдавать Тимке мысленные приказы произвести то или иное действие.

– До чего же богата природа, – порой восхищался Кузьма, глядя на своего питомца. – Смотри-ка, какую умную тварь создала! Кто бы мог подумать! А вообще-то, – продолжал мудрствовать конюх, – каких только чудес не бывает на Земле!

– А почему на Земле? – иной раз думал он. – Может быть, Тимка вовсе не земная тварь?

Однако, Кузьма всегда отбрасывал это предположение. Его ум отказывался воспринимать такое, иначе, чем «не может быть» и все тут!

Углубившись в лес примерно на километр, Кузьма оказался на небольшой полянке. И тут, откуда-то сверху, до его слуха долетел легкий треск.

Подняв голову, он без труда разглядел на ветке высокой сосны серую белку. Зверек, не обращая внимания на человека, нанизывал на сучки дерева шляпки грибов.

Кузьма мысленно дал приказ Тимке изловить незадачливую зверушку, и тот молниеносно соскочил с его плеча, незаметный на фоне опавшей, пожелтевшей хвои, густо покрывавшей землю вокруг, устремился к добыче.

О том, что ящерица стремительно движется вверх по стволу дерева, Кузьма мог судить только по мелким кусочкам коры, что изредка падали вниз.

Не прошло и десяти секунд, как ничего не подозревающая белка вдруг громко пискнула и затрепыхалась в воздухе. Еще через минуту Тимка, окрасившись в небесно-голубой цвет с белыми пятнышками по всему телу, что по наблюдениям Кузьмы соответствовало наилучшему расположению духа, уже стоял на задних лапках перед ним, держа в пасти трепыхающуюся добычу. Пожалев белку, Кузьма велел отпустить ее.

– Тим-тим-тим! – вопросительным тоном запела ящерица.

– Так надо, – строго проговорил конюх и, поощряя ее за труд, тут же протянул на ладони одно из вареных яиц.

Следующей Тимкиной добычей стала толстая серая зайчиха. Когда тот приволок ее за уши хозяину, она была уже мертва. Робкое заячье сердце не выдержало испуга от встречи с невиданным

чудищем, что возникло ниоткуда. На этот раз конюх спрятал добычу в сумку, надеясь полакомиться тушеной зайчатиной.

Полных два часа бродил Кузьма по лесу, а Тимка по его приказу гонял всякую живность. Наконец, настало время возвратиться домой.

Уже на подходе к опушке леса конюх вдруг увидел, как из густых кустов на прогалинку выбралась старая рыжая лиса. Немедля, он дал Тимке приказ изловить плутовку, но не тут-то было.

Инстинкт старой опытной хищницы подсказал лисе о приближение невидимого врага, и та со всех ног бросилась наутек.

– Тьфу ты, леший! – выругался Кузьма, потому что ему показалось, будто бы лиса побежала сразу в разные стороны.

На этот раз Тимку пришлось ждать долго. Не зная, чем завершилась его охота, Кузьма уже начал волноваться, как вдруг лесную тишину разорвали душераздирающие вопли.

Через мгновение из кустов появился Тимка. Изо всех сил он тащил за хвост – Кузьма не поверил своим глазам – большого рыжего кота, неизвестно каким образом затесавшегося в лес. Бедный кот даже не сопротивлялся, а лишь истошно орал не своим голосом, шипел, жалобно мяукал. Вытаращенными от ужаса глазами он глядел на Тимку и пытался зацепиться растопыренными лапами за ветки кустов.

Придя в себя от удивления, конюх захохотал во все горло и приказал своему питомцу отпустить несчастное животное.

Почуввав свободу, кот исчез с глаз с невероятной быстротой.

– Ну, что, Тимка? – сквозь хохот спрашивал Кузьма, – Надула тебя рыжая? Ай-ай-ай!

– Тим-тим! – невозмутимо произнесла ящерица, не меняя окраски удовольствия.

Скормив Тимке оставшиеся два яйца, Кузьма двинулся домой.

По дороге он не раз прыскал со смеху, вспоминая, как дико орал насмерть перепуганный кот, которого Тимка притащил вместо лисицы. Веселясь, Кузьма еще не знал, что не пройдет и десяти дней, как найдется прежний хозяин его питомца, и тем более не представлял, что этой неказистой ящерице он будет обязан жизнью. Все произошло примерно неделю спустя.

Однажды, в зарослях у шоссе, Кузьма обнаружил небольшую поляну, сплошь заросшую сочной травой.

– Этак с полгектара будет, – прикинул в уме конюх. – А не выкосить ли мне ее? Лишнего сена, как известно, не бывает.

Не откладывая дело в долгий ящик, тем же вечером Кузьма двинулся на покос.

От полной луны вокруг было так светло, что, казалось, видна была каждая травинка, а отсутствие изнуряющего зноя только способствовало работе.

Примостившись на плече хозяина, Тимка внимательно следил за его работой, изредка подавая голос.

– Сам знаю, не подсказывай! – шутливо отзывался Кузьма. – Тоже мне, советчик нашёлся! Ты бы вместо того, чтобы тимкать мне над ухом, как наш бригадир, возьми косу, да помахай ею чуток. Тогда узнаешь. А то давать советы, все горазды!

– Тим-тим! – отзывалась ящерица, словно бы соглашаясь с его доводами.

На этот раз Кузьма не решился отпускать своего питомца погулять в траву, опасаясь, что тот с его феноменальной способностью делаться невидимым может угодить под косу. Сидя на плече, ящерица совсем не мешала работе, и лишь ее мелодичное тимканье напоминало Кузьме о том, что на покосе он совсем не один.

Помахивая косой, Кузьма продолжал беседовать со своим питомцем и за разговором не заметил, как несколько раз прошел поляну из конца в конец, не чувствуя усталости.

В очередной раз он достиг её края, когда внимание его привлек странный блеск в кустах. Подойдя ближе, Кузьма обнаружил спрятанный от посторонних глаз крытый грузовик. Отражение лунного света в лобовом стекле и выдало его присутствие. Вокруг не было ни души.

Походив вокруг машины, Кузьма взглянул на ее номер. Судя по нему, грузовик не принадлежал не только их колхозу, но даже их области.

– Странно! – подумал конюх. – И кому это потребовалось ее здесь прятать?

Надо сказать, что в тот момент Кузьмой овладели недобрые подозрения относительно этой находки. Вначале он хотел, было, вернуться в деревню и рассказать о ней участковому, но потом решил все-таки завершить дело.

Косовица подходила к концу, и Кузьме осталось пройти еще не более полусотни метров, когда неподалеку послышалась приглушенная людская речь. Спрятавшись в кустах, он решил выяснить, кого это носит в такой поздний час.

Ждать пришлось недолго. На другом конце поляны затрещали кусты, и из них показались две телки и молодой бычок.

Ноги животных были тщательно обмотаны ветошью, и Кузьма тут же сообразил, что скотина ворованная. Подтверждая его догадку, следом из кустов вышли трое парней.

– Ага! – тихо произнес конюх. – Так вот кто уводит нашу скотину! Ах, ворюги проклятые!

Над делом о пропажах коров, что участились в последние несколько месяцев, давно ломал голову их деревенский участковый, однако до сих пор оно так и не сдвинулось с мертвой точки. Злоумышленники каждый раз бесследно исчезали. И, вспомнив о спрятанной в кустах машине, Кузьма сразу понял причину их неуловимости. Пока их ищут окрест, те за ночь успевают убраться на машине в соседнюю область. А там ищи – свищи!

– Эй, вы! – громко заорал Кузьма, когда любители легкой наживы вышли на середину поляны. – А ну, ведите скотину обратно!

С этими словами конюх осторожно снял с плеча Тимку и, вооруженный косой, вышел из кустов. Те трое были шуплыми на вид, а широкоплечий Кузьма был уверен в собственных силах.

От неожиданности похитители бросились было, наутёк, но, увидев, что Кузьма один, тут же остановились и приняли угрожающие позы.

– Ах, вы, ворье! – возмущенно проговорил конюх, подходя ближе. – Заритесь на чужое добро? А вы пробовали вырастить хоть одну корову?

Уверенным шагом Кузьма подошел к парням почти вплотную, намереваясь схватить за шиворот и отвести в деревню, но вдруг почувствовал сильный удар по голове сзади.

Мгновенье спустя, он уже лежал на земле, а те трое, остервенело, пинали его ногами.

– А ну-ка, хватит! – услышал он чей-то властный голос. – Теперь давайте поглядим, какого цвета внутренности у этого героя.

Перед лицом Кузьмы при лунном свете блеснуло длинное лезвие ножа.

– Ну что, мужик? – произнес один из грабителей. – Помирать-то не хочется? Ну, ничего! В газетах напишут: погиб, защищая общественную собственность. Может, тебя даже наградят за это.

– Ага! – вставил другой. – Почётной грамотой, посмертно!

– Зарежут, как пить дать, зарежут, – беспомощно подумал Кузьма.

– Ну что? – спросил третий. – Будем скотину грузить, или с этим жлобом валандаться?

– Тимка! – истошно заорал конюх.

То, что произошло вслед за этим, Кузьма, и по прошествии многих лет, вспоминал с содроганием души. В этот момент он сам перепугался не меньше грабителей.

Лёжа на спине, Кузьма не сводил глаз с блестящего лезвия ножа, которое склонившийся над ним молодчик вот-вот готов был воткнуть ему в сердце. Дальше произошло нечто невероятное.

Сначала что-то узкое и продолговатое прожужжало над ними, словно бич пастуха. В ту же секунду ворюга, выронив нож, с воплем взлетел вверх. Вслед за этим до слуха Кузьмы донеслись истерические крики двух его подельников. Перевернувшись на живот, конюх увидел такое, от чего кровь застыла у него в жилах.

Его Тимка стоял посреди поляны. На этот раз Кузьма с трудом узнавал своего питомца. Ящерица вдруг увеличилась до невероятных размеров. Кузьма был готов поклясться, что в тот момент Тимка был гораздо больше, чем огромный племенной бык по кличке Мамай, известный в округе своим дурным нравом.

Непомерно длинным хвостом ящерица, как арканом, оплела одного из грабителей за горло и подняла высоко над землей. Другой был плотно прижат мощной когтистой лапой. Третий, пока еще остававшийся на свободе, в панике палил в чудовище из пистолета.

У Кузьмы глаза полезли на лоб, когда он увидел, что шелковисто-мягкая кожа Тимки отражает пули не хуже танковой брони, и те, отскакивая от нее, с визгом разлетаются в разные стороны.

После каждого выстрела ящерица злобно шипела и, наконец, повернула уродливую голову в сторону обидчика.

Что произошло следом, Кузьма не понял, но стреляющий, вдруг дико вскрикнув, выронил оружие, и буквально согнулся пополам.

В тот момент Тимка пылал ярко-красным цветом, а по всему его телу, как помехи по экрану телевизора, пробегали чёрные полосы. Кузьма знал, что этот цвет соответствовал состоянию крайней агрессивности.

– Тимка, стой! – закричал конюх, увидев, что ящерица подтянула одного из громил поближе к себе, а вместо безобидных зубчиков из пасти ее выросли длинные клыки.

Услышав голос хозяина, Тимка заметно порозовел. Чёрные полосы, что мельтешили по его телу, исчезли, но, даже сбросив импульс агрессивности, он продолжал медлить.

– Отпусти их! – приказал Кузьма, поднявшись на ноги.

Тот, словно бы нехотя, подчинился приказу, и, отойдя в сторону, замер за спиной хозяина.

– А теперь убирайтесь вон! – приказал Кузьма. – И чтоб через пять минут тут и духа вашего не было!

Надо сказать, что грозного окрика Кузьмы для полуживых от ужаса грабителей не потребовалось. Они и так бросились наутек. Не пошло минуты, как спрятанный в кустах грузовик, громко взвывая мотором, вылетел на шоссе, едва не опрокинувшись на повороте, и стремительно понесся прочь.

– Вот так с вами и надо обращаться, – проговорил им вслед конюх.

Теперь-то он был уверен на все сто, что те, ни за какие деньги больше не отважатся вернуться. Мало того, и другим закажут.

– Тим-тим-тим! – услышал Кузьма прямо перед собой.

Увлеченный наблюдением за паническим бегством грабителей, он не заметил, как питомец его вновь приобрел прежние размеры, и теперь стоял перед ним на задних лапках, ожидая угощения.

На этот раз угощения не было. Кузьма сокрушенно рассматривал сумку с провизией, захваченной им из дома, которая во время драки была просто растоптана.

В порыве признательности своему питомцу за спасение он опустился на колени и поцеловал Тимку прямо в морду.

Тимка в это время стоял, как вкопанный, и тарачил на хозяина удивленные глаза. Эту трогательную сцену трудно описать. Такое надо видеть.

В очередной раз, когда Кузьма ласково провел рукой по спине ящерицы, пальцы его скользнули под кожистый воротник, что украшал её шею, и там коснулись чего-то металлического. Раньше он ничего подобного не замечал.

– Погоди-ка. Тимка, – проговорил Кузьма. – Что это у тебя там?

– Тим-тим, – произнесла ящерица и с готовностью подняла своё шейное украшение, поворачивая голову так, чтобы хозяину было лучше видно.

При лунном свете на шее у Тимки блеснуло тонкое металлическое кольцо, испещренное непонятными каракулями. В середину его был вделан плоский голубоватый кристалл.

– Батюшки! Кто же нацепил на тебя этот ошейник? – удивленно произнес Кузьма, пытаясь снять «украшение» с шеи своего питомца.

Он крутил его и так, и сяк, но нигде не мог найти разъёма.

Тогда Кузьма поддел кристалл ножом в надежде, что под ним и скрыт весь секрет замка. Но едва он прикоснулся к нему лезвием, как послышался тихий щелчок, и кристалл начал пульсировать мягким внутренним светом.

– Что же это за штуковина? – думал конюх, почесывая затылок. – Ее, пожалуй, так просто и не снимешь. Интересно, откуда она у Тимки? А что если он все-таки не земное существо?

Эта мысль, и раньше посещавшая Кузьму, но усердно гонимая им прочь, теперь со всей ясностью вновь стала перед ним во весь рост, потрясая аргументами.

Конюх невольно взглянул в ночное небо, усеянное мерцающими звездами, и нервно поежился.

– Да нет, – думал он. – Не может быть, чтобы его Тимка был откуда-то оттуда.

– Не может быть? – возражал ему его же разум. – Еще как может! Посуди-ка: разве может земное существо вытворять то, что вытворяет эта ящерица?

Против такого довода возражать было просто невозможно.

– Значит ты оттуда? – с дрожью в голосе спросил он Тимку.

– Тим-тим, – отвечала ящерица, глядя ему в глаза.

В тот момент от ее взгляда Кузьме вновь стало не по себе. К тому же он вдруг вспомнил содержание одной из газетных статей, что попалась ему на глаза несколько дней назад. Она называлась «Назойливые пришельцы».

Автор статьи в полусерьезном, полусхутовом тоне извещал читателей, что за последнее время пришельцы из космоса зачастили в их район. Собрано множество свидетельств о посадках НЛО, а крестьяне часто находят на полях и покосах таинственные следы посадок инопланетных аппаратов в виде идеального круга, похожие на отпечаток огромного колеса со спицами.

В статье приводилась и фотография такого следа, сделанная с вертолета. А завершалась статья вопросом: «Так что же ищут у нас пришельцы?»

Редко читающий, вообще, и газеты, в частности, Кузьма не поверил написанному, хотя про себя отметил, что след на фотографии очень похож на тот, что он сам видел месяц назад.

– Наверное, это они Тимку ищут, – подумал Кузьма.

И для него праздный вопрос из газетной статьи получил теперь вполне конкретный ответ.

За то время, которое Тимка прожил у него, Кузьма успел привыкнуть к своему питомцу и теперь не хотел его терять.

– А если хозяин будет требовать? – вновь резонно подумал конюх. – Что тогда? Ладно, – успокаивал он сам себя. – Что-нибудь придумаю. А может, этот хозяин и вообще не явится.

Однако, несмотря на подобные надежды, встреча их состоялась уже на следующую ночь.

Кузьма проснулся оттого, что кто-то властно приказывал ему встать с постели и выйти из дома. Он повиновался.

Спустив ноги с кровати, конюх сунул их в тапочки и полусонно поплелся на крыльцо в одних трусах. Спустившись по ступенькам, он несколько минут бестолково топтался на месте, не соображая, зачем вышел во двор. Сладко зевнув, Кузьма хотел уже вернуться в теплую постель, когда вдруг увидел перед собой высокую фигуру.

Кузьма вздрогнул, но страх, что вспыхнул в его душе, тут же угас, как гаснет разгоревшаяся спичка от мощного дуновения ветра.

Спокойно оглядев незнакомца, Кузьма почему-то заключил, что перед ним мужчина, хотя об этом не говорили ни его сложение, ни странная, облегающая полупрозрачная одежда. Да и сам незнакомец был какой-то полупрозрачный. Сквозь него, как сквозь морозное стекло, Кузьма мог различить контур большой деревянной колоды, на которой всегда колот дрова.

– Где мой Зар? – произнес ночной гость, не раскрывая рта.

Кузьма был удивлен, что голос незнакомца прозвучал словно внутри его сознания.

– Какой еще Зрар? – наивным тоном спросил Кузьма, переврав имя.

– Не Зрар, а Зар, – уточнил тот. – Его сигнал исходит из твоего жилища. Ты должен вернуть его мне.

– Батюшки! – догадался Кузьма. – Так это же и есть настоящий хозяин моего Тимки!

Сердце конюха вдруг сжалось, как у ребенка, у которого отбирают любимую игрушку.

– А чем вы докажете, что Тимка, то есть Зар, ваш? – пошел в наступление конюх, используя земной прием, используемый обычно, когда человек не хочет расставаться с чем-то ценным, хозяин которого нашелся.

– А ты выпусти его, – резонно заметил незнакомец, – и погляди сам.

– И не подумаю! – хотел возразить Кузьма, но в тот миг послышался звон разбитого стекла, и во двор из окна выпрыгнул Тимка.

Пулей, преодолев несколько метров, ящерица бросилась прямо в руки ночного гостя, издавая такую какофонию звуков, что у конюха засвербело в ушах. Это был просто взрыв радости.

– Ну, человек, нужны ли еще доказательства?

Кузьма молчал. Он понимал, что его Тимка сегодня исчезнет навсегда.

– Мы потеряли нашего Зара случайно, – продолжал незнакомец. – В первый же день по прибытии на вашу планету. Тогда наше внимание привлек человек, издающий удивительные звуки. Мы так увлеклись, что не заметили, как Зар выбрался погулять самостоятельно. Он ведь еще совсем малыш.

Я пытался отыскать пропажу, но это было невозможно. По стечению обстоятельств у Зара не был включен прибор обозначения места нахождения. Мы уже хотели прекратить поиски, но тут прибор вдруг заработал.

– Так значит, это я его включил, – догадался Кузьма. – Значит, кольцо на шее у Тимки не просто ошейник, а прибор!

– Спасибо тебе, человек, – продолжал незнакомец, все также, не раскрывая рта и слегка склонив голову. – Спасибо за то, что заботился о нашем Заре. Мы привыкли платить добром за добро. Что бы ты хотел получить в награду?

Голос, звучавший в сознании Кузьмы, менялся по тембру, но последние фразы приобрели торжественные нотки дикции Левитана, читающего сводки информбюро.

Кузьма пожал плечами. Вопрос прозвучал очень неожиданно.

– Вот бы мне бросить пьянство, – неожиданно подумал Кузьма. – Как бы мне избавиться от этой проклятой привычки.

В тот же миг он почувствовал, как некто очень сильный мягко и осторожно проник в его сознание и, промчавшись по всем темным закоулкам, так же мягко вышел обратно.

– Ты болен, – заключил незнакомец, – но не безнадежно. Зар никогда бы не доверился злему человеку. У него чутье! Я уловил причину твоих бед, и кое-что поправил в тебе. Думаю, может.

Тогда конюх пропустил эти слова мимо ушей и вспомнил о них много позже, когда вдруг обнаружил, что вид спиртного больше не привлекает его, как раньше.

В тот момент Кузьма думал о Тимке, как о потерянном друге и очень удивился, когда его прежний хозяин заговорил об издержках, а потом в лучших людских традициях проявления благодарности сунул в руки оторопевшего конюха две толстые бумажные пачки. Тот машинально взял их, даже не взглянув, что это такое.

– Так значит, вы с Тимкой все-таки прилетели из космоса? – не то спрашивая, не то утверждая, произнес он.

Незнакомец согласно кивнул в ответ.

– Значит, пришельцы действительно существуют, – озабоченно произнес Кузьма с таким видом, словно бы ему вручили повестку в суд. – Я-то думал, что всё это сказки.

– Люди слишком рациональны, – отвечал ночной гость. – Вы не признаете реальным порой даже то, что очевидно само по себе.

– А откуда вы прилетели?

– А разве ты можешь ориентироваться в межзвездном пространстве среди созвездий и галактик? – в свою очередь последовал встречный вопрос.

Кузьма смолчал потому, что даже в школьной астрономии был, как говорят, ни в зуб ногой. Он-то и земную географию знал с трудом.

– Вот видишь, – продолжал тот. – Как же я смогу объяснить тебе, откуда мы родом.

– А Тимка, то есть Зар? – спросил Кузьма. – Он такой же, как и вы?

– Нет. Зар – просто друг. Предки таких существ, как он, были приручены еще на заре нашей цивилизации точно так же, как и ваши земные собаки. С тех пор они живут среди нас.

Кузьма замолчал, обдумывая слова инопланетянина. Пауза в их беседе длилась с минуту.

– Нам пора, – произнёс гость. – Еще раз прими благодарность.

Отпустив ящерицу на землю, инопланетянин развернулся и двинулся вглубь двора, где, словно по волшебству, вдруг проявился контур прозрачного круглого устройства, напоминающего усеченный конус.

Несколько мгновений Зар-Тимка неподвижно стоял на задних лапах, поглядывая то на Кузьму, то на удаляющегося хозяина, потом мигом взобрался на руки конюха и лизнул на прощание в щеку мягким длинным языком.

Спрыгнув на землю, ящерица помчалась вслед за хозяином, на ходу став полупрозрачной.

– Тим-тим! – раздался издали её громкий голос, от которого у Кузьмы на глазах выступили слезы.

Бесшумно оторвавшись от земли, конус тут же исчез из вида. Вслед за этим Кузьма, забыв обо всем, развернулся и, войдя в дом, улёгся спать.

Наутро он смутно припоминал события прошедшей ночи и был готов приписать их дурному сну, как вдруг нашел у себя в постели две пачки банкнот в купюрах по сто тысяч каждая в плотной банковской упаковке. Потом обнаружилось исчезновение Тимки. Последнее более всего убедило Кузьму в том, что его сон был явью.

Несколько дней после этого он ходил, как в воду опущенный, к тому же никак не решался воспользоваться обнаруженными деньгами, опасаясь, что те фальшивые. Наконец, любопытство взяло верх, и, вытащив из пачки несколько сотысячных купюр, он на своем стареньком мотоцикле отправился в райцентр.

– Ай-ай-ай! – воскликнула продавщица. – Кто к нам пришел!

За прилавком стояла дородная дама и, улыбаясь во весь рот, демонстрировала полный набор золотых зубов.

– Опять водку в долг? – поинтересовалась она.

От упоминания о водке Кузьму передернуло, как передергивает ребенка от упоминания о рыбьем жире.

– Нет, нет, – поспешил отказать он. – Я больше не пью.

– Не пьешь? Ты чего, заболел?

– Как раз наоборот, выздоровел. Я долг пришёл вернуть.

С этими словами Кузьма выложил на прилавок свои банкноты.

– Ого! – удивилась дама, рассматривая их на просвет. – Кого ты ограбил, Кузьма, на большой дороге?

Она хорошо знала, что в колхозе полгода не выдавали зарплату.

– А может, тебе наследство свалилось?

– Да-да, – поспешил подтвердить Кузьма. – Свалилось. С неба.

– Ну, тогда его надо обмыть! – воскликнула женщина. – Смотри сюда: ликёр, водка, шампанское...

От этих слов Кузьма вновь испытал чувство, похожее на тошноту.

– Нет, нет! – возразил он, поморщившись.

– А коньяк?

– Никаких коньяков! – отрезал конюх и, развернувшись, двинулся на выход.

Его старенький, но тщательно вымытый мотоцикл «Урал», ожидавший хозяина в тени густого клена, завёлся с третьей попытки.

Усевшись на сидение, Кузьма уже повернул ручку газа, как вдруг...

– Тим-тим! – сквозь треск мотора громко прозвучало из пустой мотоциклетной коляски, и на фоне серой потёртой обивки её сидения проступили два чёрных глаза.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байборodin, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманскай хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076.**

Стоимость одного журнала — 400 руб. Подписка на год — 2400 рублей.
Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru